

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

135

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 135

TRIMESTRIEL

III-IV - 1981

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

135

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

Н. РАДИЩЕВСКАЯ, 2

0000645

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 135

TRIMESTRIEL

III-IV - 1981

ГЛАВНЫЙ УРОК

В чём главный урок декабрьских польских событий? За последние 65 лет этот самый урок преподан миру то более, то менее отчётливо — добрых 40 раз. И все 40 раз западные умы постарались не заметить его, не понять или изъяснить криво. Каких только не слышим мы и теперь истолкований: от наивного негодования, что Западу испортили Рождество (подобные вопросы я получил от одной английской газеты) до фантастического миража, что в Польше объявилась военная хунта южно-американского образца — и она оттеснила ослабевшую компартию.

Наверно, компартию, взявшую власть, оттеснишь! Кто, когда и где её оттеснил?

А самое простое объяснение — внешняя сила, „Кремль заставил Ярузельского”. Но если „Кремль заставил” — достаточное объяснение, то ведь и советскую армию и даже советских чекистов тоже ведь „заставляют” — значит, они не виновны? Тогда и все мы, подсоветские люди, тоже ни в чём не виновны: нас всех тоже „заставил Кремль” еще с 1918 года, — ЧК, расстрелами, потопленьями барж с живыми людьми, концлагерями на многие миллионы людей, уничтожением населения в размерах, беспрецедентных в мировой истории. И мы тоже объективно укажем, что на первых порах „Кремль” охотно опирался и на внешнюю силу: сотни тысяч военнопленных, получивших право свирепствовать в чужой стране. Да, конечно, коммунизм никогда не побрезгует опереться на внешнюю силу — но не достойно и самообманно класть это в главное объяснение. Если коммунизм укрепился в России, на Кубе или в Абиссинии — то, значит, нашлось достаточно охотников из народа этой страны проводить его палаческие жестокости, а остальной народ — не сумел сопротивиться. И виноваты — все, кроме тех, кто погиб, сопротивляясь.

„Кремль заставил”? Да. Но зачем же Ярузельский, и польская милиция, и польская армия, — зачем они подчинились? Как же могло сразу найтись исполнителей больше полумиллиона? Среди сорока предыдущих уроков польский тем особенно яростен, что перед нами — как никакая другая, цельная единая однородная нация, сплочённая своим религиозным и национальным чувством — как будто невозможно её расколоть! — но вот из неё же находится нужное число коммунистических исполнителей. А среди тех поляков, кто сегодня негодует, может быть найдём и таких, кто в 1945 уничтожал Армию Краёвую? (Как и среди жертв Праги 1968 найдём немало тех, кто с энтузиазмом устанавливал коммунизм в 1945 и издевался над беглецами из СССР.)

Вот и урок: что опасность человечеству XX века — не в отдельных странах, не в отдельных нациях, не в отдельных правительствах — а в мировом зле коммунизма. Что коммунизм уже 65 лет победно и почти беспрепятственно идёт по миру — и нет такой нации в Европе, которая бы не готова была поставить ему нужное число палачей, а затем покориться и вся. Сегодняшняя ФРГ? — почти уже лежит плашмя перед коммунизмом, даже не надо звать кадры из ГДР. В сегодняшней Франции? — уже давно не скрывается миллионная партия, объявляющая о своей готовности поставить нужные кадры. И достаточно — больше, чем в Польше — найдется их в Италии, Испании и Великобритании.

Не в том новость, что „Кремль заставил”, а — человечество по сегодняшнему дню не подготовлено, слабо противостоять запредельному, умнонеохватимому злу коммунизма, всегда застигается им врасплох. Не в том грозность, что „Кремль заставил”, а: мы все, человечество, по нашей духовной слабости даём себя вогнать в гроб коммунизма. Как легко сегодня выражать запоздалые сочувствия Польше и пламенные надежды, что поляки подымутся из-под ярма и тем загородают шествие коммунизма по Европе, — но зачем же в 1946 году западные сюзники так беспечно предали эту Польшу (и Болгарию, и Румынию) в пасть коммунизма? И какая новинка в оккупации Афганистана,

если Троцкий на вершине власти так и писал, что „путь в Берлин лежит через Афганистан”, а Ленин ещё в программе 1915 года в Швейцарии поставил: вторжение своей (ещё не существовавшей) революционной армии в Индию!

Да, мировой коммунизм — всегда внешняя сила, по отношению ко всякому народу. В польском уроке то и выпукло, что даже Польша с её вольнолюбием, с её всенародным порывом к свободе, самая сплочённая нация в Европе — и вот терпит поражение. А ни в какой западноевропейской стране не накопилось и сравнительной силы сопротивления. От этого польский декабрь звучит похоронным маршем той Европе, которая от 1918 до 1981 так и не поняла степени опасности *себе самой*.

Стало модно усыплять себя, что „идеология коммунизма мертва”, потерпела катастрофу. О, она ещё в достаточно багровом расцвете, чтобы подчинить себе весь мир, к тому и идёт. Вместе с Брежневым и Ярузельским за нынешние события в Польше отвечает и Дэн Сяо-Пин, и Пол Пот, и Кастро, и никарагуанские вожди, и Марше, и — да! — Берлингуэр и Карильо, как бы они ни изображали вслух протеста. По Польше давящей поступью идёт *их* идеология, именно она! (И для гневно протестующих социалистов это тоже, признаться, родное: ведь идеология всякого социализма основана на насильственных государственных действиях. Не спутаем: „Солидарность” вдохновлялась вовсе не социализмом, а — христианством.)

„Идеология умерла”? Прежде чем она умрёт — она ещё успеет развалить и завоевать весь Запад и пососать его кровь. Коммунистическая идеология — это такая неестественная метафизическая сила, которая действует как бы вопреки законам физики, экономики и социологии. Вместо того чтобы неизбежно лопнуть — она побеждает. Она побеждает — слабостью Запада. Идеология коммунизма ещё может пережить и СССР, и коммунистический Китай: на Земле ещё найдётся для неё другой питательной почвы.

Уже 65 лет Запад — каждый год и каждый месяц — склоняет и свои весы в ту же сторону — чтобы пасть и подчиниться. Несколько поколений европейцев позволили себе отдалиться комфорту, когда к востоку от Буга убивали

и вымаривали десятки миллионов. Так и сегодня духовно-потерянные европейские пацифисты спешат дать подножку Соединённым Штатам, намеренным, может быть, сопротивляться. В Европе господствует надежда не на самих себя, а только — на внешнее чудо, на успех туманных переговоров с коммунистами.

Но чудо — не приходит к потерянным душам. И никакие переговоры с коммунизмом никогда не были плодотворны для Запада, всегда — поражение. (Два видимых исключения: Австрия — личный жест Хрущёва, и запрет воздушных ядерных испытаний — защитная реакция планеты.) Все переговоры — от Генуи (1922) через Ялту, Хельсинки и до сегодняшней Женева — всё кончалось обманом Запада и выигрышем коммунистов. Тщетно надеяться и теперь. Западные демократии обеими руками держатся за иллюзии.

Слепота — верить в спасительные переговоры с бессердечным противником, когда Запад слаб в своей основе, в результате трёхвекового развития самой Европы. Нынешнее общество Запада, как оно существует, всё более в виде потребительского, разочарованного в труде, гедонистического, с разрушаемой семьёй, наркоманского, атеистического и парализованного терроризмом, — исчерпало свою жизненную силу, потеряло духовное здоровье, — и в сегодняшнем виде не может выжить.

И социализм — не выход, а только другая форма той же болезни.

Да, покорённые народы то там, то здесь ещё будут пытаться подыматься, и когда-то будут иметь успехи, оплаченные кровью, — но гибелью Запада было бы только на это надеяться, как надеется он сегодня. Надежды всего живущего на Земле могут быть только внутренние: на укрепление *своего* духа и возвышение *своих* жизненных ценностей.

31. 12. 1981

К СТОЛЕТИЮ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

9-го января 1982 г. исполняется столетие со дня рождения "умнейшего человека России" XX века (по выражению В. Розанова) — священника Павла Флоренского. Его личность и творчество вызывают до сих пор противоположные оценки: непомерно-хвалебные, доходящие до священного пиетета, или незаслуженно-сдержанные, если не отрицательные (Флоровский). Обе эти крайности не оправданы и не плодотворны. Признание Флоренского крупным явлением русской науки и религиозной культуры не должно препятствовать трезвому и критическому подходу к его столь многогранному, но, увы, незаконченному творчеству.

Как человек отмеченный несомненной печатью гениальности, Флоренский не был лишен противоречий. С религиозной точки зрения он шел издавек: от семьи, где речи о религии считались неприличием,¹ от культурной среды, которая на позитивизм XIX века ответила соблазнительным декадентством. И сам он — эстетизмом, энциклопедизмом, утонченностью — был по природе человеком возрожденческого склада.

Но великая заслуга Флоренского — в преодолении этих психофизиологических и культурно-общественных данностей. Блестящий математик, оставленный при университете, он вопреки всем обычаям и приличиям переходит студентом в Московскую Духовную Академию и становится — *horribile dictu* тогда для дворянина-интеллигента — священником. Утонченный эстет, мечтавший о монашестве, он основывает простую и крепкую русскую семью. Начавший с декадентских стихов, поклонник Андрея Белого, он через несколько лет произнесет суровый приговор религиозной двусмысленности символизма.² Возрожденец, напоминающий своей разносторонней одаренностью Леонардо да Винчи, Флоренский собственное мировоззрение считал "соответствующим складу XIV—XV вв. русского средневековья"³ и неустанно звал к углубленному пониманию средневекового онтологизма в противовес современному иллюзионизму.

Для большинства читателей Флоренский остается и вероятно останется автором одной книги "Столп и Утверждение Истины". Эта докторская диссертация еще молодого, всего лишь 27-летнего ученого

¹ См. "Воспоминания о детстве" П. Флоренского "Вестник РСХД" № 99, 100.

² См. "Вестник РСХД" № 114. О Блоке.

³ Автореферат в Энциклопедическом словаре Гранат. См. стр. 54 настоящего номера.

явилась событием на путях русского богословия. Современный литературный язык, не без декадентской вычурности, экзистенциальный подход к христианским догматам, привлечение всего спектра наук — математики, физики, филологии, искусствоведения — для их выяснения, вот в чем состоит непреходящая и непревзойденная новизна книги, раз и навсегда порвавшей с школьным, суконным богословием.

Каким оказался бы дальнейший вклад Флоренского в русскую религиозную мысль, мы можем судить только по отдельным дошедшим до нас статьям и лекциям 20-х годов.⁴ Жизнь Флоренского, как и всей России, "как реку суровая эпоха повернула... В другое русло, мимо другого потока она". Уже в марте 1917 г. Флоренский был отрешен от редакторства "Богословских Трудов" в пользу более либерального М. Тареева. После Октябрьского переворота, с закрытием в 1919 г. Лавры и Академии, ему пришлось помимо ревностной деятельности по спасению религиозных памятников искусства, вновь переключиться на точные науки. Человек правых взглядов, стремившийся жить чистым созерцанием, вне истории, он занял по отношению к Советской власти позицию отрешенной лояльности "во всем, что не затрагивало совесть",⁵ продолжая носить рясу на государственной службе. Сделанные им научные открытия, "имевшие народно-хозяйственное значение в государственном масштабе",⁶ не уберегли его от кратковременной ссылки в 1928 г., а затем в феврале 1933 г. от окончательного ареста. После многих лет каторги на Соловках (с 1938 г. без права переписки с родными), Флоренский погиб по официальным данным в 1943 г. где-то на Дальнем Севере.

Так новым верховным подвигом закончилась жизнь "русского Паскаля" (Розанов), примирившего в себе религию и науку. Религиозно-аскетический, научно-идейный подвиг увенчался исповеднической кончиной. И сегодня, поминая столетие со дня рождения, мы вправе, если не всецерковно, то келейно, воззвать: "Священноисповедниче отче Павле, моли Бога о нас!".

Никита Струве

⁴ В 1982 в издательстве ИМКА-Пресс выйдет первый том "Собрания Сочинений" П. Флоренского со статьями этих лет.

⁵ Письмо М. Л. Цитрону. См. "Контекст", М., 1973, стр. 345.

⁶ Философская энциклопедия, т. V., М., 1970, стр. 337.

Богословие, Философия

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

перевод со старославянского*

О ленивом монахе

Рассказал мне это авва Полихроний, пресвитер новой лавры:

Прежде я жил в Иорданских кельях. И был там один брат, очень ленивый. Никогда он не совершал службу в святое воскресенье. И вот однажды вижу: этот ленивый монах служит, празднует со всем тщанием. И говорю:

— Вот нынче ты хорошо трудишься для души своей, брат.

— Авва отче, — говорит он мне, — нынче я смерти жду.

И через три дня умер.

(Слово 5)

О смерти эконома

И еще рассказал авва Полихроний:

Умер в лавре один брат, и просил меня эконом:

— Сотвори любовь, приходи, перенесем братнины сосуды в экономию.

* Предлагаемые отрывки из "Синайского Патерика" переведены с древнеславянской рукописи, датируемой обычно XI—XII вв. и вышедшей отдельным изданием в Москве (М., "Наука", 1967). Сам памятник в основной своей части является переводом книги византийского писателя Иоанна Мосха (около 538—619). В предисловии автор называет свое сочинение "Лугом", с цветами которого сравниваются описываемые добродетели отцов. Книга состоит из разнообразных новелл, возникших во время путешествия Мосха по Египту, Сирии, Палестине и другим странам Ближнего Востока. Наиболее полное и позднее издание греческого текста осуществлено Минем. (J. P. Migne. Patr. Gr. t. 87, ps. 3. Parisii. 1860. col. 2851—3112). Имеется русский перевод М. Хитрово, изданный в Москве в 1896 г. Настоящий новый перевод выполнен в Самиздате. Названия даны переводчиком.

И как стали мы переносить сосуды, я вижу: эконо́м плачет. И говорю: Что ты, авва, так плачешь? А он говорит: Сегодня брата моего нашу сосуды, а через два дня мои понесут.

И на второй день почил он, как и говорил.

(Слово 6)

Божие решение о поставлении игуменом

Был в той же лавре некий старец. Отцы лавры, зная его доброе нравие и великие подвиги, захотели поставить его игуменом.

И старец стал их молить:

— Простите меня, отцы, оставьте плакать о моих грехах. Я ведь не таков, чтобы смотреть за душами. Это дело великих отцов и богоносных — как авва Антоний был, и Пахомий, и святой Феодор.

Но отцы не отступали от него и все умоляли. Тогда старец сказал им.

— Дайте мне три дня. Помолюсь, и, как Бог захочет, так и сделаю.

И была пятница, а в воскресенье утром он почил.

(Слово 7)

О звезде умершего

И еще рассказывал нам авва Полихроний:

Один старец умер в Иерихонской больнице. И авва Константин, игумен монастыря, послал нас взять его тело и перенести в лавру. И пока мы шли от больницы до келий, не падала звезда умершего, с нами путешествуя.

И стояла она, пока не предали его земле.

(Слово 8)

Просьба о болезни

Был в этой лавре старец по имени Мирогенис. Жил он так сурово, что стал отекать. И часто он говорил тем, кто навещал его:

— Молитесь, отцы, о моем исцелении, чтобы внутренний человек не был в водянке. Я ведь о долгой и mnogой болезни молю Бога.

(Слово 9)

Подаяние нищего

В этой же лавре жил один старец. Был ему дан дар милости и нестяжания. Однажды пришел в лавру какой-то убогий за милостыней.

А у старца ничего не было, только один хлеб. Вот он вынес и подает нищему. А нищий говорит: Не нужен мне хлеб, дай что-нибудь из одежды.

Старец хотел ему угодить, взял его за руку и повел к себе в келью. И видит нищий: ничего там нет, только и всего, что на старце. И покался нищий, поглядев на такую жизнь. Развязал пояс посреди кельи, высыпал все, что у него было, и сказал: Возьми, монах, я еще где-нибудь наберу.

(Слово 11)

Нелеченная заноза

Был отшельник в Иорданских пещерах по имени Варнава. Однажды он спускался за водой к Иордану и наткнулся на палку. Щепка осталась в ноге, стала нарывать и гнить, но он не ходил к врачу.

Потом ему пришлось перейти в келью, а нога все гнила. И он говорил всем, кто к нему приходил:

— Сколько страдает внешний человек — столько внутренний веселится.

(Слово 12)

Воскресение для прощания

Авва Петр рассказывал нам об отце Агиодуле.

Авва Агиодул был игуменом лавры Блаженного Герасима.

Однажды умер один из братьев, а старец не знал. Вот уже ударили в било, чтобы собиралась братия выносить умершего. Пришел и старец, и горько ему стало, что не успел брат его поцеловать перед отшествием из этой жизни. И он подошел и сказал умершему: Встань, брат, поцелуй меня. И тот встал и поцеловал. И сказал ему старец:

— А теперь спи дальше, пока не придет Христос Сын Божий. Он уж подымет тебя.

(Слово 14)

Камни Иисуса Навина

Тот же Авва Агиодул шел однажды через Иорданские болота и подумал в уме: что же это были за камни, какие Иисус Навин (Иис. Нав. 4, 9) поставил здесь на место взятых? И как только он

это подумал — расступилась вода в обе стороны, и увидел он двенадцать камней.

И поклонился до земли Богу и пошел дальше.

(Слово 15)

Наказание за блуд

Был один брат в монастыре, великий постник и страстотерпец. Однажды вступил ему в душу блудный помысел, и не мог он уже бороться. Вышел из монастыря и пошел в Иерихон. Там, думает, и кончу похоть. И вот, как только он вошел в дом к блуднице, как весь оказался в проказе. И, увидев себя таким, вышел и пошел назад в монастырь, хваля Бога:

— Слава Тебе, Боже, что навел Ты на меня это наказание, чтобы душа спаслась.

И славил Бога, как мог.

(Слово 18)

Вода в пустыне

Один старец, Николай, рассказывал:

Однажды нас отпустили из монастыря на службу в Таиду. Было нас трое. Сбились мы с пути и стали блуждать по пустыне. Вода у нас вся вышла, и вот, много дней не находя воды, стали мы уже умирать от жажды и палящего зноя и дальше идти не могли. Нашли какое-то дерево и легли в тени, кто где нашел себе место, — ждем смерти. И так я лежал и забылся, и было мне видение.

Вижу купель, полна воды и через край переливается. И над нею двое, и у одного деревянный ковш. И стал я его просить: Сотвори любовь, подай мне немного воды, я ведь умираю.

Но он не захотел. Другой сказал: Дай ему немного!

Тот отвечал: Не давать бы ему за то, что он так печалится и заботится, но ради только его странствия дадим.

И подали мне, и все мы трое напились.

И снова ожили, и шли три дня не пивши, пока не пришли в селение.

(Слово 20)

Поучение об исходе

Один брат, одержимый печалью, спросил старца: Что мне делать? Мысли мои мне говорят: напрасно ты ушел из мира, все равно тебе не спастись.

Старец сказал: Знай, брат, пускай и не можем мы войти в землю обетованную, но лучше нам умереть в пустыне, чем вернуться в Египет.

(Слово 289)

Поучение на лъвиятах

Авва Полихроний рассказывал:

Был один старец в лавре аввы Петра. Он часто уходил из кельи и бродил по берегам Иордана. Где видел львиное логово — там и ложился спать.

Однажды он принес двух лъвят в своей одежде, в той, какую он надевал в церковь, и сказал:

— Если бы мы сохранили заповеди Господа нашего Иисуса Христа, они бы нас боялись. А мы в грехах сделались рабами и их боимся.

И приняли братья поучение и разошлись по своим пещерам.

(Слово 22)

ПОУЧЕНИЯ

О покаянии

Был авва Фалалей. Шестьдесят лет он провел в монашестве и все плакал, и никогда плакать не переставал, и так говорил:

— Все наше время дал нам Бог на покаяние, и очень мне нужно его найти.

(Слово 75)

О милостыне

Был авва Леонтий. Он так подавал милостыню. Если к нему идет слепой, подает своей рукой. Если зрячий — положит на ступени или на стол. И нищий возьмет.

Спросил его один старец:

— Почему, отче, ты не подаешь из рук?

И он ответил:

— Прости, отче. Не я здесь подаю, а Владычица моя Богородица. Она же и меня питает.

(Слово 78)

Об осуждении

Один брат спросил старца:

— Почему я часто сужу братьев?

Старец сказал:

— Потому что себя еще не знаешь. Тот, кто себя знает, в других не видит.

(Слово 196)

О душевной пользе

Три старца пришли к авве Стефану, пресвитеру, и сидели у него, беседуя о душевной пользе.

Авва Стефан молчал.

Старцы сказали:

— Что же ты ничего не говоришь, отче? Мы ведь пришли ради пользы душевной.

И сказал он им:

— Простите меня. Я не знаю, что вы здесь говорили, и одно только могу сказать: я и днем, и ночью ничего другого не вижу, только Господа моего Иисуса Христа, висящего на кресте.

Услышали старцы, поняли, и ушли.

(Слово 81)

Сказал старец:

— Помянем того, кому негде главу преклонить.

(Слово 87)

И еще сказал:

Скорбь убивает терпение. Откроем же ум наш Царству Небесному.

(Слово 88)

И еще сказал:

Поверьте, дети. Ничто иное не причина церковных раздоров, только то, что не любим крепко Бога и друг друга.

(Слово 96)

И еще сказал:

Вот дело бесов: сначала ввергнут душу в грех, а потом отчаяние вложат, чтобы до конца нас погубить. Они-то всегда душе говорят: умрешь, и имя твое погибнет. Но если душа трезвится, то ответит и скажет:

— Нет, не умру, но жива буду и исповедаю дела Господни.

(Слово 143)

И еще сказал:

Будь сторожем у ворот твоего сердца, чтобы не вошел туда лукавый с расспросами: наш ты или противник?

(Слово 144)

И сказал еще:

Бог везде. Приближается же к благочестующим, кто не только по заповедям постник, но и делами светел. А там, где Бог, — кто может нас погубить?

(Слово 191)

И сказал:

Сила человека — не в естестве: оно изменчиво и враждебно — а в предании себя Богу помогающему. Он может душу нашу напитать, как и тело.

(Слово 192)

И еще сказал старец:

Соберем душевные лекарства: благочестие, правду, смиренно-мудрие, повиновение. Ибо великий врач душ наших, Иисус Христос, уже рядом. Хочет нас исцелить, чтобы не могли мы не родить в духе.

(Слово 193)

Один старец безмолвствовал 33 года. Когда его спросил брат: Чего ты достиг, столько лет безмолвствуя? — он долго не хотел отвечать и сказал наконец: Прости меня, знаю, что достиг трех вещей: не смеяться, не клясться, не лгать.

(Слово 249)

Два монаха спросили старца Феодора:

— Можно ли нам в гостях или с гостями пить вино?

— Нет, — сказал старец. Но они спросили:

— А как же первые отцы?

И он ответил:

— Сильные и великие могут и развязать, и снова связать. А такие, как мы, дети, если развяжут — уже не удержатся.

(Слово 230)

Один брат пришел к авве Виктору молчальнику и спросил: Что мне делать, отче, одолевает меня сладость уныния.

Старец ответил:

— Больная душа — как больные глаза. Чем больше болят, тем сильнее им кажется свет. А для здоровых глаз он не велик. Так и печальный — малая горсть его одолевает и кажется она ему большой. А тот, кто здоров душой, только радуется в искушениях.

(Слово 289)

Спросили игумена монастыря св. Авраамия на Елеонской горе: как можно найти добронравие?

— Не сыщет его тот, кто прежде не возненавидит беззакония. Хочешь плача — возненавидь смех, ищешь смирения — возненавидь тщеславие, хочешь воздержания от гнева — возненавидь многолюдство, не хочешь памяти злой — возненавидь клевету.

Кто ищет беспечалия — пусть один будет, хочет удержать язык — пусть заградит уши. Ищешь страха Божия — возненавидь покой тела — и полюби скорбь и тяготы.

(Слово 268)

Кто-то из святых сказал:

Когда мы молимся и говорим: Не введи нас во искушение — мы просим не того, чтобы нас не искушали, это невозможно. Но того, чтобы искушение нас не победило. Войти в искушение — значит делать то, что не угодно Богу. И святых мучеников искушали муками — и не победили, и не вошли они в искушение. Как с дикими зверями можно быть, пока они не растерзают, так и со всякою земною сладостью.

(Слово 290)

О поучении ангельском и человеческом

Был некий старец, чистый и святой. И когда он творил проскомидию, то видел двух ангелов — по левую и по правую руку. Но по простоте совершал он службу, как еретики, переняв у них и не понимая этого, не искушенный в премудрости. А как служил он в простоте и беззлобии, стали люди о нем соблазняться.

И вот один диакон, сведущий в церковном устройении, увидел, как этот старец служит, и сказал ему: Это не по-православному, это еретическое приношение, так нельзя приносить.

Старец решил, что ангелы-то знают, как он служит, и не стал задумываться.

А дьякон снова ему: Отче, заблуждаешься. Такого приношения не принимает православная Церковь.

И вот старец увидел за проскомидией ангелов, как всегда, и спросил:

— Вот что мне говорил дьякон. Так ли это?

И сказали ангелы:

— Правду он говорил, оставь прежний обычай.

И спросил старец:

— Что же вы прежде мне не сказали?

И ответили ангелы:

— Так Бог усмотрел, чтобы человек учился правде у человека.

(Слово 280)

Вывороченный плащ

Однажды в воскресенье вошел в храм старец в вывороченном плаще вверх космами. Стали ему говорить: зачем ты так пришел, зачем ты нас на смехставляешь перед чужими?

— Вы извратили синайские обычаи, и никто вам ничего не говорит. Я только плащ выворотил, а вы меня корите. Исправьте, что вы извратили, — и я поправлю, что выворотил.

(Слово 165)

Невидимая битва

Некий старец жил в ските один. И однажды, встав ночью молиться, услышал военные трубы, как перед битвой. И смутился: откуда здесь военная труба? И пока он думал, бес рядом прошел и сказал ему: Да, это битва начинается. А если не хочешь ни защищаться, ни нападать, иди спи, и не будут с тобой бороться.

(Слово 206)

Пост в миру

Были два брата в Константинополе, оба жили благоверно и много постились. И вот один брат ушел из мира и стал монахом. Через год брат-мирянин пришел его навестить. И увидел, что брат его ест днем, в 10-й час. И не понравилось ему это: Как же, брат? Ведь в миру ты до захода солнца не ел!

И сказал ему монах: Когда я был в миру, слух обо мне кормил меня. Слава и хвала питают человека и облегчают ему тяжесть поста.

(Слово 218)

Чистое сердце

Однажды старец-скитник пошел в Александрию продавать свою работу. И увидел, как молодой монах входит в харчевню. Горько стало старцу. Он постоял снаружи, подождал, когда монах выйдет, и, как тот вышел, взял его старец за руку, отвел в сторону и сказал:

— Брат! Разве ты не знаешь, что облечен в ангельский образ? Разве не понимаешь, что многие сети расставляет враг? Не знаешь, как и глаз, и ухо соблазняют нас в городах? А ты ходишь в харчевню и поневоле все это видишь, и водишься с дурными людьми. Молю тебя, чадо мое, беги в пустыню, там ты помощью Божией можешь спастись.

И ответил ему юноша:

— Иди, монах, Богу ничего не надо, только чистое сердце.

Тогда старец поднял обе руки к небу и сказал:

— Слава Тебе, Боже! Я пятнадцать лет провел в ските и чистого сердца не обрел. А он, бродя по харчевням, устроил Тебе чистое сердце.

(Слово 275)

Благодарность мученика

Одного премудрого человека предала его рабыня на мучение ради Христа. И, когда его вели на смерть, увидел он свою рабыню среди других, снял с руки перстень и дал ей со словами:

— Благодарю тебя, женщина. Какое ты для меня благо придумала и исполнила!

И так в радости умер.

(Слово 308)

Смерть вместе с гонителем

После святого собора в Халкидоне царь Анастас изгнал иерусалимского архиепископа Илию и антиохийского архиепископа Флавиана. Илию в Айлу, а Флавиана — в Петру.

И вот однажды оба патриарха послали друг другу известие: Умер сегодня царь Анастас. Пойдем и мы, поспорим с ним.

И через два дня отошли оба к Господу.

(Слово 43)

О поющем не по часам

Был один старец, пресвитер церкви св. Иоанна Крестителя в селе Мардонес.

Однажды жители этого села пришли к епископу и попросили: Отзови от нас этого старца. Епископ спросил: Что же он вам сделал? Они рассказали: В воскресение приходит и поет, когда ему вздумается.

Епископ позвал старца и наедине говорит ему: Почему ты так делаешь? Или не знаешь церковного правила?

— Господи, — сказал старец, — правду ты говоришь, так и есть: не знаю, когда что делать. И в святое воскресение после ночного канона сижу у алтаря и жду. И, пока не увижу Духа Святого, осеняющего алтарь, не начинаю святого пения. А как увижу пришествие Святого Духа, тогда и совершаю литургию.

Чуден оказался епископу обычай старца. Рассказал он все жителям села и отпустил его с миром.

Этому старцу послал привет авва Иулиан Столпник. И послал ему завязанный плат, а в нем горящие угли. Старец взял из плата угли, они не потухли, влил туда воды. И донесли ее Иулиану. А было между ними 20 верст.

(Слово 31)

Раскаявшийся скоморох

Был в одном киликийском городе скоморох по имени Вавила. Жил он с двумя женами: одна Комита, другая Никоса. И делал он все, что и следует делать тому, кто водится с бесами.

Однажды он вошел в храм, и так случилось по Божиему устроению, что как раз читали Евангелие, то место, где говорится: "Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное".

И, услышав это, разверзлось его сердце для покаяния. И стал он плакать и виниться за свои прежние дела.

И, придя из церкви, позвал обеих жен и сказал им: Скверно я жил с вами. А теперь отдаю вам все ваше имущество, и мое разделите пополам. Я с нынешнего дня ухожу из мира и буду монахом.

И они отвечали, как одними устами и в слезах: Мы с тобой вместе были в бесчестии и в душевной гибели, неужели теперь, когда хочешь

делать богоугодное дело, оставишь нас? Не оставляй нас, дай нам и в добром деле быть с тобой.

И он затворился в столпе, и они продали, что имели, роздали нищим, оделись в монашеское платье и поселились в хижине у Сиона.

(Слово 37)

О подвижнике со светом

Во второй Киликии главный город Аназарв. За 12 верст от него стоит Египетская лавра. Отцы этой лавры рассказали нам, что пять лет назад почил у них старец Юлиан.

О нем говорят, что жил он 70 лет в одной малой пещере и от века сего взял только власяницу, и обувь, и деревянный кубок, и книгу Евангелие.

И еще о нем говорят, что во всю свою жизнь не зажигал он светильника. Но ночью некий свет ему светил и показывал, как составлять буквы и слова.

(Слово 63)

Послушание ученика

У одного старца был ученик Иоанн, великий в послушании. Однажды старец послал его на службу и дал ему немного хлеба.

Ученик пошел, сделал все и вернулся. А хлеб принес назад. Старец спросил:

— Почему же ты не съел хлеб, что я тебе дал.

Он поклонился до земли и ответил старцу:

— Прости меня, отче, ты ведь не благословил меня съесть его, когда отпускал, я и не съел.

И подивился старец разуму брата и благословил его.

Об исчезнувшем от родных

Рассказывают о старце Савве Кириаке.

Однажды возвращался он из пустыни к себе в келью. И был лютой зной. И уже собрался старец умирать. Поднял руки к небу и стал молиться Богу:

— Господи, видишь, уже я не могу идти от жажды!

И тут же к нему явилось облако, и окружило, и не отступало, пока он не успокоился в своей келье. А было до нее еще 12 верст.

И еще о нем рассказывают.

Однажды пришли к нему родные повидаться. Пришли в лавру, спросили, где его келья, кто-то им показал. Они подошли и постучали. А старец узнал их и стал молиться Богу, чтобы сделаться ему для них невидимым. Открыл дверь, вышел из кельи, неувиденный, и ушел в пустыню. И не возвращался в келью, пока они не ушли.

(Слово 66)

Спор с бесом о перемене места

Рассказывали об авве Стефане, пресвитере Елеонской лавры. Стал ему бес вкладывать мысли: Иди отсюда, в этом месте тебе не будет пользы.

Старец сказал бесу:

— И не послушаю тебя. Я знаю, кто ты такой: ты видеть не можешь, чтобы кто-нибудь спасался. Но еще знаю, кто сотрет тебя с земли: Христос, Сын Бога Живого.

И, говорят, опять явился к нему бес, уже видимый глазами, и опять говорит: Уходи отсюда, нет тебе в этом месте добра.

И ответил тогда старец:

— Если хочешь, чтобы я отсюда ушел, сделай так, чтобы пошло то, на чем я сижу.

А сидел он на плетеном стуле.

И бес сделал так, что стал стул ходить по всей келье.

Поглядел старец на бесовскую хитрость и сказал:

Ты-то ловок, а я все равно не уйду! — и помолился, и стал бес невидим.

(Слово 79)

Постник во славе

Когда авва Стефан тяжело болел утробой, а от этой болезни и почил потом святая его душа, — врач велел ему есть мясо. А у блаженного был брат белоризец, большой постник. Вот этот брат и пришел, когда авва ел мясо, и поглядел, и сильно опечалился:

— После такого поста и воздержания в последние дни мяса поел!

И было ему видение.

Некто явился и сказал: зачем соблазнился о пресвитере, увидев, как он ест мясо? Разве не знаешь, что от беды это и ради послушания? Нельзя за это осуждать. А если хочешь знать, в какой славе твой брат, — оглянись и увидишь.

И оглянулся он и увидел пресвитера распятого, как при Господе.
И сказал тот, кто явился:
— Гляди же, в какой славе твой брат.

(Слово 82)

Поучение от разбойника

В одном фиваидском городе поймали разбойника. На пытках он признался, и его приговорили к смерти, к отсечению головы. И когда вели его на казнь за город, пошел следом какой-то монах. Приговоренный увидел монаха и сказал:

— Что авва, разве нет у тебя кельи и своего дела?
— Да, есть.
— Что же ты не сидишь там и не плачешь о грехах своих?
— Ленив я, и нет в душе моей смирения, — сказал монах, — потому я и иду посмотреть, как ты умрешь, чтобы этим смириться.

И тот сказал:

— Иди, авва, ради Бога. Сиди в келье и славь Спаса Христа. Он вочеловечился и умер за нас, и человек уже не умирает.

(Слово 93)

Ученик-корабельщик

Один старец жил в горах. Однажды умер ученик старца и нечем было копать могилу. Тогда старец спустился к морю, нашел на берегу корабельщиков и попросил их подняться в горы и помочь похоронить брата. Они всем сердцем послушали его, взяли с собой, что нужно, пошли, выкопали яму и погребли тело.

А один из них, молодой, по имени Фалалей, поглядел на старца и на его добрую жизнь, и вдруг пришел в покаяние. И стал просить:

— Оставь меня у себя.

Старец ответил:

— Не сможешь ты вытерпеть постного труда.

Корабельщик сказал:

— Как-нибудь да вытерплю.

И остался.

И жил с ним год, терпя великий труд и пост. Через год поклонился брат Фалалей старцу:

— Моли за меня Бога, отче. Вашими молитвами взял Бог у меня всякий труд, и ничто мне не трудно: и воздух не в труд и небо, и зной не опаляет и в стужу нет для меня стужи. И один во всем великий покой.

И старец благословил его.

И еще прожил брат Фалалей два года с половиной, и, провидя свою смерть, попросил старца:

— Возьми меня в Иерусалим. Приложусь к святому Кресту и святому Воскресению Христа Бога нашего. А там уже возьмет меня Господь.

Старец взял его и отправился к святым и честным этим местам. И когда они спустились к Иордану, крестились в нем.

А через три дня умер брат Фалалей, и погребли его в лавре. А через несколько лет умер и старец, и его погребли в церкви той же лавры.

(Слово 114)

Определение философии

К одному старцу пришли два философа за поучением. Старец молчал. Философы спросили:

— Что же ты нам ничего не посоветуешь, отче?

И старец сказал:

— Я вижу, что вы славолюбцы, а не истинные философы. И свидетельствую: пока вы не научитесь говорить словами так, как тот, кто не знает слов, — вот чем займитесь, вот что дело философии: учиться смерти и молчанию и поправлять себя безмолвием.

(Слово 221)

Продолжение следует

МУЧЕНИЧЕСТВО СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА

Беседа с иноками о связи мученичества с сошествием Святого Духа в день памяти свв. апостолов Петра и Павла

По установлению Церкви, память мученичества свв. апостолов Петра и Павла следует непосредственно за празднованием сошествия Святого Духа в день Пятидесятницы. В связи с этим вспоминаются слова Господа, записанные св. апостолом Лукой в Деяниях Апостольских: "... вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли" (Деян. 1: 8). Значит, и этот праздник, это свидетельство двух великих апостолов, запечатленное кровью, является одновременно исполнением обетования Господа и действием Святого Духа, ибо, по слову апостола, "никто не может назвать Христа Господом, как только Духом Святым" (I Кор. 12: 3), а тем более мученически исповедать Его.*

Может показаться, что мученичество ради Христа есть акт героизма, смелости, или просто есть сила веры. В действительности же оно является прямым действием Св. Духа, передающего нам все, что есть Христово, включая и Его власть над Собой ("... имею власть отдать ее (жизнь)" Иоанн. 10: 18), Его власть самосовлечения. Силой этой власти Христос сошел на Себя, "быв послушным (Отцу) даже до смерти, и смерти крестной" (Фил. 2: 8), чтобы и сама смерть Его стала послушанием Отцу и, следовательно, образцом и свидетельством в прославление Отца. Таким образом и мы принимаем от Духа Христову силу самосовлечения вплоть до самопожертвования ради послушания и свидетельства во славу Христа и Отца.

* Слово "мученик" есть перевод греческого слова "мартирос", т. е. "свидетель", в его более позднем осмыслении как свидетеля веры во Христа, запечатлевшего свое исповедание мучительной смертью. Повидимому, в этом смысле слово "мартирос" стало употребляться в раннехристианское время, возможно, уже во время первого гонения на христиан в Иерусалиме, т. к. учеников Христа называли "свидетелями", а их проповедь — "свидетельством" ("... и вы будете Мне "свидетелями"). Как в Ветхом, так и в Новом Завете слово "мартирос" употребляется в значении "свидетель", без придания этому слову смысла "мученик". Во всех западно-европейских языках и в некоторых восточных этимология слова "свидетель" (martyr) сохранилась именно за словом "мученик. — Здесь и далее прим. переводчика.

Однако подвиг мученичества начинается до того, как наступает сам акт мученичества, являющийся завершением подвига. Христову самосовлечению вплоть до Креста, Его лишению Себя человеческого достоинства — ибо Крест означал лишение, позор, оскорбление и даже проклятие — предшествовало иное самосовлечение: лишение Себя славы Божества через воплощение в человеческом подобии как раба Божия. Таким образом во Христе открывается двуплановость совлечения:

1. Тайное, внутреннее, в высшей степени личное — в плане Божества (кенозис).
2. Явное, публичное — в плане человеческом, через Крест (мученичество).

Оба эти плана имеют место в даре исповедничества и мученичества, потому что нельзя сделаться мучеником без того, чтобы прежде Дух Святой совершил в человеке тайное, внутреннее совлечение в глубинах жизни в Боге. Это то совлечение, где человек лишен всей понимаемой в мире славы и достоинства в отношении вещей божественных и святых. Верующий в этом случае живет с чувством отверженного и страдающего раба, подобным чувству, испытанному Христом:

"Как многие изумлялись, смотря на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его — паче сынов человеческих!" (Исаия 52: 14).

"Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его" (Исаия 53: 3)

"... а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом" (Исаия 53: 4).

"Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих" (Исаия 53: 7).

"Он отторгнут от земли живых" (Исаия 53: 8).

Только в этом состоянии отверженности и уничижения, в этом внутреннем совлечении себя перед Богом и как бы от Бога, крестное совлечение может иметь место: позор публичной казни и смерти может быть выносим только тогда, когда внутреннее мученичество питает внешне выраженное. Крест не может покоиться на чувстве собственного достоинства, ибо как свидетельство о Христе через позор, и пытку, и пролитие крови может быть приемлемо человеком, цепко держащимся за свое достоинство? Тайна радостного принятия и претерпевания креста лежит в предшествовавшей жизни, набирая силу в предшествовавшем внутреннем уничижении. Умерщвление

себя с пролитием крови должно быть предваряемо самоотречением путем предания себя очистительным действиям Божиим.

Действие Св. Духа в мученичестве

Когда Св. Дух передает нам Христову силу для внутреннего самосовлечения в предварение креста и затем мученичества, Он действует не как посторонний датель этой силы, но как обладающий ею, как действующий силой, присущей Ему Самому. Действуя внутри нас, Он и Сам находится в состоянии самосовлечения и крайнего самоотказа, о чем свидетельствуют слова Христа:

“... ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит... Он прославит Меня” (Иоан. 16: 13, 14).

Можно провести параллель между действием Св. Духа и действием телескопа, который открывает нам тайны звезд и планет и убеждает в их действительности, не открывая себя. Глядя через телескоп, мы очень ясно видим небесные тела во всей их красоте и славе, не замечая при этом структуры телескопа; вместе с тем телескоп не умаляет и не прибавляет ничего к тому, что показывает. У нас создается впечатление, что вся небесная красота видится исключительно благодаря нашему глазу, потому что он не чувствует и тени этого посредника между собой и небом. Вся функция телескопа заключается именно в открытии человеческого глазу небесных тел.

Действие Св. Духа подобно этому: выявляя Христа, Он Сам остается невыявленным; прославляя Христа, Он совлекается Своей славы, т. е. совлекается Самого Себя:

“... не от Себя говорить будет”, “Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам” (Иоанн. 16: 13, 14).

Состояние крайнего кенозиса, которым Дух действует в нас и который содержится в самой природе Его личных свойств, производит в нас подобный же эффект самосовлечения, погашая наши человеческие чувствования и превозмогая нашу человеческую рассудочность, чтобы мы могли увидеть Христа в Его Божестве и познать абсолютную правду о Нем и Боге-Отце. В результате раскрывается спасительный смысл страдания Христова на Кресте и слава и благородство побуждений к этому страданию, так что мы познаем два очень важных момента: во-первых, Отчую любовь к нам через принесение в жертву за нас едиnorodного Сына; во-вторых, сыновнюю любовь Христа к Отцу и к нам через Его послушание Отцу “даже до смерти” ради нас.

Вообще это замечательное свойство Духа совлекаться Себя не является необходимым Ему Самому, чтобы видеть божественность Христа, но оно необходимо ради нас, чтобы мы имели незамутненное человеческой рассудочностью познание истины. Наше совлечение себя, своей рассудочности и мысленных аналогий крайне необходимо, чтобы увидеть божественность Христовых дел, уверовать в истинность слова Божия, понять божественный Промысл в распятии и принять дары Божии, безмерно, щедро, избыточно излитые на нас, — дары, которые Христос стяжал нам от Отца Своею кровью.

Вне Духа Святого мы видим Христа лишь как “мужа скорбей и изнедавшего болезни”, как “поражаемого, наказуемого и униженного Богом” (Исаия 53: 3, 4), а Его Крест — лишь как “безрассудство”, “бесчестие” и “проклятие”, потому что воспринимаем все это через свое ощущение, подчиняясь своей рассудочности. В Духе же Святом, или скорее через Его наполнение, мы видим, вместе с первомучеником Стефаном, Христа сидящим одесную Отца на Небесах; видим, вместе с апостолом Павлом, Крест как спасающую Божию силу, которым Сын прославил Отца. То есть, Св. Дух дарует нам видение Христа и понимание Его дел — даже Крест — в свете славы, которую мы не могли бы уловить посредством человеческого ума и восприятия.

И все же сравнение действия Духа Святого в нас с телескопом остается недостаточным, потому что хотя телескоп и выявляет нам объект, огромная дистанция между объектом и наблюдателем не уничтожается, и впечатление близости второго к первому является иллюзорным. Но Св. Дух не издали показывает нам Христа, ни правду Креста раскрывает как акт, происшедший вне нас. Он скорее передает Собою нас Христу, вселяя нас в Христа, и Христа — нам, вселяя Его в нас. Благодаря Своей Божественной природе, через Свой кенозис, силой Своей святости, Святой Дух совершенно уничтожает духовное расстояние, отделяющее нас от святости Христа, превозмогая и грех, и слабость, и даже смерть, и вообще любую враждебную, злую силу. Более того, Св. Дух производит в нас из Своей природы новый творческий акт, мгновенно делающий нас способными к соединению с Христом, так что смерть Христа становится нашей смертью, Его Воскресение — нашим воскресением, Его жизнь — нашей жизнью, Его сидение одесную Отца — нашим сидением, и Его слава — нашей славой. Взирая на Христа, мы видим себя, познавая Его — познаем себя, ибо Духом Святым мы уверяемся, что мы “от плоти Его и от кости Его” (Еф. 5: 30) и что Сам Христос живет в нас.

Таким образом, Св. Дух разрушает все преграды, отделяющие нас от Христа, уничтожает все препятствия — временные, пространственные, психологические или интеллектуальные — к соединению с Ним. В полноте Духа я вижу себя сразу, со всей очевидностью и без нужды в логических доводах, распятым со Христом, с Ним воскресшим из мертвых и сидящим на Небесах, — и все это исходит не из моей праведности или чистоты рук и сердца, но Духом Святым, в Котором я обладаю всем, что Христос приобрел для меня. Это — чудесное видение и удовлетворяющая реальность, одновременно и дар и право, жизнь и свидетельство, извещение и вера!

Крест свв. Петра и Павла в этот благословенный день является лишь действием полноты Святого Духа, исполнившего в них один из актов Своей трансцендентной природы: Своего кенозиса ради славы Христа. Только благодаря этому оба великих апостола могли пойти на пролитие крови, считая это высшим самоотвержением и крайним самоотказом во свидетельство славы Христовой в плане Креста, на котором Господь отдал Себя ради славы Отчей. Со дня Пятидесятницы Святой Дух непрестанно свидетельствовал в них жизнеподательную смерть Господа, и они в свою очередь засвидетельствовали то же. Поэтому пролитая ими кровь явилась истинной печатью свидетельства Св. Духа в них, а также печатью их свидетельства, Духом, во славу живущего Христа, по обетованию Господа (Деян. 1: 8).

Как праздновать духовно память мученичества свв. апостолов Петра и Павла

Весь Петров пост можно рассматривать как продолжительный праздник в память действия Св. Духа в Церкви. Это праздник священнодействия и частых молитв на поставление работников жатвы и посвящения в священнослужителей, обещанное Господом устами пророка Иеремии:

”и дам вам пастырей по сердцу Моему, которые будут пасти вас со знанием и благоразумием” (Иер. 3: 15).

А сама память мученичества святых апостолов Петра и Павла, последовавшего за долгим и плодотворным управлением, есть узаконенное Церковью прославление личности Христа. Смерть Христа на Кресте явилась первым прославлением Отца на земле, будучи свидетельством крайнего послушания и верной любви ”даже до смерти”; таким же свидетельством свв. Петр и Павел показали свою любовь к Христу и желание Его славы, через полное послушание

Святому Духу, действовавшему в них. Таким образом, в них и через них исполнилось обетование Господа:

”Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать” (Иоан. 15: 26, 27).

Обратим внимание, что мученичество двух великих апостолов, происшедшее в один день,* является наивысшей доксологией любви, которую Церковь принесла личности Христа: она лежит не в области распевов и гимнов, но в плане самоотречения и принятия приговора мучительной смерти и изгнания из земли живых без страха, уныния или сожаления. И сегодня, в память мученичества Первоверховных Апостолов, Христос требует от нас такую же подлинную доксологию, такую же готовность к самопожертвованию через мученичество. Господь спрашивает с нас песен самоотречения вместе с чувством креста, т. е. умерщвления нашей личной воли и отказа от какого бы то ни было образа жизни ради человеческой славы или тела.

Кто же в таком случае станет сегодня в Духе праздновать мученичество святых апостолов за Христа, как не те, кто ”возненавидел до смерти” свою жизнь? кто бдителен и готов каждую минуту умереть любым образом, каким он может быть призван прославить Бога, как прославил Его Петр по обетованию Господа (Иоан. 21:19)? Очевидно отсюда, что прославление Бога достигается не громким славословием уст, а стонами страдания и терпением гонений ”даже до смерти”.

”... Простреши руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь. Сказал же это, давая разуметь, какою смертью Петр прославит Бога” (Иоан. 21: 18, 19).

Такова песнь сегодняшнего праздника. И наша решимость прославить Бога и Христа заключается во всегдашней готовности свидетельствовать о Христе со всей искренностью, твердостью, с самоотвержением до смерти — т. е. со всем тем, что дается полнотой Святого Духа. Аминь.

Монастырь Св. Макария Великого в
пустыне Скит. Нитрия, Египет.

* Согласно церковному историку Никифору Каллисту.

БОГОСЛОВИЕ ЕВАНГЕЛИЯ ИОАННА БОГОСЛОВА*

4. Любовь и радость в Четвертом Евангелии.

Наряду с учением о славе и прославлении, оно является также и нарочитым евангелием о любви, божественной и человеческой, богочеловеческой. Конечно, заповедь о любви к Богу и ближнему, данная уже в Ветхом Завете (Лев. 19, 13; Втор. 6, 5) переходит и в Новый, как сила "закона и пророков" (Мф. 22, 35–40; 5, 44; Мр. 12, 29–33). Но эта ветхозаветная заповедь вполне раскрывается лишь в Четвертом Евангелии. Здесь излагается учение о взаимнопо-стасной любви во Св. Троице в применении и к человеческой жизни. Главное же средоточие оно имеет в прощальной беседе, которая должна быть понимаема именно как завещание Богочеловека о любви как всеисчерпывающей основе христианства. Эта истина выражается во всем многообразии оттенков, в отношении как к любви божественной, так и человеческой. Первая уже раскрыта в учении о Св. Троице, как любви Отца к Сыну, и Сына к Отцу, и об откровении Отца в Сыне Духом Святым. Еще в беседе Предтечи Иоанна говорится (Ио. 3, 35): "Отец любит Сына и все дал в руку Его", то же и в беседе Христа после исцеления расслабленного: "Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам" (5, 20). "Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою" (в беседе о Пастыре Добром: 10, 17). Но в прощальной беседе взаимная любовь Отца и Сына является основной темой, всю ее пронизывающей, "чтобы мир знал, что Я люблю Отца и, как заповедал Мне Отец, так и творю". (14, 31). "Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас, пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви" (15, 10). "Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня" (16, 27). "И Я открыл имя Твое им и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них" (17, 26). Таково это последнее слово Христа перед страстью. Итак общая заповедь о любви получает здесь обоснование богочеловеческое, она уподобляется любви Отца и Сына, который сам будучи связан любовью с родом человеческим, и всех людей приводит в лоно отчей любви.

И с тем большей настойчивостью повторяется здесь заповедь о взаимной любви человеческой, притом именно как новая: "Заповедь новую даю вам, да любите друг друга" (Ио. 13, 34; 15, 17).

Но почему у синоптиков эта же самая заповедь является как "закон и пророки", а здесь как новая? Очевидно по тому новому богочеловеческому содержанию, которое в нее здесь влагается: "кто имеет заповеди мои и соблюдает их, тот любит Меня, а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю Его и явлюсь ему Сам" (14, 21). "Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви" (15, 10). Все по-новому повторяется — в обычном стиле Иоанновских повторений — эта же мысль: "сие заповедаю вам, да любите друг друга" (15, 17). "Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога" (16, 27). Но эта любовь к Сыну возводится к любви отчей: "Да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня... да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них" (17, 26).

Итак, любовь человеческая освобождается от своего психологического основания, но становится богочеловеческой, как жизнь в Сыне, а чрез Сына в Отце. Она получает онтологическое обоснование. Это уже не есть отвлеченная мораль, но богожитие и боговедение. На такую высоту возводится у Иоанна двуединая заповедь любви: к Богу и ближнему. Обе они, по синоптикам, между собою "подобны", здесь же они даже и более чем подобны, но тождественны, не статически, но динамически, как жизнь вечная — в экстенсивности как не знающая конца во времени, но и в интенсивности же неисчерпаемая (Ио. 17, 3). Ее дает Христос человечеству: "так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную — сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого, истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа" (17, 2, 3).

Евангелию от Иоанна свойственна еще одна заключительная тема, отсутствующая у синоптиков — именно о радости Христовой, которую Он дает Своим ученикам. Об этом торжественное обетование дается в прощальной беседе. Впрочем, и здесь говорится о радости в двояком смысле, с одной стороны как о человеческом, душевном состоянии, а с другой как о Божьем даре, радости сущей, так сказать, онтологической. В первом смысле должны быть поняты слова Господа: "до сего вы ничего не просили во Имя Мое, просите и получите, чтобы радость ваша была совершенной" (16, 24). "Вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее: но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль, но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет от вас" (16, 20–22). Однако в последнем тексте уже проявляется двойственность значения радости, оно колеблется и переходит из одного в другое, из психологии в онтологию. Такой переход обозначается с еще большей ясностью в 15, 11: "сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет, и

* Продолжение. Начало см.: "Вестник РХД" № 131, 134.

радость ваша да совершится" (πληρωθῇ). Здесь радость Христова усваивается учениками и как совершенная человеческая радость. (Ср. также I Ио. 1, 4). В первосвященнической же молитве уже прямо говорится: "ныне же к Тебе иду, и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою в них исполнившуюся" (17. 13) (πεπληρωμένην ἐν αὐτοῖς).

Что означает эта исполнившаяся совершенная Христова радость? Очевидно во всяком случае, что она здесь должна быть понята как некое приобщение божественной жизни, которое поэтому необходимо связать с учением о славе. Речь о славе начинается прощальная беседа, и она есть главный предмет первосвященнической молитвы. О ней Сын молит Отца, как о прославлении Своем, но вместе с Собой и Своих учеников. Но слава эта есть и совершенная радость, которая Им дается ученикам. И Слава и Радость должны быть поняты одинаково в смысле софиологическом, в их изначальности и взаиможественности. Слава, которую просит от Отца Богочеловек, Он уже имел ее у Отца прежде бытия мира (17. 5). Теперь Христос просит эту славу не только для Себя, но и для учеников: "Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира" (17. 24). "Основание мира" есть Божественная София, предмет любви божественной. "Прежде" основания мира, в небесах, в премирной жизни Св. Троицы, Премудрость есть и Слава Божия, но она же, очевидно, есть и Радость жизни Божественной, "вечная жизнь" с ее блаженством. Но как София Божественная есть "основание" мира, Софии тварной, так и причастность ей, ософиение творения, является сообщением ей славы. Об этом невольно вырвалось слово из сердца апостола Петра на горе Преображения Христова, этого явления славы Его: "Господи, хорошо нам здесь быть" (Мф. 17. 4; Мр. 9. 5; Лк. 9. 33). Видение славы Божией, как и прославление ею твари, есть, конечно, радость совершенная, райское блаженство, общение со Христом.

Естественно, что в богословском, а вместе и софиологическом Евангелии от Иоанна говорится, хотя и с величайшей сжатостью, которая, впрочем, еще возвышает значительность сказанного, о радости Христовой, которая есть и радость воскресения. И так же естественно, что об этой радости говорится в Евангелии, которое вышло из рук ученика, Христом усыновленного Богоматери. Оно является вдохновением и Богородичным... Архангел Благовещения обратился к Пречистой Деве с приветствием: "Радуйся, Благодатная!" (Лк. 1. 28). Он пришел к Ней возвестить радость Христову, совершенную в Богочачатии. Но, по верованию церкви, Она же первая прияла и весть о воскресении от ангела (не того же ли, что и в Благовещении?): "Ангел вопияше Благодатней: чистая Дево радуйся". И это есть Радость и Слава Христова воскресения.

5. Суд.

Основное различие между синоптиками и Четвертым Евангелием в отношении к суду Христову состоит в том, что у первых он является неким трансцендентным событием для мира, вторым пришествием Христовым, а в последнем он есть имманентное раскрытие правды Христовой, света и истины Его. Здесь нет противоположности, но лишь различие внешнего и внутреннего свершения, во взаимном их восполнении. Поэтому эсхатология синоптиков выражается в грозном обетовании пришествия Царя во славе со всеми св. ангелами для последнего Суда (Мф. 25. 31; Мр. 8. 38). Напротив, эсхатология Иоанна, если только можно говорить о ней, выражается лишь в прощальном благовестии ученикам: "В доме Отца Моего много обителей, а если бы не так, Я сказал бы вам: "Я иду приготовить место вам". И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я" (14. 2, 3).

О пришествии же для всеобщего суда вообще ничего не говорится. О суде же самом говорится не раз, но совсем иначе, чем у синоптиков. С одной стороны, здесь прямо утверждается: "не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него". (Так возвещает Никодиму Христос, или же благовествует в связи с этой беседой сам евангелист: Ио. 3. 17). И, по обычаю Четвертого Евангелия, эта же мысль буквально повторяется (хотя и в несколько ином контексте) в речи Христовой 12. 47: "Я пришел не судить мир, но спасти мир". Правда, здесь имеются и другие слова Христовы (слепорожденному), как будто прямо противоположного содержания: "на суд пришел Я в мир сей" (9. 39). Однако мнимое это противоречие тут же и разъясняется дальнейшими Его же словами: "чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы", т. е. речь идет о различном внутреннем восприятии явления Христова. Это различие и является этим имманентным судом: самооправданием или осуждением. Это и есть основная мысль Четвертого Евангелия о суде Христовом, неоднократно в нем повторяющаяся: "отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судьбу себе: слово, которое Я говорю, оно будет судить его в последний день" (12. 48) (ἐν τῇ ἑσχάτῃ ἡμέρᾳ). Последнее выражение, чисто Иоанновское, встречается у него в речи евхаристической в 6. 39, 40, 44, 54 в применении к воскресению: "Воля пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, не погубить ничего, но все то воскресить в последний день". "Воля пославшего Меня в том, чтобы всякий видящий Сына и верующий в Него имел жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день". "Никто не сможет придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня, и воскрешу его в последний день". "Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день".

Все эти тексты относятся преимущественно к воскресению, более, чем к суду, так же как и в 11. 24, слова Марфы о Лазаре, обращенные к Спасителю: "знаю, что воскреснет, в воскресение, в последний день". (Таким образом эсхатология содержит не учение о втором пришествии Христа на суд, но лишь о всеобщем воскрешении, с неким имманентным самосудом). "Наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения" (5. 28, 29). В такую отвлеченную форму здесь облечены пламенные образы речи о Страшном Суде евангелия от Матфея (25). Конечно, не надо забывать, что Четвертое Евангелие находится в контексте с синоптиками и их эсхатологию подразумевает. Оно является к ней в известном смысле комментарием или дополнением, но само по себе оно не является в точном смысле эсхатологическим. Потому Четвертое Евангелие вообще не содержит в себе глав или даже только отдельных текстов характера чисто эсхатологического. И в последних его главах также имеется рассказ лишь о явлениях Воскресшего, и лишь только в последних словах Христа мы находим некое общее обетование — "пока прииду" (21. 22, 23) — во всей его неопределенности, и слово это звучанием своим как бы уносится в небеса.

По Иоанну суд имманентный, связанный с богоявлением или боговоплощением, Отцом отдается Сыну, подобно тому, как и у синоптиков пришествие в мир Сына является и судом над ним. Именно неприятие Его одними, хотя и "своими", с приятием другими полагает основание этому различию внутреннего суда. "Во своя прииде, и свои Его не прияша. Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти" (1. 11, 12). Но вообще говорится: "Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его" (5. 22, 23). Так говорит Господь в речи после исцеления расслабленного. И еще раз подтверждается эта мысль с обычным Иоанновским повторением в той же речи Господа: "И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий" (27). "Я ничего не могу творить сам от Себя. Как слышу, так и сужу. И суд Мой праведен, ибо не ищю воли Моей, но воли пославшего Меня Отца" (30). Это же повторяется и в речи 8. 15: "вы судите по плоти, Я не сужу никого, а если и сужу, то суд Мой истинен, потому что Я не один, но Я и Отец пославший Меня, а в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно" (Вт. 19. 15). Я сам свидетельствую о Себе и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня" (8. 16—18).

Имманентность этого суда Сына также неоднократно подтверждается у Иоанна начиная с 3. 18: "верующий в Него (в Сына) не судится, а не верующий уже осужден, потому что не уверовал во Имя едиnorodного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что

дела их злы" (3. 19). И слово к слепорожденному: "на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы" (9. 39). Также и в речи главы 12-ой: "Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судьбу себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день, ибо Я говорил не от Себя, но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец" (12. 48—50).

Имманентизм междуипостасный, откровение Отца в Сыне, открывается и в имманентизме богочеловеческом, откровении Сына в человеках, в соответствии мере и образу их восприятия. Это и есть суд Сына человеческого в человеках и над человеками.* Он не имеет характера эсхатологического или окончательного, скорее он есть промежуточное состояние, путь ко всеобщему спасению мира, которое здесь возвещается как общая и очевидно последняя цель пришествия Христова в мир, лежащий во зле (1 Ио. 5. 19). Но именно эта мысль об имманентном противоборстве мира со Христом и в мире самом наряду с этим общим преодолением мира ("мужайтесь, Я победил мир". 16. 33) и осуждением и изгнанием князя мира сего (12. 31; 16. 11) вскрывается во всей силе своей и, по обычаю, чрез повторение утверждается в Евангелии Иоанна. Так, после праздника Кушей Господь говорит ученикам своим: "вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы" (7. 7). В речи Христа в 8 главе у сокровишницы опять говорится: "вы от нижних, Я от вышних, вы от мира сего, Я не от мира сего" (8. 23). В прощальной беседе снова повторяет Христос: "если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое, а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир" (15. 19). И перво-священническая молитва заключает: "Я передал им слово Твое, и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Не молю, чтобы Ты взял их от мира, но чтобы сохранил их от зла. Они не от мира, как и Я не от мира" (17. 14—16). И наконец на суде у Пилата Господь еще раз, последний уже, свидетельствует: "Царство Мое не от мира сего... ныне Царство Мое не отсюда" (18. 36). Эта диалектика, точнее, антиномика мира, по которой он чужд, враждебен и противоборствует Христу, а вместе с тем спасен Им, есть основная черта учения о Боге и мире в Четвертом Евангелии. Она должна быть богословски и сотериологически осмыслена.

* Конечно, учение Четвертого Евангелия о спасении может быть сопоставлено не только с посланием Иоанна. Но и в особенности с Откровением, которое изображает отношение Христа и мира еще по-иному: не имманентно и даже не эсхатологически, но апокалиптически, как философия истории, точнее, ее трагедия.

Этот неотмирный, точнее, сверхмирный характер Царства Божия указывается Христом и в беседе с Никодимом, притом с нарочитым ударением, которое, как мы знаем, встречается у Четвертого Евангелиста в случаях особой важности: "истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия" (Ио. 3. 3). И это слово с такою же силою еще раз подтверждается Христом (5). Это краткое учение о Царстве Божиим у Иоанна, конечно, непосредственно примыкает и подразумевает более пространное учение о Царстве Божиим у синоптиков.

Чтобы исчерпать учение Евангелия Иоанна о суде, следует еще остановиться на его сатанологии. Сравнительно с синоптиками и особенно Откровением, вообще здесь самые выражения сатана или диавол встречаются реже (особенно если выключить историю Иуды). Главный текст, сюда относящийся, 8. 44, содержится в беседе Господа с иудеями: "ваш отец диавол... он был человекоубийца от начала и не устоял в истине... он лжец и отец лжи". Здесь в кратких словах содержится учение об искушителе, как отце лжи и навлекшем месть на человека, очевидно, как следствие греха. Другое именование диавола, здесь применяемое, относится к его захватнической власти в мире и его поражению силою Христовой: "князь мира сего", *ὁ ἀρχὼν τοῦ κόσμου τούτου* "ныне князь мира сего изгнан будет вон" (12. 31) и (сказано после обращения эллинов): "идет князь мира сего и во Мне не имеет ничего" (14. 30) и "князь мира сего осужден" (16. 11), "о чем Дух Святой пришедши обличит мир" (16. 8) (в прощальной беседе). В этих кратких словах содержатся две мысли: попытка диавола преодолеть Христа и его поражение, которое является и осуждением. В сравнении с синоптиками здесь отсутствует (хотя, очевидно, и подразумевается в общем значении): "идет князь мира сего и во Мне не имеет ничего", т. е. окажется бессильным в своих искушениях. Это и дет еще более может быть синоптически истолковано и как: "диавол оставил Его до времени" (Лк. 4. 13), и это время конечно наступает в Гефсимании, куда грядет на Него князь мира сего. Это именование сатаны "князем мира сего" уже содержит, вместе с 8. 44, сатанологию, а свидетельство об его изгнании ее эсхатологию. Однако она намечается также имманентно, как и вся Иоанновская эсхатология. Именно, говорится об изгнании сатаны лишь в контексте его обличения действием Духа Св., приходящего в мир (16. 8–11), а дальше указывается лишь определенное умолчание: "еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить" (16. 12).

Таким образом, общая эсхатология дается лишь в самых общих очертаниях, притом со стороны суда и обличения. Не говорится о самом конечном свершении, но лишь о конце состояния этого мира в его плененности у князя мира сего. В этих общих контурах соте-риологии отсутствуют также черты философии истории, которая

представляет собой главный предмет Откровения. Это отсутствие также соответствует общему стилю Четвертого Евангелия.

6. Предестинация.

Особенность Четвертого Евангелия в изображении земных событий такова, что и они рассматриваются в плане божественном, как предвечные предопределения Божии. Синергическое взаимодействие божеского и благодатного с одной стороны, и природного, человеческого с другой, в жизни людей определяется здесь со стороны Божественного предначертания, как судьбины Божии. Потому естественно получается впечатление известной детерминированности событий, в которой как будто не остается места человеческой свободе, ответственности и самоопределению. С наибольшей парадоксальностью такое предопределение выражается применительно к судьбе Иуды, которая изображается как фатум печального жребия. Сначала лишь вообще свидетельствуется Евангелистом, что "Иисус не вверял Себя им (уверовавшим в Него), потому что знал всех и не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке, ибо Сам знал, что в человеке" (2. 25). Это знание не было лишь человеческим знанием, хотя бы вооруженным самой глубокой проницательностью, нет, оно было и божеское знание Творца о своем творении, Его предопределение о нем. Общая мысль эта применяется далее более конкретно уже к Иуде. Господь так говорит о нем в беседе о Хлебе Животворном: "есть среди вас некоторые неверующие. Ибо Иисус от начала *ἐξ ἀρχῆς* знал, кто суть неверующие и кто предаст Его" (6. 64). Попытка истолковать это знание "от начала", в применении к Иуде, как получающееся после изучения его свойств,* терпит крушение, как явная натяжка в отношении к прямому тексту, притом не только в применении к Иуде, но и ко всем тем, "кто суть неверующие". Придавать выражению *ἐξ ἀρχῆς* (ср. 16. 4) такое умаленное значение нет основания,** тем более, что тут же, в дальнейшем тексте подтверждается именно такое значение: "и сказал: для того-то говорил Я вам, что никто не может прийти ко Мне, если не дано будет ему от Отца Моего" (6. 65). И на фоне этого положительного утверждения печально и даже страшно звучит та же мысль, хотя и в отрицательной форме, в применении к Иуде: "Не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас дьявол. Он говорил об Иуде Искаротском, ибо сей

* Кроме печатного очерка "Иуда, апостол-предатель", см. к нему дополнения и экскурсы рукописные.

** Такое же значение изначальности, в смысле вечности, имеет *ἐξ ἀρχῆς* в Исаия 40. 21; 41. 26. В этом оно не является синонимом к выражению *ἀπ' ἀρχῆς*, которое явно относится к началу во времени: Ио. 15. 27; I Ио. 3. 11; 2. 7, 13 (может быть, кроме I Ио. 1. 1), где действительно оно имеет значение времени: "о том, что было от начала"...

имел (ἐμελλεν) предать Его, будучи один из двенадцати" (6. 70). Избрал дьявола: такова тайна этого предопределения Иуды, каково бы оно ни было во всей его полноте.* Этот рок исполняется в главе 13-ой. Здесь еще раз и уже прямо подтверждается Христом мысль о предопределенности Иуды: "не о всех вас Я говорю: Я знаю, которых Я избрал". Это общее знание подтверждается и у синоптиков прямым предсказанием Господа об отречении ап. Петра и об оставлении Его другими апостолами, а также и о предательстве Иуды. Здесь оно еще соединяется с заверениями Петра в противном, хотя и не оправдавшимися: Мф. 26. 31, 33–35, 69, 75; Мр. 14. 27–31, 66–72; Лк. 22. 33, 34, 54–62. Христос далее так продолжает пророчество об Иуде: "Но да сбудется писание: "ядущий хлеб со Мною подъял на Меня пята свою" (Пс. 40. 10). Теперь сказываю вам прежде нежели сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я" (Ио. 13. 18, 19). Кроме всех этих свидетельств о предопределенности Иуды к предательству, можно сказать его обреченности, к тому в Четвертом Евангелии характерно отсутствуют все другие конкретные черты события, имеющиеся у синоптиков (ср., впрочем, 18. 2–5). Но еще раз подчеркивается предустановленность совершающаяся, притом даже как будто без прямой к тому необходимости повествовательной: "Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал..." (Ио. 18. 4).

Судьба эта является лишь частным примером для подтверждения мысли об общей предустановленности не только к гибели "сына погибельного", "да сбудется Писание (Псал. 108. 17)..." (Ио. 17. 12; 18. 9), но и к спасению в других случаях. Именно так говорит Христос в речи евхаристической: "Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет, и приходящего ко Мне не изгоню вон. Ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Свою, но волю Пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день. Воля Пославшего меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день" (6. 37–40). Но даже и этих повторений, обычных для Иоанна, еще недостаточно для него, потому что еще раз он подтверждает: "Никто не может ко Мне прийти, если не привлечет его Отец, пославший Меня, и Я воскрешу его в последний день. У пророков написано: "и будут все научены Богом". Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне (Исаия 54. 13)" (Ио. 6. 44, 45). Эта же мысль повторяется в речи во храме, в притворе Соломоновом, в праздник обновления (10. 23): "Я даю им (овцам Моим) жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей; Отец, который дал Мне (их), больше всех, и никто не

может похитить их из руки Отца Моего. Я и Отец одно" (28–30). И эта же мысль о воле Отца, давшего Сыну учеников, торжественно подтверждается и в конце Его служения, в первосвященнической молитве: "Я открыл Имя Твое человекам, которых Ты дал Мне, и они сохранили слово Твое. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть. Ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня. Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои, и все Мое Твое, и Я прославился в них" (17. 6–10).

Мы уже говорили о том соотношении, которое существует между этим словом Христа о прославлении учеников в их неотмирности и теми внешними обстоятельствами, когда оно было сказано, накануне оставления ими своего Учителя страха ради иудейска. И замечательно, что об этом последнем говорится не только синоптиками, но и четвертым евангелистом в повествовании о Тайной Вечери, на которой, или в связи с которой, имела место прощальная беседа и первосвященническая молитва (13. 17, 18; 16. 32), а также и в рассказе о ночи взятия Христа (18. 15–18, 24–27; 19. 25). Такое соотношение двух повествований, как уже сказано выше, можно понять лишь в перспективе двух планов: земного, эмпирического, исторического течения событий, как пути учеников к их духовной зрелости, и самого ее достижения, наступления полноты апостольства. О ней-то и говорится в первосвященнической молитве Христовой как об их освящении и посвящении Небесным Первосвященником: "святи их во истину Твою, слово Твое есть истина. Как Ты послал Меня в мир, так Я послал их в мир. И за них Я свящу Себя, чтобы и они освящены были истиной" (Ио. 17. 17–19).

Основная мысль о промыслительном действии Божиим в мире состоит в неотразимости призвания Божия для тех, кто призван, причем призвание это исходит от Отца и совершается чрез Сына. Вместе с тем такое призвание является единственным путем обращения к Богу. Здесь с большой настойчивостью, которой мы не наблюдаем в такой степени у синоптиков, выражается мысль, что "не может человек ничего принимать (на себя), если не будет дано ему от неба" (3. 27). (Слова Иоанна Предтечи в отношении к служению). И сюда же относятся слова Христа (в беседе евхаристической) о призвании человека от Бога, как имеющем характер неотложности: "все, что дает Мне Отец, ко Мне придет, и приходящего ко Мне не прогоню вон" (6. 37). Та же мысль повторяется ниже и в эсхатологическом контексте: "воля Пославшего Меня есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день" (40). Аналогичная мысль о предустановленности выражена самим евангелистом в той же главе по поводу слов Христовых: "но есть из вас некоторые неверующие..." Евангелист

* Бернард, с. с. 219.

продолжает уже от себя: "ибо Иисус от начала знал, кто суть неверующие и кто предаст Его. И сказал: "Для того-то (и) говорил Я вам, что никто не может прийти ко Мне, если (то) не будет дано ему от Отца Моего" (65). Эта же мысль выражается и в беседе о пастыре и овцах, гл. 10. 29, 30: "Отец Мой, который дал Мне (их — овец), больше всех, и никто не может похитить их из руки Отца Моего. Я и Отец — одно". Этим словам относительно избранных и данных Христу Отцом придается самая большая сила именно этим последним свидетельством об единстве Отца и Сына. Эта мысль в первосвященнической молитве применяется не только к избранным, но и ко всякой плоти: "Ты дал Ему власть над всякой плотью (*ἐξουσίαν πάσης σαρκός*), да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную" (17. 2). "Я открыл Имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира. Они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили Слово Твое". "Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть" (17. 7). "Я о них молю, не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои, и все Мое Твое, и Твое Мое, и Я прославился в них" (17. 7—9). "Когда Я был еще в мире, Я соблюдал их во Имя Твое; тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погубили, да сбудется Писание (Пс. 108. 8, 17)" (Ио. 17. 12). "Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде создания мира" (17. 29).

Резко выраженная в этих текстах идея предестинации избранных или данных Христу Отцом учеников, которая получает еще и отрицательное подтверждение в предустановленной судьбе Иуды (3. 18; 17. 2), содержит в себе несомненные догматические трудности для понимания. Может ли она быть понята в смысле учения апостола Павла о предопределении (Рим. 8), призвании и оправдании избранных, со всей трудностью в истолковании и многозначности этого текста? Может ли она, далее, быть воспринята в смысле Августиновского предестинационизма, который безуспешно старается смягчить католическое богословие в томизме? Или же, наконец, следует в этом направлении идти до конца за Кальвином и пуританским детерминизмом? Очевидно, та кой предестинационизм не соответствует всему духу Евангелия любви. Кроме того, он не мирится и с его текстом, поскольку власть Христова распространяется на "всякую плоть" в Первосвященнической беседе: "да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную". Получается как бы несколько центров: с одной стороны, выделяются те, которых "дал" Христу Отец Небесный в земном Его служении, но в то же время они включаются в более обширный круг — "всякой плоти", приемлющей от Него спасение (в частности, эта же антиномия может быть применена и к "сыну погубили", Иуде). Принять предестинационизм кальви-

нистический на основании Четвертого Евангелия, конечно, невозможно, как и вообще он совершенно не вмещается в христианскую эсхатологию. Остается искать догматического объяснения тому все-таки бесспорному факту, что в нем с особой силой утверждается нарочитость избрания или же отвержения, как действие Промысла Божия, воли Отца, проявляющейся в мире. Как таковая, она непреодолима и неодолима, поскольку проявляется как всемогущество Божие. Вопрос заключается лишь в том, поглощается ли этим действием Божиим без остатка действие человеческое, и устраняется ли богочеловеческий синэргизм, последствием чего является фатализм? Или же сохраняет всю свою силу то, что содержится во всем Новом (да и в Ветхом) Завете, в частности и у синоптиков, и может быть понято лишь в смысле синэргизма с признанием человеческой свободы, хотя и относительной, ограниченной? Подобный вопрос мы имеем и в применении к истолкованию соответственного учения ап. Павла в Рим. 8. 29, 30 и гл. 9, которое получало в истории экзегеты столь различное истолкование, от здравого синэргизма до крайнего детерминизма.

Принимая во внимание все значение контекста, которое свойственно вообще Четвертому Евангелию, и эту черту предестинационизма мы должны истолковать ограничительно, как заведомо одностороннюю догматическую стилизацию. Именно, насколько вообще ему свойственно изображать божественную сторону земных свершений в их вечном, божественном плане, постольку это относится и к данному случаю. Божественная данность сочетается с человеческой заданностью в тварной свободе и соответствием между той и другой, которое составляет самое основание синэргизма, а вместе с тем тайну премудрости Промысла Божия. В богочеловечности творения не может быть и нет такого свершения божественного, которое бы не было вместе и человеческим. Но возможно и преимущественное сосредоточение внимания при изложении каждой из этих обеих сторон предмета, и в богословском Евангелии таковой является именно сторона божественная. В таком смысле в общем богословском контексте остается нам понимать и принимать отдельные его тексты не только там, где это не вызывает затруднений, но даже и там, где фаталистический предестинационизм как будто более соответствует буквальному тексту, однако противоречит всему общему контексту Евангелий.

Продолжение следует

Портрет работы художника Вышеславцева

Роберт СЛЕСИНСКИЙ

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТА ПО УЧЕНИЮ О. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

За последние годы были напечатаны в "Богословских трудах" некоторые важнейшие сочинения выдающегося философа и религиозного мыслителя, свящ. Павла Флоренского.* Мы можем без всякого преувеличения сказать, что их опубликование дает возможность с новых позиций проникнуть в систему мыслей столь сложного писателя, каким является отец Павел. Публикация "Иконостаса" в 1972 году и "Из богословского наследия" в 1977 году имеют общей темой центральное значение культа как в практической жизни, так и в теоретических построениях. Культ, по учению Флоренского, является осью, вокруг которой вращается не только мир, но и все христианское мировоззрение.

Находясь в орбите мыслей Флоренского, редакторы ежегодника задают краеугольный вопрос: нельзя ли найти необходимый и надежный путь к единству и взаимопониманию всех религий именно на этой основе, т. е. на собственно культовой основе? Мы не можем ответить здесь на этот вопрос во всей полноте, но тем не менее он является хорошей отправной точкой для изучения религиозной философии Флоренского.

Опубликованные материалы состоят, главным образом, из прочитанных в Московской Духовной Академии лекций и представляют собой попытку построить убедительную философию культа. Написанные с 1918-го по 1922-ой год, они включают серию из пяти лекций с условной датировкой май 1918, а также дальнейшую разработку и выводы, сделанные автором впоследствии на протяжении четырех лет. В июне 1917 года Флоренский, предчувствуя ход событий, выразил в Сергиевом Посаде свое намерение основать в Москве религиозно-философскую академию, т. е. учреждение, "имеющее задачей изучение религии в ее принципиальных основаниях и в ее конкретном историческом бытии". Цель этой академии должна была бы быть, по мысли Флоренского, двоякой: он планировал не только читать лекции о религии, но также проводить исследования по феномену религии как таковой.

* "Иконостас". Богословские труды, 1972. "Экклезиологические материалы". Б. т., № 12, 1974. "Из богословского наследия". Б. т., № 17, 1977.

Главные линии философии культа у о. П. Флоренского

Флоренский утверждает, что существуют два мира, земной и духовный, и что человек по собственной своей природе существенно принадлежит обоим. Человек как бы находится между ними. Он живет в земном мире, но по природе открыт и небесному, или духовному, миру. Его соприкосновения с духовной сферой начинаются неким трепетом, который, по библейскому выражению, называется страхом Божиим. В самом деле, человек безвозвратно *homo liturgicus*; он имеет неоспоримую склонность к священному, так что не может быть вполне человеком, если не обладает в достаточной мере святостью.

Роль религии, по Флоренскому, — соединить оба мира. Она выполняет эту задачу посредством культа. Как средство, или, точнее, среда для нашего соприкосновения с небесным, религия открывает нам область таинственного и таким образом вдохновляет все высшие стремления человека и служит основой подлинной философии и всякого человеческого интеллектуального искания. Конечно, мы не можем в полной мере овладеть сокровенной религиозной тайной, и, следовательно, религия и тайна остаются выше культа и обряда, хотя они доступны лишь через эти последние.

В вышеупомянутых лекциях и сочинениях мы обнаруживаем определенную последовательность мысли, но она не всегда очевидна и кое-где может даже показаться нарушенной. Однако, надо иметь в виду, что хотя Флоренский прилагал все усилия, чтобы очертить и выявить свои взгляды и интуиции о религии и культе, он сам идет как бы ощупью. Оговорив это, мы можем точнее определить важнейшие пункты его мысли, не ожидая при том полной отчетливости и полноты всех аргументов. К сожалению, исторические обстоятельства сложились таким образом, что Флоренский еще до ссылки должен был погрузиться в естественные науки, из-за чего не смог разработать до конца свои философские интуиции в области культа.

Стоит заметить, что в исследованиях о культе Флоренский остается верным методу, изложенному в работе "Столп и утверждение Истины". Во-первых, здесь, как и там, он обращается к читателям непосредственно, как к друзьям, чтобы вести с ними диалог. Мало того, он даже отказывается от какой бы то ни было системы и скорее обращается к личному опыту, чтобы обосновать свою мысль. Он пишет: "Приближается наше разумение к культу не рассудочным изучением, а жизненным с ним соприкосновением: вне конкретной жизни в культе и около культа нет и понимания его". Наконец, как

в книге "Столп и утверждение Истины", так и в этих размышлениях, он прибегает к антиномиям, чтобы обосновать и объяснить свои жизненные переживания.

Лекции, написанные в мае 1918 года

Первая группа статей о философии культа (см. Б. т. № 17) состоит из серии прочитанных в Московской Духовной Академии лекций, включая "Страх Божий", "Култ, религия и культура", "Култ и философия", "Таинства и обряды" и "Освящение реальности".

В первой из этих лекций Флоренский приводит исходную интуицию, на основе которой он начинает свои размышления о религии. Это — страх Божий. Он указывает на страшное величие Бога, внушающее нам благоговейный трепет в присутствии Божества.

Именно на этом страхе Божьем основывается культ. Он определяется Флоренским как "выделенная из всей реальности та ее часть, где встречается имманентное и трансцендентное, долнее и горнее, здешнее и тамошнее, временное и вечное, условное и безусловное, тленное и нетленное". В культе продолжается это "прикосновение "видимого" и "Божественного", "чувственного" и "умного". Так выявляется антиномия культа.

В следующей лекции Флоренский глубже разрабатывает мысли о человеке, выясняя и делая прозрачной истинную суть и смысл культа на основе нескольких основных утверждений. Первое утверждение, что человек по природе является культовым бытием, основывается на непосредственном сознании, что существует явная параллель между культом и человеком, поскольку оба принадлежат в одно и то же время к двум сферам бытия. Флоренский объясняет: "Человек сам живое единство бесконечности и конечности, безусловности и тленности, необходимости и случайности, узел мира идеального и мира реального".

Из этого понимания человека следует второе его утверждение о деятельности, которая проистекает из единственного, неповторимого положения человека в мироздании, а именно: практическая, теоретическая и литургическая деятельность. Иначе говоря, своей первой, т. е. практической или хозяйственной деятельностью, человек осуществляет собственную материальную природу; второй, теоретической или мировоззрительной деятельностью, он приводит в действие свою интеллектуальную природу; и в последней, т. е. в литургической или культовой деятельности, он соединяет предыдущие две в одну совокупность.

Главная заслуга Флоренского в том, что он показал здесь чрезвычайную важность культа во всех сферах человеческой деятельности. Он находится в зависимости от трех последующих точек зрения, которые являются единственно возможными, так как каждая придает культу центральную роль. Если отдать первичность разуму, как сделал идеологизм, характерный для рационализма XVIII века, то как показывает Флоренский, мы увидим "в формах хозяйства и в обрядах культа простое применение теоретически-научных, мифологических, догматических и так далее построений разума". С другой стороны, если ставить ударение на хозяйство и экономику, следуя за многими мыслителями XIX века, то "мировоззрение есть лишь оправдание задним числом уже создавшегося экономического строя... а культ — освящение того же строя, опять-таки задним числом". Такая теория называется экономизмом.

По Флоренскому, обе эти теории недостаточно учитывают огромную важность культа для осмысления и объединения всей человеческой деятельности. Итак, примат все-таки должен принадлежать культу. Соответственно, Флоренский отстаивает своеобразную "сакральную теорию", которую можно также назвать религиозным материализмом или конкретным идеализмом.

В "Культе и философии" Флоренский заявляет, что религия — "материнское лоно философии", и этим утверждением он подчеркивает свое убеждение, что древнейшая философия есть не что иное, как античная религия. По его собственным словам, "первоначальная философия только по воле к автономному самоопределению отличалась — в важном — от породившей ее религии, но отнюдь не по содержанию своему, не по своей наличности". Короче, философия — лишь "беглая дочь своей матери".

Наиважнейшее в статье — это резкая критика основных положений кантианства. Флоренский противопоставляет их платоническим концепциям. Отмечая, что "Платон и Кант относятся друг к другу... как печать и отпечаток", он пишет, что платоническая философия — пример культо-центричной философии, между тем как кантовская — культоборческая. Основным спорным пунктом между ними является вопрос, имеем ли мы подлинное соприкосновение с реальностью. Что бы мы ни думали о платонической идеалистической системе, Платон, в конечном итоге, положительно ответил бы на этот важнейший вопрос. Напротив того, Кант, с своим различием *ноумена*, или вещи в себе, и *феномена*, или вещи для нас, ответил бы отрицательно.

У Платона мы действительно постигаем идеи, которые создают реальный мир. А у Канта нам никогда не дано подлинное восприятие

самой вещи в себе. Иначе говоря, Платон объективист, а Кант субъективист. Поэтому Флоренский и возражает Канту, утверждая, что единственная "осмысленная реальность для него сам он и поставление себя в безусловный центр мироздания". Заключенный в себе, человек не может непосредственно относиться к реальности, "в отношении которой", по Флоренскому, "только и может быть речь о самоопределении — одна: это реализованный смысл или осмысленная реальность, это воплощенный Логос, это — культ". Продолжая эту мысль, Флоренский развивает свое понимание философии, которая, как он говорит, "самым существом своим есть не что иное, как уразумение и осознание умного, горнего, пренебесного, трансцендентного мира; но мы знаем его, этот мир, только как культ, как воплощение горнего мира в наших конкретных символах. Философия есть поэтому идеализм, но не мыслями занятый, а конкретным созерцанием и переживанием умных сущностей, то есть культа". В этом же определении философии мы видим, что мысль Флоренского не только не противится реализму, но скорее является именно поразительным примером его. Все его возражения на критицизм Канта сосредотачиваются на ориентировке познающего субъекта в себе и в собственном мышлении. "Откуда презумпция Канта, — пишет Флоренский, — что нет Разума вне разума, нет Логоса вне собственного нашего логоса? Презумпция — от воли, воли быть одному, воли к автономии и к онтологической самостоятельности. "Нет разума вне меня"... вот лозунг Канта. И потому в свой разум он предпочитает внести субъективно-случайное, лишь бы не подчинять его объективно-необходимому. Не разум от Истины, но истина от разума, — не я в Истине, но истина во мне. Это-то понимание ориентировки и определило Кантову философию".

В этом цикле лекций Флоренский посвящает свои силы двойной цели: разъяснению культовой основы философского понимания и разработке философского значения культа. Чтобы выполнить эту задачу, необходимо сосредоточиться на человеке, его природе и окончательной судьбе. Начало такой постановки вопроса видно уже в "Таинствах и обрядах", где Флоренский замечает, что в человеке есть два онтологических аспекта, т. е. традиционные образ Божий и подобие Божие. Согласно этим онтологическим плоскостям человека существуют, с гносеологической точки зрения, две правды в человеке — правда бытия и правда смысла. И вот, утверждает Флоренский, в совмещении смысла и реальности находятся точное естество и значение культа. Благодаря этому взаимопроникновению двух планов в культе, человек находит смысл бытия и

воспринимает трансцендентное условие единства своего самосознания.

Через обряд, читаем мы в "Освящении реальности", человек подымается к Таинству. Обряд обрамляет Таинство и позволяет человеку подойти к Таинству, которое без особого обрамления обряда опалило бы человеческую личность своей яркостью. Обряд как таковой, "лестница Иаковля", "лестница воплощений в земном — небесного", и нам открывает горизонт Таинства. Тем не менее Таинство всегда остается выше обряда, находясь как бы на другом иерархическом уровне. Хотя Таинство выше человеческого бытия, мы все-таки имеем уверенный доступ к нему через обряд и культовую деятельность, посредством которых мало-помалу подаются и просветление, и одухотворение, и преображение.

Дедукция семи таинств

Хронологически следующим произведением Флоренского на тему философии культа, включенным в собрание "Богословских трудов", является краткая, но очень содержательная статья, озаглавленная "Дедукция семи Таинств". До сих пор мы видели, что Флоренский хотел подчеркнуть важную роль культа в взаимопроникновении человека и мира с сферой небесной и миром Таинства. Но в этой дедукции Флоренский продолжает свои исследования и с другой точки зрения, он старается показать, что Таинства в строгом, церковном смысле слова именно "своею совокупностью выражают строение человека". Понимание Таинств как совпадающих с природой человека и отвечающих на человеческие нужды — это глубокое богословское достижение. Тем не менее возникают затруднения при попытке вывести Таинства и, тем более, показать численную закономерность семи Таинств на основании телосложения человека. Так ставит вопрос Флоренский. Но реально ли на самом деле строгое соотношение между Таинствами и телосложением человека — это весьма сложный и спорный вопрос. Флоренский не может избежать в своих теоретических построениях Прокрустова ложа. Для востока более характерно созерцание Таинств как соучастия человека в тайнах Смерти и Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, сошествия Святого Духа, и пр., но такого подхода нет в этих произведениях Флоренского.*

* Здесь нам кажется, что критика Флоровского в определенной степени оправдана. Флоровский сетует на то, что Флоренский был на самом деле "западным" писателем. Так как тема дедукции семи Таинств была любимым занятием схоластиков, то получается некоторое (продолжение сноски на следующей стр.)

Флоренский основывает анализ и дедукцию семи Таинств на своем понимании человеческой природы. В человеке есть два уровня — стихийно-родовая подоснова человека, которую он именует "усией", и разумная, личная идея человека, его духовный облик, который относится к категории "ипостаси". В интерпретации Флоренского эти два существенных аспекта человека относятся друг к другу как тезис к антитезису. "Усия" — центростремительная сторона человека и представляет индивидуальное начало в нем, т. е. человека как индивида. По сравнению с "усией", "ипостась" утверждает существенный общественный характер человека. Она как бы центробежна, и таким образом есть начало самоотрицания индивида. В этом аспекте человека утверждается "мир и общество как действительные условия бытия индивида". Видно, что "усия" — тезис индивида и в то же время антитезис общества. Напротив, "ипостась" есть тезис общества, как и антитезис индивида.

Главное, Флоренскому нужно сохранить в человеке равновесие между тезисом и антитезисом, т. е. усией и ипостасью. Он утверждает, что роль культа — сохранять и осуществлять это равновесие; через культ рождается новый синтез, который есть ипостасная усия, как и усийная ипостась. Это синтетическое взаимопроникновение усии и ипостаси происходит в индивиде как члене общества, но также в обществе как условии бытия индивида. Согласно этому пониманию, каждое Таинство участвует в сохранении и осуществлении равновесия человека во всех его функциях и измерениях.

Флоренский учит динамическому пониманию человека. Он видит в человеке двойной процесс — процесс органогенезиса и логогенезиса. Человек в своем телесном измерении состоит из непрерывного тока поступков, образующих его органогенезис, и таким образом отличается от всех других индивидов. Поэтому тело — наилучший символ его усии. Против этого процесса отделения направлен анти-тетический процесс соединения, состоящий из актов самоотрешения для других и в других. Главным образом этот процесс осуществляется речью. "Речь, — говорит Флоренский, — это тот процесс, которым заявляет себя ипостась". Обозначением этого процесса является термин "логогенезис".

сближение в мышлении Флоренского с западной схоластикой. Тем не менее нельзя утверждать, что в силу этого частного сближения Флоренский просто-напросто "западный" мыслитель. См.: прот. Георгий Флоровский, "Пути русского богословия". Париж, 1937, стр. 497.

Человек утверждается и осуществляется и своим телом, как индивид, и своей речью, как общественное бытие. Оба аспекта его природы находятся в естественном напряжении, которое разрешается в новом синтетическом процессе. Моменты этого процесса разрешения диалектического напряжения в человеке составляют синтетическую сторону в бытии человека — ту сторону усийно-ипостасную, которая есть пол, и вытекающий из него синтетический процесс, который есть брак, приводящий, наконец, к семье. Короче, основная схема Флоренского состоит из тела-тезиса, речи-антитезиса и последующего брака-синтеза.

Поскольку культ должен блюсти равновесие человеческого строения, Флоренский выводит из триады тезиса, антитезиса и синтеза необходимость существования трех родов Таинства: "таинства тетические, делающие безусловным индивид через освящение процесса-тела, таинства антитетические, делающие безусловным общество, в той же личности, через освящение процесса-речи, таинства синтетические, делающие безусловной семью, через освящение процесса-пола".

Но так как и тело, и речь, т. е. и индивид и общество, являются в сущности процессами, надо заметить, что в самом процессе тела или индивида, с одной стороны, и в самом процессе речи или общества, с другой стороны, получаются взаимопротивоположения их тезисов и антитезисов, которые приводят к внутренним синтезам. Это значит, пишет Флоренский, "что в усии есть усия усии и ипостась усии, а в ипостаси — усия ипостаси и ипостась ипостаси". Между ними производятся обыкновенные синтезы. Или, иначе говоря, в процессе тела есть троякий процесс — тетический процесс очищения, и синтетический процесс, соблюдающий телесное равновесие жизненными энергиями, т. е. процесс теплоты. Подобно в процессе речи и словесной жизни наблюдается также троякий процесс. На этот раз тетический процесс — это слушание слова; антитетический процесс — это говорение слова; синтетический процесс, создающий взаимопонимательный язык, — это функция власти в обществе.

Флоренский продолжает развивать свой аргумент и замечает, что из основной диалектической триады в человеке, тела, речи и брака, и из двух подчиненных в этой триаде, триад процессов самого тела и самой речи, выводятся семь основных функций человеческого существа, которым соответствуют семь Таинств. Таинства служат функциями освящения телесного и словесного процессов в человеке, и на этой основе мы можем составить список Таинств по их функциям.

Освещающая функция телесного питания есть Таинство Причащения, освещающая функция самого телесного равновесия есть Таинство Крещения, освещающая функция соблюдения телесного равновесия есть Таинство Миропомазания. Что касается словесной жизни, то освещающая функция словесного питания или слушания слова есть Таинство Елеосвящения, освещающая функция говорения или очищения души говорящего есть Таинство Покаяния, и, наконец, освещающая функция власти, соблюдающая равновесие слушания и говорения, есть Таинство Священства. Седьмое Таинство, Брак, мы уже рассматривали как синтетический процесс, освященный у своего истока, тела и речи.

Таким образом, мы видим, что Флоренский различает два рода Таинств, Таинства дела (Причащение, Крещение, Миропомазание), относящиеся к процессу тела, и Таинства слова (Елеосвящение, Покаяние, Священство), относящиеся к процессу речи. В рамках этого различия, он обсуждает сложный вопрос логического порядка совершения Таинств. По его схеме, все тетические Таинства, т. е. освещающие телесный процесс Таинства, должны быть непременно совершены ранее других, антитетических Таинств, якобы освещающих словесный процесс речи. Дальше, казалось бы, все Таинства-тезисы предшествуют всем Таинствам-антитезисам. То есть, по данной в этой схеме логике человеческого существа, можно было бы предположить, что все тетические Таинства (Причащение, Елеосвящение) должны предшествовать антитетическим Таинствам (Крещению, Покаянию). Но, как мы знаем, на практике это совсем не так, а наоборот. Как объяснить этот факт? По схеме видно, что тезисом сперва утверждается духовный мир, и только потом, антитезисом, он обособляется и очищается от того, что не есть он. Но, замечает Флоренский, с точки зрения веры, на фоне которой мы должны понимать Таинства, дело обстоит как раз наоборот. Вера переносит нас в потустороннюю действительность, и с точки зрения этой действительности, пишет Флоренский, "сперва отрицается данность этого мира (антитезис), чтобы потом утвердить действительность того (тезис) путем указания на иную реальность, которая в этом мире раскрывается как заданность". Поэтому, в жизни веры, антитезисы должны предшествовать тезисам. Иначе говоря, на практике Крещение должно предшествовать Причащению, а Покаяние Елеосвящению.

"Свидетели"

Статья "Свидетели" (17 июня 1922) является хорошим дополнением к статье о дедукции семи Таинств. Если предыдущая статья

Флоренского оставляет впечатление, что он рационалист и занимается пустыми абстракциями и схоластикой, в дурном смысле этого слова, то эта весьма талантливая статья указывает на широту его философской мысли. "Свидетели" — прекрасный, сжатый пример конкретной философии Флоренского с ее характерной установкой на личный опыт и переживание.

Исходным пунктом здесь является вопрос об уверенности в нашем знании, происходящей от последования обрядовых действий и слов Таинств. В последовании Таинств наш ум сознает горний мир, и самые существа наши возвышаются до интимного соприкосновения с ним. Но сразу же возникает вопрос: откуда мы знаем, что существует подлинный контакт? Наше знание о горнем мире возможно двояким образом: оно может быть непосредственным соприкосновением мистического опыта, а если нет, то единственная другая возможность — некоторый вид опосредованного знания. Очевидно, в чинопоследовании Таинства мы не имеем прямого мистического знания небесной реальности, не говоря уже о Божественной сущности. Но все равно, утверждает Флоренский, мы уверены в нашем соприкосновении с сверхъестественным, мистическим миром по наличию самих обрядов, то есть, по произнесению положенных формул и по произведению таиносовершенных действий. Это объяснение, разумеется, не что иное, как утверждение и признание традиционной схоластической доктрины совершения Таинств *ex opere operato*. Но этот предварительный, заданный нам вопрос не вполне отвечает сути проблемы. Допустим, что в каждом отдельном случае Таинство признается по наличию чинопоследования, тем не менее встает общий и более коренной вопрос о том, что в конечном счете составляет связь чинопоследования с самим Таинством. Здесь имеется в виду основная проблематика самого "наличия". Речь идет или о прямом восприятии этого наличия, или о удостоверяющем наличии свидетельства. В данном случае, очевидно, ручательством наличия Таинства является не некоторое прямое восприятие, а именно определенное свидетельство некоего свидетеля.

Поэтому первоустановочным понятием христианской философии культа является понятие свидетельствования. Без свидетелей, без их страданий и мученичества за правду нет достаточного повода поверить в христианство. "Мученичество же есть, — как прекрасно выразил Флоренский, — кровь, говорящая об истине". Согласно этому, каждый христианин должен быть в некотором глубоком смысле как мучеником, так и свидетелем тому, что есть иная жизнь, что есть воскресение из мертвых и что оправдана надежда вопреки

всякой надежде. Он сам жизненным своим свидетельством и жизненным своим касанием с духовным миром, без всяких слов, и является наиболее убедительным доказательством предмета своего вероисповедания. Наверно, Флоренский не знал, что его слова были пророчеством его собственной жизни, что сам он будет призван к страшной, мученической жизни и к доблестной смерти подлинного исповедника христианской веры.

Флоренский о молитве

Утвердив центральность свидетельствования для распространения христианства и принятия его истины, Флоренский выдвигает новый предмет обсуждения, а именно: как поддержать и воодушевить это свидетельство. Желать свидетельствовать — одно дело, стать свидетелем — совсем другое. В статье "Словесное служение, молитва" Флоренский сосредотачивает наше внимание на пульсе всякого религиозного культа, то есть на молитве. Он утверждает, что обряд существует лишь через молитву, без молитвы обряд не что иное, как пустая скорлупа. "Обряд не может быть, — говорит он, — только внешним действием; словесный и разумный, он непременно сопровождается утверждением себя, духовным положением себя посредством своего наименования".

В общих чертах выработанный Флоренским анализ молитвы — следующий. Сначала он обращается к молитве как таковой в ее нехристианских формах и вычленяет свойственную всякой молитве структуру. В молитве являются четыре основных момента: обращение к Абсолютному, к Богу, указание на присущую Богу власть, дающую нам онтологическую мотивировку молитвы, указание на заслуги просителя, обращающегося к Божеству, так называемая субъективная мотивировка к молитве, и наконец, сама просьба, то есть содержание молитвы.

В основном, специфически христианская молитва сохраняет ту же самую структуру. Ссылаясь на разные молитвы церковного требника, Флоренский замечает следующие пять характеризующих христианскую молитву моментов: обращение к Богу, ссылка на Божье всемогущество, на его онтологические качества или атрибуты, как условие возможности выполнения наших просьб, самое прошение, славословие Троицыного Бога и, в конце, восклицание "Аминь", как подтверждение наших нужд и желаний. Видно, что первые три части аналогичны моментам языческой молитвы. С другой стороны, два последних момента несходны. Комментируя свою пятичленную

схему, Флоренский предлагает пронизательное толкование динамики, свойственной молитвенному акту.

Что касается первого момента, момента обращения к Богу, мы с самого начала признаем свою уединенность и зависимость по отношению к Абсолютному Бытию, поручаем самих себя действию Божьей Любви. В вопле молитвы "мы бытийственно выходим из себя и имеваемый бытийственно входит в нас, так что становится возможным отношение и связь". Здесь проявляется глубокая истинность духовной жизни. Сам призыв, по признанию Флоренского, не есть только проникновенный крик человеческой субъективности, но и онтологический выход к Богу. В молитве, в сердечном зове к Богу, мы как бы концентрируем все наше существо и таким образом осуществляем нашу свободу в усердном призыве и одновременном выходе из себя к Богу.

Во втором же моменте молитвы, как выше упомянуто, мы определяем онтологическую основу, делающую возможным отклик на нашу молитву. В высшей Истине мы находим собственно тот тип, под который, как утверждает Флоренский, "мое желание подведено". Дальше он объясняет: "Я настаиваю на своем желании не как на своем, а как на Истине: предшествующее ему указание на мистический тип дает формулу моему желанию как причастному вечно-вселенской Истине".

Третий момент молитвы, прошение, философия называет "материей" молитвы. Эта материя достигает плотности лишь соответственно метафизической форме, то есть метафизическому типу, представленному во втором моменте молитвы. Но это не все, так как нужен какой-то деятель, или, вернее, Деятель, подводящий нашу бесформенную жизнь под определенную Божественную форму. Такой Деятель появляется в четвертом моменте молитвы, в Троичном славословии. По концепции Флоренского, Имя Пресвятой Троицы есть свидетельство о Нем, Источнике всех творческих энергий, и поэтому служит, философски говоря, действующей причиной молитвы.

Остается только одно требование, чтобы объединить и как-то заключить все эти моменты в одно целое. Вышеупомянутому пятому моменту как раз приходится выполнить эту задачу. "Аминь" призывает внимание Бога к молитве, и выражает человеческое "да будет", то есть человеческое доверие и отдавание себя Божественной силе и милосердию, уверенность в том, что Бог ответит на просьбу. Иначе говоря, восклицание "Аминь" активизирует молитву, и соответственно приводит в действие Божественную энергию, которая безусловно отвечает на нее.

Таким образом, Флоренский соотносит свое понимание феномена молитвы с аристотелевой схемой четырех причин. Моменты молитвы в его толковании соответствуют этим причинам, которые в свою очередь определяются классической православной доктриной синэргии. Синэргия представляет собой со-присутствие и со-действие двух уровней причинности; момент Божьей благодати и момент человеческого устремления ввысь. Эти два аспекта как бы заключают в себе линию движения. Призыв к Богу, устремление человека соприкоснуться Богу, относится к цели молитвы. Но человек никогда не сумел бы достичь живого общения с Богом без Его помощи. Божья благодать предоставляет нам эту возможность, и так как она вызвана Троичным славословием, славословие нужно считать действующей причиной молитвы.

Кроме того, получается еще другая синэргия, ибо существует соотношение между включенной в молитву частной просьбой и определяющей ее тип Божьей помощью. Эти два момента синэргитичного соотношения, которые обуславливают акт молитвы, соответственно служат материальной и формальной причинами молитвы. Остается лишь один вопрос: какую роль играет утверждающее слово "Аминь"? По Флоренскому, оно как бы служит скрепой, объединяющей двойную синэргию, свойственную молитве, то есть линию движения и линию условия, в одном духовном акте. Иначе говоря, "Аминь" определяет завершенность молитвы.

"Иконостас" и метафизика иконы

И в молитве, и в иконописи происходит встреча горнего и дольного миров. Но если в молитве словесное начало соприкасается с духовным миром, то в иконе дается непосредственный, наглядный опыт последнего. Это и составляет центральную тему исследования Флоренского, озаглавленного "Иконостас".* Иконостасом называется алтарная преграда, символически разделяющая видимый мир от невидимого. Он зиждется самими святыми, которые суть его "живые камни". Флоренский осмысляет лики святых и, следовательно, иконы, как "окна в вечность". Аналогия важна, потому что подчеркивается факт, что онтологически икона уже есть духовное видение, живое соприкосновение с первообразом, а не только обыкновенная дере-

* На странице 142 Флоренский пишет: "иконостас для глаза есть то же, что слово для слуха". В "Вестнике русского западно-европейского патриаршего экзархата" № 65, 1969, вышел, по-видимому, сокращенный вариант этой монографии.

вянная доска. Как отмечает Флоренский, "самое окно, дающее нам свет, есть свет, не "похоже" на свет, не связывается в субъективной ассоциации с субъективно мыслимым представлением о свете, а есть самый свет в его онтологическом самотождестве, тот самый свет, неделимый в себе и неотделимый от солнца, что светит во внешнем пространстве". Отметив, что цель иконы — вывести сознание в горний мир и что икона означает действительное, духовное присутствие изображаемого, Флоренский имеет смелость утверждать: "Из всех философских доказательств бытия Божия наиболее убедительно звучит именно то, о котором даже не упоминается в учебниках; примерно оно может быть построено умозаключением: "Есть Троица Рублева, следовательно, есть Бог".

В основе иконы всегда лежит некоторый духовный опыт; "в основе ее непременно лежит подлинное восприятие потустороннего, подлинный духовный опыт". Порукой истинности и верности этого опыта, активизированного посредством Божественного содействия, служит церковно определенная каноническая форма иконописи. И на возражение, что такая форма стесняет иконописца, Флоренский отвечает, что наоборот, она "высвобождает творческую энергию к новым достижениям". И добавляет, что истинный художник хочет не своего во что бы то ни стало, а прекрасного, объективно-прекрасного, т. е. художественно воплощенной истины вещей. "...Лишь бы это была истина, и тогда ценность произведения сама собой установится".

Характеризуя свое понимание иконописи, Флоренский говорит, что иконопись есть конкретная метафизика бытия. Такое утверждение может показаться странным, но Флоренский старается внушить, что "иконопись существует как наглядное явление метафизической сути ею изображаемого".

Разумеется, у Флоренского тема иконы и иконописи представлена гораздо шире, чем в нашем изложении. Наши наблюдения о столь простом и сложном труде, как "Иконостас" очевидно недостаточны, чтобы восстановить его целостный облик. Но мы питаем надежду, что верно осветили основной пафос Флоренского и направление его метафизического понимания иконописи и эстетики христианского опыта.

Эту оговорку, конечно, можно сделать в некоторой степени относительно всего нашего разбора философии культа Флоренского. Эта интереснейшая проблематика заслуживает дальнейших усилий ученых. Но, занимаясь философией культа, нужно всегда иметь в виду, что она никогда не была вполне разработана. У нас есть лишь

разные очерки, освещающие разные аспекты очень обширной темы. Необходимо обратить внимание на сказанное Флоренским еще в 1917 году. В книге "Первые шаги философии"* мы находим ценный комментарий по методологии. Видно, что Флоренский интересуется главным образом процессом научного исследования и проблемой выработки "вкуса" к конкретному опыту. Шаги по пути к мистическому опыту и полному обожению параллельны с шагами самой философии, и в этом отношении следующие слова из этого труда Флоренского очень удачно передают ход его размышлений:

"Для гуляющего важно идти, а не только прийти, и он идет себе неукротимым шагом. Заинтересовавшись каким-нибудь камнем, деревом или бабочкой, он останавливается, чтобы рассмотреть их ближе и внимательнее... Одним словом, он гуляет, чтобы подышать чистым воздухом и пожить созерцанием, а не для того, чтобы возможно скорее достигнуть, запыхавшись и запыхавшись, намеченного конца путешествия".

Рим, 1981

* "Первые шаги философии". Сергиев Посад, 1917.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

(автореферат)

Родился 9-го января 1882 года в м. Евлах Елизаветпольской губернии, где отец его строил тогда Закавказскую железную дорогу. Детство провел в Тифлисе и главным образом в Батуме. Учился во 2-й Тифлисской классической гимназии и окончил там курс в 1900 году. Дальнейшее образование получил на физико-математическом факультете Московского университета, по математическому отделению. В 1904 году окончил здесь курс, специализировавшись по чистой математике и был оставлен при кафедре. Кандидатское сочинение писал на самостоятельно намеченную тему "Об особенностях плоских кривых, как местах нарушений непрерывности"; это сочинение предполагалось сделать частью работ общеполитического характера "Прерывность, как элемент мировоззрения". В университете Флоренский работал преимущественно в атмосфере идей теории функций действительного переменного Н. В. Бугаева и под дружеским покровительством Н. Е. Жуковского. Параллельно с занятиями математикой и физикой, шло изучение философии на историко-филологическом факультете у С. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина. В 1904 году Флоренский поступил студентом в Московскую Духовную Академию и с этого времени поселился в Сергиевском Посаде. В Академии он занимался дисциплинами, необходимыми ему в разработке общего мировоззрения — философскими, филологическими, археологическими, историей религии, и отчасти продолжал работы математические. Будучи на IV курсе был избран на кафедру истории философии, которую затем занимал с осени того же 1908 года в качестве доцента, а с 1911 — э. о. проф., по защите на степень магистра диссертации "О духовной истине".

Лекции его и семинарии были посвящены преимущественно вопросам истории мировоззрения. Параллельно с занятиями философскими, Флоренский работал и отчасти преподавал в области математики и физики. В 1911 году принял священнический сан, не занимая приходской должности. С 1911 по 1917 годы Флоренский редактировал академический орган "Богословский Вестник", которому старался придать исторический характер и в котором опубликовал ряд документов, освещающих историю мировоззрения и школы в XVIII и XIX веках. С 1917-го года Флоренский читал лекции физи-

ческого и математического характера в педагогическом институте и разработал курсы по методике геометрии, энциклопедии математики и др. Вместе с тем, состоя сотрудником Музейного Отдела, он разрабатывал методику эстетического анализа и описания предметов древнего искусства, для чего привлек данные технологии и геометрии. В результате этих занятий был написан ряд докладов и составлен ряд описей, изданных лишь частично.

Мировоззрение

Свою жизненную задачу Флоренский понимает как проложение путей к будущему цельному мировоззрению. В этом смысле он может быть назван философом. Но в противоположность установившимся в новое время приемам и задачам философского мышления, он отталкивается от отвлеченных построений и от исчерпывающей, по схемам, полноты проблем. В этом смысле его следует скорее считать исследователем. Широкие перспективы у него всегда связаны с конкретными, вплотную поставленными обследованиями отдельных, иногда весьма специальных вопросов. Вследствие этого, развиваемое им мировоззрение строится контрапунктически, из некоторого числа тем миропонимания, тесно сплоченных особою диалектикою, но не поддается краткому систематическому изложению. Построение его — характера органического, а не логического, и отдельные формулировки не могут обособляться от конкретного материала. Руководящая тема культурно-исторических воззрений Флоренского — отрицание культуры, как единого во времени и в пространстве процесса, с вытекающим отсюда отрицанием эволюции и прогресса культуры. Что же касается до жизни отдельных культур, то Флоренский развивает мысль о подчиненности их ритмически сменяющимся типам культур, средневековой и культуры возрожденской. Первый тип характеризуется органичностью, объективностью, конкретностью, самособранностью, а второй — раздробленностью, субъективностью, отвлеченностью и поверхностностью. Ренессансовая культура Европы, по убеждению Флоренского, закончила свое существование к началу XX века, и с первых же годов нового столетия можно наблюдать по всем линиям культуры первые ростки культуры иного типа.

Свое собственное мировоззрение Флоренский считает соответствующим по складу стилю XIV—XV веков русского средневековья, но предвидит и желает другие построения, соответствующие более глубокому возврату к средневековью. Основным законом мира Флоренский считает второй принцип термодинамики — закон энтропии,

взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Миру противостоит Логос начало эктропии. Культура есть сознательная борьба с мировым уравниванием: культура состоит в изоляции, как задержке уравнительного процесса вселенной, и в повышении разности потенциалов во всех областях, как условия жизни, в противоположность равенству — смерти.

Всякая культура представляет целевую и крепко связанную систему средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, принимаемой за основную и безусловную, то есть служит некоторому предмету веры. Первые преломления этой веры в неотъемлемых функциях человека определяют углы зрения на области, связанные с этими функциями, то есть на все бытие, как оно соотносено с человеком. Эти углы — категории, но не отвлеченные, а конкретные (сравни каббалу); проявление их действием есть культ. Культура, как свидетельствуется и этимологией, есть производное от культа, то есть упорядочение всего мира по категориям культа. Вера определяет культ, а культ — миропонимание, из которого далее следует культура.

Натуралистическому этическому монизму при метафизическом дуализме Флоренский противопоставляет этический дуализм при метафизическом монизме; отсюда — борьба с пронизавшим все общество испарением манихейства, гностицизма, богумильства и проч.

Та же позиция Флоренского и в теории знания. Иллюзионизму, субъективизму и психологизму он противопоставляет реализм как убеждение в транссубъективной реальности бытия: бытие непосредственно открывается знанию. Восприятия не субъективны, а субъектны, то есть принадлежат субъекту, хотя и лежат вне его. Иначе говоря, в знании сказывается подлинная расширенность субъекта и подлинное соединение его энергий (в смысле терминологии XIV в.) с энергией познаваемой реальности. Но с другой стороны, в противоположность общепринимаемой или общежелаемой единой, замкнутой в себе системе знания (французский и особенно германский стиль мысли) Флоренский примыкает к стилю мысли англоамериканскому и в особенности — восточному, считает всякую систему связанную не логически, а лишь телеологически и видит в этой логической обрывочности (фрагментарности) и противоречивости неизбежное следствие самого процесса познания, как создающего на низших планах модели и схемы, а на высших — символы. Языки символические есть одна из существенных проблем теории знания. Строение познающего разума выше логики и потому содержит основное противоречие двух конститутивно присущих ему тенденций; приблизительно одно

и то же [. . .] бытие и смысл, остановкою и движением, конечностью и бесконечностью, законом тождества (разумея закон тождества, противоречия и исключенного третьего) и закон достаточного основания. Так как без совместного наличия обеих тенденций не может разум действовать, то всякое действие разума существенно антиномично, и все построения его держатся лишь силою противоборствующих и взаимоисключающих начал. Непреложная истина — это та, в которой предельно сильное утверждение соединено с предельно же сильным его отрицанием, то есть — предельное противоречие: оно непреложно, ибо уже включило в себя крайнее отрицание, и поэтому все то, что можно было бы возразить против непреложной истины, будет слабее этого в ней содержащегося его отрицания. Предмет, соответствующий этой последней антиномии и есть очевидно истинная реальность и реальная истина. Этот предмет, источник бытия и смысла, воспринимается опытом.

Мировоззрение Флоренского сформировалось главным образом на почве математики и пронизано ее началами, хоть и не пользуется ее языком. Поэтому для Флоренского наиболее существенным в познании мира представляется всеобщая закономерность, как функциональная связь, но понимаемая, однако, в смысле теории функций и аритмологии. В мире господствует прерывность в отношении связей и дискретность в отношении самой реальности. Неприемлемое позитивизмом и кантианством как нарушающее непрерывность, тем не менее закономерно и соответствует функциям прерывным, многозначным [. . .] распадающимся, не имеющим производной и проч. С другой стороны, дискретность реальности ведет к утверждению формы или идеи (в платон-аристотелевском смысле), как единого целого, которое "прежде своих частей" и их собою определяет, а не из них слагается. Отсюда — интерес к интегральным уравнениям и к функциям линий, поверхностей и проч.; отсюда же в другую сторону — пифагорейский уклон и стремление понять число, как форму. А в связи с представлением о многослойности реальности и недоступности одних слоев другим (условная трансцендентность) — стремление дать наглядную модель мнимостей.

В отношении пространства и времени у Флоренского — своеобразный атомизм. Борьба с кантовским понятием пространства и сознание условности и недостаточной гибкости не-евклидовских проективных пространств направило интерес Флоренского к пространствам не-проективным и к топологии. Именно на этой почве в значительной мере сложились его эстетические взгляды (курс лекций по "анализу пространственности в изобразительном искусстве", читавшийся в

Высших Художественных Мастерских). Флоренский видит в математике необходимую и первую предпосылку мировоззрения, но в самодовлеемости математики находит причину ее культурного бесплодия: направляющие импульсы в математике необходимо получать с одной стороны — от общего миропонимания, а с другой — от опытного изучения мира и от техники. Собственные занятия Флоренского направлены в обе эти стороны, причем предметом техники служит электротехника, преимущественно электрические поля и их материальные среды. Учение о полях, расширительно, связывается с задачами геометрии и натурфилософии и эстетики, а материаловедение — с гистологией материалов, как областью применения учений о множествах и теории функций.

Наконец, следует еще упомянуть о занятиях языком: отрицая отвлеченную логичность мысли, Флоренский видит ценность мысли в ее конкретном явлении, как раскрытия личности. Отсюда — интерес к стилистическому исследованию произведений мысли. Кроме того, отрицая мысль бессловесную, Флоренский в изучении слова видит главное орудие проникновения в чужую мысль и оформления собственной. Отсюда — занятия этимологией и семаσιологией.

Сочинения: по внешним и отчасти внутренним обстоятельствам, Флоренский не напечатал большей части своих работ, напечатанное же представляет чаще всего случайные заметки или экскурсы из больших сочинений. Из не напечатанного назовем: "У водоразделов мысли", "Философия Культа", "Анализ пространства в изобразительном искусстве", "Число как форма", "Автобиография", "Об особенностях плоских кривых, как местах нарушения прерывности", "Материалы по изучению языка и быта Костромской губернии", "Жизнь и личность А. М. Бухарева", "Жизнь и личность Архим. Серапиона Машкина", "Лекции по энциклопедии математики" (в частности, новый подход к вопросам топологии), "Первые шаги философии", "Словарь графических символов" (обширная работа, сделанная с А. И. Ларионовым), "Технология диэлектриков", "Пористость изоляционного фарфора и метод измерения и подсчета поверхности неправильных тел", "Электроинтегратор", "Гидростатический и электростатический прибор для решения алгебраических и трансцендентных уравнений", "Древнерусские названия драгоценных камней", "Об оценке качества продукции", "Заливочные составы для кабельных муфт" и др. Кроме того, он читал часть курса по вопросам творчества.

С 1919 года Флоренский устанавливает более тесную связь с техникой, читает ряд докладов во Всероссийской Ассоциации Инжене-

ров, в Русском Обществе Электротехников и в других обществах, печатает ряд статей в "Электричестве" и других технических журналах. Служба его с этого времени в ВСНХ, сначала при заводе "Карболит", затем в Главэлектро. Там и тут он занят преимущественно вопросами, связанными с электрическими полями и диэлектриками. С 1921 года Флоренский читает лекции в Высших Художественных Мастерских и разрабатывает курс по анализу пространственности. Вместе с тем он ведет экспериментальные работы в Гос. Эксперим. Электротехническом Институте, а с 1924 года состоит там же заведующим вновь организованной лаборатории Испытания Материалов. С 1924 года избран членом Центрального Электротехнического Совета и работает в области нормализации в "МОКЭН"е. Параллельно этому идет экспериментальная и литературная работа в связи с деятельностью в "Особом Совещании по улучшению Качества Продукции".

[1924]

ВОСПОМИНАНИЯ О П. А. ФЛОРЕНСКОМ*

Воссоздать образ П. А. Флоренского или хотя бы написать связанные воспоминания об этом удивительном человеке, конечно, я не в силах. Не могу я этого сделать прежде всего потому, что нет у меня для этого сколько-нибудь соответствующих литературных данных, а затем и в силу случайности и краткости наших встреч, продолжавшихся все же в течение 8 лет. Эти записки — лишь разрозненные зарисовки с натуры и только в этом отношении могут представить некоторый интерес.

С тех пор прошло уже 30 лет. Многое окончательно выветрилось из памяти. Так, я совершенно не помню, при каких обстоятельствах произошло наше знакомство. Вернее всего — нас познакомил Н. М. Чернышев — один из главных основателей группы художников "МАКОВЕЦ" и один из редакторов одноименного журнала.

Это было в самом начале 20-х годов — следовательно, Флоренский носил тогда рясу — штатское, как я знаю, он стал надевать после 30-го года, но тогда мне с ним уже не пришлось встречаться.

Отчетливо помню, что с первых же слов и как бы торопясь, чтобы не забыть, он твердо заявил мне: "Я должен Вас предупредить, что придерживаюсь средневекового мировоззрения". Это было сказано категорически, тоном *sine qua non* — или принимайте меня таким, каков я есть — или — пути наши врозь!

Но я поспешил заверить, что это меня несколько не смущает. Мировоззрение Флоренского мне было достаточно известно по его книгам — "Столп и Утверждение Истины", "Мнимости в Геометрии" и "Общечеловеческие корни идеализма".

Итак, знакомство состоялось.

Опять-таки не помню — в тот ли раз, или позднее — отец Павел (в те годы я его так называл, а позднее — уже в 1925–26 годах — Павлом Александровичем) стал развивать мысль о том, что талантливость, даже знание о "Высшем", о "Горнем", нередко встречается

* Лев Федорович Жегин (Шехтель) родился в 1892, умер в 1969 году, художник, теоретик искусства. Его основополагающая работа об иконе "Язык живописного произведения", законченная в 1928 г., вышла посмертно лишь в 1970 году. При жизни ему удалось напечатать лишь несколько глав из нее. Воспоминания о Флоренском печатаются впервые.

у людей одновременно с порочностью, даже с преступностью — крайности соприкасаются, — и сослался на пример св. Климента Александрийского, который, оказывается, был даже убийцей.

П. А., как мне рассказывал кто-то из "маковчан" — Н. М. Рудин или покойный М. С. Родионов — интересовался художниками, посещал их собрания. Мне передавала также В. Е. Пестель, что еще в 12–14 годах Флоренский бывал в доме художницы-кубистки Л. С. Поповой. Там собирались художники и теоретики левого художественного толка — А. А. Веснин, В. Е. Татлин, А. В. Грищенко, Топорков, Степун. Велась философские разговоры, читались доклады.

Слышал также, что П. А. вел нечто вроде семинара с небольшой группой искусствоведов и любителей искусства — в одном из помещений Музея Изобразительных Искусств. В связи с этим вспоминаю: в начале революции — директором Музея стал добрейший В. Е. Гиацинтов. Жена П. А. была урожденная Гиацинтова. Совпадение это заинтересовало П. А. и он отправился к Гиацинтову узнать — нет ли тут родственной связи. Вообще имени П. А. придавал огромное значение.

К участию в журнале "МАКОВЕЦ" Флоренский был приглашен Н. М. Чернышевым. Одного названия журнала для Флоренского было достаточно — "МАКОВЕЦ" — название местечка, где родился Сергей Радонежский. Флоренский дал свое согласие.

В ту пору, вследствие своей необычайной разносторонности, Флоренский был до предела загружен — его прямо-таки рвали на части. Он был членом ВСНХ, его приглашали на всякие ученые совещания и собрания, но главная его деятельность связана была с "Главэлектро" и с Институтом, помещавшимся, кажется, на Гроховской улице.

Туда я и отправился однажды, чтобы по каким-то делам с ним повидаться. Долго ждал я в вестибюле — его все не было. Наконец, узнал от швейцара, что Флоренский "вот-вот должен придти — вы его пойдите встречать — узнаете сразу — фигура видная", — добавил он. Слово "видная", конечно, не то слово, но что-то необычное, несовременное, разумеется, было во всем облике Флоренского. Ходил он в своей рясе и комилавке, сгорбившись, опустив долу свои жгуче-черные глаза, как бы погруженный в какие-то неведомые глубины — казалось, не XX в., а какой-нибудь XII или XIII глядит на вас. Несмотря на бросающуюся в глаза внешность, я так его и не встретил на улице — и вернувшись в Институт узнал, что он прошел уже в свой кабинет. Это была маленькая комнатуха, отделенная стеклянной перегородкой в широчайшем коридоре.

К нему поминутно обращались, что-то спрашивали. Он давал каждому неспешные, но, как я понял по тону, — совершенно точные и безапелляционные ответы.

Пришел какой-то молодой человек, студент или сотрудник, и стал говорить о своем решении предложенного Флоренским вопроса.

— Это не так, — сказал Флоренский. Тот настаивал на своем, не очень вежливо перебивая и кипятясь.

Опять тот же ровный и неторопливый тон: "Делайте по-своему, но это не так".

Молодой человек, повидимому, обескураженный, ушел. Приходили еще и другие — опять вопросы, сообщения, претензии и т. д.

— Вы видите, — обратился ко мне Флоренский, — какой здесь сумасшедший дом!

В это время курьер принес из типографии кипу книг довольно толстых, перевязанных бичевкой. "Это "У водоразделов мысли?" — спросил я.

— Какой тут "водораздел мысли".* — И что-то, как всегда, спокойное, но на этот раз безнадежное почудилось в его взгляде.

— Вы понимаете, — сказал он в следующий раз, — вам разрешат высказать вашу основную мысль, но аргументировать не дадут — и в таком виде все теряет всякий смысл.

Книги, принесенные к Флоренскому, назывались "Диэлектрики" — область, которой специально занимался Флоренский. Мне бросилось в глаза имя автора — профессор П. А. Флоренский. Точного названия книг я не помню.

Из Главэлектры мы вышли вместе и я проводил П. А.

— Пойдемте пешком, — предложил он, — так удобнее разговаривать, и потом, — добавил он, — у меня нет денег.

В 19 г. во главе Главэлектры стоял Л. Троцкий. Обходя все учреждение, Троцкий в лаборатории подвального этажа заметил Флоренского — тот был в своей обычной белой рубашке.

— Это кто такой?

— Профессор Флоренский.

— А, Флоренский, знаю!

Подошел к нему и пригласил участвовать на съезде инженеров.

— Только, если можно, не в этом костюме!

Флоренский отвечал, что не слагал с себя сана священника и штатское надевать не может.

* Под этим названием должна была выйти в издательстве "Поморье" серия книг Флоренского, объединенная общим планом и общей идейной направленностью.

Да, не можете, тогда в этом костюме!

На съезде Флоренский делал доклад. Когда всходил на кафедру, слышались недоуменные возгласы — поп на кафедре!.. Доклад Флоренского был, как всегда, содержателен и блестящ по форме. Кончил под аплодисменты.

Иногда Флоренский посещал наши собрания — т. е. собрания художников "МАКОВЦА". Одно из таких собраний происходило у меня — жил я тогда в доме, известном в Москве под названием "дом Перцова" — на углу б. Пречистенской площади. Занимал я комнату в нижнем этаже.

Собрание что-то затянулось. Ровно в 11 часов из подвального помещения стали доноситься какие-то непонятные и трудно определимые звуки — что-то донельзя неприятное и тревожное — какие-то вскрикивания, завывания, перемежающиеся с ударами о железо, или лязг цепей — что-то положительно inferнальное!

П. А. насторожился. Закрытые сильными стеклами глаза его тревожно забегали. Я стал говорить, что в эту комнату только что переехал и уже слышал однажды что-то подобное, но не успел еще узнать причину этого явления. Все это показалось очень странным.

Вообще вечер этот был полон неудач. Между Чекрыгиным и Флоренским возник какой-то спор — я к нему не прислушивался, но надо думать, на тему о воскрешении, тема, которой был так захвачен Чекрыгин. Но Чекрыгину такой противник, как Флоренский, повидимому, был труден, и он обиженно отошел в сторону.

Затем к Флоренскому стал обращаться с бесконечными вопросами пришедший к нам на собрание С. П. Бобров. Он быстро-быстро строчил слова — ни дать ни взять Петр Верховенский — и со всех сторон насккивал на Флоренского, юля и суется, как бес перед заутреней.

Наконец, даже такого кроткого и терпеливого человека, как Флоренский, взорвало. "Да почему, собственно, на все это я должен отвечать!" — воскликнул он. Кое-как Бобров уговорился.

Вообще не следует думать, что Флоренский относился к разряду податливых и так называемых "мягкотелых". В вопросах принципиальных он был совершенно категоричен, а иногда даже жесток. Так, уже после смерти Чекрыгина, мне пришлось от него слышать все о той же мечте Чекрыгина — о воскрешении. "Ну, хорошо говорить об этом год, два, но 10 лет — это будет уж фразерство". И к Федоровским идеям относился он отрицательно, расценивая их наряду со старообрядчеством, как "прелести православия".

Но вернемся к таинственным звукам, доносившимся из-под пола. Разгадка их получилась только на другой день.

Оказалось, что из-за ремонта в театре Мейерхольд снимал для своих репетиций нижний этаж Перцовского дома. И действительно, как-то вечером в хаосе тех же звуков я вдруг явственно расслышал слова, произнесенные сильным и резким голосом: "Как? Вы не знаете, как разбивают голову пустой бутылкой — я вам сейчас покажу, как это делается". — Это был голос Мейерхольда.

Все объяснилось таким образом совершенно прозаически. Но слух о том, что у Жегина завелась нечистая сила, стал распространяться, и такая версия продержалась довольно долго.

Флоренский очень высоко ставил искусство Чекрыгина и не сомневался, что если бы этот гениальный юноша остался жить — он, конечно, осуществил бы мечту всей своей жизни — грандиозную фреску, выражающую в живых образах некий гороскоп бытия.

Мне очень хотелось, чтобы Флоренский написал что-нибудь о Чекрыгине, и он обещал это сделать. Чтобы лучше познакомить Флоренского с рисунками Чекрыгина, я сговорился на определенный день и час и должен был принести рисунки на дом к Флоренскому, вернее, к его другу, инженеру, у которого Флоренский останавливался, появляясь наездами в Москве.

Была весна. Шел не то снег, не то дождь. Боясь, как бы рисунки не подмокли, я уложил их в папку и обернул ее пледом, уцелевшим каким-то образом от былых времен. В такой упаковке уже ничто не могло угрожать рисункам...

Знакомый Флоренского жил на Большой Спасской. Доехав до Красных Ворот, чтобы немного размяться, я пошел пешком. На углу Спасской мне бросилась в глаза странная сцена. Человек 5—6 прохожих стояли вокруг какого-то болезненного вида человека, сидящего на тротуаре.

Человек этот, упирався руками в тротуар, неистово раскачивался — с явным намерением разбить себе затылок. Это был эпилептик. Казалось, еще один размах, еще одно напряжение дикой, всеразрушающей силы, которая обреталась в этом существе, — и все будет кончено.

Что было делать? Или неизбежная гибель припадочного, или гибель рисунков, они были достаточно хрупки. Медлить было невозможно... Я быстро нагнулся и подставил свою драгоценную ношу под голову несчастного. Он мягко ударился головой о плед и на мгновение замер. Кто-то догадался закрыть его глаза платком, и он постепенно стал успокаиваться.

Не знаю, как судить мой поступок, — может быть это была слабость с моей стороны. Но к счастью рисунки нисколько не пострадали.

После смерти Чекрыгина все его рисунки — около 1500, — находившиеся у его вдовы Веры Викторовны, были мною зафиксированы, и сейчас тонкая пыльца прессованного угля довольно крепко соединилась с бумагой. Остаток пути до дома, где жил Флоренский, обошелся без каких-либо происшествий.

Флоренский предложил разложить рисунки по столу, а сам влез на табуретку и освещал рисунки электролампой, свешивающейся с потолка. Он был в своей всегдашней белой рясе с большим серебряным крестом на груди. Все вместе представляло зрелище довольно необычное. От рисунков Чекрыгина трудно оторваться — они засасывают — и вместе с тем хочется вырваться из этого плена — такое ощущение испытывал даже я, хотя видел их уже множество раз.

Наконец, Флоренский, повидимому, утомился и слез вниз со своего возвышения.

Мы стали говорить о разных предметах, касавшихся искусства.

Я спросил его — и сейчас каюсь в бестактности своего вопроса — известны ли ему Помпейские эротические изображения. Я их не знал и мне интересно было — каковы они по своим живописным качествам.

— Я их знаю, — сказал Флоренский. — По форме они очень слабы, как и следовало ожидать.

От него никуда не скроешься! — он знает все — и не было, казалось, предмета, оставленного им без внимания.

Флоренский был универсален — это была, вероятно, одна из самых энциклопедических европейских голов: об этом можно судить, прочтя от доски до доски хотя бы его труд "Столп и Утверждение Истины".

В некоторых вопросах, связанных с электричеством, — он был единственным специалистом. Когда он был арестован, статьи по электричеству для БСЭ пересылались к нему в тюрьму для редактирования — другого редактора по этим вопросам не удалось найти.

Это было, вероятно, в 1925—1926 годах.*

Узнав, что Флоренского взяли, я отправился в комитет "Политического Красного Креста", к Пешковой — жене Горького; дождавшись очереди, просил ее передать Алексею Максимовичу, что Флоренский арестован. "Вот и все, что я прошу", — сказал я. "Горький это знает" — был ответ. На этом разговор и закончился. Через некоторое время Флоренский был на 3 месяца выслан в Горький — повидимому,

* Речь идет о первом аресте в 1928 году и высылке Флоренского в Нижний Новгород.

на работу на Автозаводе. Вернувшись в Москву, Флоренский сказал: "был в ссылке — вернулся в каторгу".

Как-то раз мне удалось привезти Флоренского к вдове Чекрыгина, чтобы познакомить его с творчеством Чекрыгина во всем его охвате. Кроме Веры Викторовны и меня никого не было. Мы долго пересматривали рисунки — целые мириады образов проходили перед нашими глазами. Вдруг Флоренский обратился к нам обоим: "Вы слышали?" — мы сделали вид, что не заметили этого вопроса и после недоумевающе спрашивали друг друга, что такое слушал Флоренский? Я не знал, что Ф., повидимому, был подвержен слуховым галлюцинациям. Вообще все тайное, сокрытое было для него так внятно и так близко.

Помню в этой связи его рассказ, как однажды в церкви он совершал таинство Евхаристии.

В руках у него была чаша. Что он дальше скажет? — мелькнуло у меня в голове. "Чаша с кровью, — твердо продолжал он, — а над рукой у меня вьется пчела, и я боюсь, что она меня ужалит и я расплескаю чашу. Но пчела, напившись крови, покрутилась немного и куда-то исчезла. Тогда я вспомнил — это был день памяти моего друга Серапиона Машкина. Крылатое существо, пчела, заменившая здесь ангела-символа души, была мне напоминанием об этом".

Совершенный идеализм и вместе с тем такие обширные познания в области точных наук! Флоренский умел синтетически соединять то и другое.

В те годы я был увлечен теорией относительности и спросил Флоренского, каково теперь отношение к Эйнштейну.

"Отношение двойственное, — отвечал он. — Что Эйнштейн еврей — это хорошо, что его теория не совсем материалистична — это плохо". — И опять стал смотреть куда-то своими глубокими темными глазами.

Мне запомнилось несколько его высказываний по поводу живописи. Он побывал на нашей маленькой выставке "Путь живописи", устроенной в частной квартире в Серебряном переулке. Это было в 1927 году.

Работы моего приятеля П. Бабичева Флоренскому не понравились, они показались ему слишком импрессионистическими — он стремился к большей конструктивности. "Здесь все плывет", — заметил он.

С такой оценкой я никак не соглашался — Бабичев, по-моему, конечно, был живописец и потому умел организовать форму.

Затем обратился к пастели В. Коротеева — женская фигура в рост — очень красивая по цвету. Он указал на своеобразие и мотивированность цветного решения — вся фигура была дана в очень легком охристо-розовом тоне, а голова — в светло-зеленоватых оттенках. Флоренский объяснил: тело, как выражение пола, и голова — это две различные сферы, и здесь это выражено в цвете. Зеленый цвет дематериализуется, это связывается с интеллектом, со сферой головы.

О моем портрете матери сказал мне, что здесь "равновесие материи и пространства и в этом перекличка со старыми мастерами".

Чувствую, что не достоин такой оценки, но как они мне были дороги, эти слова!

Он никогда не отвечал сразу на вопрос. Как-то замкнется, уйдет в себя, и два-три сказанных слова, как тяжелые капли воды набухают, собираются и тяжело падают, оставляя в душе неизгладимый след. После всю жизнь будешь к ним возвращаться и все дальнейшее на них строить.

Другой разговор припоминается мне по поводу задуманного мной еще в 1917 г. "Десятиобразного ряда", с центральной фигурой Христа. Справа и слева как бы полосы этого ряда — творец и "Ничто". Слева от творца — персонификация В. Чекрыгина — и три женских образа — Страсть, Элегия и Плоть. Далее — философ (Платон) в фиолетовых одеждах. Слева от Христа — фигура в зеленом (Бердяев) — мозговое отношение к Христу. Затем две фигуры в движении — в красном жена и голубом — муж.

Тематически — это были перепевы Деисусного чина. Эскиз пресованным углем висел у меня в комнате.

— А в каких тонах будет фигура Христа? — спросил Флоренский.

— В желтых и голубых, сама фигура на фоне высоких дверей или врат, но они имеют лишь формальное или декоративное значение.

— Я это не думаю, — отвечал он. — Дверь или врата — очень древний и сложный символ — символ женского начала, вечности и тайны. Попробуйте, — продолжал он, — некоторое время постоять у открытой двери — вам станет как-то не по себе и захочется заглянуть, что находится за дверью.

В 1928 году вчерне была закончена моя работа о кривом пространстве живописного произведения. Вдохновителем работы был П. А. Флоренский, и, конечно, ему первому она должна была быть показана.

Центральным пунктом этой работы был момент так называемой трансформации, т. е. преобразование кривой, динамической системы

в прямую, статическую. Я не математик и решал этот вопрос на основании особенностей живописной формы и поэтому больше всего волновался за эту часть.

Одна общая знакомая, проживавшая в Загорске, передала Ф. мою записку, где я вкратце излагал, в чем дело, и просил назначить мне свидание. Он ответил ей тоже запиской, которую я после имел в руках. Он писал, что "с Жегиным всегда рад увидиться, но сейчас очень занят, а просмотр работы может быть продолжительный, и лучше свидание отложить до начала июня".

С нетерпением ждал я назначенного срока. И, наконец, собрав весь свой материал, отправился в Загорск к Флоренскому.

Выйдя из вагона, я сговорился с извозчиком — папка оказалась тяжелой и тащить ее было бы трудно. Назвал адрес — Пионерская, бывшая Дворянская.

— А дом чей?

— Флоренского.

— Батюшки? Знаю, как не знать!

Домик Флоренского одноэтажный, чистенький и необыкновенно приветливый. Крашенные полы. В комнатах разложены половички. На окнах растения.

Я застал Ф. в застекленной террасе. Он разбирал только что им собранные грибы и раскладывал их по сортам.

Я начал извиняться, что не предупредил письмом о дне своего приезда, и если неудобно сегодня, то можно отложить до другого приезда.

Все это он выслушал, закрыл окно на террасе.

— Пойдемте, — сказал он.

Мы расположились в саду у маленького столика. Я раскрыл свою папку.

Только что я начал свое вступление, касавшееся изложенной темы — отношение *м а с с ы: п р о с т р а н с т в а*, как внезапно налетевший ветер разбросал мои чертежи и фото по дорожкам сада.

Дурной признак, подумал я.

Собиралась гроза. Горизонт уже потемнел. Мы перешли опять на террасу. Я стал продолжать. Все шло как будто хорошо.

Наконец, подошел самый ответственный момент — процесс трансформации, т. е. главный узел всей зрительно-пространственной системы. Этот процесс выражался в обмене сторон — левой — правой, верха и низа.

Я решал этот вопрос без посторонней помощи, без математики, и был в полном неведении о верности своего решения.

Момент был напряженный. Как к моему решению отнесется Ф.?

Одно его слово должно было решить все: если верно — работа оправдана, если нет — все труды напрасны. Трусил я страшно.

Мне даже по малодушию хотелось как-нибудь скороговоркой пронестись через этот трудный и кардинальный вопрос.

— Позвольте, позвольте, — сказал Ф. Сердце мое болезненно сжалось. Он еще раз просмотрел чертежи. — Ах, Вы так делаете, — у него, повидимому, уже возникли какие-то другие решения. — Ну, можно и так делать.

Флоренский принял! — мелькнуло у меня в голове. На сей раз дурная примета как будто не оправдывалась...

Дальше было уже просто, шли выводы, и в качестве результатов общего построения — форма "иконных горок" и системы линейных композиций. Композиции складывались из линий фреймы S — результат перехода из системы вогнутости в систему выпуклости.

— Но ведь о форме фреймы S говорил Хогарт! — сказал мне Ф. — Что вы так удивленно на меня смотрите — разве вы не знаете Хогарта?

Хогарт был одним из моих любимых старых мастеров, но причем тут фрейма S?

— Как же, — продолжал Ф., — Хогарт открыл эту линию еще в середине XVIII века.

Мне это было неизвестно. Я добрался до этой линии сам, так сказать "собственным горбом".

Приехав в Москву, я заглянул в энциклопедию и действительно нашел там, что Хогарт в 1753 году написал книгу, где доказывал, что всякая организованная форма имеет в своей основе эту линию, которую он назвал прекрасной — "beautiful line".

Флоренский досматривал последние чертежи и репродукции. Я замолк и вопросительно посмотрел на него.

— Все это можно подсчитать, — сказал он мне, — но мне кажется, что это и не нужно. Новых математических мыслей у вас нет.

На это я отвечал, что меня радует и то, что не напутал со старыми.

— Больше всего мне понравились ваши горки.

Как всегда он был прав, разумеется, объяснение "горок" — это центральная и наиболее убедительная часть всей работы.

Система линейных композиций ему понравилась меньше — он их как-то не видел — чтобы их различать, нужна была особая тренировка глаза, чего, вероятно, у него не было.

Он советовал мне елико возможно ограничить число иллюстраций.

— Иначе никто не возьмется печатать вашу работу.
Увы! Он и в этом был прав: с тех пор прошло уже 30 лет, а работа так и лежит мертвым грузом. Печатать ее никто не собирается.

Его жена, добродушная голубоглазая женщина лет сорока, пригласила к столу.

В столовой, на особом мольберте, стояла большая прекрасная икона XV века, на которую Ф. обратил мое внимание.

— А это? — недоуменно обратился я к висящему тут же портрету — сочетание волнообразных линий в виде фреймы S — не то стилизация, не то претензия на сверхреальную форму.

— Это мой портрет, написанный Комаровским, — предмет ненависти некоторых, — и он посмотрел в сторону своей жены.

Подобная живописная форма всегда казалась мне попыткой с негодными средствами. В этом у меня было с Флоренским расхождение.

После обеда мы перешли в рабочий кабинет Флоренского. Это была небольшая комната, перегороденная книжным шкафом. На шкафу укреплено было большое фото с греческого барельефа. Это было изображение обнаженной девушки, играющей на свирели, с так называемого "алтаря Людовизи". Вещь редкой красоты. Но это как-то мало вязалось с комнатой православного священника.

Флоренский не ограничивал себя готовыми формулами. Он был слишком многогранен, и, как мне кажется, ощущал себя самого, как апостола прекрасного — не даром он написал для "МАКОВЦА" свою замечательную статью: "Храмовое действо как синтез искусств".

Все сводилось у Флоренского к "художеству".

Он подошел к книжному шкафу и достал оттуда свою небольшую книжечку — "Амвросий, троический резчик XV века", и протянул ее мне.

— Не говорите только, что я это вам дал.

Я поблагодарил, стал прощаться и попросил разрешения через год, когда работа моя будет окончательно закончена, посетить его вновь.

— Если только буду жив, — сказал он.

Это было последнее наше свидание. В 1933 году его выслали. В настоящее время почти наверное можно сказать, что его нет в живых.

Но он еще долго будет жить в сердцах тех, кто его знал.

(Конец 50-х годов).

П. ФЛОРЕНСКИЙ

СВИДЕТЕЛИ*

Таинство совершается в чинопоследовании своих обрядов: своей совокупностью они осуществляют возможность Таинства. Последование обрядовых действий и слов, бывающее "по порядку", или "чину", — *χάτα τάχιν*, как сказано, хотя и в другом применении, Апостолом, ведет наш ум к сознанию совершающегося Таинства. И дух, "отложивший всякое житейское попечение", умерший для мира и получивший силу жить в ином мире, существенно з р и т, что воистину совершается Таинство, что воистину мы преставились, — переставились в иной мир, в царство не от мира сего. Так именно видится Таинство сверху, с горней области, когда в сретение Спасителю возносятся избранные, как вознесены будут и в с е, то есть во втором Пришествии, на облаках. Когда, чудесным образом, снималась повязка плотского зрения, то Святые Тайны бывали созерцаемы в виде заколаемого Младенца Христа; на своем месте свидетельства этому были уже приведены. Подобным образом и другие Таинства воспринимались в своей недоступной обыкновенному зрению глубине и в своей Божественной святости. Но это бывало именно при преображении самого глаза созерцающего, по преставлении его, возвышении его в иное бытие. Однако такое преставление, такое преобразование может быть, а может и не быть. Ведь самое Таинство есть подготовка души к преставлению и преобразению, подготовка ее способности возвышаться в горний мир. У одних она уже развилась, другие еще ее не получили, и отсутствием ее Таинство не противопоставляется, а напротив, тем настоятельнее требуется. Таинство дается в с е м верующим, хотя у преизбыточествующе великого большинства их нет еще, и на протяжении всей земной жизни, быть может, и не будет — означенной способности видеть непосредственно страшные глубины священных тайнодействий. И, наконец, даже и обладающим этим духовным зрением, но не владеющим им всецело, всегда и без ограничений, — и им часто приходится принимать святыя Таинства, не имея в данный раз прямого мистического их зрения. Преподобный Сергей Радонежский однажды причастился огнем Святого Духа, вошедшим в Святую Чашу; но так было однажды. В другие разы, — мы по крайней мере не имеем оснований думать иначе, — в другие разы тот же Преподобный причащался Святыми Тайнами под видами хлеба и вина.

* Написано в июне 1922 г.

И вот, следовательно, возникает вопрос: тем, кто вообще не имеет мистического прямого зрения, или тогда, когда он такового не имеет, или поскольку его не имеет, — этим что обеспечивает наличие Таинства? Что доказывает им совершение такового? Что возвещает "свершилось"? По какому признаку они узнают в ряду эмпирического нечто большее, чем эмпирическое?

Ближайший ответ на поставленный вопрос, конечно, прост: мистическое свершение признается по ходу эмпирических действий и слов, — Таинство узнается по наличности своих обрядов, то есть по произнесению тайнодейственных формул и по произведению тайносовершительных действий. Иначе говоря, наличность Таинства устанавливается для обыкновенного сознания наличностью самых действий, его совершающих. Но этот, ближайший, ответ далеко еще не есть ответ последний. Ибо, если в каждом отдельном случае признается Таинство по наличности его чинопоследования, то встает общий вопрос: что именно вообще, в принципе, устанавливает связь чинопоследования с самым Таинством и почему именно — верующее сознание вообще признает реальность иного предела, к иному обращенной стороны чинопоследования? Почему? — Но это "почему", в силу сказанного ранее о феноменологии культа как системы изоляции и лестницы восхождений, это "почему" не должно быть опрощаемо. Чинопоследование, как выяснено выше, ведет сознание к некоему пределу, и это возвышение к пределу возможно в силу строения самого чинопоследования, обнимаемого умом как одно целое, как система ступеней. В этом смысле дело ясно. Но наш вопрос — не в том, почему чинопоследование ведет к идее своего предела, к которому устремляется восходящий ряд чинопоследований, — а в том, почему мы уверены, говоря математически, в существовании предельного значения у чинопоследовательного ряда, или — значения на пределе, да притом еще совпадающего с самым пределом. Отвлеченно говоря, ряд, хотя бы и стремящийся к некоторому пределу, тем не менее может не включать в свой состав своего предела, — быть рядом не замкнутым, да и вообще бывает именно таким, так что включенность предела в предельный ряд есть скорее исключение. Отвлеченно говоря, можно мыслить чинопоследование как всегда допускающее некоторое прибавление к себе, некоторое продолжение себя и, следовательно, никогда не достигающее своей завершительной точки, служащей не только предельным значением, но вместе, по своему внутреннему смыслу и по своему отношению ко всем членам чинопоследования, — его пределом. И вот вопрос — в том, что поручается за наличность этого предела нашего ряда обрядовых действий и слов.

Поручаться за наличность чего-либо может: или прямое восприятие этой наличности, или удостоверенное свидетельство другого лица — лица, которое, в свой черед, само уже имеет или имело такое восприятие. Но в данном случае прямого восприятия Таинства нет; и поручительством за наличность Таинства может быть, следовательно, лишь свидетельство некоего свидетеля. Так в культе возникает понятие и требование свидетеля Таинства и о свидетельствовании им своего восприятия. Это понятие свидетельствования есть одно из первоустановочных понятий философии христианства. Существенная необходимость его тут видна уже из количественно непомерно частого пользования в Новом Завете гнездом терминов *μαρτυρία*, *μάρτυς*, *μαρτύριον*, *μαρτυρεῖν* и *μαρτύρεσθαι*, выражающих производные вышеуказанного понятия и означающих собственно мученичество. Еще более усиленно словоупотребление занимающего нас гнезда терминов в раннейшей церковной письменности.

Но обратимся к Новому Завету. Тут слова занимающего нас гнезда встречаются не менее 174 раз (*μαρτυρεῖν* — 81 раз, *μαρτύρεσθαι* — 3 раза, *μαρτυρία* — 36 раз, *μαρτύριον* — 20 раз, *μάρτυς*, *μάρτυρες* — 34 раза). На общее число слов Нового Завета — приблизительно в 12.600 — это составляет содержание 1,38%. Сделаем аналогичный подсчет соответственного гнезда слов в других памятниках, в нехристианских. У всего Гомера имеется только 9 случаев пользования словами означенного гнезда (*μαρτυρίη* — 1 раз, *μάρτυρος* — 8 раз), на 35.921 стих, то есть приблизительно на 241.000 слов, это составляет лишь 0,0037%, хотя, кажется, уж о мучениях, пролитии крови, убийствах и доблестной смерти Гомеру говорить поводов несравненно больше, чем Новому Завету. Во всех диалогах Платона, включая сюда сомнительные и подложные, содержится 70 случаев занимающего нас словоупотребления (*μαρτυρία* — 7 раз, *μαρτύριον* — 2 раза, *μαρτύρομαι* — 4 раза, *μάρτυρῶ* — 30 раз, *μάρτυς* — 27 раз) и на общее число слов, приблизительно 584.000, это составляет 0,012%. Наконец, во всех сочинениях Аристотеля, по приблизительному подсчету, слова означенной группы встречаются 38 раз (*μαρτυρεῖν* — 20 раз, *μαρτυρία* — 5 раз, *μαρτύριον* — 9 раз, *μάρτυς* — 4 раза), что дает, при наличии приблизительно 212.000 слов в этом сочинении, 0,018%. Таким образом, в Новом Завете относительное содержание слов, принадлежащих к понятию свидетельствования, в 373 раза более, чем у Гомера, в 115 раз более, чем у Платона, и в 66 раз более, нежели у Аристотеля. Эти числа уже и сами по себе показывают, опорой сколь существенных высказываний служит рассматриваемое гнездо слов в Новом

Завете, сравнительно с местом того же гнезда у писателей вне-христианских. Но найденные нами чисто статистические коэффициенты значительности этого гнезда слов чрезвычайно повышаются, если посчитать со степенью внутренней важности рассматриваемых слов в различных памятниках. В Новом Завете эти слова суть термины, и притом догматического характера, на них делается сильный смысловой удар, тогда как в памятниках не-христианских они акцентируются несравненно менее. Из сказанного следует, что в новозаветное значение рассматриваемых слов надлежит взглянуть весьма пристально.

Тут, обращаясь к существующим переводам Нового Завета, мы сразу же наталкиваемся на факт огромной значительности: в романских, германских и славянских языках слово *μάρτυς* и ему родственные переводятся не однообразно, а двойственно, причем переводом одних мест подчеркивается в *μάρτυς* смысл: выражение и утверждение истины, а переводом других — смысл: страдание и смерть, подъемлемые в связи с твердостью этого выражения истины. Так,

греческое *μάρτυς* переводится

русскими: свидетель и мученик;

древне-церковно-славянскими: свидетель и мученик;

латинскими: *testis* и *martyr*;

немецкими: *Zeuge* и *Märtyrer*;

французскими: *témoin* и *martyr*;

английскими: *witness* и *martyr*.

Эта двойственность переводов обличает двудерность слова *μάρτυς* и распадение первоначального средоточия в значении слова *μάρτυς* на два, из которых в одном более сохраняется первоначальное значение, а в другом — закрепляется разросшееся второе, уже трудно совместное с первым, как не сдерживаемое лишь исключительно могучей синтетической силой греческого языка. По мнению В. В. Болотова, второй ряд приведенных в таблице значений есть нечто наслывшееся и вторичное. "Слово "мученик", которым переводится у славян греческое *μάρτυς* — свидетель, передает лишь второстепенную черту факта и явилось как отзыв непосредственного человеческого чувства на повествование о тех ужасных страданиях, которые переносили *μάρτυρες*. Такой перевод указывает, что в мученичестве эти народы более всего поражены истязаниями мучеников, а не свидетельством за веру".

Но в таком случае возникает вопрос: разве самое страдание свидетелей веры есть нечто внешнее, случайное, не входящее необходимо в понятие о христианском свидетельстве? Разве мученичество

имеет значение только биографическое и историческое, но не онтологическое и гносеологическое? *Μάρτυς* в христианском смысле не есть просто свидетель истины, как не есть и просто страдалец за истину, а есть такой свидетель, который свидетельствует своими страданиями, и такой страдалец, чьи добровольные страдания вытекают из самого содержания его свидетельствования: эти страдания воплощают возведенную истину, возведенная истина осуществляется в этих страданиях. Мученичество есть данность, но одухотворенная, — есть истина, но ставшая воплощенной.

В этой двойственной природе христианского понятия о *μάρτυς* — его историческая исключительность и его внутренний вес: "Нет мученика философии, нет мученика язычества, нет, собственно говоря, мученика даже в юдаизме — *pas de martyr de la philosophie, pas de martyr du paganisme, pas de martyr, proprement dit même, dans le judaïsme*". Исторически, как и онтологически, христианское мученичество есть явление исключительное и наиболее характерное религии воплощенного Слова; не без причины мученичество, в его узком смысле, Церковью всегда бралось за исходную точку и как единица меры при рассмотрении прочих церковных деятельностей и распространялось как родовое понятие на девство, на монашество, на исповедничество, на апостольство и так далее, и так далее, даже на брак и на священство, судя, хотя бы, например, по введенному в чинопоследование соответственных Таинств, на самой вершине ликующей радости, тропарю мученикам, то есть на поверхностный взгляд совсем не в тон совершающемуся обряду круговой хореи. Все состояния и деятельности церковные подводятся таким образом под конкретное, но вместе типовое понятие мученичества, и мученичество оказывается первоявлением церковности. А в кельтском подвижничестве, наряду с понятием красного, то есть кровавого, мученичества — *martyre rouge* — устанавливаются понятия мученичества белого — *banmartra*, то есть самоотречения и самопожертвования, или деятельного подвижничества, и мученичества зеленого — *glasmartra*, то есть самоумерщвления и покаяния, или подвижничества созерцательного. Следовательно, первообразным признается страдание до кровей и завершающая его смерть за веру. "Венцы мученичества сплетаются смертью", — говорит Златоуст, хотя началом мученичества бывает "намерение", внутреннее настроение, душевное расположение и произволение. А если так, то в понятии *μάρτυς* поверхностная оценка страдания и сама страдает поверхностностью, в дальнейшем же служит источником лингвистических недоразумений. Напротив, внимание, направленное на двудуединство значения *μάρτυς*, способно рассеять

лингвистический туман, сгустившийся около истории этого слова. "Современное состояние филологической науки таково, что она пока удовлетворительно не может объяснить греческое *μαρτυς*", — заявляет В. В. Болотов. На это хочется возразить, не есть ли непроницаемость слова *μαρτυς* следствие именно раздробительного понимания семемы слова, тогда как его уже этимологический смысл соединяет в себе сразу д в а направления, два зародыша, подобно двойному орешку.

Слово *μαρτυς* или, в гомеровской форме, *μαρτυρος* происходит от гипотетической формы *μαρтур-ς*. Корень же этого последнего слова, по одним, есть *ματ* — блистать, сиять, лосниться, а по другим — *μεг* — думать, вспоминать, причем эти корни, оба, были первоначально *smet* и *smag* и затем утерjali свистящее *s*.

При отнесении *μαρτυς* к корню *μαг* оно входит в группу слов: *μαρμαρίζω* — сиять, светить, *μαρμαρεος* — сверкающий, *Μαίρα* — Сириус, то есть звезда пылающая, *μαρίλη* — угольная пыль, прах, в древней форме *μαρίλη* — раскаленный уголь; сюда же принадлежит латинское *тегus*, средне-верхне-немецкое *моеге* — славный, знаменитый, древне-норвежское *моег* — светлый, ясный, чистый. Сюда же, далее присоединяются *μαρβόσω* (из *μαρβόσω*) — блистать, сиять, *μαρβύμα* — блеск, сияние, легкое движение, волнение, *μαρβύνη* — сияние, свет, сильное, быстрое движение, волнение и *μαρμαρβύνη* — сильное движение, волнение; слово же *μαρμαρος* — скала, сблизненное впоследствии со словом *μαρμαρεος* и покрытое этим последним, вопреки Курциусу и Прелльвицу, сюда не относится.

Тут к означенной группе слов присоединяется другая, с иным значением, но связывающаяся с тою по следующим соображениям: сияние мыслится происходящим во тьме, как борющееся с тьмою, усилием преодолевающее, словно раздвигающее и разрывающее мраки, и их побеждающее: "И Свет во тьме светится, и тьма его не объят" (Ин. 1, 5); свет воспринимается как борец и победитель, и потому не без оснований некоторыми исследователями языка к группе слов от корня *μαг* присоединяется еще: *μαρναμαι* — бороться, сражаться, разбивать и разбиваться, раздробить и раздробиться, сравни армянское *mart* — борение, борьба, еще *μαραίνω* — в активном значении — погашать, уничтожать, погублять, а в пассивном — погасать, потухать, постепенно исчезать, далее *μαρασμός* — увядание, поблечение, вошедшее в русский язык как маразм. Сюда же, то есть к пассивно понимаемому одолению и уничтожению, относятся еще слова: санскритские: *meer-āmi*, *mri-je* — умирать, *mr-ta-s* — мертвый, *maraju-s*, *mrt-ja-s* — смертный, *a-mr'-ta-s* — бессмертный, *a-mr'-ta-m* — напиток жизни, живая вода, *mar-a-s*, *mr-ti-s* — смерть, *mar-i-s* — мор,

maretan — смертный, человек; латинские: *mor-i-or* — умирать, *mor-(ti)-s* — смерть, *mortu-us* — умерший, *mort-alis* — смертный, *morbus* — болезнь, *mar-c-eo* — увядать, засыпать, *mar-c-i-du-s* — увядший, заснувший; готское *maur-th-r* — убитый.

Обращаемся теперь к другому корню, от которого производятся слова *μαρτυς* и ему родственное, — к корню *μεг*. Ближайшие родственники занимающего нас гнезда слов, происходящие от *μεг*, суть: *μερμια* — тяжелая дума, беспокойная забота, *sorge*, *soin*, *souci*, *sollicitude* и происходящий от него глагол *μερμιαω* — беспокоиться, находиться в заботе.

Спаситель отнюдь не предлагает "не заботиться о завтрашнем дне", то есть сентиментально-утопического отношения к жизни, которое, буквально понятое, сделало бы невозможной даже ту хозяйственную заботу, которая легла в основу одного из наиболее памятных евангельских символов — заквашивания теста, ставимого с вечера, чтобы оно вскисло к утру следующего дня. Тем более сделалось бы невозможным никакое сельское хозяйство, никакая добывающая промышленность, непременно предполагающие некоторое отношение к будущему, и жизнь тогда могла бы поддерживаться разве что непрерывным грабежом; толковать вышеприведенные слова Спасителя так, как их толкуют протестантствующие богословы, — это значит заранее предполагать Евангелие наивным и невыполнимым мечтанием; но все дело в том, что Спаситель вовсе не предлагает Своим последователям "не заботиться о завтрашнем дне", но заповедует не терзаться — глагол *μερμιαω* — мыслью о том, как сложатся житейские дела, не терять из-за будущего радости и спокойствия в настоящем, без надежды на помощь Отца Небесного, то есть не делать себе из завтрашнего дня предмета "пристрастия", страстной отдачи всего себя помыслу о будущем, — не делать себе из житейских обстоятельств идола, который вытесняет из сердца мысль о Боге и надежду на Него.

И те образы, которыми поясняет Спаситель Свою заповедь, — лилий не прядущих и не ткущих, и птиц не сеющих и не жнущих — поддерживают такое объяснение, филологически бесспорное, слов Спасителя: лилии и птицы не мучаются помыслами о будущем, но жизнь-то свою располагают ввиду будущего: лилия, накопляя в луковицы за лето питательные вещества, и птицы, строя гнезда и выводя птенцов.

Далее сюда, к корню *μεг* принадлежит: *μερμερα* — тоже тяжелая забота, дума, *μερμηρίζω*, *μερμαρω* — заботиться, думать, *μερμερα έργα* — примечательные, достопамятные события, те, которые себя

заставляют чувствовать, и притом болезненно, и обременяют заботой, *μέρμερος* — причиняющий заботу, доставляющий беспокойство; того же корня санскритские: *smāratī* — вспоминать, припоминать, *smṛti-s*, *smar-apa-m* — память, воспоминание; латинские: *memor* — помнить, не забывать, *memor-ia* — память, причем отличие глагола *memorari* от *meminisse* то, что последний означает легкое и приятное запоминание, а первый — вынужденное, с терзанием, — глубокую, тяжкую думу. Далее сюда присоединяется: древне-прусское *emirīt* — вымышлять, выдумывать; древне-верхне-немецкое *moenen* — печалиться, носить траур, скорбеть; и бретонское *mag* — сомнение. Затем в связи с *μέρμια* и другими стоит *μέρομαι* из *ομεφομαι* — сохранить свою долю, быть в мысли, *εἴμαρται* — призван, позван, *εἴμαρμένη* — судьба, доля, как то, что помышлено, понимаемо, подобно рок от речи и *fatum* от *fari*, *μοῖρα* — должная участь, судьба, как доля от делить, *μόριον* — кусок, часть, *μόριος* — определение судьбы. Сюда же относится *μεγ-ε-ο-γ* — я получаю долю, я получаю для себя свою долю, я заслуживаю.

Таким образом, два, может быть, даже три корня, а именно: *μαρ* — сиять, *μαρ* — бороться и быть побораемым, *μερ* — иметь мысль, памятовать — указываются как лежащие в основе слова *μάρτυς*. Если ли это чисто-этимологически один корень, в разных видоизменениях, или разные, хотя и близкие фонетически, — решить сейчас мы не умеем, да и не особенно в том нуждаемся. Пора лингвистике оставить предрассудок, будто всякое слово — непременно одного корня. То, что более грубо и неудачно произведенное, носит название народной этимологии, в более тонком и совершенном виде есть общее и чрезвычайно обширное явление истории языка, состоящее во взаимном воздействии слов одних на другие. В частности, это воздействие может быть аррадикацией, или приспособлением слова к некоторому новому корню, вследствие чего возникает как бы прививка одного корня на слово другого корня. Когда абрикос прививается на сливовый подвой и вырастают на дереве нектарины (*nespoli*), то нельзя сказать, выросший плод есть ли слива, или абрикос, ибо он — не то и не другое и даже мало похож как на то, так и на другое. Возникла помесь или, точнее, синтез двух видов, и стремиться подвести его под тот или другой из образовавших его видов было бы насилием над действительностью и естественно повело бы к нескончаемым, бесплодным спорам. Так же и в языке: возможны взаимные прививки слов одного корня на словесный подвой другого, вследствие чего уже по существу делается неправильно поставленным вопрос о том единственном корне, который лежит в основе разбираемого

слова. Тогда в наличном развитии слова ни один из корней не может быть назван первоначальным, ибо два корня совместно владеют одним словом. Это совместное владение может быть уподоблено юридическому понятию *condominium* или, еще лучше, минералогическому понятию двойникового или тройникового кристалла, где одно и то же вещество оформляется зараз двумя взаимопроникающими кристаллическими структурами. Иначе говоря, обсуждаемое здесь языковое явление подводится под общую метафизическую схему взаимопроникновения двух формообразующих начал, сходящихся на одной материи; в данном случае, двумя корнями и развивающимися на них семемами организуется одно вещество языка — один и тот же звуковой состав, и решить вопрос, какой из этих корней "истинный" — невозможно по существу дела. К тому же, историческое время такого взаимного проникновения корней может оказаться отодвинутым не только вообще весьма далеко, но и просто — к сроку самого возникновения данного слова, подобно тому, как кристаллическая форма пронизывает другую не когда-либо впоследствии, а при самом образовании кристалла. В таком случае, то есть при признании аррадикации современному самому словообразованию, вопрос о первенстве того или другого корня в составе данного слова есть по существу вопрос ложно поставленный. Кроме того, может быть — и это, по-видимому, произошло с различными указываемыми здесь корнями слова *μάρτυς*, — что несколько корней, своим взаимопроникновением образовавших сложный корень разбираемого слова, сами когда-то разошлись от одного первичного корня и затем, дифференцировавшись, после длинных исторических судеб, снова сошлись в одном слове, подчеркивая различно направленные смыслы в корне первичном. Тут указать, какой именно из дифференцировавшихся корней в данном слове должен считаться первичным, а какой — наслоем его, делается особенно трудным. В отношении к слову *μάρτυς* мне и думается, судя по чрезвычайно семантическому богатству этого слова, что в нем действительно слились по крайней мере три вышеозначенные корни, и лингвисты, открывающие в слове, в слове живой речи, тот или другой корень из числа этих трех, все правы, каждый по-своему, и, если угодно, каждый неправ, коль скоро исключает все объяснения, кроме своего. Образ и понятие сияния и лучения конечно содержится в слове *μάρτυς*, ибо свидетельствование истины есть свет, а чтобы свидетельствовать ее — надо иметь свет в себе; это представление об истине как свете и свете как истине коренится в самых глубоких областях мистики и оттуда несметное множество раз проявлялось в языке и в мысли, от

религиозной Боговдохновенной метафизики начиная и до метафор повседневной жизни включительно.

Итак, свидетельство об истине есть сияние. Но, чтобы свидетельствовать об истине — надо бороться, побеждая тьму неведения и лжи: свидетель есть борец и, духовно, победитель. При борьбе же — приходится не только наносить, но и получать удары, а потому — страдать, мучиться и изнемогать, и даже умирать; вот новый круг значений в слове *μαρτυς*. Все это — проявление силы свидетельства во вне. Но что есть оно, *μαρτύριον*, со стороны внутренней? — Чтобы свидетельствовать, надо иметь в себе свидетельствуемую истину, и не просто думать о ней как о порождении нашего собственного творчества, но беременеть ею, носить ее в себе как нечто данное сознанию, как нечто духовно принудительное, даже отягчающее, — как требующее себе свидетельства. Объективная истина заставляет памятовать о себе и властно ведет познавшего ее к свидетельствованию о ней. В этом смысле *μαρτυς* есть владеемый истиною, носитель истины, ему врученной, ему доверенной, и идет на подвиг свидетельствования он — не от кипения крови и избытка сил, не тщеславясь, не из удалства, не в опьянении, не руководимый той или другой страстью, каковою может быть, в частности, и расчет, — а в высшей мере трезво и по необходимости. Таково склublение разных смыслов в слове *μαρτυς*. Оно делает более понятным тот гносеологический и онтологический вес термина, около которого обращаются наши рассматривания. Да, *μαρτυς* свидетельствует не свое, не от себя, не по своему почину. Он ведется объективно пред ним лежащею и обязательно от него требующею подвига истиною к страданию, даже до кровей и до смерти. И потому, эти крови мученика, эта смерть его выражает не его субъективные хотения, не его субъективную решимость, как бы таковая ни была красива и благородна, а силу объективной духовной реальности, которая не позволяет мученику не быть свидетелем ее. Мученик говорит свое исповедание. Но свидетельствует об истине собственно не слово мученика, само по себе, может быть, и лишнее веса, а его кровь, сам он всем своим существом как некоторый факт действительности, с которым нельзя не считаться, именно как с бесспорным фактом, и который сам собою уже говорит, что есть некая великая сила, ведущая за собою, и — даже до смерти; речь же уст мученических — раскрывает, поясняет, расчленяет громовой, но недостаточно внятный голос его крови. Не кровь подтверждает слова, будучи внешним к ним прилатком, а слова объясняют кровь, внутренне уже содержась в ней. Нет — во-первых, слова, во-вторых, кровь; но есть: просто кровь, в которой — слова, из которой, как

пар, подымается исповедание. Таким образом, по совокупности коренных своих значений слово *μαρτυς* в христианстве означает, если соединить все сказанное: того, кого сила познанной им истины властно побуждает свидетельствовать о ней, преодолевая заблуждение, и в борьбе за победу принять мучение и смерть. Мученичество же есть кровь, говорящая об истине.

Итак, в чем же сила убедительности христианского свидетельства-мученичества? Почему свидетельства-мученичества нет вне христианства? И, точнее, почему этого явления не только нет, но и не может быть помимо христианства? — Страдание за идею и даже смерть возможны всюду — и бывали, без сомнения, не в одном только христианстве. Но факт страданий и смерти везде, кроме христианства, был внешним в отношении убеждений, ибо не только не вытекал с необходимостью из их содержания, но, напротив, неизбежно противоречил таковому. Ведь все, что — не христианство, учит о мире сем, потому что в христианстве только открылось новое царство духа. (. . .) Всем можно пренебречь ради главного — жизни в мире сем. И если я все же жертвую собою, то это значит — для меня есть нечто более дорогое, нежели мир сей и жизнь в нем, и, значит, это другое, более ценное для меня, чем мир, понимается мною не как отвлеченное понятие, которое, как бы оно ни было красиво, не имеет собственного существования и пройдет вместе с моим собственным бытием. И значит, если я не действую по недомыслию, то есть если мучение и смерть не постигают меня извне, по непониманию, что мне грозит, то, следовательно, добровольно принимая смерть, я тем самым доказываю, что мир духовных ценностей есть реальность, а не отвлеченное представление, — что я, хотя бы и смутно, против воли своей, знаю иной мир и даже утверждаю его онтологическое первенство пред миром здешним. Так, если бы я сказал со всюю субъективную искренностью, что нет жизни будущего века, — и в доказательство предложил бы усечь мне голову и в самом деле подвергся бы этой казни, — то такая смерть моя все же не доказывала бы моего убеждения, ибо по содержанию его она с ним никак не связывалась бы. Но мало того: моя решимость была бы подтверждением противного, ибо доказывала бы, что в сокровенных тайниках своей души я опираюсь на нечто, более заветное и более в конце концов прочное, хотя и темно сознаваемое, нежели высказанное мною отрицание; и, в силу этого заветного убеждения, я самую смерть, значит, вменяю ни во что пред чем-то иным, что, следовательно, выше смерти и сильнее смерти, а значит — превышает Время, то есть вечно. А в конечном итоге это вело бы

к доказательству, что я не додумал своего внутреннейшего предощущения Вечности и, значит, жизни в ней. Хотя и не словами, но самым делом я признал бы, что вечность и вечная жизнь есть и движут мною в самом главном.

Таково саморазрушительное свидетельство нехристианского мученичества, именно по этому самому не заслуживающего имени *μάρτυς*, как не свидетельствующего своих убеждений и их даже опровергающего. Напротив, содержание христианского исповедания покрывается фактом мученичества, и мученичество из содержания этого убеждения с необходимостью вытекает: христианин свидетельствует, что есть иная жизнь, подлинная, корень жизни всяческой, и есть воскресение из мертвых и что только держась своей веры можно достойно вступить в жизнь будущего века. Поэтому такой свидетель веры не может не бороться до кровей мученических, если требуют от него отречения от веры и, следовательно, выпадения из самой жизни, которая есть в нем душа его души. Отстаивая свою земную жизнь, он внутренне должен бы был порвать с тем, в чем всем своим существом ощутил источник жизни вечной, и, напротив, уверовать в прочность того, ощущение преходимостичего и составляет его способ отношения к жизни э т о г о, здешнего века.

Христианин не может не быть мучеником, если не отречется от своей веры, которая есть в нем факт переживаемой им иной реальности, — ибо отречься от веры — значило бы для него отречься более, чем от самого себя (которого ему предлагают спасти ценою отречения), а ложно исповедовать отречение, устами только, — значит так повредить орган духовного ведения, что ощущение жизни вечной, в сердце текущей затмится там и сердце опустеет зияющею пустотой. И потому христианин умирает, свидетельствуя тем, что воистину в сердце его почивает Дух жизни и ощущается более реальным и надежным, нежели эта утекающая жизнь в разрушающемся мире. И потому страдания и смерть христианского мученика делаются более, чем моментом биографии, и даже более, чем историческим событием, но перерастают границы временного факта и, переполнив время, входят в область познавательных ценностей. *Μάρτυς* действительно вошел в иной мир и своею смертью запечатлел свое вхождение; и потому он действительно есть свидетель тайн иного мира — тот свидетель, который удостоверяет совершение Таинства.

Кто же может быть таким свидетелем Таинства? — Повторяю, лишь тот, кто видит Таинство в его внутренней силе, — тот, кто в высшей мере не от мира, хотя и в мире. В собственном и точном смысле слова свидетелем может быть лишь Само явившееся на земле Божие Слово, Иисус Христос, — "Иже есть Свидетель верный —

ὁ Μάρτυς ὁ πιστός" (Откр. 1, 5), как пишет о Нем святой Иоанн Богослов. Но Иисус Христос есть не только Свидетель, но и живое Свидетельство, живое Аминь тайнам Божиим. "Тако глаголет Аминь, Свидетель верный и истинный — *ταῦτε λέγει ὁ Ἀμὴν, ὁ πιστός καὶ ἀληθινός*" (Откр. 3, 14), — свидетельствует Он о Себе (сравни Откр. 22, 20). На вопрос Никодима, как может быть новое рождение, от Духа, Господь прямо указывает: "Аминь, аминь глаголю тебе, яко, еже вемы, глаголем, и еже видехом, свидетельствуем — *μαρτυροῦμεν* — и свидетельство нашего — *τὴν μαρτυρίαν ἡμῶν* — не приемлете" (Ин. 3, 11); и Пилату, на вопрос о Царстве Его: "Аз на сие родихся, и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину" (Ин. 18, 37), ибо Царство Его и есть Истина. Христос — Свидетель, *Μάρτυς*, в предельном смысле — *ὁ Μάρτυς*. В Его распятии иудеи и римляне думали видеть просто историческое событие, но событие оказалось Истиной. А свидетельство Христа оказалось не только высказанным содержанием, истинным, но и силою высшей реальности, высказыванием объявляемой. Распятие Сына Божия искупительно не только потому, что Он — Сын Божий, но и потому, что это — распятие Сына Божия: этим фактом было усвоено человечеству вечное содержание свидетельства Истины.

Но факт закрепляется в истории лишь фактами же. Господь Иисус Христос — как факт истории — входит в историческое сознание человечества лишь фактами же, которые имеют содержанием истинность того, первоначального, факта. Так возникает необходимость свидетельства Его свидетельства и, следовательно, — свидетелей Единого Свидетеля. Апостольство и есть такое свидетельство, уже человеческое, Самой Воплощенной Истины. "Вы же есте свидетели сим" (Лк. 24, 48), то есть всей жизни Господа, Его страданий, смерти и воскресения; и: "Будете Мне свидетели во Иерусалиме же и всей Иудеи и Самарии, и даже до последних земли" (Деян. 1, 8). Так запечатлевает Своими прощальными словами пред вознесением Сам Господь деятельность Апостолов, — как говорил им о том же во время Своей прощальной беседы: "И вы же свидетельствуете, яко искони со Мною есте" (Ин. 15, 27). И они стали свидетелями Божиими, свидетелями Иисуса Христа, Сына Божия, заверителями пред человечеством Его неотмирности. Первоначальная история Церкви, записанная в Деяниях Апостольских, вся испещрена словами "свидетель", "свидетели", "свидетельство", "свидетельствовать" и тому подобными во всех грамматических формах (см. Деян. 2, 32; 3, 15; 10, 3; 13, 31; 4, 33; 14, 3; 15, 8 и так далее). Апостолы сознают себя именно свидетелями. Так, апостол Петр называет себя "сви-

детелем страданий Христовых" (1 Петр. 5, 1); апостол Иоанн утверждает: "И мы свидетельствуем, и весте, яко свидетельство наше истинно есть" (3 Ин. 12), а Павел увещевает Тимофея: "Не постыдися убо свидетельством Господа нашего Иисуса Христа, ни мною, юзником Его, но спостражди благовествованию Христову" (2 Тим. 1, 8).

Апостолы свидетельствуют Иисуса Христа. На первый взгляд кажется не возбуждающим вопроса, что собственно значит "свидетельствовать Иисуса Христа", подобно тому, как не составляло бы вопроса, что значит свидетельствовать апостола Павла, или, еще лучше, какого-нибудь Ивана или Петра: это значило бы удостоверить самость его личности, то есть обеспечить, что это — тот самый, который известен под таким-то именем. Но, если понимать свидетельство Иисуса Христа в том же смысле, то есть как удостоверение самости исторической личности Иисуса, в отношении его человеческого естества, то тогда решительно непонятно, ради чего необходимо было во времена апостольские такое свидетельство. Разве кто-нибудь, даже из врагов Христовых, высказывал сомнение в Его историческом Лице как таковом? Разве кто-нибудь заподозривал, действительно ли Иисус есть тот самый сын Марии из Назарета, за какового считали Его окружающие? Зачем же такая сложная и кровавая организация свидетельских показаний о факте, против которого никто не возражает, да и не возражал никогда, кроме разве только додумавшихся до такого сомнения в XX веке паннавильонистов? Неужели только ради них нужны были бесчисленные мученичества, к тому же их несколько не убеждающие? А кроме того, как возможны были самые мученичества, где почва, на которой могли возникнуть преследования и гонения? Если понимать под свидетельством апостольским нечто вроде обычного свидетельства, например, судебного, то совершенно непонятна психологически самая суть столкновения гонителей и гонимых.

Но тогда, скажут, нужно понимать "свидетельство Иисус Христово" в смысле удостоверения не самости Его человеческого естества (Лица?), а Его Богосыновности, Его Единосущия Отцу. Однако, если свидетельство в первом смысле есть нечто слишком малое, чтобы вызвать гонение, то свидетельство во втором как слишком большое и заслуживало бы гонения, будучи притязанием на абсолютное ведение. Чтобы засвидетельствовать Единосущие Отца и Сына, необходимо насквозь и до конца з н а т ь Божие естество и, не будучи ни Отцом, ни Сыном, притязать на бытие большее, нежели Каждого из Них.

Нам дан удел веровать или не веровать в Христово Единосущие Отцу, но не знать таковое, а следовательно, человек не может удосто-

верять такового Единосущия. Свидетельство Христово в этом смысле было бы духовной гордыней и восхищением недарованного, которым могут хвалиться гностики всех стран и времен, как бы они ни назывались, а не христиане. Еще святой Ириней Лионский смеялся над притязаниями современных ему гностиков объяснять все взаимоотношения божественных эонов, говоря, что еретики так рассказывают о рождении эонов, как будто в качестве акушеров помогали Плироме.

Итак, что же значит "свидетельство Иисус Христово"? Смысл этого выражения точно устанавливается Апокалипсисом. Иоанн, говорится там, "за слово Божие и за свидетельство Иисус Христово" — (Откр. 1, 9) был на Патмосе; а в другом месте о той же самой причине его заточения на Патмосе говорится, что он "свидетельствовал Слово Божие и свидетельство Иисус Христово, и елика виде — *ἐμαρτύρησεν τὸν Λόγον Θεοῦ καὶ τὴν μαρτυρίαν Ἰησοῦ Χριστοῦ ὅσα εἶδεν*" (Откр. 1, 2). Следовательно, "свидетельствовать Слово Божие", или, иначе говоря, свидетельствовать Единосущие Иисуса Отцу, есть, по Апостолу, "свидетельствовать свидетельство Иисуса Христа". Иоанн не считает нужным удостоверить историческую Личность Иисуса, как и не берется удостоверить, что Он, Иисус, есть Слово Божие, Единосущное Отцу, ибо "Бога никто не видел" (*Θεὸν οὐδεὶς ἑώρακεν*), то есть помимо, без Сына. Но не свидетельствуя ни о том, ни о другом, он свидетельствует: *ὅσα εἶδεν* — что "он видел" (Откр. 1, 2) то есть то, сверхисторическое, но, однако, бывшее ему доступным, свидетельство Самого Слова Божия — Иисуса Христа. Иоанн свидетельствует не непосредственно то, что делается в недрах Отчих, а свидетельствует свидетельство о том Иисуса, знающего Отца. Слово Божие, Единородный Сын Божий и Первороденный из мертвых, свидетельствует об Отце Своем и Его Царстве.

А Иоанн, по откровению Божьему, з а с в и д е т е л ь с т в о в а л — *ἐμαρτύρησεν* — Слово Божие — Единородное Слово Божие. Поставленный здесь аорист указывает на определенный, известный читателю, биографический факт из жизни Иоанна; потому естественно спросить: где и когда это чрезвычайное событие торжественного засвидетельствования случилось? — Очевидно, речь идет о Евангелии Слова ("В начале бе Слово" — Ин. 1, 1) и о Послании (Еже видехом — *ἑώρακαμεν* — о Словеси животнем — 1 Ин. 1, 1), где Иоанн был свидетелем Слова. И свидетелем еще чего? — Он *ἐμαρτύρησεν τὴν μαρτυρίαν Ἰησοῦ Χριστοῦ*, он был свидетелем свидетельства Христова. Иоанн, раб Христов, подтверждает свидетельство Христово — не по существу, конечно, о каковой дерзости и мысль не западала Апостолу, а по фактической его стороне, то есть удостоверяет, что действи-

тельно такое свидетельство было, что он слышал, и притом собственными ушами, что он видел и даже осязал своими руками. Апостол удостоверяет, что этот Свидетель об Отце Небесном, это Явление с Неба было не призраком, не мнимым, а действительно воплощенным.

Понимать это место можно, только вдумавшись в историческую обстановку свидетельствования. У людей того времени вовсе не было принципиального недоверия к возможности прихода с неба. С другой стороны, дела Христовы, и в особенности Его свидетельство о том, что Он, Христос, видел, были явно неземные, внутренние убедительные; не могло возникнуть сомнения о правдивости Его свидетельства по существу, да и враги Его никогда не смели усмотреть в содержании Его слов об Отце — неправду. Но тут же возникал вопрос: как Он может знать то, что знает? Для иудеев, видевших реальность Спасителя и не бывших способными вместить в своем сознании мысли о воплощении, не оставалось никакого исхода, как просто уничтожить Существо, неприемлемое ими, но для них бесспорное, — убить Его. А для всех не видевших Его, преимущественно для язычников, легчайшим путем было то решение, что Иисус — действительно Явление небесное, но зато лишенное реальности, — небесный призрак; а тогда открывались сомнения в фактичности возвещенного Им. Апостолы же в высшей мере сознают необходимость удостоверить противное, то есть: что Иисус действительно был во плоти и действительно свидетельствовал о Небе, — все то, что они со слов Его благовествуют. Величайшее ударение они делают на том, что они с в и д е т е л и. Они сознают себя прежде всего именно с в и д е т е л я м и, и притом поставленными, — даже рукоположенными от Бога, прежде всех других свидетелей: "Бог воскресил Его (Христа) в третий день, — благовествует апостол Петр сотнику Корнилию, — и даде Ему явлену быти, не всем людем, но нам, свидетелем предначеранным (собственно: хиротонисованным) от Бога — *μαρτυροῦ τοῦς προκεχειροτομημένοις ὑπὸ τοῦ Θεοῦ*" (Деян. 10, 41), и называют себя "свидетелями" — *μαρτυρεῖς* — (Деян. 2, 32; 3, 15) Воскресения Христова. Дело апостольства есть с в и д е т е л ь с т в о. И потому, когда в апостольской среде возник вопрос об избрании Апостола на место отпавшего Иуды, то нового апостола ставили вовсе не просто как проповедника, и именно как свидетеля Воскресения Христова — *μαρτυρα τῆς ἀναστάσεως αὐτοῦ* — (Деян. 1, 22), да и самое благовествование, то есть Евангелие, было свидетельствованием именно фактичности, действительности Христова Воскресения. Подобно этому и Анания, первый из христиан, пришедший к ослеп-

шему Савлу, с убеждением креститься, определяет новообращенному предстоящий ему подвиг как дело свидетельствования: "Будеши Ему (Христу) свидетель — *μαρτυρ* — и у всех человеков" (Деян. 22, 15). А явившийся Павлу в Иерусалиме Господь предсказывает: "(В Иерусалиме) не примут свидетельства твоего, еже о Мне" (Деян. 22, 18). В свой черед Павел называет Господу первомученика Стефана свидетелем Его — *τοῦ μαρτυροῦ* (Деян. 22, 20). Таким образом, понятие и термин *μαρτυρ* выходит за пределы собственно апостольского круга и распространяется на всех благовестителей новой жизни: это уже третий концентр свидетельства, третья ступень, если за первую считать Самого Господа. Он называет убитого Антипу Пергамского Своим верным свидетелем — *ὁ μαρτυρὸς ὁ πιστὸς Μοῦ*: "Антипа, свидетель мой верный, иже убиен бысть в вас" (Откр. 2, 13). Свидетели ставят новых свидетелей, и площадь основания свидетельской пирамиды, по мере удаления от вершины, все возрастает.

Свидетельская кровь, разливаясь, рождает новые свидетельства. Но это не потому — как хотели бы спсихологизировать историки, — что происходит психическая эпидемия мученичеств, которую пытаются сравнить с заразою флагеллянтов, крестоносцев и других, как хорошо известно, Церковь сурово порицала жажду страданий как таковых, искание смерти, опьянение мученичеством, сомнамбулическое устремление к мученичеству или экзальтированный вызов попыток и смерти, подобные монтанистским и донатистским. Не то чтобы этого никогда не бывало; но, поскольку случалось изредка, рассматривалось именно как болезнь духа и резко осуждалось как перестановка понятий и подмен объективной духовной ценности — свидетельства — субъективными состояниями, то есть, говоря языком позднейшей аскетики, как явление духовной прелести. В мученичестве, под каковым словом должно разуметь только церковное мученичество, было влечение не к крови и к страданиям, всегда нетрезвенное, всегда лихорадочно исступленное и содержащее в себе жестокую чувственность самоистязания, а — тяга к новой, высшей реальности, ощущение в себе прорастающих семян иного бытия: "ибо семенем жизни стала смерть Христа". Открылась новая жизнь, и, по мере распространения этого семени, ширится круг людей, причастных к опыту вечной жизни, и все в большем числе представителей рода человеческого возникает ощущение бытия более полного и более крепкого, нежели самый мир.

Центр тяготения переместился в сознании: возрожденная душа внезапно принимает новую форму равновесия своих элементов; не земля, а Небо теперь влечет к себе, и мученики не от земли бегут, а

устремляются к Небу. Разливается в связи с этим избыточное богатство духовных дарований, законы бытия земного оттесняются, или, точнее сказать, просвечивают золотым содержанием иной жизни и сами делаются иными; невольно вспоминаются тут излюбленные в катакомбном искусстве *fondi d'oro* — сосуды темно-зеленого стекла со впаянными внутри него, залитыми им прорезными изображениями из тонких золотых пластинок, сквозь толщу стекла мерцают священные символы, так близко от нас и, вместе, сокровенные, совершенно недоступно от возможности коснуться их. Век мученичества озолочен почти прильнувшим к земле Небом. Мученические акты испещрены яркими видениями, непрестанными откровениями и озарениями, и самая атмосфера этого времени кажется пронизанной снопами только что зашедшего Солнца. Духовный мир открывается въявь. Но, в противоположность многим, как будто аналогичным явлениям визионерного характера, имеющим сложение хрупкое и призрачно-субъективное, эти видения плотны и имеют четкость подлинной онтологии: в их реальности при чтении записей того времени усомниться не приходит в голову.

Наиболее пронизанная веянием мученичества и токами мученической крови — из Новозаветных книг — Апокалипсис — наиболее же насыщена и явлениями духовной реальности, здесь особенно разительной и особенно явной и яркой; тут они — не туман или пар, а камни-самоцветы и стеклянное море, смешанное с огнем, — самое твердое, что есть в бытии, и самое прозрачное, — сгущенные и оплотневшие в земных недрах лучи Солнца. И убедительность того берега жизни все укрепляется каждой новой пролитой каплей мученической крови. Кровь мучеников, привитая Кровью Христовой — этим семенем вечной жизни, — сама становится семенем, согласно знаменитому изречению Тертуллиана: *"Semen est sanguis christianorum"*. И, попадая в сердце, это семя производит брожение крови или, точнее, преобразование, и тогда оно само, ассимилируясь, будит таящееся во всякой душе ощущение иного бытия начала и влечение переплыть к иному берегу. "Ни видимое, ни невидимое — ничто не удержит меня прийти к Иисусу Христу. Огонь и крест, толпы зверей, рассечение, расторжение, раздробление костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, лютые муки диавола пусть придут на меня, — только бы мне достигнуть Христа".

Но не надломом или надрывом, не безысходностью и тоскою, не пресыщенностью и скукою от суеты жизни, какими была проникнута жизнь культурного мира, современного мученику, дышит это искание жизни иной. Нет, тут полновесное ощущение иного бытия

уже дано глубоким невозмущаемым миром, "свышним миром" — просимым нами в ектениях, в котором — спокойствие, самообладание, эллинская ясность и, главное — ни с чем не сравнимый свет радости и праздничного ликования. Некоторым намеком на ту полноту бытия, которою жили эти первые круги свидетелей Христовых, звучит доньше еще неумолкаемая музыка в местах их погребений, в катакомбах.

"Едва мы вошли во тьму катакомбы, — рассказывает один из посетителей, — вдруг нахлынуло чувство радостное, умиленное, благоговейное, ноги сами собою опустились, и я, в несказанном восторге, стал целовать камни и землю и плакать обильными, облегченными, освобождающими слезами. Сбылось то, что я предчувствовал по далеким книжным вестям. Безмолвная, почти немая тайна первохристианства вдруг безмолвно и немо открылась сердцу, и самая "суть" катакомб стала такой близкой, такой понятной, такой родной. Я всем существом ощутил мир, мир, превосходящий всякое разумение, мир, который благодатными волнами бил в мою душу из этой массы безвестных, смиренных могил. Близкие останки ребенка (погребенного в катакомбах — П. Ф.) таким победным уверением говорили, что нет смерти, нет печали и воздыхания, есть одна беспримесная, беспредельная радость. В то время как монах (проводник) далеко впереди давал объяснения моим спутникам, я шел сзади, и немое чувство мое стало находить разумные "внутренние слова". Массы Божественно-идиллических черт, которыми полна древняя христианская письменность, пришли мне на память, и все синтезировались в словах Минуция Феликса: "Мы ожидаем весны нашего тела". Нет слов, которые бы лучше передавали впечатление от ликующей тишины, от умопостигаемого покоя, от беспредельной умирненности христианского кладбища. Здесь тела лежат, как пшеница под зимним саваном, ожидая, предваряя, пророчествуя нездешнюю, внемирную весну Вечности. Первые христиане знали какую-то особую гармонию религиозного чувства, на них почил какой-то особый луч до-мирной Божественной славы. Они были свидетелями и участниками кратковременного абсолютного мира между землей и Небом. В их кратких, обрывочных надписях, в их младенчески-чистой символике, в их простых и глубоких видениях сквозит тайна постигнутой, свершенной и разделенной Обрученности...

...Почти целые три века посеянное Словом зерно сохраняло свой первоначальный облик, лежало "одно", пребывало как истинный дар Божий, как беспредельное чистое счастье! Все нечистое человеческое сгорало в вольном и светлом порыве к жертве, в вольной устрем-

ленности к мученичеству, в постоянной готовности пострадать за Имя Христово... Они горели энтузиазмом, пылали тайной примирения с Небом, тайной новых обетований...

Первые христиане любили цветы. "Кто может подумать, что мы пренебрегаем цветами, — говорит Октавий у Минуция Феликса, — которыми дарит нас весна, когда мы срываем розы и лилии и все другие цветы приятного цвета и запаха? Их мы расставляем перед собой. Из них сплетаем себе венки на головы". По внешней видимости, эта любовь к цветам — как у язычников. Но, на самом деле, эти венки из цветов сливались в первохристианском сознании с венцами мученическими. От этих венцов нет возврата к язычеству, и — прямой переход к добровольному, внутреннему мученичеству аскетов и пустынников... Да, христиане "любили цветы", но любовью новой, неведомой античному миру, любовью поглощающей и преображающей, и, когда пришли времена, христианство породило новую эпоху в истории искусства..."

Мученическое свидетельство Христа с древнейших времен стало в Церкви, по вполне понятной причине, типическим как наиболее внятное взаимопроникновение покрывающих друг друга человеческого подвига и вечной ценности. Всякий подвиг церковный есть, по разуму церковному, свидетельство мученического типа и под этим углом зрения понимается; а если бы не был таковым, то не мог бы быть и церковным как не являющий собою символа — живого взаимопроникновения двух бытий. Мученичество, в более прямом смысле слова, есть такой символ более бесспорный, внешне доступный менее тонкому зрению, и потому с древнейших времен в увещаниях и назиданиях к подвигу христианской жизни отправною точкой мысли, неизменно мерою оценки обычно применялось понятие мученичества. Все пути к небу измерялись именно этою мерою, почему самое понятие мученичества-свидетельства, сохраняя неизменно свою ось, получало очертания весьма различные.

"Сколько и какие поминаются ныне (то есть в Неделю всех святых) святые?" — спрашивает себя преподобный Феодор Студит в Слове, обращенном к монахам, и тут же отвечает: "Бесчисленные святые Божии, свидетели истины Божией и мученики, кои верно сопротивлялись враждебной ей (именно ей, а не им) силе тиранов и всякого рода мучения претерпевали мужественно и с радостью и в сем убеждении, ходя по разжженным угольям, кровью угашая костры горящие и многое совершая в своем естестве, что превышало естество, и поражая тем тиранов и царей, — во свидетельство чего? — того, что Иисус Христос есть Сын Божий и что о Имени Его даруется жизнь

вечная, как написано, — но одни ли только те суть свидетели истины, кои кровь пролили? — Нет; таковы и все Божественною жизнью пожившие, о коих святой Апостол говорит, что они: "проидоша в милотех, и в козях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин (весь) мир, в пустынях скитающиеся и в горах и в вертепах и в пропастях земных". И немного ниже: "толик имуще облежаш нас облак свидетелей, гордость всяку отложше, и удобь обстоятельный грех, терпением да течем на предлагающий нам подвиг: взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса, Иже вместо предлагающия Ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив, одесную же престола Божия седе" (Евр. 11, 37 — 38; 12, 1—2). Видишь, как он называет мучениками и всех любителей преподобия, прискорбную проводящих жизнь с терпением. Таким образом, братия, — обращается Студит к монахам, — и мы причисляемся к мученическому сонму; ибо и мы тем, что любим и терпеливо проходим многоскорбный путь крестоносной жизни, тем, что храним обет девства и не отрицаем многих борений нам стоящего послушания, свидетельствуем, что Иисус есть Христос Сын Божий, свидетельствуем, что есть суд и воздаяние, свидетельствуем, что должны пред страшным судилищем Христовым дать отчет о том, как жили, противостоя диаволу, Христову врагу, который мучит и бичует нас приражениями худых помыслов и смертоносных похотей, понуждая отречься от Бога. Но мы, как свидетели Христовы, еще будем давать доброе свидетельство, еще продолжим доброе исповедание исповедовать, радуясь со всеми святыми, что сподобились свидетельствовать о Христе, не преклоняя колен перед ваалом, то есть не склоняясь на похоти плоти и другие греховные сласти; не будем верить врагу, когда он будет предлагать нам помыслы отречения от послушания, но будем добросовестно противостоять ему, будучи поражаемы, но не побеждаемы. Какой плод такого мученического свидетельства, вы знаете; знайте, что свидетели Христовы, свидетельствовавшие о Нем всем и за истинное свидетельство неимоверные муки понесшие, в будущем веке сонаследниками Его объявлены будут, как говорит Апостол: "Егда же Христос явится, Живот наш, тогда и вы с Ним явитесь во славе" (Кол. 3, 4). С ними и мы, до конца жизни продолжая свидетельство свое, да сподобимся получить вечные воздаяния и со Христом во веки пребывать в веселии и радовании".

В церковном сознании, мученики — святые; но можно не менее твердо сказать и обратное, — что святые — мученики. Подвиг христианской жизни, какова бы ни была она по своим внешним условиям, внутренне есть всегда мученичество, ибо есть отрывание

себя от сего мира во имя иного мира. Бывает: среди тока мутной воды тянутся в реке струи иные, прозрачные, от горного ключа, не смешивающиеся с окружающей мутью; таково, например, слияние у Мцхета двух Арагв, Белой и Черной. Так в христианском подвижнике текут прозрачные струи жизни будущего века, воды живой, хотя сам он — еще в мутных водах истории. Но это хранение себя от муты есть мученичество как свидетельство самым подвигом жизни о наличии чистых струй. Святой есть *μάρτυς* — и воистину *μάρτυς* в разъясненном ранее смысле. Он — в мире, но не от мира. Он сердцем своим уже вышел из мира, он уже стал ему трансцендентен. В горных местностях, когда все еще тонет во мгле, вдруг загорится снежная вершина, своей светоносной точкой свидетельствуя о реальности солнца, хотя нами непосредственно и невидимого. Так и святой, хотя и немощный человек, самым существованием своим есть свидетель духовного мира, живое свидетельство тайн вечной жизни; не потому что говорит он о ней — верим мы ему, а потому, что сам он, и без слов, есть доказательство предмета нашей веры. Святой подобен записи слова Божия: согнивающему пергаменту, или мягкому и плавкому воску, или истлевающей, воспламеняющейся, рвущейся и мнущейся бумаге доверены слова Божественного откровения. И, однако, в этом непрочном и недолговечном веществе подлинно живет вечная Истина, им и через него является миру. Так в святом; не на коже животных, не на пчелином воске и не на бумаге здесь пишется Откровение Божие, а на еще более изменчивом человеческом сердце. Но это откровение написано здесь — невозможное человеку — возможно есть Богови — и святой стал живым свидетельством славы Божией, распискою завета между Богом и миром. Повторяю, не потому, что святой говорит, он есть свидетель и свидетельство, а потому, — что он есть святой, потому, что он живет в двух мирах, потому, что в нем мы видим воочию чистые струи вечной жизни, хотя и текущие среди наших мутных и земных вод, губящих жизнь. Среди мертвых вод истории, — и все-таки живой, — вопреки стихиям мира сего, или, точнее, единой стихии, имя которой Разрушение, Порча, Расстройство, Беспорядок, Уничтожение, Хаос, Смерть, а на языке натурфилософии и физики — Энтропия. И потому святой самым собою свидетельствует, что есть Источник силы противоположной — Жизнь.

”Мнози вероваша в Онъ (во Христа) от самарян, за слова жены (самаряныни) свидетельствующия — *μάρτυροῦσας*” (Ин. 4, 39), — повествует евангелист Иоанн. Но когда они увидели Господа, то говорили самарянке: ”Яко не к тому за твою беседу веруем:

сами бо слышахом, и вемы, яко сей есть воистину Спас миру, Христос” (Ин. 4, 42). Так и мы можем сказать и говорим, а если не говорим, если не умеем сказать, то погрешаем, — говорим святому, по слову чьему мы обратились к вере: ”Уже не за твою беседу веруем: сами ведь слышали и знаем, что Иисус есть воистину Спаситель мира, Христос”; — а это знаем потому, что услышали в святом, увидели в нем не только возвещающего, но и святого, — в нем самом усмотрели жизнь вечную, сквозь его личность замерцал нам живущий в ней и вообразившийся в ней Христос; на текучем естестве человека прочли письма вечной Истины. В святом, как в книге, мы читаем Слово Божие и видим Его животворность. И, прочтя, мы уже не его беседе верим, а сами услышали и сами знаем, что есть Источник воды живой.

Мы сами услышали Слово Божие, сами знаем. Почему? Почему мы знаем это?

— Мы говорим: по мученичеству, по мученической жизни и по мученической кончине — по всему тому, что называется вместе житием. Это так. Но ведь не всегда и не все видят святых и входят, жизненно прикасаются к их житию. А между тем ведь все дело веры, той веры, которая нам необходима для себя и в самих себе, есть опыт, живое касание к другому миру, хотя бы и через посредство, может быть, многие посредства, — но все-таки касание. И вот, как будто, далеко не всем, вероятно большинству, такой опыт не предоставлен. Как будто кровеносная система Христова свидетельства в церковном теле питает не все клетки церковного организма. И тогда, если так, одни из них, лежащие у кровеносных сосудов, имеют возможность жить, а другие обречены на условное подражание действиям веры, имеющее вид веры, но силы ее лишенное. И эта мысль заостряется тем более, что мы вообще не имеем непосредственного отношения ко всем святым, к давним свидетелям тайн Божиих, — никто. Неужели же все прошлое свидетельство есть для нас лишь исторический факт? А если нет, если мы в глубине души убеждены в непрестающей действительности этого прошлого свидетельства, если мы твердо держимся за него, как за всегда настоящее, то мы не можем не спросить себя: как именно входит в эмпирическую историю, как именно входит вечным ее достоинством свидетельский подвиг святых?

ПИСЬМО О. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО К Н. П. КИСЕЛЕВУ*
(26.IV – 9.V 1919. Сергиев Посад.)

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

До меня дошла весть о назначении Вас "эmissаром" в Оптину Пустынь. Не знаю, какие именно Силы так направили это назначение, но не сомневаюсь, что — благие. Не сомневаюсь и в том, что Вы являетесь "эmissаром" не только от внешней власти по внешним делам, но — и от той, завязывающейся у нас Власти духовной, которая еще не уплотнила в себе определенного центра, но которая нежными живыми нитями уже протянулась по России. Есть общественное мнение; но глубже его живет Мнение Общественное, и мой голос к Вам — не мой индивидуально, но, знаю, голос причастный этому последнему. Считаю не только в праве, но и долгом своим высказать пред Вами о деле, которому мы все, уверен — не исключая и Вас, придаем величайшую важность. Сохранение Оптиной Пустыни от разгрома отнюдь нельзя рассматривать, как сохранение одного, хотя и очень хорошего, монастыря; Оптина — отличный памятник 20-х годов, она богатый архив высоко-ценных документов по истории русского просвещения, наконец она — духовная санатория многих израненных душ. Конечно, охранить ее с этих сторон — долг просвещенного человека, но для нас с Вами, ищущих духовной культуры и ждущих расцвета духовного знания, нового и вечного, верящих и утверждающих наступление новой эры культуры, нового исторического зона, ампирики и архивчики конечно почти ничто в сравнении

* КИСЕЛЕВ Николай Петрович (1884–1965), профессор, известный московский филолог и библиограф. В 1910–1914 гг. состоял членом редакции, а с осени 1913 г. до середины лета 1915 г. — секретарем издательства "Мусaget". С 1910 г. — сотрудник Румянцевского музея. В 1941 г. — арестован и находился в заключении; в 1947–1957 гг. жил в ссылке в г. Александрове. Н. П. опубликовал каталоги инкунабулов и палеотипов Румянцевского музея (позднее — Библиотеки им. Ленина), монографию "Неизвестные фрагменты древнейших памятников печати Германии и Голландии" (М. 1961) и ряд статей в журналах и сборниках: "Труды и Дни", "Книга. Исследования и материалы", "The Book Collector" и др. См. "The Times" 27 april 1965, p. 15.

В Оптину Пустынь Н. П. Киселев был командирован Наркомпросом в 1919 г. Вероятно, в результате этой поездки и был в скиту организован музей, просуществовавший до 1928 г. Позднее все оптинские материалы поступили в фонды Ленинской библиотеки в Москве. См. также воспоминания Андрея Белого "Начало века". М.—Л. 1933 г. стр. 355 (о Н. П. Киселеве).

с этими вселенскими задачами. Между тем Оптина есть именно завязь новой культуры. Она есть узел не проектируемый только, а живущий вот уже сотню лет, который на самом деле осуществил ту среду, где воспитывается духовная дисциплина, не моральная, не внешне-аскетическая, а именно духовная. Можно говорить о недостаточности, о некоторой неполноте Оптиной, о некоторой чисто теоретической недосказанности. Но совершенно бесспорно, что духовная культура во всем ее объеме должна идти не мимо Оптиной, а сквозь нее, питаясь от нее, вплетая в свое предание и эту нить, непременно и эту, потому что это есть единственная нить, которая, действительно не прерываясь в плане историческом, низводит нас из века в век к глубочайшим напластованиям духовного преемства. Мы все мучительно думаем, хотя и с разными вариациями, об осуществлении Школ или других Учреждений, подготовляющих и дающих духовное просвещение, и в наших мечтаниях эти Школы и Учреждения разрастаются в нечто огромное, и качественно и количественно. Дай Бог, чтобы эти мечтания осуществились хотя бы частично. Но как бы нам не промечтать Учреждение именно такой природы, именно такое по самой сущности своей, хотя бы и менее богатое, чем нам бы хотелось, но зато не мечтаемое только, а на самом деле реализованное на историческом плане, и главное, доказавшее свою жизненность. Если начать проследживать мысленно самые разнообразные течения русской жизни в области духа, то непосредственно или посредственно мы всегда приведем к Оптиной, как духовному фокусу, от соприкосновения с которым возжигается дух, хотя бы потом он раскрывался и в иных, чем собственно — оптинское направление. Оптина, выдаваясь не столько отдельными исключительными лицами, сколько гармоническим сочетанием и взаимодействием духовных сил, всегда была и есть, есть в настоящее время, как целое, могучий коллективный возбудитель духовного опыта, я осмелюсь сказать, единственный, в России, по крайней мере, в таком роде и в такой силе возбудитель духа. Было бы с нашей стороны великим преступлением не пред группою монахов, а пред культурою будущего, не употребить всех возможных усилий для сохранения Оптиной в ее целом, то есть, не как стен или рукописей, а того невидимого и не осязаемого физически водоворота, который во всяком приблизившемся к нему пробуждает, впервые может быть, острое сознание, что кроме внешнего отношения к миру есть еще внутреннее, бесконечно более его важное, дающее ощутить глубины бытия и миры иные. Оптина, у подошедшего к ней, родит убеждение, что этот новый взгляд на мир не случайное настроение, а доступен развитию, углублению и обогащению, и что он, переходя в постоянный опыт иной действительности и жизнь в ней, подсту-

ФРА ИЕРОНИМ САВОНАРОЛА

ПРОПОВЕДЬ ОБ ИСКУССТВЕ Х О Р О Ш О УМИРАТЬ

Перевод и комментарий архимандрита Амвросия Погодина

Прошло без малого 500 лет с того дня, как монах святой жизни и горячей веры в возможность создания христианского государства и христианской общины, Фра Иероним Савонарола, игумен монастыря Св. Марка во Флоренции, был повешен, тело его предано огню и прах брошен в "мутную Арно". Тогда было сделано все для того, чтобы память о нем исчезла "с шумом" и навсегда. А случилось обратное: Савонарола остался в памяти веков не только как великий человек, но и как человек достойный любви и уважения, как герой, как мученик, как борец за святость Церкви и порядочность людского общества. Он поднял свой голос против беззаконий, творившихся в те времена в Римской Церкви; желал видеть обновление духа и морали в Церкви, старался о созыве Вселенского Собора; возможно, он пошел дальше положенной меры и в своей горячности, свойственной его благородному характеру, сделал и некоторые ошибки и поддался соблазну взять на себя бремя некоего народного вождя и вышел из рамок строгого монашеского послушания, хотя и bona fide верил в свою правоту и, во всяком случае, искал не своих выгод и своей чести, но до крови, до мученической смерти горел желанием спасти человеческие души, призвать их к покаянию и усиленному подвигу; желал видеть, чтобы люди, а особенно люди, бывшие во главе Церкви, были х р и с т и а н а м и, старающимися в своей жизни хоть немного осуществить принципы христианской морали; хотя бы в малой степени были подвижниками, ограничивающими свои страсти и свою гордыню; хотя бы в малой степени были более человеколюбивы (потому что, как горестно взывал Савонарола, "в Церкви не осталось ни на йоту любви"); более преданы духовной жизни и истине.

Ведь христианство — это не литературное творение, не философское начертание, не эстетическое вдохновение; христианство — это жизненное задание; это смысл жизни и труда; смысл, без которого жизнь представляется пустой и темной; тупиком, теряющимся в тумане и в ночи; христианство — это жизнь человека, построенная на светлом, радостном и глубоко-осмысленном усиленном подражании Христу. Вот это-то Савонарола и напоминал людям и восставал против зла, творившегося в те времена и в Церкви, и в людском обществе.

пая к краям нашего сознания, может изливаться оттуда, как новое культурное творчество, как новая наука, новая философия, новое искусство, новая общественность и новая государственность. Вот этот-то невидимый, но могучий вихрь иной жизни, уже столькое давший, уже питавший русскую культуру и еще больше имеющий дать теперь, когда с течением символистов разрушены препятствия со стороны рационализма и позитивизма, этот вихрь, за который все мы, люди одного устремления, хотя и разных деталей в путях и технике, должны ухватиться, как за ценнейшее достояние нашей современности, мы должны отстоять, должны отстоять во что бы то ни стало, и каких бы это ни стоило усилий. Ведь, повторяю, тут дело идет о принципе внутреннего постижения жизни, я ошибся, не о принципе, а о живом побеге такого постижения, и притом единственном побеге, единственном, доказавшем свою жизненность. Совершенно непременосима мысль, что чьи-то грубые сапоги, даже не во имя противоположного принципа, не во имя внешнего отношения к жизни, а просто по недомыслию, невежеству и пошлой грубости, могут растоптать этот росток, что сулит ничем вознаграждаемой потерю нам всем и культуре будущего, а ведь она и ответственность за нее лежит именно на нас, сознавших безусловную необходимость духовных постижений. Я не смею говорить здесь о технике Вашей поездки: на месте Вам это будет конечно виднее, но мне бы хотелось в заключение заметить, что если бы, несмотря на все усилия, не удалось отстоять всю Оптину от разгона, то временною мерой мог бы быть перевод насельников Оптиной в тут же имеющийся скит.

Желаю Вам успеха и с величайшим нетерпением я и все мы будем ожидать результатов Вашей поездки. Господь да хранит Вас и да вразумит. С уважением к Вам и душевным расположением священник Павел Флоренский.

Р. С. И хочется мне кончить, чем начал: Вам вручена судьба Оптиной и Вы являетесь ответственным за нее. Tempora pessima sunt, vigilemus.

П. Ф.

Его проповедь простиралась и к прелатам, и к простым пастухам, к великим и знаменитым городам — и к бедным лачужкам, к принцам и беднякам. Всех он призывал к покаянию, подвигу и исправлению своей жизни. Его дела были мудры, человеколюбивы и благородны. Он хотел сделать из Флоренции и из всего мира — Царство Божие с его безгрешностью и радостью. Результаты — известны.

Савонарола, можно было думать, не достиг ничего: краткий успех сменился полным крушением; все его горение и подвиг закончились для него страшной трагедией и полным крахом всех начинаний. Однако, как говорит один писатель, "будущее принадлежит ему, а он принадлежит Церкви". Смерть мученика за правое дело никогда не бывает напрасной. Своей смертью за святые и чистые идеалы христианской морали он заслужил место в истории человечества и своей кровью запечатлел свои богословские творения.

Савонарола, итальянский монах, живший во второй половине XV века (1452–1498) в Ферраре, Болонье и Флоренции, где и закончил свою жизнь, является человеком, который принадлежит всему миру и всем Церквям. Недаром Преподобный Максим Грек, столько сделавший добра Русской Святой Церкви, некогда под влиянием Савонаролы стал глубоко верующим человеком и его послушником, на всю жизнь сохранил его светлый образ и ставил его в пример. Своим обликом, своим, так сказать, "донкихотством", более чем донкихотством, он близок всякому человеку: католические святые его любили и почитали; протестанты видели в нем "предтечу Лютера"; увядающие цветы, которые мы видим на медной площадке, указывающей место казни Савонаролы на Пиацца делла Синьория во Флоренции, — свидетельствуют о том, что он близок и местному жителю, и туристу, какой бы он веры ни был и какой нации; но нам, православным, он близок еще и тем, что его учение о Вселенских Соборах, как наивысших учреждениях Святой Церкви, является именно православным учением; а его сочинение "*De simplicitate vitae Christianae*" (еще не переведенное) — это краткое Добротолюбие.

Я дерзая предложить русскому читателю проповедь Савонаролы "Об искусстве х о р о ш о у м и р а т ь", которая представляется мне не только прекрасной, но и весьма душеполезной, и, может быть, является уникалом во всей духовной литературе. Думается, что тот, кто раз прочтет эту проповедь, полную глубины, полную добра к слушателю, которого он ласково именует "сыночек мой", никогда не забудет того полезного урока, который Савонарола предлагает христианской душе. Проповедь заставляет серьезно подумать о будущей жизни и о необходимости крайней осторожности в жизни и тщательной подготовке себя к смерти, к оным вратам, за которыми открывается вечность.

ОБ ИСКУССТВЕ ХОРОШО УМИРАТЬ*

*"Во всех делах твоих помни о конце твоём,
и вовек не согрешишь" (Иисус Сирах. VII, 39).*

Нетрудное дело, возлюбленные о Христе Иисусе, доказать человеку, что ему предстоит умереть, потому что, помимо всего прочего, самый ежедневный опыт это показывает. Но весьма трудно склонить человека к мысли о смерти, так чтобы он утвердился в постоянном памятовании ее. И причина сего — в том, что всякое побуждение бывает следствием известного сознания, хотя, впрочем, не всегда это, собственно говоря, и сознание, а скорее — инстинкт, который следует внутренним законам природы. Так, например, то, что камень имеет свойство падать в центр, не является следствием его знания, — потому что он не обладает каким-либо умом, — а происходит по законам природы. И как обстоит дело в отношении всех иных вещей в природе, как и относительно знания, так и относительно инстинкта, мы сейчас не будем говорить, потому что это не входит в наше задание; но скажем только, что либо животный инстинкт, либо разумное побуждение вызывается либо чувственным началом, либо следуют разумному сознанию, присущему животному или человеку.

Случается же, что способность познания представляет нашему вожделению какую-нибудь вещь в виде такого наслаждения, что наше вожделение с большей страстностью следует за ней, и иногда до такой степени становится плененным ею, что всецело держится только ее и не умеет каким-либо образом отвлечься от нее. Для примера: некто увидел где-нибудь женщину; и когда начал думать о ней, желание быть близким к ней до такой степени овладевает им, что делает его как бы неподвижным в этом состоянии, вследствие чего все его мысли и все его помыслы затем становятся управляемыми к этой цели. Это же случается и когда кто сильно возлюбит Бога от сознания того, как много имеет от Него; тогда любовь до такой степени завладевает им, что всего его влечет к Богу; и все его мысли устремляются к Нему, и вся забота состоит в том, чтобы только лишь угодить своему Творцу.

Кстати, я сказал, что приключается, что как инстинктивное, так и разумное побуждение бывают следствием личного осознания чего-

* Predica dell'Arte del ben morire. т. 6, р. 362–97. Встречающиеся латинские фразы мы передаем также в русском переводе. Эта проповедь была произнесена 2 ноября 1496 года.

либо; тем не менее, затем, когда явится горячее желание, тогда это первичное осознание, ставшее началом в нем любви, укрепляется и отстраняет все прочие мысли и рассуждения и приводит к тому, что человек как бы уже бывает не способен думать о чем-либо другом, как только о предмете своей любви. Поскольку же желание жить и инстинкт существования — совершенно естественны, и жизнь для человека более любезна, чем что-либо иное, то поэтому инстинкт существования до такой степени владеет человеком, что делает его весьма утвержденным в заботе о жизни; так что все его мысли и, можно сказать, все его действия руководятся этой жаждой жить и все делать для того, чтобы сохранить себя. И поэтому, как влюбленный не мыслит иметь желания быть вне предмета своей любви, и даже если и пожелает, это ему бывает очень трудно, так и всякому человеку тяжело отойти от мысли и от заботы о своей жизни и подумать о смерти. И, как говорит изречение, "противоположные друг в отношении друга вещи вызывают и противоположные друг в отношении друга чувства", — так и здесь: насколько человек страстно любит жизнь, настолько страстно он ненавидит смерть и всячески, насколько может, бежит от нее, как от чего-то противоположного этому существованию и этой жизни. Поэтому он бежит и от мысли о смерти, как от вещи противоположной (заботе о жизни), как от вещи, которую он до такой степени не любит, что даже мысль о ней ненавистна ему. Поэтому очень нелегко отвлечь человека от этого состояния и склонить его к тому, чтобы он подумал о смерти, и сделать его выше этой совершенно естественной мысли о жизни и инстинкта существования, который ему весьма угоден; в то время, как мысль о смерти весьма ненавистна.

И насколько человек весьма легко отдается мысли о жизни, настолько тяжело ему принудить себя к памяти о смерти; потому что, как мы сказали, "противоположные друг в отношении друга вещи вызывают и противоположные друг в отношении друга чувства". Эта трудность того, чтобы человек подумал о смерти, создается еще и нашими чувствами к окружающим нас вещам, к которым мы весьма привязаны; а то, что осознается при помощи органов чувств, не приводит человека к тому, чтобы он отдавал свои мысли чему-либо иному, как только тем вещам, которые здесь, налицо, и которые приятны. Еще это вызывается и озабоченностью и попечением о житейских делах, которыми люди, пока живы, весьма заняты, так что просто они и не в силах подумать о смерти.

Итак, сегодня утром, желая говорить об искусстве хорошо умирать и, как я вам вчера сказал, дав вам немного сухой пищи, мы не

хотим вас отягощать доказательствами того, что человеку предстоит умереть; потому что это было бы излишне и ты скажешь: "Отче, это — потерянное время: мы знаем, что мы имеем умереть". Поэтому я хочу оставить это в стороне и направляю свои усилия на то, чтобы убедить человека закрепить в своем уме мысль, что ему предстоит умереть; и покажем, что, памятуя о смерти, человек получает от этого большую пользу, и, конечно, если память смертная будет постоянно жить в нем, ему будет от этого большое благо. Памятование смерти имели все святые мужи в древности, и это приводило к тому, что они жили в большой духовной строгости к себе, и вот, теперь они пребывают в раю и блаженстве. Так что человеку весьма полезно памятование смерти; потому что, по христианскому верованию, ни начало ни середина не приносят пользу, если при этом не будет подобающего завершения. Так что нужно всегда заботиться о том, чтобы сделать это завершение ХОРОШО, а для этого надо всегда памятовать о смерти. И поэтому Премудрый, предначиная нашу тему, говорит в своей книге: "Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь" (Иисус Сирах. VII, 39); т. е. — во всех твоих поступках, о человек, помни о конце твоём. Помни, человек, что тебе предстоит умереть; и когда ты утвердишься в памяти этого, ты вовек не согрешишь, т. е. не сделаешь никакого греха.

Итак, возлюбленные, будем говорить о смерти и дадим каждому врачебное указание, как подобает хорошо умирать. И сначала поведем разговор о таком человеке, который в настоящее время находится в добром здравии, и научим его, как ему подобает мудрствовать и отдавать себе отчет в том, что в любой момент он может разболеться и умереть. Затем будем говорить о таком человеке, который уже начал болеть, и научим его, как ему подобает памятовать о смерти. В-третьих, скажем о таком человеке, который тяжело болен и пригвожден к кровати и как бы уже находится при последнем издыхании; скажем, что даже и он должен делать. Итак, да дарует Бог нам благодать сказать о смерти так, чтобы память о ней хорошо запечатлелась в вашем уме и чтобы вы приобрели плод от этой проповеди.

Если бы я сказал вам, люди, что я хочу доказать вам на основании доводов авторитета и примера, что человеку надлежит умереть, ты бы сказал на это, что это совершенно неразумно. Для меня же кажется еще более неразумным тот факт, что человек, и сознавая, что ему надлежит умереть, однако, совершенно не желает думать о смерти; но все его заботы как бы говорят о том, будто он думает, что будет жить здесь всегда и созидать прекрасные дома и собирать много вещей и обогащаться. Из этого видно, что все мысли челове-

ка — в этом; и не представляется, чтобы он думал о смерти и об иной жизни, как будто бы ее вообще и нет. О, как это безрассудно — не думать вообще ни о чем, как только о здешних вещах! Ты не видишь, что во всяком случае тебе придется умереть и оставить здесь решительно все. Скажу: хочешь ли ты этого или нет, но ты не знаешь ни часа, ни каким образом, когда и как ты имеешь умереть. Соломон говорит в Притчах, в 30-й главе, что некоторые животные — мудрее человека: "Вот четыре малых на земле, но они мудрее мудрых: муравьи, народ несильный, но летом заготавливают пищу себе"; — т. е. заготавливают себе пищу на зиму; "горные мыши — народ слабый, но ставят дома свои на скале"; потому что тогда их гнездо в большей безопасности; "у саранчи нет царя, но выступают все они стройно"; — саранча, т. е. кузнечик, у которого нет никакого царя, но, совершая скачки, он все время подвигается вперед в полном порядке, полк за полком; "паук лапками цепляется, но бывает в царских чертогах" (ст. 24—28), — т. е. паук, который идет ножками по земле, а между тем всегда обитает во дворце Царя. Вот, эти четверо животных, говорит Соломон, мудрее мудрецов.

Тот может называться мудрым, кто свои дела устраивает, имея в виду конечную цель. Например, конечной целью строителя является законченная форма дома, и поэтому все дело строительства он направляет к этой цели. Целью командующего армией является победа, и весь поход он направляет к этой цели; и так обстоит дело в отношении целей и иных отдельных вещей. Но философы говорят, что люди, которые ведут свои дела к определенной цели, могут называться мудрыми в своей отрасли, но не — "мудрыми" в общем смысле слова; т. е. могут называться сведущими в каком-то определенном деле, но не — абсолютно мудрыми. Но тот может называться абсолютно мудрым, кто имеет в виду завершительную цель человека и человеческой жизни, и хорошо ведет все дела и всю свою жизнь для этой цели. Завершительной целью человека является Бог, и тот, кто хорошо имеет в виду эту цель, тот — истинно мудр.

Но мудрецы века сего, которые не принимают во внимание добрым образом эту завершительную цель человеческой жизни, не могут именоваться истинно мудрыми. Ты найдешь, что, во-первых, муравьи умнее их, муравьи, которые, как говорит Соломон, — "слабый народ". "Муравьи" для меня обозначают добрых простых женщин,* которые слабого и немощного пола, но благочестивы и управ-

* Муравей, по-итальянски *la formica*, является существительным женского рода; поэтому Савонарола сравнивает его с маленькими женщинами, обычно одетыми в черное, которые спешат в церковь.

ляют всю свою жизнь по Богу и ищут, всегда собирая, вместе с добрыми делами, награды у Бога, чтобы радоваться затем в иной жизни. Эти маленькие женщины, таким образом, обозначенные под видом "муравьев", — мудрее мудрых торговцев, которые, объезжая, проходят всю землю и все море для того, чтобы собрать себе богатство, которое знают, что так или иначе имеют утерять, т. е. оставить здесь. А простые маленькие женщины, у которых вся душа устремлена к Богу, собирают здесь (в этой жизни) сокровище, которым имеют возобладать в раю, где они никогда не лишатся его.

И горная мышь также мудрее, чем мудрецы. Она напоминает мне неких добрых мужчин,* совершенно простодушных, всецело отдавших себя Богу, которые всегда помнят о смерти, и делают свою постель в камне, т. е. имеют свое место и свой конец и свой покой во Христе: "Камень же был Христос" (1 Кор. 10, 4). Они всегда помышляют о том, что им предстоит умереть, и поэтому они утверждены во Христе, и после смерти они принадлежат к спасенным. Эти полевые мыши более мудры, чем принцы и великие господа (*gran maestri*) и прелаты, которые не поместили своего гнезда на камне, но истомляются для того, чтобы удержать свое положение, которое так или иначе имеют утерять.

Саранча, т. е. полевой кузнечик, также мудрее этих мудрецов. "Кузнечики" для меня обозначают неких хороших простых крестьян, которые довольны своим малым и похожи на кузнечиков, у которых нет царя; так и эти добрые крестьяне не имеют того, кто правит ими или кто их наставляет; не слышат столько проповедей, не имеют столько законов, ни таких знаний, как мы имеем, но имеют раз и навсегда устроенный образ жизни и управляемый в Боге, и в простоте сердца они соблюдают заповеди Божии, хотя и не имеют столько знаний, и идут в строгом порядке, как бы взлетая** и поднимаясь над землей, насколько это в их силах, и стоят объединенные в любви, всегда памятуя о смерти. Они мудрее, чем ученые философы, юристы, ораторы и поэты, которые тратят время на обдумывание своих аргументов и тонкостей речи и софизмов, а не думают о Боге, ни о смерти.

Паук, т. е. тарантул, также, как говорит Соломон, мудрее премудрых, который, говорит он, цепляется лапками за землю, а обитает в царских чертогах. Этот "паук" для меня обозначает некоторых

* Полевая мышь, по-итальянски *el lepuscolo*, существительное мужского рода.

** Подпрыгивая, как кузнечик.

людей с малым образованием, которые не имеют талантов, но имеют добрые дела: они не умеют теоретически рассуждать, но умеют хорошо поступать; и поэтому он говорит, что они цепляются лапками, как бы этим говоря: не летит, но цепляется лапками, и тем не менее восходит наверх; и таким образом, делая очень много добра, они часто достигают высокого состояния души, а оттуда бывают причастны известной простой доброте, которая имеет большую стоимость, чем ничего не стоящая мудрость оных мудрецов. Таковые, говорит он, обитают в царском дворце, т. е. в силу своей простоты обитают с блаженными, которые все являются царями и которые живут с Первым Царем, т. е. — с Богом.

Итак, заметь ты, хотящий хорошо жить: научись мудрости от муравья, от полевой мыши, от кузнечика и от паука, и помышляй о смерти и о том, что тебя ждет загробная жизнь. И если ты пожелаешь научиться от них, ты будешь хорошо жить и будешь более мудрым, чем оные немудрые мудрецы. Но разреши мне немного передохнуть, и я покажу тебе, что истинная мудрость заключается в памятовании о смерти.

Блаженный Иероним говорит, что у Платона было в употреблении такое изречение: "Vera philosophia est meditatio mortis", т. е. — "истинная философия состоит в том, чтобы помышлять о смерти". Под "философией" он имел в виду любовь к мудрости. Истинная же мудрость состоит в том, чтобы памятовать о смерти; и тот может назваться истинно мудрым человеком, кто всегда думает о том, что ему предстоит умереть, и что цель человеческой жизни — не здесь. И поэтому так ведет свои дела, будто всегда ожидает прихода смерти, и всегда готов хорошо умереть, для того чтобы прийти к оной крайней Цели, будучи управлен к ней Богом. Таким образом, это изречение Платона, — т. е. что истинная философия и истинная мудрость состоит в том, чтобы памятовать о смерти, — было сказано хорошо. Но мы, христиане, понимаем это изречение лучше, чем он.

Подвинься немного вперед. Ты иногда сомневаешься в делах веры. Если ты будешь часто думать и размышлять наедине с собою о смерти, ты не будешь иметь сомнений в вере, но еще и утвердишься в ней. Возьми это за первое правило. Привыкни иногда думать наедине с собою о смерти, и скажи: так или иначе мне предстоит умереть; и посмотри иногда на твою плоть и твои руки, и скажи: эти руки и эта плоть должны будут обратиться в прах и пепел; скоро все станет гноем. Кто этот мертвец? тот был гран маэстро, тот был молодой, тот был богатый, тот был красивый, тот был сильный. Не так давно они были живы, а сейчас — мертвые: все гной и пепел.

Может быть, скоро умру и я, и в едином дуновении минует все относящееся к этой жизни. Затем подумай с еще большей душой и войди немного глубже в эту мысль о смерти, и скажи: Что нас ждет после смерти? Куда уходит человек после того, как умрет? Он не знает этого. А нам что сказать о его судьбе? Человек ведь самая благородная тварь, какая только видится на земле. В чем же заключается конечная цель человека? "В созерцании Бога", — сказали философы. И поэтому продолжай размышлять, и скажи затем: Если созерцание Бога является конечной целью, пределом человека, то предел всему — там, где полное удовлетворение и полный покой. Мы не видим, чтобы в этом мире человек не беспокоился; напротив, он всегда томится различными страстями и беспокойствами. Поэтому не представляется, чтобы здесь (в этой жизни) был бы предел человека. Так помышлял Аристотель и весьма томился, ища ответа на этот вопрос, потому что он не понимал: в этой ли жизни, или же только в потусторонней, созерцание Бога достигается как предел и конечная цель человека?

И поэтому ты, христианин, если желаешь найти ответ на этот вопрос, скажи так: Бог управляет миром и промышляет о нем и о всякой малой вещи, и поэтому промышляет о человеке еще больше, чем о какой-либо иной вещи в мире, потому что человек более благородное творение; и если дело обстоит так, то, поскольку Бог справедлив, Он имеет воздать добром тем, кто — добрые. Но мы видим, что добрые в этом мире всегда бывают притесняемы и всегда терпят огорчения: следовательно, не здесь предел человека; и посему признай, что Бог, как праведный и мудрый Промыслитель, уготовал иную жизнь, потустороннюю жизнь. Но кому будет дан оный потусторонний покой? Конечно, ты скажешь, — добрым. Но в том-то и все дело, что в мире нет лучшего человека, чем тот, кто есть истинный христианин: потому что христианский образ жизни — это самый лучший образ жизни, какой только можно себе представить. Следовательно, ты скажешь, что истинный христианин, который держится нашей веры, возобладает оной блаженной потусторонней жизнью, которая уготована Богом для Его возлюбленных; и размышляя о сем, ты уверишься, что эта вера истинная, потому что если наша вера не была бы истинной, не следует ли, что не может быть истинной и никакая иная вера, и тогда человек — самое несчастное существо, какое только может быть; и поэтому, поскольку есть истинная вера, то ты подумай о том, что есть и ад и рай; и что если ты пойдешь в ад, то там ты останешься не на сотню лет, не на тысячу, не на сто тысяч, не на сто миллионов, но — навсегда и в бесконечность.

Философ не имел уверенности в том, что существует ад и что дурные люди идут туда; и все же он правильно сказал: "Смерть — страшная вещь по самой своей природе, потому что она представляет собою конец нашей жизни, которая до такой степени любима нами; но еще хуже то, что человек не знает, будет ли ему после смерти хорошо или плохо". Но мы, просвещенные светом веры, знаем и уверены в том, что если человек умирает без благодати Божией, он сразу же идет в ад. Ты можешь умереть сегодня, и ты не знаешь: находишься ли ты в благодати Божией или же нет, — "потому что никто не знает: достоин ли он любви или ненависти". Поэтому, человек, памятуя о смерти и хорошо устрой свою жизнь, и постарайся быть в благодати Божией, чтобы тебе не приключилось потерпеть неудачу в этом "ходе".

О, человек, диавол всю жизнь играет с тобою в шахматы и ждет прихода смерти, чтобы дать тебе мат; и поэтому будь готов. Хорошо обдумай этот ход: потому что если ты выиграешь этот ход, ты выиграл все, но если ты его потеряешь, то ты ничего не достиг. Выиграть этот ход означает выиграть битву за жизнь. Поэтому будь настороже от угрожающего тебе мата; всегда помышляй о смерти, потому что если ты не найдешь себя хорошо подготовленным для этого хода, — ты потеряешь все, что ты только достиг в этой жизни. И поэтому обрати внимание: какую большую озабоченность тебе долженствует иметь в отношении этого хода, чтобы выиграть его. Теперь дай мне передохнуть.

О, какое великое безумие не помышлять о смерти и не говорить себе: Если я не выиграю этого хода, я ничего не достиг в моей жизни; я потерял все. О, торговец, если бы тебе было возвещено, что в результате одного хода ты можешь понести потерю всего твоего имущества, ты никогда не пребывал бы в покое, ни днем, ни ночью, но перевернул бы весь мир, чтобы предпринять меры в отношении этого хода. И поэтому, человек, помышляй о смерти и о том, куда уходит душа, которая более ценна, чем весь этот мир.

Вспоминаю, вот, что однажды, произнося тебе подобную же проповедь, я посоветовал тебе, — из желания, чтобы ты достойным образом подготавливал себя к смерти, — заказать изобразить для себя три картины. На первой картине, которую бы ты заказал, был бы изображен наверху рай, а под ним — ад; и эту картину я посоветовал, чтобы ты повесил у себя в комнате, в месте, удобном для глаз; и при этом взял бы за обыкновение не просто смотреть на нее, но и прочувствовать ее содержание. И советовал тебе всегда иметь ее в памяти и говорить: Может быть, сегодня я умру. И очень хорошо

изучить это изображение и отдать себе отчет, что смерть всегда наготове встретить тебя, дабы похитить тебя из этой жизни, как бы говоря тебе: Тебе предстоит умереть во всяком случае, и ты не можешь избежать моих рук; смотри, куда ты хочешь идти: вверх — в рай, или же вниз — в ад? Это памятование смерти имели все святые мужи и святые жены, и во всем, что они делали, все их помыслы всегда обращались к мысли о смерти. Итак, закажи нарисовать эту первую картину, которая принесет тебе большую пользу, потому что будет приводить тебя к мысли о том, что тебе предстоит умереть. Теперь послушай некоторые врачебные советы и правила, которые я хочу тебе дать, прежде чем мы перейдем к второй картине.

"Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь" — "помни всегда, что ты имеешь умереть, и ты не совершишь греха". Всякий грех у человека происходит либо от неведения, либо от неразумия; а то, что совершается невольно, — это невольный грех: воля не согрешает, если только не согрешает ум. Ум же грешит или по неведению, или по неразумию. Заблуждение, следовательно, воли приключается тогда, когда и сам ум бывает в заблуждении, поскольку или не сознает, или не отдает себе отчета в том, что он делает. Ты скажешь, что, однако, имеются грехи, которые совершены или по злостности, или по слабости, и про них нельзя сказать, что они происходят от неведения или неразумия. А я тебе отвечу на это, что, несмотря на то, что это верно, что некоторые грехи совершаются по злостности и по слабости, однако, знай, что все грехи можно свести к сделанным по неведению или к сделанным по неразумию, поскольку злостность и слабость делают то, что человек или не понимает, что он делает, либо не думает об этом.

Вот, например, случается, что женщины клянутся на веру в истине того, что на самом деле не является истиной. Св. Фома Аквинат говорит, что клятва является смертным грехом, когда человек знает, что он клянется, что нечто является правдой, когда на самом деле это — ложь. "О, — скажет какая-нибудь женщина, — я не знала, что это так", — вот, следовательно, этот грех происходит по неведению. Но тот, кто совершает блуд, зная, что это — грех, грешит не по неведению, а по неразумию; потому что греховное услаждение приводит тогда к тому, что он не думает об этом; потому что если ты твердо отдашь себе отчет в том, что это — нехорошо, то ты и не согрешишь; потому что, как говорит Св. Дионисий, "никто, кто проникнет в сущность (отвратительность) греха, не захочет совершить его". И поэтому если ты, когда к тебе придет какое искушение на грех, твердо отдашь себе отчет, что это — грех, и что ты поступаешь против заповеди

Божией, то ты, конечно, и не согрешишь тогда.* Это же самое приключится тебе, если ты будешь постоянно памятовать о смерти; этим ты весьма очистишь себя от греха; потому что две вещи приводят человека к деланию всякого добра: любовь и страх, и эти два движущих начала являются учителями всех искусств.

Посмотри на женщину, которая учится ухаживать за своим новорожденным младенцем, которую учит не иное что, как только любовь. Ласточка учится делать гнездо и выводить своих птенцов, движимая только любовью к своим птенцам. Итак, любовь является наставницей, которая учит действиям. Следовательно, если ты возымеешь любовь к вечной жизни, то ты приложишь усилия приобрести и удержать ее и не будешь грешить.

Второе движущее начало — страх. Посмотри на зайчика: когда его преследует собака, он, убегая, делает зигзаги, чтобы сбить с толку врага, так чтобы собака его не поймала. И этому его научили не иное что, как — боязнь и страх перед собакой. Так, если ты будешь помышлять об аде, как о твоём враге, ты не будешь грешить так, как ты теперь гресишь, но научишься бежать от него; и когда к тебе придет искушение сделать зло, скажешь: Хочу ли я ради немногого удовольствия, ради немногой чести, ради немногого имущества, — что все проходящее — потерять рай, где утешение вечное, и пойти в ад, где непрестанная скорбь? Таким образом, тот, кто хорошо утвердился в памятовании смерти, тот будет помышлять и о рае и об аде; и тогда в твоё сердце войдет любовь к Богу и страх, и они тебя приведут к деланию добра и к отвращению от зла. В этом, следовательно, заключается смысл того, что было сказано Премудрым: "Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь".

И, напротив, нежелание думать о смерти является причиной того, что ты делаешь много грехов. Таким образом, памятование о ней приводит человека к тому, что он не грешит ни по неведению, ни по неразумию, потому что, как мы сказали, память смертная порождает в сердце человека страх и любовь, которые являются наставниками всего. Оттуда человек, когда любит Бога и боится Его, скоро научается пути своему, так чтобы не грешить по неведению. Это производит еще и то, что человек пребывает в постоянной памяти об иной жизни, чем человек хранит себя от греха. И посему, мой сыночек, когда придет к тебе искушение, подумай тогда и скажи: Если бы я сейчас был при смерти, не пожелал ли бы я, чтобы и я имел за собою совершенными все те добрые дела, которые совершили

* Т. е. не пойдешь сознательно на грех.

Святые? Конечно, — да; и поэтому я не хочу идти на этот грех; но лучше подумаю о том, что мне предстоит смерть; и что, если я совершу добрые поступки, я пойду в рай, куда пошли Святые; а если буду поступать дурно, пойду в ад, где караются все грешники. Поступай так, мой сыночек, и помышляй о смерти, и ты отгонишь от себя всякое искушение. Ну, дай мне немного передохнуть, и я тебе представлю способ, как, мало-помалу, тебе надо действовать, чтобы углубиться в памятование смерти, дабы ты бежал от всякого греха.

Хочешь ли ты, сыночек мой, научиться этой истинной мудрости, которую отвергают мудрецы века сего? Проси у Бога просветить тебя, и молись, чтобы Он вселил в твой ум Свой свет, так чтобы ты твердо пребывал в памятовании об иной жизни. И заметь, что я тебе сказал, что грех происходит от невежества или от неразумия. Следовательно, такой человек, в котором нет ни неведения, ни неразумия тот не может и согрешить; но это является свойством только Божиего ума, в котором, по самой его природе, не может произойти ни неведения, ни какого недомыслия; потому что Бог — безграничная и высшая Премудрость. И насколько больше какой ум приближается к Богу и более сближается с Ним, настолько он становится более совершенным и более склонным к тому, чтобы меньше делать ошибок; потому что насколько предмет больше приближается к своей первопричине, настолько становится более совершенным. Поскольку же Бог является Первой Причиной всего, то насколько человек приближается к Богу, настолько он становится лучшим и более совершенным. Святые на небе и ангелы, следовательно, не могут более согрешать ни по неведению, ни по неразумию, потому что они весьма — близки к Богу и утверждены в Его благодати светом славы, и весьма — подобны Богу. Душа Христова, также и перед тем, как пострадать на кресте, не могла согрешить ни по неведению, ни по недомыслию, потому что она была соединена с Божественным Существом, Которое всегда созерцала. Пресвятая Дева подобным же образом не могла согрешить, но не по той причине, что Она уже и при этой жизни созерцала Божественное Существо так, как Его видела душа Христа, ни как Его видят ныне святые в своем небесном отечестве, — но по великому изобилию благодати Святого Духа, Которым Она была исполнена, и поэтому была утверждена таким образом, что не могла согрешить.

Но апостолы очень могли согрешать простительными (не смертными) грехами, потому что они не обладали такой полнотой благодати Духа Святого, и не были так утверждены, как была утверждена Дева. Видишь, что апостол Павел упрекнул апостола Петра, когда

тот, живя и питаясь с язычниками, ел также и от пищи, которую запрещено есть иудеям; однако, пред иудеями иудействовал. На основании сего, апостол Павел сказал ему: "Если ты, будучи иудеем, живешь по-язычески, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?" (Гал. 2, 14); и затем прибавляет: "Я противостоял ему, потому что он подвергался нареканию", т. е. — я упрекнул его, потому что он заслужил нареkanie. Так что и апостолы, при всем великом изобилии благодати Духа Святого, которую они имели, однако, могли ошибаться и по необдуманности согрешать в простительных грехах; и насколько это более относится ко всем прочим, которые уступают по святости апостолам. Подумай же, в каком положении находится тот человек, который живет вообще без света благодати Божией и оставлен своей собственной природе. Подумай, как тебе представляется его состояние и может ли он прожить без греха?

Я скажу тебе, что при желании беречься от греха надо иметь благодать Божию; и без нее и без света веры невозможно сохранить себя от греха; и поэтому тем, которые желают жить хорошей жизнью и сохранять себя от греха, необходимо, прежде всего, просить у Бога даровать им свет. Поэтому возьми это как первое правило; молись каждый день и проси у Бога, чтобы Он даровал тебе Свой Свет, дабы Он просветил тебя творить Его волю и этим Светом укрепил в твоём уме памятование о смерти и об иной жизни, т. е. — о рае и об аде; потому что, скажу тебе, без этого света невозможно жить доброй жизнью. И весьма уместно будет для тебя произносить этот псалом: "Доколе, Господи, будешь забывать меня?" (Пс. 12, 2), т. е. — обратиться к Господу и скажи Ему: О, Господи, до каких пор Ты не вспомнишь обо мне? — Потому что мы говорим, что Бог нас забыл тогда, когда в нас нет Его Света. Итак, читая этот Псалом, в завершение заключи вместе с Давидом: "Просвети очи мои, да не усну я сном смертным; да не скажет враг мой: я одолел его" (Пс. 12, 4—5). О, Господи, даруй мне Свет, дабы я не грешил. — Так что тебе будет очень полезно часто повторять этот Псалом и молить Бога, чтобы Он даровал тебе Свет; потому что этот Свет есть дар Божий, который Он дарует Своим возлюбленным; проси у Него, чтобы этим светом Он утвердил твой ум в помышлении о смерти. Это — первое правило и первое врачебное предписание, которое хочу тебе дать. Теперь перейдем к второму.

Второе врачебное предписание заключается в том, чтобы ты сам имел сильное желание устраниваться от греха. Для этого сделай себе пару очков, которые называются "очками смерти", и чрез эти "очки смерти" смотри на все. Об этих "очках" я тебе говорил недавно, и сегодня утром повторим это же самое.

Говорят философы: "*Oportet intelligentem phantasmata speculari*", т. е. человеку, который желает вникнуть в понимание предмета, нужно принимать во внимание самые фантазмы; таковыми фантазмами являются очки ума. Тот, кто читает при помощи очков, имеет перед собой открытую книгу и на носу очки, находящиеся между глазами и книгой, а также имеет свет, в силу которого специи — или же подобию букв — падают на очки и от очков переходят в глаза. Так обстоит дело и в отношении разумевающей силы нашего ума. Сначала ум, который разумеает, который именуется философами "возможный ум", является как бы глазами; и умственная способность, которую философы называют "посредник", является как бы светом; ощущаемые вещи являются как бы буквами в книге; фантазмы, которые находятся между ощущаемыми вещами и возможным умом (т. е. возможной силой разумения), являются как бы очками. Таким образом, если бы ты имел красные очки, вся книга тебе представилась бы красной; а если бы зеленые, книга представилась бы зеленой; и таким же образом обстоит дело в отношении иных цветов. Так и наш ум очень часто бывает научаем воображением и чудесным образом движем, потому что для желающего проникнуть в понимание предмета необходимо наблюдать (*speculare*) фантазмы, связанные с этим предметом. Например, ты имеешь при себе очки и хочешь читать: ты подносишь текст к глазам, и глаза передают мозгу содержание текста; однако, тебе необходимо смотреть через очки, чтобы различить этот текст. Следовательно, если ты имеешь хорошие очки, твой ум будет всегда хорошо видеть, а также и, напротив, плохо будет видеть, если очки у тебя будут плохи.

Возьми пару желтых очков, ты увидишь все желтым; если ты будешь иметь красные очки, ты увидишь все красным. Желтые очки — это фантазмы зависти, или, если хочешь, фантазмы алчности; красные очки — это фантазмы гнева; потому что страстями души внутри формируются фантазмы, соответствующие этим страстям; потому что, как говорится: "*Qualis unusquisque est, talia et sibi videntur*", т. е. "как человек настроен, таковыми ему и представляются вещи". Так, "красные очки" обозначают гнев и жажду мести. Возьми, например, человека, который рассержен и полон гнева и ненависти: его "очки" и фантазмы будут соответствовать гневу и ненависти, и он будет готовиться хорошо отомстить, потому что все видит исполненным гнева и ненависти; но отбрось от себя этот гнев и ненависть, и скажи: Я больше не думаю о мести: потому что я снял с себя дурные очки. И заметь, к тому же, что воображение, сильно укрепившееся, гонит человека туда, куда хочет; и если у человека представ-

ление настроено в отношении добра, то и приводит его к добру; а если воображение исполнено злобы, то и влечет человека к злу: потому что воображение движет человека даже вопреки его рас-судку. Например, если ты идешь по балке, поставленной над землей, и тебе вообразится, что ты упадешь, ты действительно сразу же и упадешь с нее; если тебе представится в уме чувственное впечатление, то, вот, ты уже и впадешь сразу же в зло (согрешив в сердце твоим).

Так что, если ты хочешь поступать хорошо и бежать от греха, создай у себя сильное представление о неизбежности смерти. Это тебе и есть те "очки", о которых я тебе говорю: сделай, чтобы смерть постоянно была у тебя пред очами, и во всех делах твоих помни о смерти. И утром, когда ты встанешь, во-первых, перекрестись; а затем надень на себя "очки смерти", т. е. скажи: Помни, человек, что ты — прах, и в прах возвратишься. Затем обратись ко Господу и скажи: О, Господи, я оскорбил Тебя и сделал так много грехов, прости меня. Может быть, смерть уже близка от меня: дай мне благодать, чтобы я больше не обижал Тебя. — Надень на себя, сыночек мой, эти "очки смерти", и ты увидишь, что они окажут большую пользу твоей жизни.

Ты, имеющий заседать в Совете, когда будешь там, внимай, чтобы правильно решать дела, и надень на себя очки смерти, и скажи: Мне надо говорить правду, потому что мне предстоит умереть, и мне придется дать отчет в моих поступках, и мне придется выстрадать наказание, если я не решал дела по совести. Ты, желающий собирать товары и обогащаться и заключать дурные сделки, вспомни о смерти; надень эти очки смерти, и скажи: В аду, потом, я не сведу счетов, и там мне не поможет никакая вещь на свете. — Ты, гонящийся за желанием почестей и честью, вспомни, что тебе предстоит умереть; надень на себя очки смерти, и поразмысли о том, что все чести мира, если ты пойдешь в ад, не принесут тебе никакой пользы. Женщина, если тебе придет мысль принарядиться и погнаться за роскошествами, надень на себя очки смерти, и не пожелай, по причине твоих роскошеств, уйти в вечное осуждение. Юноша, когда ты будешь возбужден к совершению греха, надень на себя очки смерти; вспомни, что тебе предстоит умереть, и отдай себя всего служению Христу с чистотою сердца и тела. Священник и монах, когда к тебе придет какое искушение, надень на себя очки смерти, и ты найдешь, что они будут тебе очень полезны для борьбы со всяким искушением.

Это второе врачество и второе правило, которое я тебе даю сегодня утром: чтобы ты всегда носил "очки смерти", т. е. имел в

твоим уме непрестанное памятование о том, что ты можешь в любой час умереть. Эти "очки", сыночек мой, приведут тебя к тому, что ты увидишь краткость этой жизни и до какой степени тебе должно иметь заботу о том, чтобы быть постоянно готовым к смерти. Итак, сделай себе эти "очки", благодаря которым, будучи всегда в этой готовности и принимая на ум, что ты можешь в любой час умереть, ты хорошо устроишь свою жизнь и избежишь многих грехов. Теперь внимательно слушай: потому что я тебе дам еще одно правило для того, чтобы ты мог лучше пребывать в этом памятовании.

Правило относительно очков смерти ты понял; но поскольку очки часто спадают, то нужно, чтобы ты привязал к ним шнурок или какой крючок, чтобы они не спадали. Таким "крючком", при помощи которого ты прикрепишь эти "очки", будет тебе какая-нибудь вещь, познаваемая органами чувств, которая тебе будет напоминать о смерти: потому что воображение в уме происходит от ощущения, которое вызывается вещами, познаваемыми чувствами. Отсюда философы говорят: "Воображение (или представление) это — движение, вызванное чувством". Поэтому необходимо выработать в себе твердое обыкновение желать всегда помышлять о смерти; если ты разработаешь в себе этот обычай, то ты крепко удержишь эту мысль. Все святые мужи и святые жены имели это обыкновение и навык памятовать о смерти и в каждом своем деле всегда прибегали к сему.

Когда Святые чувствуют себя в почести, они прибегают к очкам смерти, и говорят: Я — прах и пепел; мне предстоит смерть; — и не желают останавливаться в мыслях о мирских почестях. Также и когда гонимы и испытывают бедствия, они прибегают к очкам смерти, и говорят: Нам предстоит умереть; скоро минует эта буря, и мы пойдем в рай; — и таким способом никогда не допускают, чтобы с них спали очки смерти. Так чтобы у тебя стало обычаем памятование смерти, то, дабы с твоих глаз не спадали очки, тебе нужно помочь сему чем-нибудь из того, что познается в этом мире. Так что возьми за правило: почаще смотреть, как хоронят мертвых; почаще ходи на могилы; часто навещай тех, которые при смерти; любимый, если ты знаешь, что кто из твоих родителей, или друг, или иное лицо, находится при смерти, сегодня же навести его, а затем пойди на его похороны, и хорошо подумай: что такое человек! и посуди: до какой степени человек непрочное существо. И вот, ты весьма сохранишь себя от греха.

И если и ты также весьма непрочен, тебе долженствует заказать изображение смерти, которое находилось бы в твоём доме, и даже поддерживать в руке кость мертвого человека и часто взирать на нее; и

когда ты почувствуешь, что тебя искушает желание почестей, прибегать к мысли о смерти, и говорить: я — безумец! где теперь столько господ и столько великих людей, которые возжелали отдать себя гордыне и приобретению почестей и достоинств? Все они умерли; все они прах и пепел; все они — гной. Поэтому, отбросив желание почестей, внимай, чтобы жить хорошо, и возмести тем, которых ты обидел. И подобным же образом рассуждай и в отношении искушения алчности, искушения плоти и иных беззаконий. И если ты будешь поступать таким образом, то, конечно, у тебя зародится желание х о р о ш о умереть, и ты попросишь совета от опытного человека; и он сразу же скажет тебе так: Так как тебе неизвестно, когда ты умрешь, то не откладывай более принести покаяние, но пойди быстро и поисповедайся, и скажи: Хочу поисповедаться сегодня, а не завтра; потому что, может быть, завтра я могу умереть. Возьми пример с одного святого, которому помысл сказал: Завтра ты сделаешь это добро, или завтра ты начнешь; и он ответил: Сделаем с е г о д н я, а не завтра: потому что завтра, может быть, мы не будем в живых. Также составь завещание, устрой твои дела и распорядись относительно всего, как если бы ты имел умереть завтра, дабы всегда, когда Господь пожелал тебя, ты мог бы сказать: Вот, я, Господи! я готов умереть.

Сыночек мой, поступай, как курьер, который, заходя в корчму и не снимая ни шпор, ни чего иного, съедает кусок, и представляется, будто он готов тысячу лет провести на лошади, и говорит: "Ну, пора, пора, пойдем!" Так и ты усвой в своих мыслях, что ты не останешься здесь, а должен будешь уйти отсюда и прийти туда, и любой час может стать часом твоей смерти. И если наступит война, придет чума или голод — не устрашайся, а скажи: Так или иначе, но мне предстоит умереть. И если твое воображение тебе говорит, что тяжкое дело умирать от меча или от чумы или от голода, ответь: Мне предстоит умереть так или иначе от смертельной болезни, какой бы это ни был вид смерти.

Конечно, умереть также и от болезни в боку или от другой болезни означает умереть от смертельной болезни; чрез это зло однажды всем нам приходится пройти. Но заметь слова, сказанные в Псалме: "Дорога в очах Господних смерть святых Его" (Пс. 115, 6); а в другом месте: "Смерть грешников люта" (Пс. 33, 32). Так что не имей страха перед видом смерти; но имей страх перед тем, что следует за смертью дурных людей. Приими во внимание, что Святые были гонимы, пронзаемы копьями, побиваемы камнями, умерщвляемы различными способами, и перенесли столько страдания. А с дру-

гой стороны, множество из числа грешников умерли в своих постелях и отправились в дом диавола; а святые ушли в рай. И поэтому приготавливай себя к смерти и не бойся способа смерти, потому что, как говорит Блаженный Августин, "не следует полагать, что смерть — страшна, если ей предшествовала добрая жизнь; потому что не смерть страшна, а то, что следует за ней", т. е. страдания в аду. И поэтому, если наступит война, не бойся, но скажи: Пусть придет смерть, как ей угодно, потому что я — готов. Потому что не страшна та смерть, которой предшествовала добрая жизнь. И такое размышление является хорошим лекарством против бурь, которые приносит война.

Но против эпидемии, если желаешь хороший врачебный совет, сделай себе близким одного из святых, как бы сдружись с ним, или, конечно, Ангела твоего, — и каждый день молись им, и я тебе обещаю, что если ты усвоишь себе одного из святых, или Ангела твоего, то если во время эпидемии ты будешь покинут людьми, ты не будешь покинут ими; но они придут к тебе, даже видимым образом, если ты будешь в нужде, для того чтобы управить и позаботиться о тебе. Также и во время оскудения, ты, беднячок, не имеющий чем жить, сделай то, что я тебе говорю: помоги сам себе сначала в том, что в твоих силах: поисповедайся и причастись, и начни хорошо жить; и если ты имеешь какую-нибудь лишнюю вещь, продай ее, чтобы купить необходимое для жизни, и пользуйся этим, пока сможешь; и затем, когда придешь в полное оскудение, не постыдись пойти к твоему другу, твоему соседу, твоему родителю, и скажи: Мне необходима такая-то вещь, помоги мне. Потому что, если ты не пожелал бы этого сделать, это происходило бы от гордости, и тогда ты не заслужишь того, чтобы Бог тебе помог. Но если ты сделаешь так, как я тебе говорю, и все же будешь стеснен крайней нищетой, сделай то, что я тебе скажу: прибегни к Богу и скажи Ему: Господи мой, ты сказал: "Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам" (Мф. 6, 33); я приложил все мое усердие, у меня нет больше средств, у меня не на что более жить; помоги мне, Господи! Если ты поступишь так, то не сомневайся; веруй, что Бог тебе поможет и всеми способами позаботится о тебе; я тебе говорю "всеми способами" — потому что Он сказал, и Он не может отречься от того, что Сам сказал.

Это тебе — врачебные средства, которые я желал тебе дать сегодня утром, дабы научить тебя хорошо умирать, и которые все относятся к тебе тогда, когда ты находишься в добром здравии, но должен думать о том, что в любой час ты можешь разболеться и умереть: потому что памятование о смерти является весьма полезным пра-

вилом в духовной жизни. Ну, довольно о том, что относится к первому изображению в книге, которое я посоветовал тебе заказать изобразить. Теперь перейдем к второму изображению.

Второе изображение, о котором я тебе рассказывал недавно, — следующее: закажи изобразить для себя человека, который начал болеть, в то время как смерть стоит за дверью и стучит в нее, желая войти внутрь. Знай, что диавол весьма обеспокоен при этом появлении смерти, и, как написано, "строит свои козни". Потому что когда диавол видит, что ты заболел, и не знает — умрешь ли ты от этой болезни или нет, он, чтобы не оказаться неподготовленным, сразу же говорит себе: Возможно, что пришел его час. И строит свои засады, какие только знает и может произвести, дабы захватить тебя врасплох, и изыскивает все средства, как бы погубить тебя путем твоей неосторожности, точно так, как он погубил самого себя в раю.

Диавол, когда он был создан и увидел себя в раю таким прекрасным, стал наслаждаться любовью к самому себе, и сказал: Как было бы прекрасно, если бы я мог не нуждаться ни в какой благодати от кого бы то ни было, но обладал бы этой прекрасностью сам по себе: мне тогда не было бы никакого дела до Бога. Он поступил так, как поступают некоторые безумцы, которые говорят: Мне нет дела до рая; куда было бы мне лучше, если бы Бог оставил меня навсегда жить в этом мире. И таким образом диавол, оттого, что не принял во внимание то, что ему надлежало бы весьма хорошо иметь в мыслях, сам обманулся. Подобным же образом он сделал и то, чтобы по недомыслию согрешила и госпожа Ева, которая не обдумала хорошо значение того, что ей было перед этим сказано Богом. Она согрешила не по неведению, потому что была создана по природе мудрой. Но диавол поймал ее чрез недомыслие, и начал ей говорить: Почему Бог заповедал, чтобы вы не вкушали от этого дерева? Он как бы сказал этим: Конечно, представляется чем-то унижающим, что вы, будучи как будто бы благородным творением и поставленные выше всякой иной плотской твари, однако, не имеете права вкушать от любого дерева, какое только вам угодно. И таким образом он искусил ее чувством не чревоугодия, а гордыни. И таким образом *п о т и х о н ь к у* привел ее к мысли, что тот факт, что они не смеют вкушать от этого дерева, представился ей унижением, и мало-помалу вошла в ее сердце гордыня, которая, как только овладела ею, привела ее в состояние расслабления плоти, и, вследствие недомыслия, она впала в грех, и съела яблоко, которое было запрещено Богом им вкушать. Таким образом, диавол, который

знает, что вследствие недомыслия он впал в заблуждение и грех, когда увидит, что человек разболелся, говорит сам себе: Как мы, вследствие недомыслия, согрешили в раю, мы, которые обладали большим знанием, и как еще, вследствие недомыслия, впали в грех Адам и Ева, которые обладали большой мудростью и первобытной праведностью, так гораздо легче падет человек, который куда более склонен к недомыслию.

Поэтому первое, что делает диавол, когда видит тебя больным, он ищет поймать тебя путем недомыслия, и покушается найти все способы, какие только знает, чтобы отвратить тебя от мысли о смерти. И начинает впадать тебе в мысли все что угодно, кроме смерти: и представляет тебе картины твоего дома, твоей лавки, твоих владений и государственных дел, и говорит: Когда пройдет эта маленькая горячка, я сделаю и то и то... Сыночек мой, будь мудр и прибегни в этот час к Распятию, и начни помышлять о том, что ты можешь умереть от этой малой болезни. И будет весьма кстати в покаянии прочитать онный Псалом: "Господи! не в ярости Твоей обличай меня" (Пс. 62, 2) — чтобы Господь не оставил тебя оказаться побежденным бесовским искушением. Когда бес видит, что он не в состоянии победить тебя путем недомыслия, он ищет победить тебя уверенностью в том, что ты выздоровеешь, и влагает тебе в воображение мысль, что ты лишь немного прихворнул. Вот, сыночек мой, помоги сам себе в этот час, и не говори: Я немножко приболел. Но подумай о том, что ты можешь умереть от этой небольшой болезни; потому что малая болезнь много раз переходила в тяжелую болезнь, и смертельная болезнь не всегда приходит сразу, но начинается с легкой и затем ухудшается. Диавол, когда увидит, что ты хочешь подумать о смерти, возбуждает других, чтобы они отвлекали тебя от этой мысли, и влагает в ум твоей жене или твоим родителям, как и доктору, говорить тебе, что ты скоро поправишься, и что ты не должен беспокоиться и даже думать о том, что ты можешь от этого умереть. Будь твердым тогда и не допусти убедить себя, но отдай себе отчет в том, что если это — болезнь, ведущая к смерти, то никакой доктор не сможет тебя вылечить; и помни всегда, что это все подстрекательства диавола для того, чтобы отвлечь тебя от мысли о смерти.

Но затем, когда диавол увидит уже, что ты утвердился в помышлении о смерти и не полагаешься на то, что ты поправишься, но видит, что ты имеешь в мыслях поговеть, он начинает действовать в том смысле, чтобы ты отложил свою исповедь на завтра, и говорит: Ты сегодня не готов к исповеди; ты не исследовал хорошо свою совесть; ты поисповедуешься завтра. И если ты остановишься на этом

предложении поисповедаться на следующий день, диавол в тот день возбудит помешать твоей исповеди поселян, управляющих магазином, и тысячи дел и тысячи препятствий. А ты, сыночек мой, вспомни тогда о смерти и оставь в стороне прочие дела, и скажи: Это более важное дело, которое я должен сделать. Ведь здесь вопрос спасения души. И не допусти помешать тебе, но поисповедуйся и причастись.

Затем, когда диавол видит, что ты также и поговел, он силится похитить молитвенное чувство в твоей душе, и начинает возбуждать твою жену и родителей, и мучить тебя материальными вопросами; и один хочет, чтобы ты ему завещал то, а другой — другое; один, чтобы развеселить тебя, расскажет анекдот, а другой — что-нибудь иное; это все — подстрекательства диавола, чтобы взять от тебя молитвенное настроение души, созданное говением, и оставить тебя в совершенном смятении ума. И поэтому, сыночек мой, усвой в твоём уме: когда ты почувствуешь себя больным, избери для попечения о спасении твоей души какого-нибудь доброго мужчину или женщину, которые духовны, или священника, или мирянина, или монаха, или монахиню, кто бы всегда был близ тебя и напоминал тебе о неминуемости смерти и о том, чтобы ты поисповедался и примирился с Богом; потому что иногда случается, что родители и даже собственные дети, — из страха, чтобы ты не оставил твоего имущества другим или не отменил чего-нибудь в завещании, — когда приходит духовник, говорят ему: Он спит; сейчас не время докучать ему. Так что ты видишь, до какой степени диавол энергично действует при этом положении. Поэтому всегда помышляй о смерти, и когда почувствуешь себя больным, считай всегда, что пришел твой последний час. Это — второе изображение. Перейдем теперь к третьему.

Если ты поступишь так, как я тебе посоветовал, ты не только спасешься от ада, но спасешься также и от всякого иного страдания после смерти. О, если бы ты только знал, как тяжки эти муки, ты бы предпочел скорее, чтобы на тебя свалились все бедствия войн, голода, эпидемий этой жизни, чем терпеть эти страдания, которые испытываются после смерти. Необходимо ежедневно проявлять заботу об усопших: потому что они ждут наших молитв, поскольку сами от себя они уже ничего не могут сделать, если им только не помогут молитвы Церкви. Итак, перейдем к последнему изображению и на этом закончим.

Последнее изображение, которое я тебе предложил заказать для себя, должно изображать больного в постели, который дошел до крайнего состояния, чтобы быть в силах каяться. Из числа таких спасаются только немногие. Для человека, дошедшего до такого

состояния, конечно, совершенно возможно спастись; но только знай, что это ему очень тяжело. Но дабы хорошо разъяснить тебе это положение, начнем вот с чего.

Бог побуждает нашу свободную волю к спасению и дал человеку границы до самой смерти для того, чтобы он покался и обратился к Богу, и до самых этих границ помогает ему и протягивает ему руку. Но затем, когда он перешел эти границы, Бог более не подымлет его и не пособствует ему. И посему, когда человек умирает в смертном грехе, он уже упорно остается в состоянии этого греха и больше не может вернуться назад, потому что он лишается божественной помощи, без которой невозможно подняться. Потому что своими силами невозможно подняться от греха. И поэтому, когда люди, жившие без покаяния и исповеди, дошли до сего последнего состояния, им трудно вернуться назад, потому что они приблизились к времени этого состояния окоченелости в грехе, которое бывает после смерти. Поэтому не следует, чтобы человек ждал до этой крайности; потому что мало таких, говорю тебе, мало таких, которые спасаются в таком положении. Следовательно, обрати внимание, сыночек мой, насколько опасно довести себя до такой крайности, вместо того чтобы заранее покаяться.

Следовательно, что задерживает тебя сделать это теперь, когда ты здоров? Сыночек мой, говорю, принеси покаяние сейчас, и не допусти себя дойти до такого состояния, потому что тех, кто желают вести дурной образ жизни и (лишь) при смерти покаяться, Бог много раз уже не обращает к Себе; и это — весьма справедливо, поскольку, будучи до такой степени призываемы обратиться к Богу и не желая обратиться, естественно, что и в последний час они также не обращаются к Богу. Отсюда написано в I главе Притчей Соломоновых: "Премудрость возглашает: Я звала, и вы не послушались; простирала руку Мою, и не было внимающего; вы отвергли все Мои советы, и обличений Моих не приняли: зато и Я посмеюсь вашей гибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас" (ст. 24—26). Этим Господь говорит: Вы не пожелали обратиться ко Мне, и когда Я призывал вас столько раз, вы пренебрегали, и Я посмеюсь вам в час вашей смерти. — Так что по той причине, что человек дошел к концу своей жизни и не отозвался на призывы Божии, он заслуживает того, что и Бог удаляет Свою благодать от него; и посему — трудно в таком состоянии спастись.

Другая причина состоит в том, что смертельная болезнь в это время достигает своего предела, и душа с весьма тяжкой болью переживает свое разлучение с телом; и поскольку душа — одна, а

вся раздирается на части от этой боли, то едва ли она тогда в силах подумать о своих грехах и прибегнуть к Богу. Еще иная причина заключается в том, что человек, когда чувствует себя тяжело сдавленным смертной болезнью, до такой степени имеет сильное желание выжить, что едва ли думает о чем-либо другом. Еще и то, что несмотря на то, что если человек в этом состоянии и думает о смерти, однако, в большинстве случаев, это вызывается страхом перед адом: а этого — недостаточно для спасения: потому что к Богу надо обратиться по чувству любви к Нему, как говорит Блаженный Августин. Еще и та причина, что жена и родители окружают его и убеждают его, что он не умрет, и предупреждают каждого посетителя: Не пугайте его; скажите ему, что он выздоровеет; больные не любят, чтобы их обескураживали. — И таким образом окружающие его "пускают слова на ветер", и никто не напominет ему о том, что ему — необходимо сделать. А кто-нибудь пытается сделать так, чтобы он говорил, и зовет его и спрашивает: Узнаешь меня? — И пожимает ему руку, и говорит: Он меня узнал. — А о другом нельзя и сказать, и о том, что было бы спасением для этой души, даже и не вспоминают; и поэтому тяжело в положении такой крайности спастись. Еще — и та причина, что диавол при таком состоянии умирающего влагает в его душу чувство отчаяния и внушает ему, что он совершил столько грехов, что не представляется разумным думать, что Бог его спасет; и говорит ему: Твой язык всегда был готов говорить злое; твои глаза всегда услаждались созерцанием бесчестных вещей; а уши твои наслаждались слушанием злословий и дурных вещей; твой язык всегда был в поисках гурманств; и твое обоняние — подобно сему. — И таким образом диавол ему напоминает о всех тех беззакониях, которые он совершил всеми своими чувствами и всеми частями души. И напоминает ему, применимые к этому времени, оные слова, которые сказал Спаситель наш Иисус Христос относительно Страшного Суда: "Будут знамения в солнце и луне и звездах, и на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и от ожидания бедствий, грядущих на вселенную" (Лк. 21, 25—26).

"Будут знамения осуждения в солнце" — т. е. в уме, который никогда не думал о чем-либо ином, как только о земных вещах, "и в луне" — т. е. в воле, которая возлюбила более тварь, чем Творца; "и в звездах", т. е. во внешних и внутренних чувствах, погрязших в материальных вещах; "и на земле" — т. е. в земном сердце; "уныние народов" — т. е. в разных думах, которые в этот момент ведут речь и угнетают больного вместе с болями болезни; и чело-

век изнемогает от страха и ожидания Божьего Суда. С другой стороны, дабы не допустить ему каким-нибудь образом успокоиться, диавол начинает искушать его и относительно самой веры, и говорит: Если я не смогу возобладать тобою этим способом, то я сделаю это другим. И влагает в твою голову мысль, что вера — не истинна, и говорит: Что ты думаешь, что такое вера? Умрет тело; умрет и душа. — Так что, вследствие всех этих причин, и по многим еще другим, тому, кто дошел до такого состояния, — трудное дело спастись. И посему желательно, для побеждения этих диавольских искушений, чтобы при больном находился человек, который постоянно читал бы Символ Веры, как делает наша братия, когда кто из братий находится при смерти; их всех созывает один из числа братий, который идет по всему дому, ударяя в било; и как только услышат это означение, они сразу же поднимаются на ноги и начинают произносить: Верую во единого Бога Отца. И идут к дверям кельи больного, и по дороге все время произносят Символ Веры. Так что тяжело человеку, если он не подготовил свою жизнь заранее, быть в таком положении. — Ну, что же, отче, когда человек находится в таком положении, что ему надлежит тогда делать? — Будь внимателен, и я тебе сейчас расскажу это.

Не допусти себя, сыночек мой, дойти до такого состояния. Скажу тебе, душа, если ты допустишь себя дойти до такого положения, боюсь, что мне придется плакать о тебе, как плакал Иисус о граде Иерусалиме, говоря: "О, если бы знал и ты" — ты бы плакал; т. е. — если бы и ты знал то зло и те бедствия, которые имеют прийти на тебя, то и ты бы плакал. "И что служит к миру твоему" — т. е.: конечно, ты бы заплакал в оный день, который представляется, что будет для тебя мирным. "Но это сокрыто ныне от твоих глаз" — т. е., теперь ты не плачешь, потому что твои грехи затмили твои глаза. "Ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне, за то что ты не узнал времени посещения твоего" (Лк. 19, 47—44). Так, придут на тебя дни, когда враги твои окружают тебя, — т. е. бесы сделают вокруг тебя забор и поведут тебя в ад, и приведут тебя, сущего в великой печали и тоске, и ввергнут тебя в адскую глубину вместе со всеми твоими делами. "И не оставят в тебе камня на камне" — т. е. никакое твое доброе дело не будет иметь для тебя никакого значения (в нем не будет никакой ценности для улучшения твоей судьбы). "Потому что ты не узнал времени посещения твоего" — т. е. не хотел слушать, когда Господь призывал тебя.

Душа, не допусти себя дойти до такого положения, но все же, если ты дойдешь до такого состояния, не приходи в отчаяние; возьми следующие врачества. Во-первых, прибегни к Распятому: воззри на Его доброту, как Он восхотел быть распятым и умереть для того, чтобы спасти тебя. Имей большую уверенность в Нем: что если ты прибегнешь к Нему с сокрушенным сердцем, Он тебе поможет, хотя бы ты и сделал тысячи грехов.*Посмотри, до какой степени благостно Он простил разбойнику, и поэтому не приходи в отчаяние, но имей веру, что Он простит и тебе, если ты смиренно прибегнешь к Нему: потому что ради тебя Он пролил Кровь Свою. Во-вторых, скорби всем сердцем о твоих грехах, и прими решение больше не возвращаться к ним; и если Ему будет угодно, чтобы ты избежал смерти, прими решение желать жить всегда доброй жизнью и не желать оскорблять более твоего Господа. В-третьих, призови хорошего духовника, и очень хорошо поисповедайся со всяким прилежанием, и причастись. В-четвертых, сделай так, чтобы около тебя всегда был кто-нибудь, кто постоянно пребывал бы в молитве. И вы, которые окружаете больного, когда он при смерти, не болтайте, но все пребывайте в молитве за него, потому что в этот час для него молитвы желанны более, чем что-либо иное, и он имеет нужду в том, чтобы за него молились другие, потому что от себя он только едва в силах молиться. И чтобы влить надежду в сердце того, кто пришел к своему смертному часу, и для того, чтобы показать, до какой степени такому человеку желанны молитвы за него со стороны других людей, послушай, что пишет Святой Григорий Двоеслов в своих "Беседах".

Он повествует, что у одного из его монахов был брат, по имени Феодор, который был весьма своенравен, и его держали в монастыре из жалости и по любви к его брату, монаху. И несмотря на то, что много раз другие монахи призывали его к порядку, он отнюдь не желал исправиться, а, наоборот, весьма гневался и возмущался, и смеялся над монахами, и говорил, что никогда не пойдет в монахи. И когда в это время пришла эпидемия, Бог и его поразил болезнью. И когда болезнь его тяжело сдавила и, можно сказать, он был при смерти, братия окружила его одр, и все, кто был тут, коленопреклон-

* Здесь уместно поместить слова кардинала ди Фермо, который также советует представить пред взором больного Распятие, икону Божией Матери и тех Святых, которых больной особенно почитает. "Кто не будет подвигнут, — говорит он, — к надежде и к уверенности в своем спасении, размышляя с чувством благочестия о распятом Христе? Его глава склоняется, чтобы протянуть к вам Свои губы. Его руки готовы вас нежно обнять. Его пронзенные длани готовы излить благодеяния. Его сердце открыто в любви к вам. Он простер на Кресте все Свое Тело, чтобы дать вам Его".

но горячо возносили к Богу молитвы о нем. Вдруг, он начал кричать: Уходите, уходите отсюда все! — И когда братия спросила, почему он хочет, чтобы они удалились и что за причина его крика, он ответил: Разве вы не видите здесь змия, который, можно сказать, поглотил все мое тело? И только еще одна часть моего тела осталась, которую змий не может поглотить вследствие ваших молитв; и это для меня еще большая мука, чем если бы он поглотил меня всего целиком. Тогда братия познала, что это был бес, и сказала брату: Перекрестись. — И он ответил: Я не могу, потому что этот змий держит мои руки как бы связанными. Видя такое положение, вся братия тогда поверглась на землю на колени и возобновила молитвы еще более горячо, моля Бога освободить его от бесовского насилия. И вдруг он начал говорить: Благодарение Богу! благодарение Богу! Я освободился благодаря вашим молитвам; теперь я хочу быть монахом. — И после этого прожил доброй жизнью и вскоре умер.

Затем, Святой Григорий, вне связи с прежним, приводит другой пример, о некоем человеке, по имени Хрисавр, который был богат, и настолько полон грехов, насколько богатств: надменен, алчен и развратен; и в своей жизни отдавал свою душу только мирским вещам. И, наконец, когда он лежал больным в постели и дошел до крайнего состояния, ему явилось множество бесов, которые показывали желание похитить его душу из тела; и он страшно побледнел и начал дрожать и покрываться потом и призывать своего сына Максима, и кричать: Максим, помоги мне! Защити меня! На эти крики сбежались Максим и вся семья; и когда они собрались у его одра, и спросили его, что он хочет, он отвернул лицо в сторону, чтобы не видеть тех бесов; но они были перед ним; и он отвернулся на другую сторону, но и они перешли на другую сторону, откуда он отвернулся. И поскольку это происходило все время, он начал кричать много раз: Господи, дай мне времени до завтрашнего утра. — И в конце концов он не возмог этого получить, и в таком положении умер.

Святой Григорий представил эти два примера один за другим, которые, он говорит, даны нам для примера, чтобы показать, что мы не должны доводить себя до такого крайнего состояния, чтобы не оказаться в таком положении, в каком оказался последний; а также, если мы действительно дойдем до такого состояния, мы бы возложили надежду на Бога, как сделал это первый. Таким образом, никому не следует никогда доводить себя до такого положения, так чтобы откладывать покаяние до последнего часа своей жизни; но надо быть всегда готовым, и часто исповедоваться и причащаться, и быть хорошо очищенным, и в порядке, как если бы человек ежедневно

ожидал своей смерти. Потому что человек, который всегда бывает в состоянии готовности и постоянно помнит о том, что ему предстоит умереть, воздерживается от очень многих грехов. Это — так, как говорит Премудрый: "Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь". Т. е. если ты хочешь жить хорошей жизнью, помни всегда во всех твоих делах о смерти, и ты не совершишь греха; и это памятование о смерти будет тебе весьма полезно и принесет величайший плод.

Таким образом, возлюбленные, пусть каждый заботится о том, чтобы хорошо жить, если желает хорошо умереть, и пусть всегда имеет у себя в памяти свой последний, смертный час, дабы, таким образом поступая, нам иметь благодать Божию в этой жизни, а в иной жизни — славу Спасителя нашего Иисуса Христа, распятого и умершего за нас, Которому подобает честь, слава и держава в нескончаемые веки веков. Аминь.

Литература и жизнь

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ*

СКОРО

*Я не знаю кем, но ты любима
И. А.*

I.

Подмосковной ромашки отважной
по-античному жертвенна стать,
но на каждой, на каждой, на каждой
почему-то нам страшно гадать.
Верно, беден приход — позолотца
понемногу сыпалась в казну
с лягушиным концертом болотца.
И спешит, помолившись, ко сну
облаков позолотчик и резчик...
Или ты боязлива к судьбе
или я, от другой перебежчик
в никуда, но сначала к тебе.

II.

На признаки Родины скуп я:
Лишь тень у родного лица,
сосны золоченые струпья,
молочных ростков кислотца.
И что бы не наобещала
душа в медовеющий мрак,
я знаю, что тоже устала,
и видит, и верует так.
Певуче, нетвердо, греховно
в ней все отвечало, любя.
Но скоро бесследно и ровно
она поглядит на тебя.

* К выходу в свет сборника стихотворений в издательстве ARDIS.

ПОЧАЕВ

1.

Холмы Хохландии лесистые
нам еле видятся с холма,
где Лавры картуши лучистые
и служб беленые дома.
То слуховое, то чердачное,
то золоченое, то медь,
зеленое полупрозрачное,
стремящееся голубеть
в подвижных брешах неба хмурого,
и листьев дышащий хаос,
и монастырского каурого
из бронзы отлитый навоз,
и завиток тигровой лилии
в саду у погребальных плит,
и окаемка на воскрылии
больших почаетовских хламид
— вдруг вспыхнут обручальной искрою
во плавкий сумеречный час,
когда монашек смертью близко
пугает, улыбаясь, нас.

2.

*Лип трехсаженных стволы
густо покрыты листвою.
Для поминанья столы,
словно сплошной аналой.*

Блесткое гаснет рядно,
ливень почти перестал.
Сено еще зелено,
клевер еще не завял.
Лишь подгнивают края
да темнота по углам...
Словно улыбка твоя,
больше не нужная нам.

Возле карпатской гряды
щедро олифит июнь
Лавры густые сады,
золото, медь и латунь.
С силой проходят лучи
сквозь потаенную брешь
в кронах, где хрипнут грачи.
Если умеешь — утешь.

Иноки споро пошли
трапезовать у столба.
Валкие, как корабли,
перед грозой купола.
Держат махину креста
снасти, натянуты вкось...
В светлую гавань Христа
лучше, родимая, врозь.

СКИТ

За полем в маках заглухший скит
с корявым штырьком креста
не всякий издали разглядит,
уж больно листва густа.
Дуб, липа, бук, твердоствольный граб
и яблони дикой цвет
путь преграждают. И Божий раб
не идет туда больше, нет —
под своды-гнезда Христовых птиц,
таких пестрокрылых встарь,
лицом ни хлопцев ни молодцов,
глядающих со стен в алтарь.
...Но если да — поклонись заре
и в путь — до вечерней тьмы.
О нем пригрезись и на одре,
руки сложив плетью.

И тогда почувствовав в крыльях боль,
боязненно в путь спеша,
в ту раскуроченную юдоль
залетит проститься душа.

... То ли панна с прозрачным лицом
в ветхом замке, где спальня-ловушка,
то ль под маковым свежим венцом
чернобровая ведьма-хохлушка,
то ль светлы от беленых лачуг
сладкогласые темные ночки,
то ли блестящие, точно жемчуг,
водомерки в подгнившем прудочке. ...

Но становится ясно одно:
что крепка у полячки темница,
что вцепилась и тянет на дно
в облепившем рядне молодича,
между тем, как готовый картель
кровожадно темнит промокашку
и заря подгоняет дуэль,
нагружая черешней фуражку.

*То ли в шейный оробелый
позвонок ее укус,
то ли это ржи неспелой
шевелится рачий ус. ...*

Малороссии нежная стать
с польской примесью граба и дуба.
То ли ведьмочке весело спать,
то ли панночке баловать любо,
в третий раз искушая судьбу
на высоком помосте ночами
в сладострастно открытом гробу
с обнаженными лежа плечами

и лавиною темных волос?
... Ранний Гоголь с румянцем хохлушки
в саквояже на север привез
рецептуру летучей галушки
прямо с праздничной кухни бурсы.
Иль у дивчины мертвая хватка,
иль у панночки нос и усы —
профиль, алчущий миропорядка.

УЖГОРОД

Олексе Тихому

1.

Горлица в дымке лозу
цепкою лапкой когтит,
темную каплю-слезу
блестко в глазничке круглит,
глядя пугливо в края,
где оползла по краям
древних дорог колея
в августе, памятном там.
... На высоту черепиц
горлица — порх из листвы
скупенной. Плева границ,
тонкая до синевы,
— это как мыльный пузырь,
ради ребячьих забав
радужно лопнувший вширь,
влагою лица обдав.

2.

... Чем настойчивей хлопец-цыган,
гладя усики, точно колючки,
за червонцами лезет в карман,
и какие-то русские сучки
перед сумочкой пудрят лицо,

тем плотней прижимаясь к ограде
коренастое роз деревцо
заслоняет с в о и х в палисаде.
И волнистые склоны вдали,
как курганы, целы, голубея,
чтобы детки Бендеры могли
там лежать, ни о чем не жалея.

Под серым холмом
от гречихи медово и горько.
Вот жил бы с умом,
так хватило б и этого только

да в день для острастки
бутылку горилки от силы
— до бронзовой краски
наивной хохлацкой могилы.

Удилища мальвы
в соцветьях малиново-белых
хранили б печаль вы
в коробках своих опустелых,

да горлица в ряби
крылами забила б, взлетела —
осенние хляби
темны для пугливого тела. . .

Но нет, распрощаюсь
я скоро с Хохландией нежной
и не обещаюсь
вновь свидеться с ней, безмятежной.

Не жить мне и дома
в России моей невозможной,
чья хватка знакома,
Ни в Праге, ни в ясновельможной. . .

Но часто ночами
мне будет мерещиться это
с тугими лучами
славянское влажное лето,

где детки не плачут,
где батьки свежуют цибулю,
живут на удачу
и бачут московскую дулю.

Судьба остается
с надеждою, точно казачка,
что слово вернется,
как в шапку слепого подачка.

Все дрожишь — как бы выжить
и себя не срамить.
Жжется — ежели ближе,
а подальше — остыть
по-покойнички просто,
хоть и страшно в конце.
И такая короста
лжи на сонном лице,
словно ей незаконной
отдал все до гроша.
И к земле оскверненной
прижимаясь, душа
раньше времени взглядом
ищет небо, как сад.
А Господь — Он ведь рядом
над свечами распят.

КРАСНОЕ КОЛЕСО

Из Узла III

«МАРТ СЕМНАДЦАТОГО»

25'

(Дума кончается)

Много толстых томов стенограмм четырех Государственных Дум, кто только одолеет их, дают несравнимое впечатление ото всей реки общественных настроений России за одиннадцать ее последних лет. И если б даже не иметь больше ни единой книжки мемуаров, свидетельств, фотографий, — по одним этим стенограммам так неоспорно восстанавливается и вся смена забот и настояний, сшибка страстей и мнений, и даже — характеры и даже голоса самых частых ораторов, десятков двух.

Начав читать эти томы еще с полным неведением, с полным доверием, никакого мнения не имея и не предожидая, — от заседания к заседанию вдруг испытываешь тоскливую пустоту от резкой, оскорбительной, никогда не связанной с *делом* и никогда не предлагающей осуществимого дела говорильнею левых. Можно представить, что в западных парламентах и самая крайняя оппозиция все-таки чувствует на себе тяготение государственного и национального долга: участвовать в чем-то же и конструктивном, искать какие-то пути государственного устройства даже и при неприятном для себя правительстве. Но российские социал-демократы, трудовики, да многие кадеты, совершенно свободны от сознания, что государство есть организм с повседневным сложным существованием, и как ни меняй политическую систему, а день ото дня живущему в государстве народу все же требуется естественно существовать. Все они, и чем левее — тем едче, посвящают себя только поношению этого государства и этого правительства. Все они, выходя на думскую трибуну, обращаются не столько к этой Думе, не столько рассчитывают склонить ее к какому-то деловому решению, сколько срывают аплодисменты *передовой*, либеральной, радикальной и социалистической общественности — и ничего не жаждут, кроме ее одобрения.

Эта глава относится к роду обзорных глав ('), содержащих лишь подлинный исторический материал, без вымышленных действующих лиц.

Чхеидзе — Я говорю не для вас, а для тех, кто меня послал. Обсуждается продовольственный вопрос — социал-демократ (Бурьянов) по этому поводу рассказывает о Кинтале и Циммервальде. Другой:

продовольственный кризис не может быть разрешен потому, что власть — дворянско-землевладельческая.

При чем там урожаи или неурожаи, доставка, мельницы, хлебные цены! Как будто двести последних лет Россия и не клала на зуб ни краяхи: дворянская власть — и кризис не разрешим, пустите кадетов, социал-демократов — и Россия будет сыта. (Через несколько дней кадет Некрасов застонет, что нет сил разгрузить приходящее в большом количестве в Петроград продовольствие — мятели кончились. А запасы мяса, мороженой птицы и рыбы в Петрограде поражают своим обилием.)

По каждому частному осязаемому вопросу — эти холостые провокаторы, без зацепленья с истинной жизнью, лишь накал обвинений:

Чхенкели — Правительство у нас было и остается врагом народа, это для всех ясно. Должно быть покончено с политической системой, приведшей страну на край гибели. Час настал! (И до чего ж несвободная эта Россия! — не дадут ни слова вымолвить.)

Скобелев — Вся страна ненавидит эту власть и презирает это правительство.

Чхеидзе — Правительство виселиц, правительство военнопольных судов, правительство белого террора, архиреакционное по своему составу... Всякое сотрудничество с этим правительством есть предательство народных интересов. Россия народа и Россия этого правительства — *две вещи* несовместимые, у них нет общих ни радостей, ни печалей, ни поражений, ни побед. Нам надлежит идти путем, которым пошли предки наших милых симпатичных друзей-французов. Буржуазия в XVIII веке не словесами занималась. (Скобелев: "*Сметала троны!*")

Что стесняться им, если вся Дума уже вставала за неприкосновенность парламентских речей и отвергала даже государственный бюджет, останавливала все финансы империи, пока думским с-д не дозвоят наговориться всласть.

Скобелев — То, что мы видим, это Содом и Гоморра, гниение и разложение. Это — в а ш а Россия, Россия дворянского крепостнического благополучия, Россия бюрократического своеволия, предстала как обнаженная порочная женщина... И это глаголанье в раскаленной пустоте, до визжанья, до свинголосо, надменно обращается и к сотоварищам по Думе, и особенно к кадетам, всегда недостаточно революционным:

Чхеидзе — Вы не можете, господа, не считаться с *указаниями улицы*. Вы не можете не принять во внимание указание улицы, что ликвидация всемирной бойни должна произойти в интересах демократии.

Чхенкели — Вы решительно неспособны к положительной работе в пользу народа... Докажите, что и вы можете что-то хорошее сделать для народа.

Чем малочисленнее горстка социал-демократов в Думе, тем с большим чванством и высокомерием они глумятся над остальной Думой, то корят Прогрессивный блок, то свысока поощряют, а постоянное всего выпячивают собственное предвидение и многознание, сыпят мишуру социальных откровений. Чем малочисленнее они, тем длительней и щедрей переводят не-свое, думское, время (не думское, а дорого оплаченное народом), — как бы далеко не отклоняясь от дела в оглушительно-холостые провороты, уверенно знают, что как левых их не посмеют прервать.

Суханов — Это правительство ведет политику изменников и дураков.

Родзянко — прошу вас быть осторожнее.

Суханов — Это слова депутата Милокова.

Родзянко — Покорнейше прошу не повторять такие неудачные слова.

Родичев (с места) — Почему неудачные? (*Шум, смех.*)

Или

Чхеидзе — Я очень просил бы не делать мне замечаний с места, занимаемого товарищем председателем, это злоупотребление своим положением. (*Слева рукоплескания. "Правильно!"*)

(еще социалист) — Правительство должно сесть в тюрьму вместо рабочих, чтобы страна победила. (*Аплодисменты. Председатель не прерывает.*)

(еще социалист) — Старый режим опоздал с возможными уступками. Теперь только перешагнув через труп старого режима, возможен путь к хлебу.

Родзянко угодливо замечает:

Ваша метафора несколько неосторожна, но я не сомневаюсь, что прямой смысл не мог быть у вас.

Тот даже не дает себе труда оправдаться и, спустя немного, повторяет ту же "метафору", вполне беспреткновенно.

Как бы считает себя обязанным сесть Думу по часу едва ли не через день уморительно-нудный **Чхеидзе**, с его искаженным, дребезжащим произношением, с его омерзительным языком:

— при том положении, которое находится в стране;

— блок стал в положение священника, который заготовленную проповедь оставил в старых штанах;

— все эти красивые слова не стоят выеденного яйца, и им могут верить только дети или идиоты; —

зато с непокидающим самодовольством, не способным на себя оглянуться:

— куда Россия придет — ни я не могу предсказать, ни вы;

— на этот счет меня особенно жизнь не беспокоит;

и так уже привыкли думцы к его неотвратимым речам, как к стихийной слякоти, как к дождям осенним, что уже неспособны про-

няться и отозваться, когда и подлинная мысль забредет в его речь:

Хотите турок освободить от их столицы Константинополя? или когда, в декабре 1916, **Чхеидзе** изумляется, почему вся Дума, уж так с порога, решительно и едино, даже и обсудить не хочет германских мирных предложений?

Когда сменили Штюрмера и на трибуну вышел новый премьер Трепов, еще никак себя не показавший, социал-демократы не давали ему даже выступить с декларацией, — а кричали, буянили, потом каждый по пять минут дерзил и хулиганил с трибуны, и все выведены вон на 8 заседаний. (**Родзянко** возмечался лишать каждого на 15, но струсил левого ветра.)

Очень заметно: когда социалисты выведены, только и начинается в Думе спокойное деловое обсуждение.

С социал-демократами постоянно соревнуясь, ни на тон, ни на выкрик от них не отстать ни в резкости, ни в буйстве, ни в поношении правительства, ни в презрении к думскому большинству, ни на раз не выступить реже **Чхеидзе**, ни на пять минут не говорить меньше, мелькает, размахивает руками, поливает Думу револьверным потоком словоизбыточной речи, бренчит самыми общими местами гимназического багажа, самыми затасканными латинскими фразами, проклинает и предсказывает — адвокат, вошедший в моду перед самою войной, настойчивый ходатай сосланных думских большевиков — **Керенский**. Войдя возглавителем к серым трудовикам (негласно известно, что он — принципиальный эсер), особенно хорошо чувствуя крестьянство:

Крестьянство проснулось и поняло, что третьионьская система привела к гибели государства,

постоянно ощущая себя выразителем всей России, всех трудящихся, всего передового человечества, любимчиком русского общества за стенами Думы и первоблестящим оратором в ней,

наше мнение, ничтожной кучки здесь, учитывается европейским общественным мнением,

Керенский если выразится когда с меньшей крайностью — зато с обильной украшительной риторикой, хотя б иногда, в беге речи, и перегоняя колоченогий смысл. Он сам задыхается, так широк, так емок его кругозор:

Т о л ь к о с в о б о д а нужна России для спасения! свобода... свобода... свобода...

Свалить в одну кучу Распутин, Сухомлинов и Риттих — это тоже из легких приемов его. Отмеченная В. Маклаковым

ничем не оправданная, необыкновенная популярность революции в России

нашла в Керенском своего восторженного глаголя:

Вы, господа, до сих пор под словом "революция" понимаете какие-то действия, разрушающие государство, когда вся мировая история говорит, что революция была средством спасения государства!

и, цитируя англичанина:

Человеческий род гораздо меньше страдал от духа мятежа, чем от бесконечного терпения народов.

Если Родзянко осмеливается лишить его слова, Керенский совершает *шесть* ответных прорывов, все не уходя с трибуны:

Я хочу... Я хотел только... Я хочу указать, господа... Что в настоящий момент... Я решительно протестую... Что не дают возможности...

Нет оскорбления обиднее для Керенского, чем — не вывести его из зала, когда выводят с-д, или приписать ему в газетах,

будто он разделяет убеждения о некоторых *законных* методах борьбы с властью.

О, какая пощечина! *з а к о н н ы х*? Нет и нет! Самый вскидчивый адвокат России, он, конечно за вне-законные методы!

Вы хотите бороться "только законными средствами"? (*Миллюков: "Это — Дума".*)

О, как же он презирает этих умеренных либералов!

Я хочу спросить вас, господа члены Государственной Думы: что ж, наконец, поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является уничтожение средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало, героическими личными жертвами?.. Вы — Коробочки государственности, не имеющие государственного смысла! Вы, господа, только взмахом контрреволюционной волны 1906 года выброшены на мировую арену, и кроме нищеты государственности, кроме убожества государственного мышления, вы перед миром явить ничего не можете.

Иногда в пирушках своего красноречия, Керенский задерживается и над теми местами, где заложена истина, и метко разит кадетов:

Если у вас нет воли к *действиям*, тогда не нужно говорить слишком ответственных и тяжких по последствиям *слов*. Вы считаете, что ваше дело исполнено, когда вы сказали эти слова отсюда. Но ведь есть же, господа, наивные массы, которые эти слова воспринимают серьезно, которые хотят оказать большинству Государственной Думы поддержку! А когда эта поддержка готова вылиться в грандиозных движениях масс, вы первые вашим "благоразумным" словом уничтожаете энтузиазм!

Не есть ли это способ остаться в своих теплых креслах? Вы не хотите разорвать со старой властью до конца. Для вас вовсе не так дороги интересы, в святости которых вы клянетесь! Вас объединяет с властью идея империалистического захвата!

Посмотрите на эти зарницы, которые начинают полосовать небосклон Российской Империи... Будьте осторожны с народной душой, не бросайте в нее упреков в измене, в руководительстве иностранными агентами, она (народная душа), хочет быть гражданином, она хочет сказать: я так хочу!..

— уже в изнеможении, все нервы растрата, с трибуны едва не свисая.

Мы цитируем Керенского непропорционально мало, обходя кубические километры пустословия, отбирая лишь то, что прилежит к повествованию, оттого представляя его концентрированной, чем он был, и даже прозорливцем (как он всегда приписывал себе ретроспективно). А это совсем не из частых было его минут:

Я признаю, что и мы, представители демократии, не всегда были на высоте понимания наших исторических задач.

И, вдруг теснимый предчувствием (впрочем, уже 15 февраля):

Я не хочу вступать в споры и в партийную борьбу. Я хочу, чтоб эти наши дни прошли бы при полном сознании величайших страданий и величайшей ответственности, которая скоро падет на всех нас без различия наших политических убеждений. В этот последний момент, перед великими событиями... последний раз спросим себя: можем ли мы с п а с т и народное достояние прошлого, которое попало в наши руки? Страна уже находится в хаосе, мы переживаем небывалую в исторические времена нашей родины смуту, перед которой 1613 год кажется детскими сказками...

Впрочем тут же, едва перевздохнув, — снова и снова о пяти большевистских депутатах, сосланных в Сибирь (за пораженчество, и даже отречься от того телеграммой не захотевших, как просил министр внутренних дел) — и развалилось минутное замирение в думском зале, и с правых скамей кричат

— А я бы в а с безошибочно бросил!
то есть в Сибирь же.

Однако крайне-левым не откажешь в последовательности большей, чем у кадетов, кто сами не поспевали за своими крылатыми речами и плохо понимали, куда ж они, собственно, тянули.

Кадеты были изумлены неожиданной победой своей атаки 1 ноября 1916, когда внезапно им удалась главная цель — свержение Штюрмера в несколько дней. Прецедентов тому еще не бывало в нашей парламентской жизни. Прогрессивный блок показал, что он — сила, с которой весьма считается императорская власть.

Но тем более такая победа и обязывала: атаковать дальше, свергать дальше (в первую очередь аппетит разгорался на ненавистного Протопопова), свергать и сшибать каждого до тех пор, пока в правительство позовут их, избранников народа.

Да преемник Штюрмера А. Ф. Трепов, перед тем министр путей сообщения (несамолюбиво ждавший и два часа, пока думская комиссия решала, стоит ли выслушать его доклад об окончании Мурманской железной дороги, еле-еле Шингарев и Родзянко уломали думцев выслушать), — и сам принял премьерство с решением сблизить правительство с Думой и свою программу уклонить в сторону, требуемую блоком. Но безнадежно испорченных отношений с Думой он не сумел исправить за 6 недель своего премьерства, не сумел сломить Протопопова, да и все равно не угодил бы Думе, ибо требовалось от него менять не государственных людей на государственных, но непременно на руководителей блока, да беря их не рядовыми министрами, а уйдя и сам. (Он и был прогнан, но потому, что не угодил Двору ленивым расследованием об убийстве Распутина.)

А между тем бушевание вырвалось за стены Думы. Шли съезды за съездами и выносили страшнейшие резолюции, да для этих резолюций они и собирались. Декабрьский съезд Союза городов постановил:

Дума должна довести до конца борьбу с постыдным режимом! И председатели губернских земских управ в тех же днях согласились: Историческая власть стоит у бездны. Правительство ведет Россию по пути гибели и колеблет царский трон. Время не терпит, истекли все отсрочки, данные нам историей.

Но и — всего уничтожительнее для власти! — извечная опора трона, съезд объединенных дворянских обществ, искони преданных своим самодержцам, с великой скорбью усматривает, что в переживаемый Россией грозный исторический час, монархическое начало, эта вековая основа государства, претерпевает колебание в своих устоях. Безответственные темные силы подчиняют своему влиянию верхи власти и посягают даже на управление церковное... Церковь не слышит свободного слова своих епископов и видит их угнетенными... Необходимо создать правительство, русское по мысли и чувству...

Читающая Россия обращалась к газетам — там по совету Маркова 2-го не было больше белых полос, но не было и рассказа о случившемся. Однако, уже была привычка и техника сомооповещения — от руки, на пишущих машинках и на ротаторах (и ротаторы не были под охраной спецотделов), — и всю осень и зиму текли по России, достигая даже глухой провинции, подлинные и вымышленные думские речи, записи встречи думцев с Протопоповым, и вот теперь резолюции всех декабрьских съездов, которые назвал **Милюков** высшей точкой достигнутого нами успеха. На наших глазах общественная борьба выступает из рамок строгой законности и возрождаются *явочные формы* 1905 года, то есть опять наступает если не революция, то приятная имитация ее, а значит у Прогрессивного блока и у крайне-левых снова общие задачи и единый враг.

(Мечта и постоянная тяга кадетов — заслужить доверие социал-демократии.)

Но эта высшая точка успеха была все-таки вне Думы — а что-то же надо было делать в Думе, собираясь весь ноябрь, полдекабря, полфевраля? Прогрессивный блок должен был не уставать производить:

Новиков 2-й — Страна находится во власти безумцев, изменников и ренегатов.

Аджемов — Первым делом будущего правительства будет — посадить на скамью подсудимых предательски действующее нынешнее правительство. Предел перейден, и остается стране самой себя спасать. В решительную минуту Дума будет с народом, а *народ пощады не даст!*

Шидловский — Правительство очутилось в положении трагического зверя, и настолько ослабело, что если бы вдруг у блока появилось бы искреннее желание из-за тяжелых обстоятельств времени пойти на компромисс, то даже не знаем, с кем мы должны были бы пойти на компромисс, нет лиц, нет людей.

Милюков — В этот момент, когда мы стоим на мировом распутье и решаем судьбу многих поколений... Страна боится остаться хоть на минуту с правительством без Думы, и потому так тревожно просит нас не расходиться...

Это верно: в кофейнях, в театральных антрактах, в 1-м и 2-м классах поездов более всего обсуждают последние речи депутатов, ими живут. Однако, хотя

свершилось то, чего мы хотели и к чему стремились: страна признала нас своими вождями, испытывали кадеты заминку, и даже растерянность внутреннюю: что же правильно делать? как использовать Думу и свое лидерство в ней?

Естественно было: по каждому возникающему вопросу противоборствовать правительству. Самая большая победа тут была одержана, когда дружно потопили министерство народного здравия — уже созданное министерство, уже назначенного министра, начавшего деятельность, но без согласия Думы, — и за это отменили его со всеми его антиэпидемическими и санитарными мероприятиями — на зло правительству! Еще сорвали проект ввести обязательную трудовую повинность, хотя бы в прифронтовой полосе:

Принудительный труд? Полицейские меры? Позор! Долой! или бездействующих беженцев обязать к работе:

Для беженцев вводят крепостное право?!!

Уж тем более бурно протестовали и сорвали проект милитаризации оборонных заводов — то есть лишить рабочих права бастовать, увольняться (зато и кормить на заводе): уж это тем более крепостное право и солдатчина для пролетариата! Эта мера — для удушения революционного движения!

Хуже получилось с германскими мирными предложениями. После энергичного осеннего наступления на Балканах, заняв Бухарест, взяв румынскую нефть, пол-Румынии, и только что объявив независимость Польши, в конце ноября, в свой лучший момент, Германия предложила союзникам немедленные мирные переговоры. Эффектен был шаг и прекрасно составлена нота (для свободного развития всех народов, в случае отказа — вина на союзниках), ликовала левая часть рейхстага и берлинские жители. И нейтральные Соединенные Штаты поддержали германское предложение. Оживленные толки о мире захватили все столицы Европы. Стрелка войны дрогнула. Простые, даже прогрессивные, люди по слабости хотели мира, облегчения, и вот стали надеяться на переговоры. Прогрессивный блок был, разумеется, против мира, за войну до победы в единении с нашими славными союзниками. Но хотя в то время и длилась думская сессия, блок не спроворился отзываться немедленно, да и был как раз момент острой борьбы против правительства, — а изменнические круги правительства и династии, только и мечтавшие о сепаратном мире, как это достоверно знал Милюков, — отозвались ранее всех, даже союзников. Еще в Лондоне и Париже выискивали искусные отказы, как 12 декабря был оглашен приказ русского императора по армии:

...Враг еще не изгнан из захваченных областей. Обладание Царьградом и проливами еще не обеспечено. Заключить ныне мир значило бы не использовать плодов несказанных трудов ваших, геройские войска и флот.

Ловко! Царь перехватил инициативу — и Думе, вместо того, чтоб уничтожительно атаковать правительство, пришлось поплестись в хвосте: разумеется, никаких переговоров, Германия — виновница мировой борьбы.

Милюков — Во имя скорейшего наступления новой эры мы не хотим мира вничью, мы не хотим мира без победы, с новой мировой войной в перспективе. Преждевременный мир был бы только коротким перемирием.

Родзянко — С согласия союзников принципы владения проливами и Царьградом... Народная совесть не простила бы себе минутной слабости.

И пришлось опять выслушивать слева:

Керенский — Три года провозглашая с этой кафедры "победу во что бы то ни стало" — с какими результатами идете вы на последний суд истории?.. Я категорически заявляю, что мы, демократическая Россия, совершенно несогласны и протестуем против того содержания и тона, который был принят в вашем ответе на ноту Вильсона. (*Справа: "Ты — помощник Вильгельма!"*) Пусть и русская власть сформулирует не фантастические требования, а минимальные. Я утверждаю, что провозглашение безграничных завоевательных тенденций не встречало и не может встретить поддержки в народе. (*Шингарёв: "Неверно!"*)

Неверно! Кадетское сердце знает: народ хочет умирать и побеждать!

Возникали и другие деликатные положения, где Прогрессивный блок не мог проявить разоблачительного гнева: всякий раз, когда выплывал вопрос о промышленном капитале и банках. Звучал в Думе одинокий голос священника **Околовича**:

Есть вампир, который овладел Россией. Своими отвратительными губами он высасывает кровь из народно-хозяйственного организма, крепко держит голову, мешает работать мысли. Это — банки: Азово-Донской, Петроградский международный, Петроградский учетно-ссудный, Сибирский торговый... Банки финансируют не войну, а дороговизну. Они стали ответственниками многих заводов. Они задерживают сахарные отправления в Петроград. Они закупают продукцию и не направляют ее в места спроса и голода. Идет азартная биржевая игра вокруг овса. Банки поставили коммерческие интересы выше родины. Все хозяйство страны — под надзором, а банки — не под надзором.

Но Дума, не слыша, миновала такой голос. Банки — сила, замахиваться на них нельзя. Надзор за банками предлагал Шингарёв весной 1916, Прогрессивный блок отклонил. При недостатках подвоза, перебоях топлива, банки стали извлекать свои капиталы из торговых промышленных предприятий, оптовики сокращали свою деятель-

ность, — оттого закрывались многие лавки, исчезали предметы первой необходимости, — но для публики оставалось виновато правительство, и лучше нельзя было придумать.

Между широких валов крупных вопросов выныривали во множестве и не крупные, иногда не желанные и, мелькнув своей спинкой, тонули. То члена Думы поляка Лэмпицкого, публично выступавшего против России на территории, оккупированной немцами, долго не решились исключить как изменника (это противоречило бы левому и польскому ветру), обсуждали полный день и наконец исключили... за непосещение думских занятий. (А депутатов-большевиков, лишенных всех прав состояния и сосланных, вообще никогда не исключали.) То своим чередом подползали из многолетних думских залежей: законопроект о всеобщем школьном обучении. Законопроект о волостном земстве, давний-предавний вопрос русского развития, затянутый, замедленный, как все важное на Руси: исполнилось 55 лет тщетным попыткам определить и создать волостное земство, 11 лет — усилиям провести его через законодательные палаты, — и вот в третью военную бесхлебную зиму, за три месяца до революции, в декабре 1916, волостное земство вдвигается в думские прения!

Проект создать всесословную волость родился даже прежде 1861, еще когда только обсуждали крестьянскую реформу: крестьянство, только что вышедшее из крепости, привыкшее беспрекословно повиноваться любой власти, не отстоит себя от государственной бюрократии; да и обособление помещиков углубит их рознь с крестьянством; хорошо бы объединить их во всесословное волостное земство, чтоб они вместе осознали и отстаили интересы земли. И государство перестанет быть для крестьянина пригнетением.

Но не было сделано так. Своему утоплению в крестьянстве сопротивлялись многие помещики (те, кто не шли и в уездное земство). Не сочувствовала проекту и радикальная интеллигенция 70-х — 80-х годов: узкие волостные интересы отвлекают от широких горизонтов, местное самоуправление только свяжет общее развитие демократии (безбрежное сладкое море политики).

Стемпковский (воронежский помещик) — Мы — не граждане, объединенные одною мыслью, но — хозяин и работник, но — начальник и подчиненный. У нас не было места, где мы могли бы сойтись и поговорить о будущих нуждах, где бы наши интересы сливались воедино. Мы сталкивались всегда при обстановке, не располагавшей восстановить единство и добрый мир. И даже расходов волости не берем на себя, сколько раз признавая, что так несправедливо.

Оттого сверх земских сборов собираются с крестьян мирские средства.

С давних пор томится уездное земство: так близки к населению — и так удалены. Как сблизиться? Вечный спор: начинать ли сразу с развития гражданского сознания скудоимущих и неграмотных? или — сперва грамотность, потом — улучшение экономического быта, тогда у них появится досуг, тогда и реформы?

Разразился голод 1891, и яснее зинула эта пропасть: не было волостного земства, которое знало бы, кого кормить, кому ссуду давать. Да даже и несведущие благотворители не допускались к голодающему населению помимо земского начальника.

А между тем немногие крестьянские гласные в уездном земстве хорошо оправдали себя: они ярко понимали свое положение, права, интересы, высказывали отчетливые мысли о нуждах и задачах.

Еще во 2-ю Думу Столыпин внес проект волостного земства, равного для всех сословий. Через 10 лет вынужден был признать даже

Керенский — Отдаю дань его памяти. Он смело, честно и открыто отказался от куриальной системы в земстве, сказал, что это — факел вражды, который вносится в местную земскую жизнь.

Но в Думах проект загряз надолго.

В крестьянской и христианской России четырем Государственным Думах образованного класса ни один крестьянский закон или христианский вопрос никогда не казался ни быстрым, ни важным. И если какие из них они все-таки иногда проводили, то только если это означало явное торжество над правительством. Указ о крестьянском равноправии (уравнение с другими сословиями) был издан Столыпиным в октябре 1906, но нуждался в утверждении Думой. Однако, ни 2-я, ни 3-я, ни 4-я Думы такого одобрения не давали, 8 лет квасили вопрос в комиссиях. Остроумно придумали воспользоваться законом о крестьянском равноправии, чтобы провести равноправие еврейское: оба вместе! — а если нет, пусть воспетый страдающий младший брат и дальше потерпит.

Законопроект же о волостном земстве в мае 1911 Дума передала в Государственный Совет. Там — извращали статьи, увеличивали административные полицейские функции земства, потом — отклонили проект целиком. В августе 1915 4-я Дума выхватила снова проект 3-й, внесла его, но это было перед ее роспуском, да и внесено скорей всего напоказ. Проект снова вышел в марте 1916, в думской комиссии, со спешкою и очень несовершенный. Однако: время ли затевать волостное земство, когда идет война?

Шингарев, горячо: да, да! И хотя бы общих надежд не оправдало, но для войны-то оно и понадобится! Во время войны все опасности и опасней. Вот придумываем разные местные комитеты по продовольствию — а было бы у нас волостное земство? — через него и учет запасов, и закупка хлеба, и распределение товаров, и использование беженцев, военнопленных... Сколько лет еще протянется война? — никто не знает, не поздно строить волостное земство и теперь. Оно предохранит нас от анархии.

Правые: Это — и не успеется до конца войны. И сейчас нет людей на местах. Первый состав гласных будет случаен, и от этого криво пойдет все направление деятельности. Да, вообще, даже в уезде с трудом собирают полезных земских деятелей, где же набраться в волостное земство? При неразвитости нынешнего крестьянства преобладание его в земстве будет номинальным, а неограниченно будет

господствовать *третий элемент**. И попадет земское хозяйство в руки лиц, ничем с землею не связанных. Если не бюрократия, так поработит деревню город. Слишком поспешно устраняются земские начальники, а среди них много развитых и в курсе дела. Проект предусматривает защиту интересов города, казны, администрации и полиции — но не духовенства; церковь не будет представлена в этом земстве никак. Да нынешняя волость и слишком мала, чтобы создать жизненный, финансово возможный организм, возникнет больше новых налогов, чем пользы.

Если образованный читатель в сем месте пожалуется, что не этого он ждал от главы и, наконец, ему скучно читать о волостном земстве, да и вообще все об этой Думе, — откроем, что и Думе самой скучны эти прения, а может быть и сама себе она скучна. Обсуждается волостное земство, — а по залу свободно ходят, громко разговаривают, больше половины уходят в фойе и в буфет, в зале присутствует порой лишь 150 человек из 440, то и дело нет на месте записавшихся ораторов, и даже Шингарев оказывается в отсутствии.

Шестидесяти лет оказалось мало проекту — он поспешен, сыр, непродуман, его толкает насильственно центр, и критикуют с обоих флангов и просто все, кто дал труд подумать: как же можно проводить такую основательную объемлющую реформу, даже не спрося крестьянского мнения на сходах? На передовых позициях равняет смерть офицера и солдата — как же можно вводить *курии* в волостное земство? Опирайтесь не на доверие соседей, а на превосходство имущества?

Керенский — У постели умирающего не говорят о житейских делах. Нечего есть в городах, не известно, будем ли живы, — а нам предлагают проект волостного земства...

То, что летом 1915 было спорным, теперь становится смешным. Нужно — найти рычаг, чтобы повернуть *весь строй* государственной жизни! Надо вскрывать гангрену и выпускать гной!

В Думу поступает 750 законопроектов в год. Их уровень:

— об отпуске из казначейства на духовные требы старообрядцев во флоте;

— об увеличении окладов квартирных денег присяжным счетчикам казначейств;

— об установлении должности уездных фельдшеров при вторых уездных врачах;

— об учреждении в Москве школы для подготовки кандидаток на должности тюремных надзирательниц;

— об учреждении областного рыболовного съезда в Области Войска Донского...

К декабрю 1916 накопилось 1200 таких не рассмотренных законов, из них 1100 утонуло в думских многолюдных, неработоспособных комиссиях. Дума называла эти законы *вермишелью*, и обычно всю долготу своей сессии не занималась ею, предпочитая декларатив-

* Так назывались служащие земского аппарата.

ные речи против правительства. Вермишель выбрасывалась на кафедру в последние дни, когда уже все разъезжаются.

Маклаков — Заграницей законы короче наших, пишутся просто, ибо нет такой централизации, а доверяют местам. Лишь создаются нужные учреждения и указываются им цели и пути, директивы от парламента. Там дорожат вниманием парламента, призывают его лишь к важным началам закона, остальное делает правительство. И мы тоже могли бы так — если могли бы верить правительству. Или хотя бы контролировать его. Мы же берем на себя груз, который может нас задавить.

В этой Думе (как впрочем, и во всех парламентах) — чем правее, тем позорнее перед обществом, тем связанней в доводах. Что б ни говорили правые, — нет им ни веры, ни поддержки, ни даже простого уважения:

Большинство Государственной Думы насилует нас во многих случаях.

Их легко подавляют голосованием, или замечаниями председателя, или просто — криками с мест, ибо левых глоток много больше: "присяжные защитники правительства!". Им почти не дают говорить, прерывают, нелегко продляют время выступления, а чаще обрезают прения, чтоб не дать им выступить вовсе, в пулеметном порядке проводят резолюции против них.

Мы, русские националисты... (Слева: "Прусские!" Смех.) И оратор — не отвечает, так запуганы. А другой призывает как счастливейшее время, когда левое большинство исключило бы его из Думы. Третий:

Ораторам не из блока нельзя говорить с этой кафедры, вы их постоянно прерываете... Революционный митинг, которым вы позорите стены этого учреждения...

Думское большинство постоянно пренебрегает своим правым меньшинством. Молодому русскому парламенту доступна идея голосования и совсем чужда и странна идея согласования, на которой строилось древнерусское соборное понимание.

И это все — не главное, отчего трудно в Думе правым. Им тяжело оттого, что они должны быть верны династии, которая потеряла верность сама себе, когда самодержец как бы околдован внутренним бессилием, им тяжело оттого, что они должны подпирать принцип, который сам заколебался, а их оставил связанными. Но — какой же путь показать, когда шатаются колонны принципов и качается свод династии? Самодержавие — без самодержца!... Правые — расеяны, растеряны, обессилены. Если уж и верные люди не нужны государю?.. Если сама Верховная власть забыла о правых и покинула их?.. Сдаться? Безропотно уступить власть кадетам? Так ведь не удержат, все дальше и дальше будут передавать ее налево. Переубеждать?

Левашов — Большинство ораторов, пренебрегая насущнейшими нуждами страны, посвящает свои речи озлобленным нападениям на власть, сведению партийных счетов. Очень может

быть, что левые группы стремятся узурпировать власть в пользу своих повелителей, враждебных всему русскому.

А еще: каждый шестой депутат Думы — крестьянин. (Побоялось правительство дать всеобщее равное право деревне, само себя лишило правого большинства в Думе — уж эти б серые "агрии" не допустили бы хлебной петли осенью 1916.) Крестьяне — смиренно сидят, боясь развязных насмешек, выступают редко и кратко, стесненно, то с доверчивой умиленностью:

Третий год кровавой войны мы все отдаем, братьев и сыновей.

Помоги вам Господи разбить дерзких и коварных врагов...

А гвоздь повышечен 20—30 рублей за пуд...

то с корявостью речи:

Злоупотребляют нашему целому войску... Какое внушение идет для народа...

вызывая только улыбки своими неукатанными, несостроенными речами. Они годами не могут привыкнуть к дерзким порядкам этих образованных господ в Думе — к облаиванию и обрыванию, какие неприличны были бы на сельских сходах. Или тому, что в ладоши хлопают не по согласию с речью, а — если *свой* говорит. А коль и верно, да не свой — так чаще молчат. Депутатам-крестьянам надо несколько лет отереться тут, чтобы приобыкнуть, что это и есть Государственная Дума. В 1912 депутат Снежков предложил дисциплинарный товарищеский совет — благотворно влиять на думские нравы. Но его поддержали только депутаты-крестьяне, а из господ — Маклаков и с ним двое-трое. Так и не собрались.

И как же эту Думу вести благообразно и успешно? Задача Родзянки, беспокойнейшего из председателей. Вот уж он не бездействует! Как бы ни были тучи сгущены, всякую новую сессию и подсессию открыть достойно:

Исполнены решимости не дать врагу поработить Святую Русь! — и бурные приветствия союзным дипломатам. Распускают ли Думу (3 сентября 1915) — склонить ее все же кричать

Ура-а-а-а!

государю императору. Ожидают ли перерыва (декабрь 1916) —

Приглашаю Государственную Думу стоя выслушать Высочайший ответ на принесенное Государю императору поздравление к тезоименинству. Ура-а-а-а!

Уместно

представить на высочайшее благоволение,

уместно и

предложить на уважение Государственной Думы,

всему надо знать момент, выражение и направление. Положение России — очень сложное, только и обозримое с председательского места. Из-за явных неурядиц в управлении

страна сама могла бы стать на защиту своих законных прав.

Этого допустить никак нельзя, это надо всячески предотвратить, это и составляет основную задачу

Думы, воплощенной в могучем теле ее Председателя. Иногда — пойти на секретное заседание бюро блока, иногда — не отказаться и вместе

с правыми поехать на обед к Штюмеру. То — скрыть от Думы неприятные бумаги, то — вступить лично и непосредственно с Францией в переговоры об аэропланах, обойдя и все министерства и Верховное Главнокомандование. Но напряженнее всего и болезненнее всего — добиваться аудиенций у государя, всякий раз трепеща получить или отказ, или холодный прием, или испытать унижение: быть вычеркнутым царичею из списка приглашенных к высочайшему завтраку, или в правительственном поезде получить самое неудобное отделение. А, попав на прием к государю, выдержать единственно верное поведение между воплощенным достоинством Государственной Думы, душевной преданностью своему монарху — и отеческим вразумлением, как тому надо поступать.

Вся царская фамилия с трепетом ожидала моего доклада. При своей независимости все же облаканный приятным придворным званием шталмейстера, радоваться Анне I степени — не Председателю, нет,

в воздаяние особых трудов и заслуг в должности почетного попечителя Новомосковской гимназии, и тут же понимать, как это роняет его в глазах Думы ("продался за орден", и это после разгона ее), ну да ведь и любим же ею неизменно! — и все же решиться пригласить государя в Думу на молебен, и убедить приехать, и все хорошо. И вдруг осенью 16-го разносится слух — для самого неожиданно, неведомо откуда поднявшийся, но сладко и властно охватывающий слух: премьером и министром иностранных дел будет РОДЗЯНКО!!! Еще никем официально не предложено, еще не спущено это милостивое слово с высока, — а ведь уже надо обдумать условия, достойные великого человека: императрицу — в Ливадию, пост принимается не менее, как на три года, министры — по собственному выбору, Поливанов вместо генерала Алексева, а великих князей — снять с военных должностей. Увы, этого ультиматума никогда не услышит Россия: слух так и остался слухом.

И снова вносить себя по дубовым ступенькам на вышнюю, отчасти уже и обрыдлую кафедру Думы, и запорожским басом лениво отводить:

Председатель сам знает, не вступайте в пререкания..;

в опасные дни, опасаясь скандала, окружать себя думскими приставами (они многие с головами стриженными и разведенными физиономиями под своего Председателя), а в трагический день, когда грубиян Марков 2-й размахивая руками и грозя кулаком, подымается на Председателя, видимо драться, — оказаться без реальной обороны кроме графа Бобринского, схватившегося за графин, вся другая помощь опоздает.

Прискорбный этот эпизод произошел после того, правда, как полнобрюхое думское большинство поносило и все правительство вместе и отдельно по министрам, а Родзянко возражал, может, и слишком бережно (но не ссориться же ему с большинством!):

— Покорнейше прошу господ членов Думы несколько менее часто перебивать оратора...

Чхенкели — Один выход — революция!

Родзянко — Призываю вас к порядку за подобное выражение,

но дал говорить, а Маркова 2-го, за ответ "не кричите!" — удалил с кафедры. И этот необузданный депутат подошел к Родзянке и объявил ему громко вслух:

— Болван! Мерзавец!

Родзянко — Член Государственной Думы Марков 2-й позволил себе такое оскорбление вашему Председателю, которого в анналах Государственной Думы еще не имеется. (Шум. Голоса: "Какое?") Но я не могу... (Шум.) Но в виду этого обстоятельства я попрошу моего Товарища предложить ту меру возмездия...

В. Бобринский — За невероятно тяжелое оскорбление Председателя Государственной Думы (Голоса: "Какое?")...я не повторю этого выражения...

Марков исключается на 15 заседаний — предел, даваемый уставом. Но, по уставу же, виновному дозволяется объяснение поступка, и Марков 2-й успевает объявить:

С этой кафедры осмелились оскорблять высоких лиц безнаказанно. Я в лице вашего председателя, пристрастного и непорядочного, оскорбил вас!

Все же этот эпизод окончился к вящей славе Родзянки: и аплодисменты Прогрессивного блока, и сочувственные телеграммы от земских и дворянских собраний, городских дум, выборы почетным членом совета профессоров Петроградского университета и орден Почетного Легиона от президента Франции!

Руководство Думою сложней симфонического дирижерства, тут надо много предвидеть, менять тоны, приемы, виды голосований — по запискам, с проходом в двое дверей, подъемом рук или без подсчета, дозировку выступлений, продление или непродление, умелое откладывание *запроса* или острое введение его (любим левым запросом на добрые сутки прерывается равномерное законодательное обсуждение).

Тем более важно не ошибиться при открытии напряженно-ожидаемой сессии после вынужденного перерыва, как 14 февраля. Тем обиднее, что выступлением Риттиха отодвинута центральная речь Милюкова, — и он произносит ее на другой день при неполном зале, даже без кворума депутатов, увы, уже без торжественного стечения публики.

Милюков — Несколько вялый тон прений и не особенно внимательное отношение слушателей...

Мы, законодательные учреждения, разорвали с правительством. Там (*указывая на ложу правительства*) нет никого, кроме вот этих бледных теней. (*Рукоплескания. Аджемов: "Там всякая дрянь!"*) Министры не относятся к числу знающих людей.

Страна далеко опередила свое правительство... Зрелище, глубоко оскорбительное для великого народа... Будет ли с пути народа сброшено это позорное и досадное препятствие?..

Господа, в патриотической тревоге, которою полны ваши собственные сердца, не в молчании, не в примирении я вижу наше спасенье. Вы, которые знаете больше, чем я могу сказать с этой кафедры, вы знаете, что тревога эта основательна. И если в самом деле укрепится в стране мысль, что с *этим* правительством Россия победить не может, то она победит *вопреки* своему правительству, но победит!

(Крупнейшим знатоком внешней политики это было сказано 15 февраля. Уже Соединенные Штаты явно входили в войну, и победа союзников рисовалась едва ли не автоматической. Почему же могло казаться так Милюкову да и всем почти? Гипноз желанного. Конечно, отплыва по реке истории, узнав берега и промерив дно, легко критиковать. Теперь-то, за все расплатясь, мы знаем, что обстояло как раз обратно тому, как сказал Милюков: с *этим* правительством Россия уже неизбежно победила бы, *вопреки* же ему она проиграла войну.)

Но, чтобы гром не разразился в той форме, которой мы не желаем, мы должны предупредить удар.

Это — очень милюковское: когда в спину жмут — благоразумно опинаться.

Из глубин России несутся надежды к нам. Это мы должны, не довольствуясь речами, совершить какое-то необычное и особенное действие... "Все речи уже произнесены, действуйте смело!" — говорят нам со всех сторон. Эти надежды нас глубоко трогают, но и несколько смущают. Ведь наше слово уже есть наше дело. Но, рисуя самые мрачные картины настоящего, мы имеем возможность не делать из них того безотрадного вывода, который напрашивается и против которого я вас настойчиво предостерегаю.

Это — требует мужества, когда слева социал-демократы желчно поливают:

Как, господа, можно назвать вашу тактику? Вы продолжаете твердить, что готовы бороться лишь *законными средствами* с властью, которая ведет страну к гибели! Это — хуже, чем всякое пораженчество!.. Вы же говорите, что эта власть изменяет стране?

О, этот левый ветер, как он больно режет лицо! И ведь правда, ответить нечего. Заслоняются, тупятся, переминаются кадеты:

Очень прискорбно, когда между нами и нашими товарищами слева появляются разногласия, к радости темных сил.

Внутренняя слабость кадетов в том, что, беспощадные в критике, они не могут дать увлекательной программы: чаще — не имеют ее, иные пункты скупаются высказать, чтобы правительство не перехватило себе. Ну, разве что

Милюков — Освободите этот народ от лишних стражников и полиции. Пожелание народа: возьмите полицию на фронт!

Почему эти упитанные остаются неприкосновенными?

А то — лишь одно, лишь одно повторяют они, и в этом главная их программа:

Родичев — Когда там (*указывает на ложу правительства*) будут сидеть люди, заслужившие народную веру, люди, самые имена которых говорили бы стране: *жди и веруй*, ибо эти люди сделают свое дело или погибнут...

Лишь бы власть ушла, мы заступим — и все пойдет.

А может быть — и придумать ничего было невозможно, тупиковое положение. Вот — прогрессисты, давшие блоку название, сидящие правой кадетов, а думающие даже левей:

Ефремов — В ноябре страна вознесла престиж Думы на недостижимую высоту, — но прошло три месяца, и начинает терять веру в ее могущество. Страна накалена недовольством, а близорукая упорная власть как будто нарочно наталкивает ее на страшный вывод о невозможности парламентскими средствами борьбы...

И что другое, правда, предложишь, кроме правительства доверия: Такое правительство может совершить чудеса: его вдохновляет народная душа, с ним будет творить и работать весь народ. (Скоро, на Временном правительстве, мы это и проверим.)

Опережая лидеров блока, на завоевание новой популярности ринулся

Керенский — К т о ж е т е, кто приводит сюда эти тени (*Указывая на места правительства*).

И дальше — о т е х, выше правительства. Он и осенью уже так заводил, а теперь-то! Он верно сообразил, что поношение правительства — уже не ораторское достижение, пришла пора поносить трон. И верно сообразил, что в Думе уже в с е можно. И верно сообразил, что Родзянко не посмеет выдать его. (Премьер Голицын запросит стенограмму — Родзянко ответит, что ничего предсудительного там не было.) Все опасные места — а их насчитывается 6 за часовую речь — будут изъяты. А уже такое умеренно мягкое место

С нарушителями закона
(то есть с правительством)

есть только один путь — физического их устранения! (*Слева рукоплескания, "Верно!"*) даже и в стенограмме не сокращено. И упиваясь достигнутым уровнем смелости и ожидаемым восторгом страны, парламентарий объявляет, что до сих пор лишь подразумевалось, а теперь пусть растекается в гектографических листках:

Я, господа, свободно могу говорить, потому что вы знаете: я по политическим своим личным убеждениям разделяю мнение партии, которая на своем знамени ставила открыто возможность террора... к партии, которая признавала необходимость тираноубийств.

Председательствующий Некрасов (Родзянко перед такими опасными речами всегда куда-то исчезает):

Член Государственной Думы Керенский. Изложением своей программы не дайте основание утверждать, что в Государственной Думе могут раздаваться приглашения к чему-либо подобному.

Но если крикнуть с места увлеченному Керенскому:

— Говорите от себя!

Председательствующий на его защите:

— Прошу не перебивать оратора.

И после такой зажигательной речи кто ж будет слушать унылые уговоры правого? —

Левашов — Кучка бессердечных честолюбцев старается использовать затруднительное положение родины, чтоб незаконно захватить власть над ней, не дать правительству сосредоточиться на сокрушении могучего неприятеля... Змеиные песни печати, истерические выкрики думских ораторов, что теперешнее правительство не может вести Россию к победе... Ведь еще подбавит независимый казак

Караулов — Если вы имеете дело с собеседниками, которым хоть кол на голове теши, то самое лучшее с ними не говорить. Поэтому я не буду делать никаких обращений к правительству. И еще социал-демократ

Скобелев — Не только к правительству и не только к *центральной фигуре*, которая дергает этих марионеток. (*Председательствующий не мешает.*) Много накопилось, что может предъявить рабочий класс к теперешней власти. Или эта власть с ее приспешниками будет сметена — или Россия погибнет. (*Рукоплескания слева. Председательствующий не возражает.*)

Когда партии, парламентские фракции, газеты и ораторы привыкают, что общество и студенчество аплодирует им, жадно следят за ними — они, того и не замечая, втягиваются в соревновательную игру: каждый следующий оратор и журналист, каждое следующее заявление и резолюция рассчитаны вызвать удивление, восторг и поддержку — сильнее, а хотя б не слабее, чем предыдущие, — так-ва инерция этой игры. А чтоб этого достичь — мало просто таланта говорения, писания, быстрой сообразительности: этого постоянного подъема и нагрева общественной поддержки можно достичь только если пользоваться подбодряющим рядом фактов и пренебрегать удручающим рядом их. Рост голоса и рост успеха невозможны, если эти ряды честно и взвешенно сопоставлять. Так эта общественно-парламентско-газетная игра (мы наблюдаем ее накануне русской революции, но усталым зрением часто видим на сегодняшнем Западе) становится увлеченным обманным шествием, карнавалом перед тем, как опрокинуться: глаз и нога перестают различать, где еще твердая земля, где — уже зеркальное призрачное отражение.

В последнюю неделю русской Государственной Думы это соревнование достигает отчаянной надрывности. Ни одно обсуждение — ни о волостном земстве, ни о транспорте, топливе, ни о продовольствии — не доводится до конца, но прерывается каким-нибудь истерическим спешным запросом, а тот сшибается и заталкивается новыми и новыми запросами и вопросами, также не доводимыми ни до какого решения, один запрос острее другого, повестка дня разладилась, ораторы, сбивая единое течение, выступают каждый, о чем их жжет.

Крупный текстильщик, не знающий этих твердых цен на свой ситец, революционнейший деятель Прогрессивного блока Коновалов, с золотым пенсне на длинном шнурке, выступает с запросом о незаконных административных действиях против профсоюзов и аресте рабочей группы, с длиннейшей речью:

Безответственность власти... Презреннейшее политиканство власти... Умственное убожество носителей своеволия... Протопопов как жалкий трус... Все пришли к убеждению, сами камни заговорили, что больше так жить и управлять нельзя... Но главное — он обещал с трибуны возгласить:

Представитель рабочих Федоров-Девяткин высказал следующие мысли...

И подолгу читает, что высказал Федоров-Девяткин. На том час и больше.

Волков — Эти господа (*указывая на места правительства*) должны сесть в тюрьмы, ибо они настоящие преступники, мешают нам обратить все силы на борьбу с внешним врагом. Тут место выскочить и **Чхеидзе**, на то его неприкосновенное право, слушайте хоть очами поковылайте. Самое время напомнить о сосланных в 1907 социал-демократических депутатах 2-й Думы — и почему Дума не хлопочет о них?

Вокруг старого режима осталась лишь кучка холопов. Такая власть, как наша, только и может держаться провокацией, у нее других корней в жизни нет. Мы неоднократно предлагали вам поставить вопрос о провокационной деятельности правительства, еще при Столыпине. Не наступает ли, господа, момент, когда внешняя война благодаря этой власти, будет превращена, господа, именно в *гражданскую* войну? И я предлагаю вам, господа, иметь в виду эти перспективы!

(И за что уж Ленин так беспощадно поносил этого милого Чхеидзе?)

А тут опять подоспевает неумолимый быстроголосый Керенский с верткой головой.

Думское большинство всегда неохотно защищает трудящихся, ибо классово едино с правительством. Мой товарищ Чхеидзе говорил вам: смотрите! война внешняя превратится в войну гражданскую. И если вы — со страной, то вы должны *перейти от слов к делу* сейчас!

А еще же — запрос об устранении от заседаний прогрессивных членов Государственного Совета.

А еще же — запрос о закрытии Путиловского завода — и, конечно, опять

Керенский — Я слишком волнуюсь в настоящий момент, чтобы говорить о темах, которых следовало бы коснуться. Но ведь это уже — состояние, когда почти нельзя управлять. И — вот им, прогрессивному большинству:

Вы не боретесь за то, чтобы власть безумная не губила государство.

Надо спешить отвечать, спасая кадетскую честь.

Шингарёв — Очень много горькой правды... Безумная власть... Мы должны потребовать, чтоб она, наконец, или сумела справиться с делом или убиралась бы вон из государства! (*Бурные продолжительные рукоплескания слева и в центре.*)

А что до путиловской забастовки, ну

мастера побили там, вывезли что ли его на тачке, я не знаю.

Шульгин — Какие рабочие, за что и почему уволены на Путиловском никто из нас понятия не имеет. При таких условиях вмешиваться в жизнь завода, руководимого военными властями...

Родзянко суетливо и сбивчиво проголосовывает предложение Керенского принять обратно всех уволенных рабочих.

Чем далее отмалчивается правительство, тем смелее депутаты. Правительство честят в тех словах, как будто его уже и нет в России. В успешной новой роли любимца общества не устает выламываться и Пуришкевич, в последние месяцы совершивший сенсационный перескок из крайне-правых едва ли не в кадеты и безнаказанный за убийство. Трибуна не остается пустой, и ораторы переполнены нарастающим избытком чувств и слов. Уже торжествует с трибуны Скобелев, что на петроградских улицах — волнения и отбирают трамвайные ручки.

Керенский — Мы требуем, чтобы вы, власть, подчинились требованиям страны и ушли с ваших мест!

24 февраля переполняется Дума новым срочным запросом: какие меры предпринимает правительство для урегулирования продовольственного положения в Петрограде? Как пропустить такой прекрасный повод для раздирающих речей? То шел — продовольственный вопрос вообще в России, почти академический, его можно было и покинуть. Теперь — жизненный: тут, у нас, в Петрограде!

Шингарёв. Несмотря на пожелание Государственной Думы в Петрограде продовольствием занимается градоначальник Балк, его уполномоченный Вейс. Петроградская городская дума еще с ноября требовала себе права внеочередной закупки и перевозки хлеба (ведь им нужнее всех!) — и не получила. В феврале постановила — картонную систему, фунт на человека (от этих-то слухов и начались все петроградские хлебные волнения) — а уполномоченный не соглашается. Но если он заявляет, что хлеба в Петрограде на 20 дней — то где же этот хлеб? (В лавках хлеба хватает до 5 вечера, а вечером приходится ездить в другие районы.)

Подан запрос — пусть начинается исправление? (Да знают лидеры кадетов, что через 2 часа на совещании Родзянко с правительством все решится полюбовно, в самом благоприятном смысле.) О нет, теперь-то и повод осветить политические аспекты и разжечь страсти!

Родичев — Роковое развитие событий, наступило наконец (тут есть и радость! желанная музыка!)

то, против чего мы два с половиной года предостерегаем. Власть, которая в минуту народного бедствия не хочет собирать Государственную Думу — ведет народ к гибели. Негод-

ность и преступность избранного пути... Они сами пришли к сознанию, как к ним относится русский народ и несмотря на это остаются на своих местах. Мы переживаем тот двенадцатый час, после которого нет спасения! Правительство, в котором министра не отличишь от мошенника, — и все они назначены влиянием, которое мы не можем не назвать изменническим. (*Слева рукоплескания: "Верно!"*) И вот, господа, настала последняя минута, когда эта власть измены может прекратиться. Это им — казнь, достойная дел, которые они совершили. Именем голодного народа мы требуем власти, достойной судеб великого народа! — призвать людей, которым вся Россия может верить!

А теперь как же обойтись без Чхеидзе? Сколько ни выступай — ведь хочется еще рассчитаться, еще поклевать.

Чхеидзе — Игнорирование улицы — это свойство правительства и многих из вас. Но как быстро ни стоял вопрос, все-таки надо в корень посмотреть. Основная причина — мировая катастрофа, пора задуматься об этом серьезно. Правительство? Да, в первую очередь оно виновато. Но, господа, не виноваты ли и те, кто долго шли в единении с ним? *Я вас спрашиваю*, отвечайте беспристрастно, — с тем правительством, которое было изменническим, и вы это знали. Это правительство никакого внешнего врага не признает, никаких народных благ не преследует, оно защищает свою собственную шкуру!

И — длинно об этом, десятикратно подробно, с размазыванием, с обильным напоминанием, что он сам и его фракция всегда были правы, всегда это знали и предсказывали.

Какое ж разрешение продовольственного вопроса? Упразднение этого правительства и этой системы!

(Самый обыкновенный лозунг для Думы, к нему уже привыкли.) Наша фракция заявляет Государственной Думе — сейчас у меня под руками этого заявления нет, — помимо коренного изменения политического строя чтобы дали массе возможность организовать...

А наготове, рвется, со вчерашнего дня не выступал

Керенский — Вчера мы говорили с этой трибуны, и никто в России не узнал. Даже заголовок о Путиловском заводе вычеркнут. (*Справа: "А в Германии знают, Керенский скажет".*) Все призывы бессмысленны. Кроме слов, что мы здесь говорим, не настало ли время превратить их в действие? *Я не раз формулировал* и говорил о причине всех причин несчастий, которые мы переживаем. Но, господа,

отдать ему справедливость, он способен опоминаться быстрее с-д и даже к-д,

когда мы уже вступили в период развала, катастрофы и анархии, когда разум страны гаснет, ее захватывают стихии голода и ненависти, тогда я не могу повторить с этой кафедры то, что сказал депутат Родичев:

настал двенадцатый час, сегодня или никогда. *Остерегайтесь слов*, если вы сами не хотите превратить их в дело. Слишком ярка перед нами картина гибели государства. Будьте осторожны, не трогайте этой массы, настроения которой вы не понимаете. Как мы были правы, когда говорили...

— и много о том, как были правы, когда говорили.

Только в народе спасение, и к нему мы сами должны пойти с покаянием (как, впрочем, это известно еще с XIX века). Вдруг появляется на кафедре

священник **Крылов**. Под свежим впечатлением, что видел сейчас на улицах. Громадная масса залила всю Знаменскую площадь, весь Невский и все прилегающие улицы, и — совершенно неожиданно: проходящие полки и казаков провожают криками "ура!" (*Караулов на месте заволновался.*) Один из полицейских ударил было женщину нагайкой, но казаки тотчас вступились и прогнали полицию. (*Слева — продолжительные рукоплескания, "Браво!" Караулов: "Ура!"*)

Да в этом душном закрытом зале просидишь, ничего не увидишь!

Будучи остановлен этой картиной народного воодушевления и патриотизма, я решил перед вами сказать свое честное пастырское слово,

что хлеб в стране есть, изобилие других продуктов, и надо только столкноваться.

Аплодируют левые. Выступает от правых: что всякому русскому человеку больно, когда законодательные учреждения только тем занимаются, что мечут вонючей жидкостью в русское императорское правительство, вместо того, чтоб созидать законодательство.

25 февраля на утреннем заседании на последний запрос отвечает все тот же обязательный, услужливый, быстрый

Риттих. Подход продовольственных грузов к Петрограду очень упал с конца января: движение поездов было на три недели задержано мятелями и тяжелым угольным кризисом. Тогда-то Риттих и снизил норму Петрограда до 40 вагонов муки. В этой норме и держались более трех недель. И ржаного хлеба хватало, даже некоторые хлебобулочные изделия, что — избыток, не разбирают. Отсутствия муки не было, пекарням все выдавалось по норме. Видимая нехватка началась лишь три дня назад и особенно на Выборгской стороне. По поручению Риттиха уполномоченный объехал тамошние булочные и пекарни и выяснил, что во всех есть запас: от нескольких дней до нескольких недель.

Но произошло нечто необычайное: вдруг появились громадные хвосты и страшное требование именно на черный хлеб. И все указывали, что лицо, купившее хлеб в одной лавке, сейчас же переходило и становилось в хвост у другой. Утверждают в один голос, что явилось в населении какое-то беспокойство об отсутствии муки в Петрограде и на этой почве разыгралась прямо паника: все старались запастись хлебом, чтобы делать из него сухари. Нечто подобное было

две недели назад, но довольно скоро прошло, и потом население большими коробами продавало эти сухари.

Теперь же — обычной выпечки стало нехватать, и часть булочных и часть желающих купить еще — стали оставаться без хлеба. Хотя общепетроградский запас остается больше, чем на 2 недели.

Уже назначены специальные маршрутные поезда в Петроград для пополнения нехватки. Уже вышло 19 поездов, есть поезд по 40 и 50 вагонов, но даже считая по 25 — это идет двухнедельное количество. (Скоро из расчетов Шингарёва обнаружится, что в Петрограде было хлеба даже на 40 дней, до начала апреля... до полной весны...) Однако, раз у населения нет уверенности, что мука не утекает, надо, чтоб оно ясно знало положение вещей. И теперь правительство согласно

немедленно передать распределение этих продуктов в руки петроградского городского общественного управления. (*Шингарёв: "Это надо было раньше!"*) Такое предположение было еще два с половиной месяца назад, когда я вступил в должность. Но оно не вкладывалось ни в рамки городского положения, ни в рамки... Теперь, не дожидаясь нового закона, как только петроградская управа организуется хотя бы несколько, чтобы принять это дело, оно немедленно, в тот же день, будет ей передано! Если она может принять сегодня — сегодня же это будет сделано! (*Не только ни одного хлопка, но слева: "И кто виноват?"*)

Отчитывается кадет **Некрасов**, который участвовал вчера в чрезвычайном совещании с советом министров. Весьма умеренно и примирительно:

Переживаемый острый кризис — преходящий, в ближайшие дни будет преодолен. Население может быть спокойным за обеспечение продуктами на ближайшее время.

Это так проверено: когда смотришь, как грузчики носят мешки, кажется — да и я бы легко! Но когда начинаешь угол такого мешка перенимать своим плечом, — о, как мозжит он и плющит! Вот — первый уголок государственной тяжести, который дадут перенять Прогрессивному блоку. И Некрасов уже оговаривается:

Мы знаем, что в руках общественных самоуправлений не будет многих из тех возможностей, которые были у правительственных органов. Но только тогда мы можем предъявить населению требование терпеть все лишения, когда оно само имеет в руках контроль и наблюдение.

Шингарёв — Вы присутствуете при событиях, подтверждающих старую поговорку — пока гром не грянет... Пока не разразились события на улицах Петрограда, министр никак не мог "уложить в рамки"... Еще в ноябре городская дума настаивала на таком праве. 13 февраля городской голова обращался к председателю совета министров, тот сказал, что подумает — и думал, пока на улицах начались волнения.

Однако, город может взяться за это дело, если ему будет обеспечен подвоз хлеба. Как может он иначе взять ответ-

ственность перед населением Петрограда! Надо заранее оговориться.

(Уже подавливает мешочек.)

Быть может, у *них* теперь одна надежда: мы до этого довели — а спихнем городу? (*Слева: "Пусть все подают в отставку!"*)

Еще выдвигают проворные думцы законодательное предположение (со шпильками, что во всем виновато правительство) — обсудить и принять за три дня. Ну, кажется, схватились за дела и хоть на сегодня закончилось словомолоть? Как бы не так! А —

Чхеидзе — Посмотрим, что из этого выйдет, то, что сейчас предлагается. На Кавказе продовольственный вопрос стоит острее, чем где бы то ни было. (?) Мы со своей стороны может быть найдем нужным предложить некоторые меры.

Но пока — не находит. А вот что: три дня — слишком долго, надо успеть в два. К понедельнику.

Ну — и **Керенский** же! Хоть несколько слов, хотя бы присоединиться: скорей! скорей за работу!

Несколько заявлений: прекратить общее заседание, чтобы продовольственная комиссия немедленно начала работу!

Как — а по мотивам голосования? прекращать ли работу заседания — нужны мотивы голосования. Опять-таки

Керенский — Министр земледелия ничего нового нам не сказал.

И потому не надо прений! (Они и не предполагались.) А формула перехода (вот к тому, чтобы скорей начать продовольственную работу):

Выслушав объяснения министра земледелия и считая их *совершенно неудовлетворительными*, Государственная Дума признает, что дальнейшее пребывание у власти настоящего совета министров совершенно нетерпимо... Создать правительство, подчиненное контролю всего народа! И — немедленная свобода слова, собраний, организаций, личности...

Обскакал-таки дружка Чхеидзе! Какой же ловкий маневр! Но — не упущено, наверстать! По *мотивам голосования* (о прекращении этого заседания) —

Чхеидзе — Я совершенно не желаю возражать против той формулы, которую огласил мой товарищ Керенский. Но я не могу согласиться, что мы еще раз имели удовольствие выслушать представителя правительства... И поэтому мы не можем отказать себе в некотором, так сказать, праве еще раз высказаться по тому, что объяснил нам господин министр. Поэтому, я предлагаю не откладывать заседания, продолжить обсуждение этого вопроса, выслушать с трибуны еще раз... (еще раз и еще раз Керенского и Чхеидзе)

и еще раз зафиксировать в памяти населения то, что нужно сказать. *Потом хватит времени*, я думаю, и для разработки законопроекта

о передаче продовольствия общественным комитетам.

Десять минут назад он сам же говорил, что даже до вторника ждать нетерпел, чтобы к понедельнику сделали все! — и вот уже — давайте прения хоть на неделю!

Страшно не то, что на трибуну Думы во всякое время может вырваться любой демагог и лопотать любую чушь. Страшно то, что ни выкрика возмущения, ни ропота ниоткуда в думском зале — так ушиблены все и робеют перед левой стороной. Страшно то, что таким ничтожным лопотаньем кончаются 11 лет четырех Государственных Дум.

В 12 ч. 50 м. Родзянко закрывает заседание.

Это все — почти сплошь выписано мною из думских стенограмм последних недель русской монархии. Это все до такой степени лежит на поверхности, что одному удивляюсь: почему никто не показал прежде меня?

Эта Дума никогда более не соберется.

И я сегодня, прочтя ее стенограммы с ноября 1916 насквозь, а ранее многие, многие, так ощущаю: такую Думу — и не жаль.

ВОКРУГ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ (Встреча в Монжероне)

В конце июня 1981 г. при культурном русском центре в Монжероне состоялась встреча, посвященная Марине Цветаевой. Она носила международный характер: на ней присутствовали почитатели Цветаевой из США, Швеции, Германии, Швейцарии и Франции. О. Александр Туринцев, знавший Цветаеву еще по Парижу, отслужил в Монжеронской церкви панихиду. После нее Н. Резникова поделилась воспоминаниями о встречах с Цветаевой (текст печатается ниже). В. Швейцер прокомментировала публикацию неизданного письма Цветаевой после смерти дочери и описала 1919 год как самый страшный в жизни Цветаевой. Г. Лимонт выделила три стилистических приема, характерных для ее поэзии. Е. Эткинд перечислил те многочисленные вопросы, которые стоят перед исследователями. Последние два доклада, Н. Струве и В. Лосской, были посвящены религиозному миру Цветаевой: запись их приводится ниже.

Н. В. РЕЗНИКОВА

ПАМЯТИ МАРИНЫ ИВАНОВНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В первый раз я услышала имя Марины Ивановны Цветаевой в 1922 году, в Эстонии, где мы — 3 сестры и наша мать — жили в городе Тарту (Юрьев), покинув Россию. Это был перепечатанный в маленькой местной газетке, из журнала "Современные записки", рассказ К. Бальмонта. "В тяжелые голодные годы в Москве, к нему пришли поэтесса-фея с дочерью, чудо-девочкой Алей. Он был болен; они что-то ему принесли".

Через несколько лет, в начале 20-х годов, с сестрой Ольгой, мы жили в Париже. Дружили с семьей Зайцевых. Как-то я рассказала, что наша мать и сестра Ариадна в Праге очень сошлись с Мариной Цветаевой, которую Зайцевы знали по России. Вера Алексеевна Зайцева сказала: "Осторожней, Марина скоро воспламеняется, а потом швыряется людьми!" От мамы мы получали восторженные письма о ее дружбе с поэтессой. Они проводили дни и вечера вместе, много читали, гуляли, смеялись.

Моя мать — дочь литератора, известного в 70-х и 80-х годах, Елисея Яковлевича Колбасина, друга Тургенева; он знал молодого Толстого. Мама занималась литературой. Она была одарена понима-

нием и восприятием "нового" искусства и хорошо писала. Ее воспоминания о Цветаевой напечатаны в нью-йоркском журнале "Москвы". Моя мать, Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова, отличалась лучезарной добротой, со способностью любить до самозабвения. Впоследствии Цветаева говорила, даже с неодобрением: "Такой истинной христианки другой — я не встречала. У Ольги Елисеевны — перевернутые инстинкты. Естественный инстинкт: что-то взять, захватить для себя и своих детей, у нее: отнять у себя и у своих...". Мама сразу поняла и восхитилась творчеством Цветаевой. Не надо забывать, какие это были годы. Теперь легко говорить: "Эмиграция ее не приняла", "Париж ее холодно встретил". Марина своим творчеством опережала время.

Марине Ивановне хотелось в Париж. Мама позвала ее к нам, жить у нас.

Осенью 1924 года Марина Цветаева приехала в Париж, к нам, с 12-летней Алей и с годовалым сыном, Георгием, которого она называла Мур. Моя мать так описала ее наружность: "Вошла молодая женщина, коричневые волосы челкой, матовая кожа лица. Светлые глаза. Стройная, даже как будто неестественно прямая — "стальная выправка хребта" (ее стихотворение С. М. Волконскому). Эта прямота, негибкость поражала, она придавала угловатость ее стремительным движениям. Мягкости, женственности не было. Перетянутое кушаком коричневое платье — всегда носила туго стянутый пояс на очень тонкой, осиной талии. Плечи широкие. Беглый взблеск зеленых глаз. Я бы сказала, какая-то звериная роскошь очень прозрачных и очень зеленых глаз. Смотрит в сторону, но видит вас, но как будто смеясь, как будто прячась от вас. Эта повадка "звериная" обижала некоторых людей: не смотрит, когда разговаривает. У меня такого впечатления не было. Я всегда чувствовала, что, отводя глаза, она смотрит на вас с интересом, но слегка со стороны, отодвигаясь, предлагает вам следовать за нею... И это создавало и устанавливало с нею не отчужденность, а какую-то общность. Выражалась ее неуловимость. Она здесь. Но вот уже там — и вот сейчас улечится. Она любила только серебро. "Золото — золотой телец: для сытых и для богатых".

В те годы у всех нас была общая, эмигрантская бедность. Все-таки, настоящей нищеты не было: была картошка, макароны, суп из кубиков, растительное масло, маленькие дешевые красные яблочки. Всегда говорят о трагической нищете, о беде; было и другое: общая молодость, задор, стихи, любовь к стихам.

Квартира наша в 19-м округе была новая — в новом доме. Из трех комнат мы дали одну Марине Ивановне. Комната чистая, со

светло-серыми обоями. Сестра Ольга отдала Марине Ивановне свой стол, мебели у нас почти не было. Впоследствии я читала письма Цветаевой к Тесковой. Жалоба, что у нее нет стола. Это — неверно. Марина Ивановна культивировала неблагодарность. Но подобные неблагоприятные чувства и поступки входили в область шалости, игры. Она это называла "из гнусности" и оправдывала этим. Как будто делал это кто-то другой, а она со стороны смотрела. Зла в ее природе не было. Все переходило в игру. Это, конечно, был счастливый период в жизни семьи Эфронов. Марина была еще молодая — лет 38 — в расцвете своего огромного таланта. Только что закончила ряд поэм (поэму за поэмой): "Поэма конца", "Поэма горы", "Крысолов". Работала над "Тезеом". У меня хранится книга — Илиада, которой пользовалась Марина Цветаева. Предисловие Гнедича, и местами текст Илиады крепко подчеркнут синим карандашом.

Принято писать, как ей было трудно, но она мужественно боролась с "бытом", который ее тяготил. Слова "быт" и "бытие" — она употребляла их часто, — из книги кн. С. Волконского, которую она высоко ценила. У нее с ним была большая дружба и восхищение. Она нас познакомила: он приходил к нам. Марина была счастливая мать годовалого сына. Все-таки, было много хорошего в ее жизни. Многие понимали и восхищались ее стихами. В ней все было непомерно, начиная с ее таланта. Трагизм был в ней самой. В одном из писем к моей матери Марина Ивановна пишет: "Боюсь, что беда (судьба) — во мне. Я, по-настоящему, ничего не люблю, не умею ничего любить, кроме своей души: т. е. тоски, расплесканной и расхлеванной по всему миру. Мне в каждом человеке и чувстве тесно, как во всякой комнате, будь то нора или дворец".

Быт нашей совместной жизни был бедный, жили делясь. Но были ее стихи, ее голос: запомнились в ее чтении "Молодец", "Цыганская свадьба", "Переулки", цикл "Ученик". Было много прекрасного: разговоры, шутки, "крылатые слова" Марины, ее мысли, отточенные, оформленные, например: "Сила человека часто заключается в том, чего он не может сделать, а не в том, что он может".

У меня лично с ней были добрые дружеские отношения, увлекательные разговоры. И чувство товарищества молодых женщин, бедных, работающих, чтобы прожить, которым не во что было одеться. Была солидарность: делились платьями от "благодетелей", т. е. менее бедных друзей. Платья были старые, "ситцевые линиясти", как их называла Марина, были смех, шутки. Марина любила делать подарки. У меня чудом сохранилось ожерелье — ее подарок, мне так живо ее напоминающее: дерево (Сивилла), коричневый цвет

(ее цвет) и кожа, "что-то собачье", сказала когда-то она, надевая мне его на шею (собак она любила до страсти).

Вспоминаю один случай: я была одна с Мариной Ивановной на квартире. Я лежала больная в общей, проходной комнате, у меня был жар. Вдруг вошла Марина Ивановна и встрепелась: "Я буду Вас лечить!" Пошла на кухню. Помню ее легкий, отчетливый шаг. Принесла мне чашку дымившегося ароматного горячего красного вина с сахаром. "Выпейте — ведь это как больного Жоли-Кера лечили". (Обезьянка из "Sans famille" Гектора Мало). Этого случая мне не забыть — "луковку подала"!

У Марины Ивановны было исключительное восприятие стихов (Пастернака, Бодлера, Пушкина...), она много в них слышала, вычитывала, углубляя смысл и выявляя музыку. Всю жизнь Марина Цветаева была на стороне побежденных, а не победителей.

Всегда подобранная, подтянутая, волевая, она вела борьбу с Алей, распушенной и ленивой полной девочкой. Аля говорила "Вы" матери. Аля была надломлена с детства. Обожала отца и обожествляла мать. Была всегда в курсе ее романов. При всей этой сложности семейных отношений и поэтического мира, Аля стремилась к "детскому": "рисовать мальчиков и девочек". Мать тянула ее ввысь, к героическому (Тезей, Наполеон). Аля была умна не по-детски, мудра; но способна на "неприглядные поступки". "Из гнусности", говорила Марина Ивановна, извиняя. Вообще же была к ней строга и очень требовательна, но внутренне очень ценила ее и уважала.

Я встретила с Алей в 1968 году. Мы хорошо встретились. Но проскользнула ее "инфернальность". Многие этой "инфернальности" не замечали и очень высоко оценивали, превозносили Алину глубокую умудренность, серьезность все понимающей русской женщины. Это все было, и, при этом, большая талантливость (в прозе), но сказывался ее надлом. Ее "инфернальность".

В детстве Али была такая игра: в ней было 2 лица — девочка Аля и Теленок (циничное существо, матерьяльное, тупое "теле"). Когда мы встретились, Аля сказала, что не помнит этого.

Вскоре приехал всеми любимый "обаятельный" муж и отец, Сергей Яковлевич Эфрон. Тут тоже была игра: 2 лица. "Сергей Яковлевич", бесконечно внимательный, мягкий и добрый, и "тот Сергей Яковлевич" — злой, циничный эгоист. И Марина Ивановна втягивалась в эту игру. И она, и С. Я. были замечательными рассказчиками. Очень много и живо вспоминали семью Марины Цветаевой, жизнь в Коктебеле, у Волошина. Я помню, как волновались, когда готовились к первому вечеру чтения стихов Марины Цветаевой. Мы с сестрой

сшили ей черное репсовое платье, как ей хотелось. Сквозь каждодневный "быт" существовало "бытие".

Так прошла зима и весна. С. Я. стал сближаться с группой "евразийцев". Журнал "Версты" открылся для Эфронов. Новые люди, новые встречи, новые горизонты. В начале лета они покинули нас, уехали к морю, в Вандею. У Марины Ивановны было особое чувство романтики Вандеи.

Потом они поселились в Медоне (недалеко от Парижа), мы стали редко видаться, но дружеские отношения сохранились.

Не могу забыть последнего прощания, когда Марина Ивановна уезжала в Россию.

Она пришла к нам, в Плэсси-Робинзон, где мы тогда жили. Сердце щемило от тревоги за нее. Разговор не клеился.

Сказанные ею последние слова были: "Я верю, я знаю, что Вы, Ольга Елисеевна, верите, что Сережа не виноват в том, в чем его обвиняют". Значит, она не допускала мысли, что он участвовал в преступлении. Об отъезде Сергея Яковлевича много легенд. В России говорят, что он уехал в Испанию.

Русский шофер, Сепуржинский, муж Марьи Сергеевны Булгаковой, возивший С. Я. в Гавр на автомобиле, рассказывал мне, что, когда они приехали из Парижа в Руан, уже было темно, Сергей Яковлевич чего-то испугался и стремительно вышел из машины, не простившись как следует с женой и сыном.

Как страшен был ее конец. Сколько равнодушия и сухости встретила она на родной земле. Много лет спустя, я жила в Греции, возле церкви святой Марины. Помня, Господи, душу рабы твоей.

ТРАГИЧЕСКОЕ НЕВЕРИЕ

Поэт! Поэт! Самый одушевленный и как часто — может быть именно одушевленностью своей — самый неодоухотворенный предмет.

М. Цветаева. Искусство при свете совести.

- Я страдаю, простите меня, я страдаю...
- Чем же особенно?
- Я страдаю... неверием...
- В Бога неверием?
- О нет, нет, я не смею и подумать об этом, но будущая жизнь — это такая загадка!

Ф. Достоевский. Братья Карамазовы, часть I. Книга 2. Глава IV.

Говорить о религиозном мире поэта всегда опасно и даже двусмысленно. Поэзия — прямое наитие, поэт — естественный пророк, взыскуемый таинственной музой, божеством, а не Богом, Аполлоном, а не Христом. И потому, как правило, в отличие от святого, редко когда поэт бывает на уровне своих откровений. Тем не менее отношение поэта к абсолютному, его личностное восприятие Бога, сплетение его религиозных воззрений — не просто "частное дело" (Privatsache), оно неминуемо кладет печать на всю его судьбу и творчество.

Религиозное мировоззрение Марины Цветаевой определяется, как нам кажется, двумя социо-психологическими данными: ее левитским происхождением (в ней, по отцу, четвертушка священнической крови) и ее, быть может с этим происхождением и связанное, изначальное неверие, так до трагического конца и не изжитое.

* *
*

Цветаевский дед по отцу был сельским священником Владимирской губернии. Факт этот мало отмечен в биографических очерках. В. Рождественский обходит его лукаво, утверждая, что "отец... был

выходцем из трудовой среды".¹ Но и в пространном и добросовестном очерке В. Швейцера ничего об этом происхождении не сказано.² А вместе с тем оно не лишено значения. Известно, что левитская кровь обладала особенной силой, поскольку духовенство превратилось в России, начиная с XVI века, в закрытое наследственное сословие, в родовую касту служителей Бога. В нее войти было нельзя (дворяне, купцы шли в монахи), из нее можно было, после Петра, выйти, но выход этот часто был сопряжен с какой-то если не душевной катастрофой, то с отрывом и надрывом, усугубляющим кризис веры.³

В русской литературе нет сыновей священников, если не считать одного из ее основоположников, книжника-неудачника В. Тредьяковского⁴ и критиков-шестидесятников. Зато в ней прославились не только писательским, но и религиозным даром ряд священнических внуков: Достоевский, Лесков, Вл. Соловьев. Если присоединить "правнука" Гоголя-Яновского, то получится, что священническое сословие, обмирщаясь, обогатило русскую культуру тремя крупнейшими религиозными пророками. И хотя левитского в них каждом не более четвертушки, а у Гоголя всего лишь осьмушка, хочется воскликнуть вместе с Мариной Цветаевой "О, сила крови!"

На поэте и, вдобавок, женщине левитская кровь сказала в третьем поколении не столь ярко и, во всяком случае, далеко не столь положительно. Деда своего, о. Владимира, Цветаева не знала (он умер за восемь лет до ее рождения), упомянула о нем лишь раз в анкете 1931 г., да еще раз вспомнила о "простом" происхождении в стихах:

Обеим бабкам я вышла внучка
Чернорабочий — и белоручка

как видно, придавая ему лишь социальное значение.

¹ Стихи и поэмы. Малая Библиотека Поэта, Москва 1979, стр. 6.

² Своими путями, биографический очерк в "Стихотворения и поэмы" том I, Russica, New York 1979, стр. 7—38.

³ Закрытость сословия порождала его силу: крепость устоев, традиции, быта, но и слабость: недостаток личного призвания, перестой, маргинализация, нищета, откуда и пороки: стяжательство, пьянство. Духовенство во всех его измерениях, социологическом, психологическом и собственно духовном, еще почти не изучено.

⁴ Русская литература, у истоков своих, всесословна и географически соборна: Ломоносов из мужиков крайнего севера (Архангельск), Тредьяковский — попович южанин (Астрахань), Сумароков — петербурго-московский дворянин.

Марина Цветаева любила говорить, что главенствующее влияние — стихия музыки, романтизм — идет от матери. Свой мятеж она возводила к бабке по материнской линии, "белоручке-польке", с "надменными губами", "игравшей во дворце вальсы Шопена" и умершей в 28 лет:

— Бабушка! — Этот жестокий мятеж
В сердце моем! — не от вас ли?

Но мы имеем право утверждать, что цветаевский метафизический бунт (в чем-то напоминающий шестидесятников), та опустошенная духовность, смесь тяги к абсолютному с безверием, может восходить не в меньшей мере к отрыву от священнического корня, редко проходящему даром.

* *
*

В письме к В. В. Розанову, 22-летняя Цветаева, тогда уже (еще!) счастливая жена и мать, призналась со свойственной ей предельной искренностью в своем полном неверии:

"Слушайте, я хочу сказать Вам одну вещь, для Вас, наверное, ужасную: я совсем не верю в существование Бога и загробной жизни. Отсюда — безнадежность, ужас старости и смерти. Полная неспособность природы — молиться и покоряться. Безумная любовь к жизни, судорожная, лихорадочная жадность жить".⁵

Такое недвусмысленное признание в устах поэта поражает. Неверие, а уж тем более отрицание Бога, не свойственно поэтам вообще, во все времена, но особенно в начале XX века. Все поколение символистов (за исключением Брюсова) было заморожено потусторонностью; пришедшие им на смену более трезвые акмеисты весело утверждали благодать Творца и творения. Цветаева же выпадает из общего ряда.

Неверие, как и вера, имеет разные побуждения. "Ум ищет божества, а сердце не находит", — писал молодой Пушкин. Разлад у Цветаевой лежит в несколько иной плоскости и остался у нее на всю жизнь: между чувством, даже чувственностью, не осязающим духовный мир, и умом, который этот мир вынужден признавать. Как многие, (как почти все в какие-то моменты жизни), Цветаева споткнулась о молча-

ние загробного мира, с интенсивностью, свойственной поэтическому максимализму. Пережившая в детстве и отрочестве целую цепь ранних смертей (мать, сводные братья и сестра от первой жены отца), Цветаева взбунтовалась против смерти, которую вдруг ощутила не как дверь в вечность, а как уничтожение живого.

Однако в ранних гимназических стихах отношение к смерти у Цветаевой — религиозно-примиренное. Вспоминая рано умершего маленького Сережу, Цветаева восклицает:

Понял ты, что жизнь иль смех иль бред,
Ты ушел, сомнений не тревожа...
Ты ушел... Ты мудрый был, Сережа!
В мире грусть. У Бога грусти нет!

Сходным образом, воспевая героиню романа Чарской "Нина Джаваха", она утверждает:

Смерть — окончанье — лишь рассказа,
За гробом радость глубока.

Королевский отверженный отрок, Людовик XVII

Знал, под песнь родную засыпая,
Что в небесах проснется — королем.

И сама Цветаева, в благодарность за "детство лучше сказки", молит Господа дать ей "смерть в семнадцать лет".

Однако это отроческое согласие на смерть свою и чужую сменяется вдруг, около 1912 г., полным ее неприятием. Смерть воспринимается отныне не как завершение жизни (христианство), не как "разрешение всех цепей" (стойки), но как исчезновение:

.....
Слушайте! — Я не приемлю!
Это — западня!
Не меня опустят в эту землю,
Не меня.

Знаю! — Все сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.

⁵ Неизданные письма, ИМКА-Пресс 1972, стр. 23–24.

Впервые в этом безысходном противопоставлении жизни и смерти цветаевский стих, от отчаяния, становится криком, каким и останется до конца. Раньше "там" было овеяно Божиим присутствием, теперь "тот свет" отрицается, а заодно исчезает и вера в Бога. Бог и "тот свет" у Цветаевой взаимно определяются. Бог для нее не личность, не то абсолютное Ты, без которого трудно мыслится "я". Цветаева не видит мира в Боге, а резко противопоставляет реальное "здесь" неосяземому, а потому и призрачному "там". Пока жизнь за гробом казалась ее детскому восприятию не только реальной, но и радостной, Бог для нее существовал. С того момента, как перед ее испуганным взором смерть предстала как "ненасытимая прорва", как "бездна отверстая вдали", в ней потухло сознание Бога.

* *
*

В 1931 г., на середине жизненного пути, Цветаева записала: "Бог (тот свет) — наш опыт с этим. Все отшвыривает".⁶ В этой предельно сжатой записи выражена вся религиозная драма Цветаевой. Цветаева была слишком всеобъемлюща, чтобы не признавать умом существование Бога, слишком тонка, чтобы не признавать категорий греха, святости, совести, без Бога лишаящихся всякого смысла. Но о п ы т н о г о познания Бога она была лишена. Духовное познается только духовным, Цветаева же стремилась познать Бога путем чувств. Неудивительно, что на этом пути ее все "отшвыривало". Под самый конец жизни, перед возвратом в Россию, когда заколебались вокруг нее все устои, Цветаевой вдруг показалось, что она обрела доказательство "того света": "...если я вдруг, идя, полечу, не удивлюсь, а узнаю, что не может быть — раз все это есть — что нет того света: я сама уже тот свет, с его ч у в с т в а м и (разрядка моя. Н. С.). Не может быть, — раз все это есть — что нет того света".⁷ Логическое обоснование того света вырастает из психологического переживания: Цветаева не узнает непосредственно окружающую ее реальность: "...шла по чужой улице, когда это была моя, по которой хожу... семь с половиной месяцев каждый день по 3 раза и по которой знаю все, которую всю знаю наизусть". Чтобы уверить себя (но как хрупко звучит это самоуверение) в существовании того света, Цвета-

евой нужно было потерять чувство "достоверности" этого мира. Одновременно жить в двух плоскостях ей не удавалось: достоверность этого мира мешала ощущать достоверность того света, и обратно. Характерно, что в этой диалектической борьбе за веру в потустороннее не присутствует ни обращение к Богу, ни какое-либо движение сердца. Когда в "Братьях Карамазовых" мать Лизы Хохлаковой исповедует старцу Зосиме свое неверие в загробную жизнь, тот отвечает ей, что убедиться тут можно только опытом деятельной любви.⁸

"Любовь к Богу" — завидная доля",⁹ — пишет Цветаева В. Бунинной на присылку сочинений маленькой Терезы. Разуверившись в том свете, Цветаева всю свою ненасытимую жажду любви обратила на здешний мир. В приведенном выше письме к Розанову Цветаева так и выводила свою безумную любовь к жизни из неверия в загробный мир. Но, вероятно, цветаевское неистовое жизнелюбие одновременно причина и следствие ее неверия. Осязаемость посюстороннего не позволяла ей видеть потустороннее. И как бы возвратным движением неосязаемость "того света" разжигает ее опустошающую страсть к жизни. Свою затаенную религиозность, тягу к Абсолюту, неосуществленную духовность Цветаева перенесла на любовь к твари:

Оттого и плачу много
Оттого —
Что влюбила больше Бога
Милых ангелов его.

Но любовь "больше Бога", т. е. помимо Него, неминуемо оборачивается абсолютизацией твари, обоготворение земного — той или иной формой идолопоклонства. Отсюда бешеный и безнадежный ("плачу много") донжуанизм Цветаевой: на фоне общей верности мужу, ради которого Цветаева бросает Россию, а затем, "как собака",¹⁰ себе на погибель и это зная, возвращается в СССР, — одно за другим, бесконечной вереницей, мелькают в ее жизни и творчестве влюбления в мужчин или женщин, их кратковременное обожание, почти что обоготворение.

⁶ История одного посвящения, Избранная проза в двух томах, Russica, New York 1979, т. I, стр. 346.

⁷ Неизданные письма, цит. соч., стр. 628.

⁸ Часть I. Книга вторая. Глава 4: Маловерная дама.

⁹ Неизданные письма, цит. соч., стр. 467.

¹⁰ "Если Бог сделает это чудо — оставит Вас в живых, я буду следовать за Вами, как собака", — писала Цветаева в статье "Октябрь в вагоне". А в 1938 г. на полях этой статьи приписала: "Вот и поеду, как собака". См. Цветаева. Лебединый стан. Edited and translated by Robin Kemball, Ardis 1980, p. 156.

БОГ В ПОЭЗИИ ЦВЕТАЕВОЙ

Но любовь только к тварному всегда преходящая. Цветаева не избежала этого закона. Вспоминая свои стихи 16-го года о любви к "ангелам", т. е., в данном случае, к отдельным людям, Цветаева в письме к Бунинной с грустью прибавляет:

"А сейчас — и ангелов разлюбила..."¹¹ Постепенное охлаждение страсти к жизни приоткрыло дверь к богомыслию. В статьях об искусстве начала 30-х годов Цветаева решительно отмежевывается от атеистов. Она понимает, что им "ничего не остается кроме земли и ее устройства". А "земное устройство не главное духовного" и "земля не все, а если бы даже все (опять характерное признание!; Н. С.) — устройство людского общежития еще не вся земля".¹²

Но отмежевываясь от атеистов, Цветаева не дерзает "назвать себя верующей",¹³ в церкви чувствует себя чужой, к христианству относится сдержанно. Распространяя на других свое собственное мироощущение, Цветаева утверждает, что "поэт — никогда не атеист, всегда — многобожец". И дальше: "В лучшем случае наш христианский Бог входит в сонм его богов".¹⁴ Но многобожие не есть ли то же язычество, то же обоготворение твари? Так, до самого конца и в самой кончине своей, Цветаева не преодолела своего изначального неверия. Жизнелюбие разбилось о страшную действительность. Потеряв достоверность этого мира, Цветаева не приобрела достоверность того света (разве что урывками).¹⁵ Ее самовольный уход из жизни коренится в этом трагическом *метаξύ*, в этом пребывании "между", в мучительно-неразрешенном раздвоении.¹⁶

¹¹ Незданные письма, цит. соч., стр. 468.

¹² Поэт и время, "Избранная проза в двух томах", стр. 380.

¹³ Отрывки из книги Земные приметы, "Избранная проза в двух томах" т. I, стр. 109.

¹⁴ Искусство при свете совести, там же, стр. 396. Этот замечательный очерк требует внимательного и детального разбора.

¹⁵ "Некоей утерей своей земной достоверности плачусь за утверждение свое в мирах тех". Из дневника, там же, стр. 73.

¹⁶ Примечательно: трое русских поэтов-самоубийц в XX веке (в XIX не было!): потерявший веру Есенин, безбожный Маяковский, безверная Цветаева.

К теме "Бог в поэзии Цветаевой" следует приступать с оговорками. Кроме известного цикла, состоящего из трех стихотворений, помещенного в книгу "После России" под названием "Бог", у Цветаевой нет стихотворений о Боге в прямом смысле слова.

Есть разбросанные во многих стихах завуалированные признания, раскрывающие религиозность поэта и ее отношение к божеству. К тому же, как известно, через многочисленные маски и автопортреты, поэт облекается в одежду то богомолки, пускающейся в путь по калужской дороге, то набожной русской женщины, то черно-книжницы, и говорит на языке, насыщенном религиозными образами, датирует стихи названиями церковных праздников, выдавая, хотя бы внешне, свой религиозный подход к жизни в период особых испытаний.

С другой стороны, следует помнить об образе Цветаевой-бунтарки: в общеизвестном фрондерстве Цветаевой немалое место занимает свойственное ей богоборчество или желание низвергнуть установленный авторитет.

Во всех стихах, начиная с самых ранних, ощущение смерти или столкновение с этой реальностью, через многочисленные смерти близких, заставляет поэта задать себе вопрос о загробной жизни, в которую, как она пишет В. В. Розанову, она не верит. ("Неизданные письма", Париж, 1972, стр. 23–24). Таким образом маске богомолки противостоит образ поэта-бунтаря, который плохо совмещается с представлениями о религиозности и Православии. Вот это противоречие я и попытаюсь теперь разрешить.

Стремление Цветаевой к возвышенному миру не подлежит сомнению. Во многих своих стихах, юношеских и зрелых, Цветаева рвется прочь из мира бытовых и ограниченных переживаний в сферу беспредельного и вечного. Конечно, таково призвание любого поэта. И у Цветаевой встреча с любимым часто происходит на другом, неземном плане, или после смерти любимого. Например, в цикле "Стихи к Блоку" встреча, перешагнувшая через смерть Блока, выливается в молитву, к нему обращенную. В представлении Цветаевой умерший Блок перевоплощается в Рыцаря без укоризны, в Солнце, в Ангела;

а в третьем стихотворении цикла автор пользуется самым верным своим орудием, церковно-славянским языком молитвы своего детства, культуры и среды, чтобы припасть к облику распятого, бесстрастного поэта, со святым именем Блока, и говорит:

Свете тихий — святые славы —
Вседержитель моей души.

(“Избранные произведения”. Москва-Ленинград, 1965, стр. 95).

В этом цикле Цветаевой пройдена первая ступень к боготворению человека: мы уже находимся на грани кощунства. Как видно из многих других стихов периода “Верст”, религиозность в ранней молодости Цветаевой целиком языковая и бытовая.

В другом стихотворении типа эпитафии или надгробного слова поэтом осознается возможность общения помимо смерти. В “Новогоднем” Цветаева непосредственно обращается к умершему поэту Рильке с целым рядом псевдо-бытовых вопросов. Но, как это показывает И. Бродский во вступительной статье к сборнику Цветаевой (“Стихотворения и Поэмы”. Руссика, 1980), не встреча, а отстранение является основной темой “Письма”. Значит, “Письмо к Рильке” и есть “письмо в пустоту” ее “Юношеских стихов”? Тогда, очевидно, и тема “Бог в поэзии Цветаевой” исчерпана: если Цветаева не верит в бессмертие души и в потустороннюю жизнь, то значит и в Бога она не верит. Тем не менее создание поэмы является вернейшим способом спасти умершего поэта от забвения, то есть схватить, удержать, зафиксировать убегающее Время, а также и себя воплотить в стихе, так как это произведение, как и всякое, о себе, о своем творчестве, об отчаянной попытке через стихи избавиться от неизбежной смерти.

Стихи как вернейший путь к бессмертию — тема не новая, это тема всякого лирического поэта, да и человека вообще; творчество в любой форме — первая ступень на пути к бессмертию, на пути в бесконечность.

Мы знаем, что в “Юношеских стихах” Цветаевой стихи, льющиеся “как брызги из фонтана”, спасают ее от убегающего времени, тем не менее уже и там им, “ворвавшимся как маленькие черти”, Цветаева придает некую богоборческую роль, ибо ворвались они “в святилище, где сон и фимиам”.

Таким образом на творческом пути поэта нарастает тема соперничества с Богом-Творцом.

Если в православном представлении Бог есть понятие Высшего Существа, а потусторонний мир — мир подлинного общения, мир

любви, совершенства и полного счастья, то именно в этот мир Цветаева и пытается проникнуть. И, наряду с этим стремлением, тема соперничества с Богом в любви четко выражена во многих стихах на более поздних этапах творчества.

Любовь, самая сильная и самая победоносная, всегда находит Бога на своем пути, но Бог этот, в представлении Цветаевой, не милостивый Бог, а Бог грозный, и Цветаева вступает с ним в борьбу:

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
.....

И в последнем споре возьму тебя — замолчи, —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

(“Избранные произведения”, стр. 108).

Может быть в том возрасте, в котором Цветаева писала эти стихи, ей была знакома лишь грешная или мимолетная любовь, о которой она еще говорит:

Чтоб дойти до уст и ложа —
Мимо страшной церкви Божьей
Мне идти.

(Там же, стр. 107).

Хотя именно по поводу этого стихотворения 1916 года в советском издании приводится цитата из письма 1934 года, то есть уже зрелого поэта:

“Всю жизнь не связана с церковью, я не, внецерковна, т. е. чувствую себя хорошо возле, в ограде, в притворе, кругом да около, мимо, — и скверно, неуместно — в, в особенности во время службы ... отчуждение, несвойственность...”

(Там же, стр. 737).

Тем не менее, это “стояние около...” очень тесно соприкасается с нашей темой. Целые пласты лексики и образов Цветаевой почерпнуты из Библии: Бог как творческое начало — вот понятие, которое близко Цветаевой, в этом понятии и Бог, и Цветаева творят вместе, на равных началах.

При этом основная разница между Богом и Цветаевой заключается в том, что Бог в творчестве свободен, Цветаева нет. Давно ли она жила “припеваючи” в буквальном смысле слова? На подступе к двадцатым годам стихописание у нее превращается в “ремесло” (там же, стр. 194), в долг, сделавший из “рабыни” “госпожу” (там же, стр. 131), появляется сознание возмездия за искание вечного

во времени, "рифм" в устах, "зорь, а не глаз" (там же, стр. 161), понятие Суда настоящего, на котором Цветаева хочет предстать "белой" и "чистой" (там же, стр. 159); словотворчество поэта уже не сплошная радость, "прыганье по канату" и "верблюжий горб" (там же, стр. 123–124), и никакая муза ничего не подсказывает, кроме "ох и эх" (там же, стр. 268); наконец, в "Разговоре с гением" выясняется даже, что

Так и в гробу?
И под доской.

(Там же, стр. 277).

И еще

Мне ж — призвание как плеть —
Меж стенания надгробного
Долг повелевает — петь.

(Там же, стр. 309).

Таким образом, Красный Конь, Муза, Долг, Стихи, Поэзия, стансы, дактили, весь арсенал поэтических инструментов поэта-ремесленника служит ему средством очищения от мира земного, временного и бытового

Ибо раз г о л о с тебе, поэт,
Дан, остальное — взято.

(Там же, стр. 310).

В известном цикле "Поэты", состоящем, также как и цикл "Бог", из трех стихотворений, создается образ поэта, в природе которого изгнанное "убожество" заменяется "божеством", т. е. сочетаются земная отрешенность и небесное богатство. Тут и напрашивается невыраженная, но явная параллель. Недаром тема поэзии и поэтического призвания так тесно связана с чувством долга.

Основные черты поэта, высшего существа, позволяют его сближение с божеством, если идти по пути так называемого "положительного" или "катафатического" богословия.

Согласно определению этого метода богословского мышления, изложенному в "Догматическом Богословии" В. Н. Лосского, Бог "...мудрость, любовь, благость. Но Его природа остается в глубинах Своих непознаваемой, и именно поэтому Он себя открывает (...) И Его премудрость не есть внутренняя необходимость Его природы.

Имена самые высокие, даже имя "любовь", выражают Божественную сущность, но ее не исчерпывают". (В. Н. Лосский, Догматическое Богословие, Богословские Труды, № 8, стр. 134. Москва, 1972).

О поэтах, которым посвящен цветаевский цикл, она говорит именно так, как говорится о Боге в "положительном" или "катафатическом" богословии: поэт приравнивается к неуловимо быстрому, ускользающему от разума и стоящему выше пространственных, временных или причинных категорий мышления:

Поэт — издалека заводит речь.
Поэта — далеко заводит речь.

Планетами, приметам, окольных
Притч рытвинами... Между да и нет
Он даже размахнувшись с колокольни
Крюк выморочит... Ибо путь комет —

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности — вот связь его! Кверх лбом —
Отчаесть! Поэтовы затменья
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто спрашивает с парты,
Кто Канта на-голову бьет,

Кто в каменном гробу Бастилий
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы — всегда простыли,
Тот псезд, на который все
Опаздывают...

— ибо путь комет

Поэтов путь: жжа, а не согревая,
Рвя, а не возвращая — взрыв и взлом —
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

("После России". Париж, 1928, стр. 78).

С другой стороны, в цикле "Бог" Цветаева идет по другому пути, а именно по пути "отрицательного" или "апофатического" мышления,

которое В. Н. Лосский определяет следующим образом: "Путь негативный, апофатический стремится познать Бога не в том, что Он есть (т. е. не в соответствии с нашим тварным опытом), а в том, что Он не есть. Путь этот состоит из последовательных отрицаний (. . .) Апофатизм состоит в отрицании всего того, что Бог *не есть*: сначала устраняется все тварное, даже космическая слава звездных небес, даже умопостигаемый свет небес ангельских. Затем исключаются самые возвышенные атрибуты — благодать, любовь, мудрость. Наконец, исключается даже и само бытие. Бог не есть что-либо из этого; в самой природе Своей Он непознаваем. Он — "не-есть". Но (в этом весь парадокс христианства) Он — тот Бог, Которому я говорю "Ты", Который зовет меня, Который открывает Себя, Личного, Живого". (Там же, стр. 134). С этой точки зрения, цикл Цветаевой "Бог" ("После России", стр. 45–47) именно построен на таком представлении. В первом стихотворении описывается личная, евангельская связь Бога — утешителя и искупителя — с человеком:

Лицо без обличия.
Строгость. — Прелесть.
Все ризы делившие
В тебе спелись.

Листою опавшею,
Щебнем рыхлым.
Все криком кричавшие
В тебе стихли.

Победа над ржавчиной —
Кровью — сталью.
Все навзничь лежавшие
В тебе встали.

Во втором стихотворении цикла дается тайна, не познаваемая человеческим разумом или чувствами, т. е. невозможность замкнуть Бога в человеческие категории:

Нищих и горлиц
Сирий распев.
То не твои ли
Ризы простерлись
В беге дерев?
Рош, перелесков.

Книги и храмы
Людам отдав — взвился.
Тайной охраной
Хвойные мчат леса:

— Скроем! — Не выдадим!

Следом гусиным
Землю на сон крестил.
Даже осиною
Мчал — и ее простил:
Даже за сына!

Нищие пели:
— Темен, ох темен лес!
Нищие пели:
— Сброшен последний крест!
Бог из церквей воскрес!

Наконец, в третьем стихотворении, через конкретные и даже бытовые образы, поэтом приводятся ступени отрицания (пространство, символы, время, чувства, быт, церковь, поэтический дар и легкость), по которым, путем апофатического мышления, человек идет к познанию Бога:

О, его не привяжете
К вашим знакам и тяжестим!
Он в малейшую скважину,
Как стройнейший гимнаст...

Разводными мостами и
Перелетными стаями,
Телеграфными сваями
Бог — уходит от нас.

О, его не приучите
К пребыванию и к участи!
В чувств оседлой распутице
Он седой ледоход.

О, его не догоните!
В домовитом поддоннике

Бог — ручною бегонией
На окне не цветет!

Все под кровлею сводчатой
Ждали зова и зодчего.
И поэты и летчики —
Все отчаивались.

Ибо бег он — и движется.
Ибо звездная книжица
Вся от Аз и до Ижицы —
След плаща его лишь!

Таким образом в цикле с точным и недвусмысленным названием (а их у Цветаевой в прижизненных изданиях не так много) поэт в четкой форме выражает убеждения и чувства, которые не только не противоречат православному догмату, а наоборот соответствуют путям традиционного богословия.

Однако если цикл "Бог" приемлем для православного мышления, это не позволяет нам игнорировать богоборческие черты цветаевского творчества. Напомним, например, страшную игру ее сознания и языка в рассказе "Черт", "Бог-Черт" — страшное кошунство, в котором она сознается на исповеди у незнакомого католического священника. В недавно опубликованном конце этого рассказа, Цветаева приводит ответ священника: "Soyez le sculpteur de votre âme, petite slave!" ("Русский Альманах", Париж, 1981, стр. 28) и свое заключение о Черте: "Мышатай! Ты не сделал мне зла. Если ты, по Писанию, и "отец лжи", то меня ты научил — правде сущности и прямоте спины". (Там же, стр. 26). И дальше: "Если искать тебя, то только по одиночным камерам Бунта и чердакам Лирической Поэзии". (Там же, стр. 29). Как мне кажется, в образе Черта — любимого Богом, но павшего ангела, — для Цветаевой начала Божьей любви и одиночества павшего сильнее, чем начало Зла.

В жизни своей, также как и в стихах и в прозе, Цветаева восстает против лжи, косности, не-жизни, иными словами, против понятий, заслоняющих подлинный образ Бога-Творца. В творчестве связь религиозного подхода с поисками подлинности так тесна, что образы переходят из одной темы в другую: Бог — бег, стих тоже — бег, Бог, также как и стих, скрывается в жимолости, в пухе, в следах простывших и т. д. Примером этой связи можно еще привести цикл, посвященный рабочему столу поэта, в котором все образы религиозны

и показывают всю антиномичность позиции Цветаевой между Богом и творчеством: "пригвоздить" (стихотворение 1) "паперть", "престол" (3), "лоб" как "свод" (4), "живой ствол", "Столяр" (4), "Создатель" (2); Цветаева вновь и вновь проводит параллель между верностью искусству и долгом, наложенным Богом на поэта.

Наконец, если подойти к теме с иной стороны, то нравственность, т. е. христианская мораль, присутствует в творчестве Цветаевой. Мы знаем, что с ранних лет она заняла позицию ненависти к победителям и стояния на стороне слабых и побежденных. Не является ли эта позиция неким отражением в творчестве поэта того, что можно назвать "обратной" или "противоположной" земным законам нравственностью, выражением в стихах своеобразного услышания Нагорной проповеди Христа, в которой говорится, что первые окажутся последними, богатым трудно будет войти в Царство небесное, а слабые окажутся сильными?

Среди слабых и презираемых людей мира сего Цветаева избирает одну категорию, которую, ей кажется, особенно важно защитить. Напомним здесь один факт, который в наше время упорно замалчивается советской критикой, а именно, что С. Я. Эфрон был евреем. Кроме того, вспоминая свою мать в "Доме у Старого Пимена", Марина Цветаева рассказывает, как активно боролась Мария Александровна против антисемитизма и как окружала себя друзьями евреями ("Неизданные письма", стр. 567. Эту страницу как раз в советском издании прозы сочли нужным пропустить. — т. 2, стр. 55). В "Поэме Конца", описывая собственное изгояство в нелюбви, Цветаева сравнивает себя к жертвам погромов и говорит:

Гетто избраннычеств! Вал и ров.
По-щады не жди!
В сем христианнейшем из миров
Поэты — жида!

("Избранные Произведения", стр. 471).

А раньше, в счастливом 16 году, написала стихотворение "Евреям", в котором указывает на грозящую всем христианам и церковникам опасность заново распять Христа:

Кто не топтал тебя — и кто не плавил,
О купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос.

Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! — Пророки! — Торгаши!

В любом из вас — хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке —
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.

По всей земле — от края и до края —
Распятие и снятие с креста.
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!

(“Стихотворения и Поэмы”, стр. 259).

В заключение следует обратить внимание на тонкую и, конечно, неслучайную композицию стихотворных циклов “Поэты” и “Бог”, — в форме триптиха, а также напомнить о трех добродетелях Апостола Павла, о Вере, Надежде и Любви. Нельзя ли предположить, в виде одного из объяснений жажды любви, проходящей через все творчество Цветаевой, что так ею выражаются поиски невозможной любви на земле, той любви, на которую один Бог способен?

Как видно из всего, что было сказано, верой в подлинного Бога, помимо церковных и человеческих преград и ограничений, проникнуто большинство цветаевских стихов. Религиозные ее концепции не только не противоречивы и алогичны, а наоборот образуют в целом стройную картину того, что можно считать стремлением к подлинной, а не косной и застывшей религиозности.

Тем не менее, это не позволяет облекать ее в ризы православного поэта.

А если надежды у нее не хватило на страшном пути в Елабугу, то любовью, т. е. высшей добродетелью, наполнены вся чаша сердца ее и весь словесный клад ее стихов.

Марина ЦВЕТАЕВА

А Л Я
(Записи о моей первой дочери)

Текст Марины Цветаевой, озаглавленный “Аля. Записи о моей первой дочери”, печатается здесь впервые, по копии, предоставленной мне дочерью поэта, Ариадной Сергеевной Эфрон.

Когда я с ней познакомилась в Москве, это была грузная и строгая шестидесятилетняя женщина, но от ее давней красоты тогда оставались “огромные светло-голубые глаза”, о которых пишет Марина Цветаева. А помимо строгости, от которой многие робели, в ней были безграничная доброта и внимание к тем, кого она считала друзьями, в чем я и убедилась на собственном опыте.

Теперь многое стало известно о взаимоотношениях Цветаевой с дочерью, а также о трагической судьбе, постигшей обеих. Современники еще помнят о страстной привязанности Марины Цветаевой к “Але”, с очень раннего возраста ставшей ее спутником и другом во время одинокой жизни в Москве, до эмиграции. Очевидно, в отношениях между ними произошел некий перелом в тот год, когда Аля поехала учиться в пансион, а сама Марина Цветаева пережила тяжелую личную драму. Вслед за этой первой разлукой — рождение Георгия, которого Марина Цветаева тоже страстно полюбила, несомненно принесло двенадцатилетней Але немало страданий, хотя мне она ни о “переломе” в отношениях, ни о возможной ревности к новорожденному брату никогда не говорила. Все же можно с уверенностью сказать, что в последующие годы Ариадне Сергеевне отец был ближе, чем мать.

Мы знаем, что после нескольких периодов разлуки с мужем и с дочерью, Марина Цветаева приехала обратно в Москву и прожила вместе со своей семьей, в полном составе, часть лета 39-го года. Затем развернулись известные события: арест Ариадны Сергеевны, а затем и ее отца, Сергея Яковлевича, война, эвакуация Марины Цветаевой с Муром в Елабугу и самоубийство поэта. Ариадна Сергеевна рассказывала, как она в лагере получала письма от матери, когда той давно уже не стало.

Вернувшись в Москву после смерти Сталина, Ариадна Сергеевна взяла на себя труд собрать и издать возможно большую часть цветаевского архива. Но не только после смерти поэта служила она русской поэзии: во время совместной жизни с матерью Ариадна Сергеевна отстраняла от нее все бытовые обязанности в полную меру своих сил и вообще постоянно жертвовала собой и своими собственными способностями ради творчества поэта. Достаточно

прочитать нижеследующие "Записи", чтобы представить себе, насколько сильно могло быть влияние Марины на дочку, а об ответном чувстве "любви-ненависти" со стороны Али к матери можно только догадываться, т. к. сама она об этом умалчивала.

Как видно из стихов, посвященных Але, Марина Цветаева не мыслит о ней иначе как о будущем поэте, т. е. об исключительной личности, впоследствии может быть ей равной, или даже ее заступающей. Но это убеждение поэта дано в творческом претворении. А в реальной жизни Ариадна Сергеевна конечно тоже хотела сама жить, любить и творить, и не обязательно так, как этого желала для нее и за нее мать. Позднее же одиночество и судьба Марины Цветаевой оказались настолько страшными, что у Ариадны Сергеевны оставался один выход, один долг: отыскать и уберечь возможно большее количество текстов Цветаевой, разбросанных по всему миру, опровергнуть разные слухи или версии биографии матери, которые по разным причинам могли ей казаться неправильными или неприемлемыми, и вообще работать для создания "памятника Цветаевой".

Несомненно, сам факт сохранения архива Цветаевой представляет огромный вклад в русскую культуру XX века. Но "Страницы воспоминаний" и "Страницы былого" Ариадны Сергеевны Эфрон тоже являются частью этого наследия, и каким бы односторонним ни казалось ее свидетельство, как бы его ни критиковать, тем не менее это свидетельство в наше время уже само по себе представляет интерес первоисточника. И будущие публикации могут только восполнить и обогатить его.

В "Записях" Цветаева описывает особого ребенка, все качества которого сводятся к одному: девочка эта не может быть обыкновенной, поскольку она — дочь ее. Естественная гордость молодой матери своим первым ребенком уступает место восхищению перед неким чудом природы. Цветаева уверена, что эта чудо-девочка так же исключительна, как и она сама.

Пронести через всю трудную жизнь такой образ самой себя Але, конечно, было невозможно; невозможно было и сохранить отношения на такой высоте, хотя ни от одной личной жертвы Ариадна Сергеевна не отказалась.

"Записи о моей первой дочери" относятся к раннему творчеству Цветаевой в прозе. Стилистические особенности этого произведения определены самим заглавием и сохраняют отрывочность данного "жанра": Цветаева дает точные и подчас сбивчивые даты и умышленно придает своим "Записям" форму интимного дневника, так же, как она это делает, например, в очерках "Вольный проезд" или "Октябрь в вагоне". Текст разворачивается как "сырая проза" или "дневниковые материалы", и сочетание "сырого" с "отработанным" придает этой прозе характерную окраску живой, только что родившейся и в самый момент чтения выраженной мысли. Через такую прозу устанавлива-

ется тесная связь с читателем, т. е. создается образ живого автора, выражающего свою мысль именно в данный момент, и именно для данного собеседника. Это те отличительные черты цветаевской прозы, которые останутся и в последующие годы и которые сильно притягивают читателя или, наоборот, отталкивают его, но во всяком случае не позволяют ему оставаться равнодушным.

А современники, знавшие "Алю", поймут, что в этих "Записях" Марина Цветаева заранее и, вероятно, сама того не создавая, приносит дочери своей благодарение за всю ее трудовую жизнь и отдает ей должную дань.

Вероника Лосская
Париж, осень 1981

Аля, несмотря на гаданье друзей
Будущее непроглядно!
— В платье твое вероломный Тезей,
Маленькая Ариадна.

МЦ

Коктебель, 5-го мая 1913 г., воскресенье
(день нашей встречи с Сережей — Коктебель, 5-го мая 1911 года!)
Ревность. — С этого чуждого и прекрасного слова я начинаю эту тетрадь.

Сейчас Лиля — или Аля — или я сама — довела себя почти до слез. — Аля! Тебе один год, мне — двадцать один. Ты все время повторяешь: "Лилия, Лилия, Лилия", даже сейчас, когда пишу.

Я этим оскорблена в своей гордости, я забываю, что ты еще не знаешь и еще долго не будешь знать, — кто я. Я молчу, я даже не смотрю на тебя и чувствую, что в первый раз — ревную.

Это — смесь гордости, оскорбленного самолюбия, горечи, многого безразличия и глубочайшего возмущения.

Чтобы понять всю необычайность для меня этого чувства, нужно было бы знать меня — лично — до 30-го сентября 1913 г.

Ялта, 30-го сентября 1913 г., понедельник.

Аля — Ариадна Эфрон — родилась 5-го сентября 1912 г. в половине шестого утра, под звон колоколов.

Девочка! — Царица бала!
Или схимница, — Бог весть!
— Сколько времени? — Светало.
Кто-то мне ответил: — Шесть.
Чтобы тихая в печали,
Чтобы нежная росла, —
Девочку мою встречали
Ранние колокола.

А назвала ее Ариадной, вопреки Сереже, который любит русские имена, тот который любит имена простые, (— Ну, Катя, ну Маша, — э т о я понимаю! А зачем Ариадна?), друзьям, которые находят, что это салонно.

Семи лет от роду я написала драму, где героиню звали Антрилей. — От Антрилии до Ариадны.

Назвала от романтизма и высокомерия, которые руководят всей моей жизнью.

— Ариадна. — Ведь это ответственно! —

— Именно потому.

Алиной главной и последней кормилицей (у нее их было пять) — была Груша, 20-летняя крестьянка рязанской губ., замужняя, разошедшаяся с мужем.

Круглое лицо, ослепительно сияющие зеленые деревенские глаза, прямой нос, сверкающая улыбка, золотистые две косы, — веселье, задор, лукавство, — Ева.

И безумная, бессмысленная, безудержная — первородная! — ложь. Обокрав весной весь дом и оставленная мной в кормилицах, она приехала в Коктебель — было очень холодно, безумные ветра, начало весны — она писала домой родителям:

"Дорогие мои родители! И куда меня завезли! Кормлю ребенка, а сама нож держу. Здесь все с ножами. На берегу моря сидят разные народы: турки, татары, магры (очевидно смесь негра и мавра!).

— Барыня, какие народы еще бывают?

— Французы, Груша!

..."турки, татары, магры и французы и пьют кофий. А сами нож держат. Виноград поспел, — сладкий. Вчера я была в старом Иерусалиме, поклонялась гробу Господню"...

— Груша, зачем Вы все это пишете?

— А чтобы жалели, барыня, и завидовали!

В Коктебеле ее все любили. Она работала, как вол, веселилась, как целый табун. Знала все старинные песни, — свадебные, хороводные, заукойные. Чудно танцевала русскую. По вечерам она — без стыда и совести — врывалась на длинную террасу, где все сидели за чаем — человек тридцать — и всплескивая руками, притоптывая ногами, визжа, причитая, кланяясь в пояс "величала" — кого ей вздумается.

— Максимильяна — свет — Александровича и невесту его — которую не знаю...

И еще:

Розан мой алый,
Виноград зеленый!

Алю она страшно любила и так как была и одна и ревнива писала домой: "А девочка барыню совсем не признает, отворачивается, меня зовет "мама". — Явная ложь, ибо Аля меня знала и любила.

Аля в то время была вундеркиндом по уму, красоте глаз и весу. Все восхищались и завидовали. Один господин, увидав нас вместе: прекрасного Сережу, молодую меня, похожую на мальчика, красавицу Груню и красавицу Алю, воскликнул:

— Целый цветник! —

Мне, когда родилась Аля, не было 20-ти, Сереже — 19-ти.

С Алей вместе подрастал котенок — серый, дымчатый — Кусака. Рос он у меня за матроской и в Алиной кровати. Груша отцеживала ему своего молока и вырос он почти человеком. Это была моя великая кошачья любовь. Его шкурка д. с. п. висит у меня на стене — ковриком. Макс Волошин о Груше и Але сказал мне однажды так:

— У нее пьяное молоко и Аля навсегда будет пьяной.

Груша ушла от меня, когда Але был год. Ее выслали из Ялты полиция — ждали Царя и очищали Ялту от подозрительных личностей, а у Груши оказался подчищенный паспорт. Она вместо фамилии мужа, которого ненавидела, поставила свою, девичью.

Приехав в Москву, она заходила ко всем моим коктебельским знакомым, выпрашивала — от моего имени — деньги.

Потом я потеряла ее след.

(Написано мая 1918 г. Москва)

Выписка из дневника.

Москва, 4-го декабря 1912 г. вторник.

Завтра Але 3 месяца. У нее огромные светло-голубые глаза,

темно-русые ресницы и светлые брови, маленький нос, — большое расстояние между ртом и носом, — рот опущенный книзу, очень вырезанный, четырехугольный, крутой нависающий лоб, большие, слегка оттопыренные уши, длинная шея (у таких маленьких это — редкость), очень большие руки с длинными пальцами, длинные и узкие ноги. Вся она длинная и скорее худенькая.

Живая, подвижная, ненавидит лежать, все время сама приподнимается, замечает присутствие человека, спит мало.

Родилась она 9-ти без четверти — фунта. 12-ти недель она весила 13 1/2 ф.

Москва, 11-го декабря 1912 г. вторник.

Вчера Л. Ц. впервые видевший Алю воскликнул:

— Господи, да какие у нее огромные глаза! Я никогда не видел таких у маленьких детей!

— Ура, Аля! Значит глаза — Сережины.

Москва, 12-го дек. 1912 г. среда.

Пра сегодня в первый раз видела Ариадну.

— Верно огромные у нее будут глаза?

— Конечно, огромные! —

Говорю заранее: у нее будут серые глаза и черные волосы.*

Москва, 19-го декабря.

У Али за последнее время очень выросли волосы. На голове уже целая мягкая шерстка.

Завтра у нас крестины.

Крестной матерью Али была Елена Оттобальдовна Волощина — Пра.

Крестным отцом — мой отец, Ив. Вл. Цветаев.

Пра по случаю крестин оделась по-женски, т. е. заменила шаровары — юбкой. Но шитый золотом белый кафтан остался, осталась

* Это было скорее желание, чем предсказание. Але сейчас 5 л. 8 м. — у нее золотистые волосы и те же — огромные — светло-голубые глаза.

и великолепная, напоминающая Гете, орлиная голова. Мой отец был явно смущен. Пра — как всегда — сияла решимостью, я — как всегда — безумно боялась предстоящего торжества и благословляла небо за то, что матери на крестинах не присутствуют. Священник говорил потом Вере: "Мать по лестницам бегаёт, волоса короткие, — как мальчик, а крестная мать и вовсе мужчина"...

Я забыла сказать, что Аля первый год своей жизни провела на Б. Полянке, в М. Екатерининском пер., в собственном доме, — купеческом, с мезонином, залой с аркой, садиком мохнатым, — лохматым двором и таким же мохнатым, лохматым дворовым псом, похожим на льва — Османом. Дом мы купили за 18 1/2 тысяч, Османа — в придачу — за 3 р.

Эта пометка относится к маю 1918 г.

Феодосия, 12-го ноября 1913 г. вторник.

Але исполнилось 1 г. 2 мес.

Ее слова: ко — кот (раньше — ки), Тятя Вава — Ваня, куда — куда, где Лоля, мама, папа, няня, па — упала, ка — каша, кука — кукла, нам, на — на, Аля, мням — ням, ми-и — милый.

Всего пока 16 сознательных слов. Изредка говорит еще "ува" — Лева.

У нее сейчас 11 зубов.

Она ходит одна. Побаивается, прижимает к груди обе руки. Ходит быстро, но не твердо.

В Сережиной комнате есть арка с выступами, на одном из которых сидит большой — синий с желтым — лев.

Аля проходит, держа в руке другого льва из целлулоида.

— Аля, положи леву к леве! —

Она кладет маленького между лап большого и на обратном пути вновь берет его.

— Аля, дай леву папе!

Она подходит к С. и протягивает ему льва.

— Папа! Папа! На!

— Аля! куку!

— Кук!

— Кто это сделал? Аля?

— Аля.

— Аля, дай ручку!

Дает, лукаво спрятав ее сначала за спину. Это у нее старая привычка, — еще с Коктебеля.

Она прекрасно узнает голоса и очаровательно произносит: мама, — то ласково, то требовательно до оглушительности. При слове "нельзя" свирепеет мгновенно, испуская злобный, довольно отвратительный звук, — нечто среднее между Э и А — вроде французского "un".

Уже произносит букву "р", — не в словах, а в отдельности звуком.

Еще одна милая недавняя привычка.

С. все гладит меня по голове, повторяя:

— Мама, это мама! Милая, милая, мама, милая! Аля, поглади!

И вот недавно Аля сама начала гладить меня по волосам, приговаривая: Ми! Ми! т. е. "милая, милая".

Теперь она так гладит всех — и С., и Волчка, и Кусаку, и няню — всех, кроме Аси, которую она злобно бьет по шляпе.

Меня она любит больше всех. Стоит мне только показаться, как она протягивает мне из кровати обе лапы с криком: "на!" От меня идет только к Сереже, к няне — с злобным криком.

Купаться ненавидит, при виде ванны уже начинает плакать.

Упряма, но как-то осмысленно, — и совсем не капризна.

Кота она обожает: хватается за что попало, при виде или голоса его кричит "ко", поднимает его за загривок на воздух, старается наступить. Все животные для нее — "ко".

Сейчас она сидит у меня на коленях и дает бумажку со спичечной коробки: — на!

Вчера вечером, когда я заходила к Редлиным за чаем для Сережи и Аси, старик Редлин сказал мне: — Хотите я Вам скажу новость? — Какую? — Ваша дочка танцует. Ее сегодня к нам приносила на минутку Аннета и — представьте себе: она танцевала! Это было так трогательно!

(Сейчас она изо всех сил кричит за дверью: — Мама! Мама! Мама!)

С виду ей можно дать полтора года и больше. У нее бледное личико с не совсем еще сошедшим загаром. Глаза огромные светлоголубые. Брови темнеют. "У нее будут соболиные брови", сказала Пра, когда увидела ее после двух месяцев разлуки.

Волосы — по выражению Аси — пегие. На затылке русые, спереди льняные, седые, зеленоватые, — как у деревенских детей. Твердые и густые. Недавно я катала ее колясочку при луне.

О ее глазах: когда мы жили в Ялте, наша соседка по комнате, шансонетная певица, все вздыхала, глядя на Алю: — Сколько народу погибнет из-за этих глаз! —

И здесь в Феодосии, художник-анархист Prévost, француз, родившийся в Алжире, сказал мне, только что познакомившись: — "Вчера я видел Вашу дочь. Какой прелестный ребенок! И какие у нее глаза! Сколько я ни смотрел, я никак не мог охватить их взглядом!"...

Феодосия, 19 ноября 1913 г. понедельник.

Третьего дня Аля в первый раз поцеловала... кота. Это был ее самый первый поцелуй. После этого она два раза погладила себя по голове, приговаривая: — ми, ми.

Вчера я кончила ей стихи. Завтра ей год два с половиной месяца. Несколько дней тому назад она определенно начала драться.

Да, она теперь на вопрос: — Как тебя зовут? — отвечает: Аля.

Аля! Маленькая тень
На огромном горизонте.
Тщетно говорю: "Не троньте!"
Будет день

Милый, грустный и большой, —
День, когда от жизни рядом
Вся ты оторвешься взглядом
И душой.

День, когда с пером в руке
Ты на ласку не ответишь.
День, который ты отметишь
В дневнике.

День, когда, летя вперед
Своенравно, без запрета —
С ветром в комнату войдет —
Больше ветра!

Залу, спящую на вид,
Но волнистую, как сцена,
Юность Шумана смутит
И Шопена.

Целый день настороже,
А ночами — черный кофе.
Лорда Байрона в душе
Тонкий профиль...

Метче гибкого хлыста
Остроумье наготове.
Гневно сдвинутые брови
И уста...

Прелесть двух огромных глаз,
Их угроза, их опасность.
Недоступность — гордость — страстность
В первый раз...

Благородным без границ
Станет профиль — слишком белый,
Слишком длинными — ресниц
Станут стрелы...

Слишком грустными углы
Губ изогнутых и длинных,
И движенья рук невинных —
Слишком злы.

Belle au bois dormant Перро, —
Аля! — Будет все, что было.
Так же ново и старо,
Так же мило.

Будет, — сердце, не войю,
И не возмущайтесь, нервы! —
Будет первый бал и первый
Поцелуй.

Будет "он". (Ему сейчас
Года три или четыре.)
— Аля! Это будет в мире
В первый раз.

МЦ

Феодосия, 5-го декабря 1913 г., среда.

Сегодня Але 1 г. 3 мес. У нее 12 зубов, (три коренных и 1 глазной).

Новых слов не говорит, но на вопрос: где картинка? конь? кроватка? глазки? рот? нос? ухо? — указывает правильно, причем ухо ищет у меня под волосами.

Вчера она, взяв в руки лист исписанной бумаги, начала что-то шептать, то удаляя его от глаз, то чуть ли не касаясь его ресницами. Это она по примеру Аннетты, читавшей перед этим вслух письма, — "читала". Тогда С. дал ей книгу, и она снова зашептала. С бумажкой в руках она ходила от С-ной [. . .] до кресла, непрерывно читая.

Еще новость: стоит мне повысить голос, как она сразу говорит: "Ми" и гладит меня по голове. Это началось третьего дня и длится до сегодняшнего вечера.

— Аля! Кто это сделал? Аля, так нельзя делать!

— Куку!

Я не сдаюсь.

— Ми! Ко!

Я молчу.

Тогда она приближает лицо к моему и, прижимаясь лбом, медленно опускает голову, все шире и шире раскрывая глаза. Это невероятно смешно.

Ходит она с 11 1/2 мес. и — надо признаться — плохо: стремительно и нетвердо. Очень боится упасть, слишком широко расставляет ноги.

Последний раз я снимала ее 23-го ноября (1 г. 2 1/2 мес.) — один раз с Пра и два раза одну. С Пра она похожа на куклу. Вообще она плохо выходит, фотография не передает голубого цвета, и чудные ее глаза пропадают.

Феодосия, Сочельник 1913 г. вторник.

Сегодня год назад у нас в Екатерининском была елка. Был папа, — его последняя елка! — Алю приносили сверху в розовом атласном конверте (у нас дома говорили — "пакет", и наши куклы были в "пакетах") — еще моем, дедушкином.

Еще Аля испугалась лестницы.

Сейчас я одна. С. в Москве.

Аля ходит по комнате в красном клетчатом платице, подарке Аси на 5-е сентября. За последнюю неделю она стала смелее ходить.

Ее новые слова: аго — огонь, то — что, тама — там, апа — лапа, иди — да, не — нет, дядя Атя — Ася, но — нос, зляю — зло.

Как собака лает? — Ау!

Как кошка мяучит — Мяу!

Слыша собачий лай, сразу говорит "ау". Несколько дней после отъезда Сережи в больницу, я сидела с ней в его комнате, и она все время подходила к его кровати, открывала одеяло, смотрела кругом и повторяла: "Папа! Куда?"

Сейчас она с Аннеттой пошла по Бядинкам, к-ые сейчас в Москве. Там прислуга Соня украшает елку для своего мальчишка Вани. Аля зовет его Вава.

— Какая Аля будет через год? Непременно напишу в Сочельник. Сегодня я кончила стихи: "Век юный"...

Когда промчится этот юный
Прелестный век...

30-го мы выступаем с Асей на балу в пользу погибающих на водах.

Да! Але это будет интересно:

Когда я на втором нашем выступлении сказала перед стихами Але — "Посвящается моей дочери" — вся зала охнула и кто-то восторженно крикнул: "Браво!"

Мне на вид не больше 17-ти лет.

Феодосия, 26-го декабря 1913 г. четверг.

Публикация Г. ЛИМОНТ

ТРИ ПИСЬМА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ К Н. Н. ТУКАЛЕВСКОЙ (июнь 1939)

Надежда Николаевна Тукалевская — бывшая актриса театра Комиссаржевской и Музыкальной драмы, приблизительная ровесница Марины Цветаевой. В эмиграции сначала жила в Чехии, затем в Париже, где работала в конторе "Возрождения", была близка к Т. Ф. Клепининой и К. В. Мочульскому. Когда точно и по какому случаю Тукалевская познакомилась с Мариной Цветаевой, установить не удалось. Возможно, знакомство началось еще в Чехии. В Париже жила неподалеку от гостиницы "Innova", в которой поселилась Цветаева осенью 1938 г. Как известно, 15 марта 1937 г. Ариадна Эфрон вернулась в СССР. В сентябре того же года происходит убийство Игнатия Рейса (подробности см. в книге Elisabeth K. Porotski, *Les nôtres. Denoël, Paris 1969*). И Сергей Эфрон, замешанный в этом деле, исчезает из Франции. Цветаева остается одна с двенадцатилетним сыном Муром. В русской эмигрантской печати одна за другой появляются статьи об убийствах Рейса, Андрея Седова, о похищении генерала Миллера, и в них часто упоминается имя Сергея Эфрона (см. С. Карлинский: *Marina Cvetaeva, Her life and art, University of California, 1966, стр. 95*). Марина Цветаева, "совершенно разбита событиями", которые "тоже б е д а, а не в и н а" (из неизданного письма), и не верит, что Сергей Эфрон "мог участвовать в кровавом деле" (Е. Н. Федотова, вступительная статья к письмам Марины Цветаевой к Г. П. Федотову, "Новый Журнал", кн. 63, 1961). В таких обстоятельствах одиночество Марины Цветаевой еще более обостряется. В письме к Анне Тесковой от 26 декабря 1938 г. (изд. в Праге, 1969 г.) она говорит: "Я — страшно одинока. Из всего Парижа — только два дома, где я бываю. Остальное все — отпало".

Печатаемые ниже письма к Н. Тукалевской написаны перед самым отъездом Цветаевой в Россию.

№ 1

Дорогая Надежда Николаевна!

Если Вы мне что-нибудь хотите в дорогу — умоляю к о ф е: везти можно много, а у меня — только начатый пакетик, а денег нет совсем. И если бы можно — одну денную рубашку, самую простую,

№ 44 (н е больше, но и н е меньше) на мне — л о х м о т ь я.

Целую Вас, вечером приду прощаться — начерно, т.е. в последний раз немножко посидеть.

Приду около 9 ч., м. б. в 9 1/2 ч. но приду непременно.

Спасибо за все!

М. Ц.

№ 2

— Ау! —

Вчера ц е л ы й день сидели, ожидая телеф., и к вечеру оказалось, что не едем. Нынче будет то же — возможно — уедем, возможно — нет. Indéfr.* н е сделала, п. ч. могла уехать вчера в час — и не решилась сесть под люстру.

Если н е уедем — Мур завтра утром зайдет. Если н е зайдет — уехали. До последней минуты ничего не знаем и не можем отлучиться, ибо телефон — через короткие промежутки.

Посылаю пока 10 фр. для Тamarы (5 были даны раньше) — е с л и с м о г у — оставлю для Вас на столе (Вашем), с посудой, остающиеся 10, не смогу — простите.

Целую.

Спасибо за все!

М. Ц.

Воскресенье утром

№ 3

11-го/12-го июля 1939 г.,
12 ч. ночи — воскресенье —

Дорогая Надежда Николаевна,

Когда мы с Муром в 11 ч. вернулись — ничего под дверью не было: мы оба — привычным жестом — посмотрели, а когда мы оба — минуту спустя — оглянулись — письмо лежало, и его за минуту — не было. И шага за дверью — не было.

* indéfrisable — перманент.

Сердечное спасибо — и за то, что заметили — последний взгляд: на авось, без всякой надежды (моя слепость).

Вам пишу — последней. Мур спит, дом спит...

... Только одна баба не спит,

На моей коже сидит

(и т. д. — Медведь)

а баба-то — я.

А медведи-то — там. И мно-ого! Но что я буду о д н а такая баба среди тех медведей — ручаюсь.

Кончаю. Н а д о спать, а то просплю все способы передвижения. Б у д и л ь н и к — у л о ж е н (от страха забыть!). Я — сама себе будильник.

Спасибо, что так трогательно выручили. За в с е спасибо: за чудный Dives — за ту церковь, к которой мы так вторично и не пришли, за наши кладбищенские прогулки — помните? — за самое чудное платье моей жизни — синее — за в с е Мурины штаны (а их было мно-ого: как тех будущих медведей) — за дом, который мне был — родной, за уверенность, что когда и с чем ни приду — обрадую: хотя бы доверием, за неустанность Вашей дружбы, за действенность ее (дружбы — нет: есть — любовь, или любви нет — есть дружба, во всяком случае есть о д н о, а не два, и это о д н о — б ы л о).

— Всего не перечислишь — за в с е.

Ну, вот.

Обнимаю от всего сердца, желаю здоровья, досуга, покоя, хорошего лета, хороших л е т, — свободы!!!

Спасибо за кофе. Спасибо за рубашки. Спасибо за книжку — я Вами к р у г о м одарена.

С Вами — уезжаю.

Все сделаю, чтобы Вы обо мне — знали.

Авось! — Даст Бог!

М.

И последняя просьба ("Сколько просьб у любимой всегда...") — КРЫСОЛОВ. Я его писала все ранее Мурино младенчество, в чешской избе, — какие мы тогда с Чехией были счастливые!! Собирали грибы...

Если удастся — окликну еще из Гавра...

Павел АНДРЕЕВ

СМЕРТЬ БЛОКА

Мой скепсис — суть моей жизни.

Та ли будет суть моей смерти? Нет. Наступит время (момент), когда я твердо узнаю, что моя смерть нужна для известного момента (или...).

Блок. Дневник, 14 авг. 1902.

Смерть Блока загадочна. Сорокалетний, здоровый, никакими физическими недугами дотоле не страдавший, внезапно слег и через три месяца умер. Заключения врачей крайне туманны. Говорили о цинге. Говорили о неврозе сердца. Но это скорее последствия, а не причины. Болезнь таилась глубже.

Во время болезни Блок кричал, кричал страшно, душераздирающе. Жена называла эти крики "припадками". Любимая мать к умирающему сыну не допускалась, и тому, видимо, были причины. Ухаживавшую за ним жену Блок злобно ругал. Ему доставляло странное наслаждение крушить все вокруг себя. Однажды с ненавистью разбил кочергой голову Аполлона. Он явно сходил с ума. Заболевание его, бесспорно, было психического характера. Не тело, душа поэта не выдержала. Вид Блока в гробу — на рисунке Ю. Анненкова — ужасен, невыразимые муки застыли на этом худом, обросшем лице, замер последний вопль. "Это образ смерти вообще", — писал об этом рисунке Евг. Замятин.

Все, казалось бы, просто: стихов Блок давно не писал, жить без стихов не мог, и потому умер.

Друзьям в последние годы он признавался, что музыка от него ушла. "Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?" — говорил он.

А в январе 1918 г. взывал в статье "Интеллигенция и революция":

"Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию".

Слушать "музыку Революции" — призывал Блок в 18 году, и в этом был искренен (приспособленцы, перебежчики между двумя станами вызывали его ненависть: "Музыка где у вас, тушинцы проклятые!").

"Музыка" для него — гармоничное выражение внутреннего смысла событий.

По духу своему, по музыкальному выражению, Революция была для него прав а. Он видел ее гримасы и жестокости, отмечал страшную способность большевиков "уничтожать быт и отдельных людей", но не это было (так казалось) содержанием Революции. И меньше всего имели место здесь личные обиды и переживаемые тяготы. Стоически перенес он разгром милого Шахматова. Не возроптал, когда его самого арестовали и три дня продержали в камере ЧК. Личность должна была смириться перед высшей правдой, ей оставалось лишь с достоинством принять возмездие.

Такое поведение проистекало из блоковского восприятия революции. Для него это было не чисто русское, социальное явление, а начало всемирного переворота. Стихи А. Белого о России, "Мессии грядущего дня", были созвучны Блоку, он их восторженно цитировал. Он готов был поверить в мессианский Интернационал: "высоко над нами... веет знамя — Интернационал". Все его высказывания 18-го года о "Двенадцати" определяются этой верой во вселенский переворот, равный по исторической значимости духовному перевороту христианства. Мир уже не может жить по-старому, со старым миром покончено, жизнь должна пересл о и т ь с я, сложиться иначе, т. е. гармонично, музыкально, должна стать новой, чистой, веселой. Те ужасы, которые сопровождают становление нового, неизбежны, но от этого всемирно-историческое значение происходящего не умаляется. И этот пафос звучит в "Двенадцати".

Разбойничья банда рыщет по ночному Петрограду, неся убийства и грабежи, но в своем деле разрушения старого они правы и почти святы, и потому с ними Христос, Высшая Правда ("и был с разбойником", — записывает Блок, создавая поэму. "Благоразумный Разбойник" Великого Четверга здесь откликается).

Зло оправдывается именем Вечного Добра. С тех пор парадокс этот будет мучить присяжных критиков и просто поклонников поэта. Но несомненно его закономерное появление, при состоянии Блока тех дней, когда он "в последний раз отдался стихии". Он слышал гул крушения старого мира, тот "страшный шум, возрастающий

во мне и вокруг”, который был шумом хаоса. Хаос преобразуется гармонией. Творческая воля поэта в те дни, в поистине гениальном напряжении, претворила хаос в гармонию, стихию звуков в музыку. Так художественно был выражен поэтом “рубеж времен”.

То, что действительность и поэзия — разные вещи, лучше всего иллюстрируют те же “Двенадцать”. Но для Блока как раз так и не было. С небывалой, кровоточащей искренностью претворял он свою жизнь в искусство и поплатился за это. Но и обратно, искусство претворилось в его жизнь.

Гармонизируя хаос в творчестве, он и жил в убеждении в спасительность “духа музыки”. Стихию зла можно принять и даже освятить ради забрезжившей гармонии (воздержимся от — “будущей гармонии”). Можно принять, как возмездие, и унижение, и гибель...

Все это Блок, как поэт и как человек, мог принять.

Не мог принять только одно — пошлость.

Трагедия величава, даже когда сам становишься ее жертвой. Но когда трагедия оборачивается пошлым фарсом, место величавой музыки заступает небытийственная скука.

То, чем Блок жил революционные годы, чем вынужден был заниматься: нелепые заседания в разных комиссиях, пайки, дрова, уплотнения и пр. — все это было небытийственностью. Не “дух музыки”, вызванный им в январе 18-го, дух небытия окружал его. Пошлость советской повседневности добивала медленно и верно.

Блок держался мужественно, сколько позволяли силы. Но дух его угнетался сверх меры. Проследить это можно по его дневникам и записным книжкам (немало прибавили бы их неопубликованные страницы). Внутренний разрушительный процесс нарастал и обострялся, и достаточно было внешне незначительного толчка.

Таким толчком стал НЭП.

Вместо наступления новой эры — новая экономическая политика. Вместо эсхатологического переворота — вечный возврат к всемирной пошлости.

Это означало конец мессианских упований, гибель надежд. Вселенского переворота не получилось, мир не обновился, не перестроился, не одухотворился, не оздоровился. Ожидаемого преобразования не наступило. Осознание этого, воспринятое с болезненной, отчаянной остротой, сразило Блока.

По рассказу С. Алянского, в тот день, с которого началась странная болезнь Блока, он вбежал к матери с криком:

— Мама, неужели все это возвращается? Это страшно!

Его не убил свирепствовавший террор, но пошленькие звуки “угарной” музыки из подвальных и кофейных доконали.

Сначала в его сознании звучала музыка Революции, и Блок слышал ее, потом она затихла и вовсе исчезла — что удивляло Блока, и вот музыка вернулась в пошленьких расхлябанных мотивчиках того самого “страшного мира”, давно проклятого поэтом, к которому не должно быть возврата. И вот, казалось, он возвращается...

Умрешь — начнешь опять сначала,

И повторится все, как встарь...

На самом деле возвращался не старый мир, а его жалкие обломки. Трагедия в очередной раз возвращалась фарсом. И Блок в очередной раз принял фарс за трагедию.

В старом мире, пусть был он “страшным”, была подлинность, в нем таилась пряная острота — можно было упиваться его гибельной отравой, измерять бездны падения и наслаждаться отчаянием; этот же, фальшивый, был настолько уродливым, жалким подражанием, что на него не стоило обращать внимания нормальному человеку. Но таким Блок не был, нервы его были обнажены, все — снаружи, и ничтожное раздражение, для других незаметное, рождало непереносимую боль.

Еще одну подмену Блок не снес.

Вся жизнь его таила в себе цепь подмен.

Когда-то его чистый, возвышенный идеал Той, Которой Имени нет, рухнул при соприкосновении с действительностью — настолько он был лишен земного иммунитета, — и это крушение окрасило последующую поэзию Блока сладостным и соблазнительным чувством гибельности, которым и поныне пьянят его стихи. Ощущение гибельности сплеталось с ощущением “лиловых миров” первой революции. В себе самом и в окружающем чудилось ему великое неблагополучие, которое неизбежно должно разрешиться. Народная стихия и оторванная от народа культура должны неминуемо столкнуться, и событие это будет подобно Куликовской битве, гул которой уже тогда различал Блок.

Тревожное состояние духа поэта рождало прекрасные стихи, среди них стихи о России, но Блок к тому же жаждал заниматься “общественной деятельностью”. Здесь поджидала его новая подмена. “Общественность” его лишь отразила его собственную неустойчивость и изнервленность. Свое жизнеощущение кающегося дворянского интеллигента он распространил на всю русскую интеллигенцию.

Он внушал себе и другим комплекс мнимой вины перед народом.

С таким убеждением пришел он к Революции. Февраль не произвел на него особенного впечатления. Зато в Октябре увидел он выражение той самой долгожданной стихии. Большевики были выразителями народной стихии. Интеллигенция, виновная перед народной стихией, должна была идти работать с большевиками.

Правда, безошибочное поэтическое чувство Блока невольно вносило коррективы в восприятие событий. Если его ощущение первой русской революции было окрашено в лиловые и розовые тона, то его "Двенадцать" — симфония в черных тонах, и лишь в конце появляется красное пятнышко флага и белое, нездешнее сияние. В статьях своих Блок призывал "культуру" смириться перед "стихией" ("Россия — буря"), в поэме — стихия, хаос гармонизируются явлением вечно-загадочного "бледно-женственного призрака", "культурное" происхождение которого несомненно.

Итогом жизненных подмен было унижение. Оно сопровождало поэта в личной жизни (о чем говорить не станем), сопровождало в общественной. Вместо занятий "общественной деятельностью" пришлось ходить на советскую службу. Вместо торжественной поступи двенадцати благословенных разбойников — Чрезвычайка. Вместо мессианского переворота — метафизическая скука. Будни, наступившие после крушения старого мира, оказались нищенскими и жалкими. Музыки в них не было. Но когда-то она была, звучала, он слышал её, он призывал ее слушать. Это держало. Но когда вместо вагнеровского финала "Смерти богов" зазвучали дрызгающие звуки шантана, это было выше сил.

В том роковом январе 18-го, вызывая к "духу музыки", вместе с мировым шумом ощущал Блок и мировой воздух. Дышалось надеждой на грозовой очистительный шквал. Менялось лицо мира: "Но государство (ваши учредилки) — НЕ ВСЕ. Есть еще воздух" (Дневник, 5 янв. 1918 г.).

Но вместе с музыкой исчезло и ощущение воздуха. Дышать становилось нечем. И глубоко симптоматична одна из последних записей Блока: "Мне трудно дышать, сердце заняло полгруды" (Дневник, 18 июня 1921 г.).

То, что Блок во время болезни сокрушил голову бога гармонии Аполлона, было не простым припадком безумия, а носит глубинный, символический смысл.

В 1906 г. Блок читал "Рождение трагедии из духа музыки" Ницше, книгу, произведшую на него сильное впечатление (отзвук донесся до

18 года), делал из нее выписки. Об "аполлинизме" и "дионисизме", гармонии и хаосу много говорили в его окружении — Боря Бугаев, Вяч. Иванов. Это были постоянные, обиходные термины того времени.

Но для Блока все, принятое в душу, не было игрой слов, а становилось убеждением. Он отчетливо сознавал, как время от времени его душу захлестывают темные волны дионисийского хаоса. Темное, зловещее постоянно таилось в его душе и укрощалось художественной волей, гармонией творчества, "духом музыки".

Теперь хаос выполз наружу. Загнать его вглубь, как прежде, сил не было. Когда-то его покинул дух Вечной Женственности, теперь покинул дух музыки. Поэзия ушла от него, изломав, искомкав, испепелив душу. Хаос восторжествовал. Изображение бога поэзии и гармонии стало ненавистным. Он тоже был повинен во всех испытанных муках. Разбив его, поэт сводил счеты с жизнью. Блок сам сдал свои позиции и хаос поглотил его.

Судьбы России

Истоки духовного возрождения

К. ЗОЛотов

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ПРОКОПИЙ УСТЬЯНСКИЙ к 350-летию явления мощей

"Смертию смерть поправ..." — поет Православная Церковь в пасхальном тропаре; в дониконовской редакции эти слова звучали еще так: "смертию на смерть наступи". И нигде, наверное, священнотайный и наглядный планы события Распятия и Воскресения Христова, даровавшего сынам человеческим победу над уничтожением, не отразились так уязвительно вместе, как в истории нашего отечества, а особенно в последнем столетии, когда и судьбы русских людей, и судьбы народных святынь являют невозможное, казалось бы, соединение необычайного, чудесного взлета с самым печальным и низким надругательством, сплетшимися так тесно, что, пожалуй, теперь уже никогда, по крайней мере в этом мире, не расцепить. Короткое житие скромного северного подвижника Прокопия Устьянского, явившегося во времена первого царя из дома Романовых "в краю самом заглушном и отдаленном, без мала 500 верст от города Вологды", в этом смысле представляет собою яркий символ именно нашего века потому, что, в отличие от хорошо усвоенного современным культурным сознанием сюжета о "жизни после жизни", все его видимое, известное нам существование целиком протекло по эту сторону, состоялось уже после смерти, так что и мученичество приняли самые св. мощи праведного. Или, как говорит, используя собирательный агиографический оборот, древняя запись сказания о нем: "Сего блаженного и приснопамятного Прокопия отечество дольно и племя земнородно, град или весь, в ней же святой родился, нам манием Божиим весьма утаися; да известнее вемы, яко святити Божии не земного, но небесного отечества ищут, не человеческим, но ангельским сродством хвалятся, и не дольного, но горняго Иерусалима гражданами быти тщатся".

Богородицерожественская церковь с. Бестужева в 1970-е гг.

Путешествуя не так давно по лесным пространствам Заволочья у схода архангельских и вологодских земель по речке Устье (от нее-то и произошло прозвание святого — Устьянский, или, в другом написании, Усьянский) мы время от времени встречали в избах иконки "Прокопия праведного", случалось также слышать такие географические указания, как "недоезжая Прокопия, километров пять влево..."; раза два или три видели мы и гравюру, изображавшую многолюдный крестный ход между двумя церквами — деревянной шатровой и каменной в стиле провинциального классицизма, — но все это, по сравнительной близости к стоящему на недалекой Сухоне Великому Устюгу с его святым юродивым Прокопием, известным по всей православной России, относили именно к нему. Однако, по мере того, как течение становилось полноводнее, упоминания о "Праведном" делались все настойчивей, и вот однажды на излучке реки мы увидели на высоком отлогом холме стоящий чуть ниже его вершины покосившийся, и все же по-прежнему величественный, шатер храма, в котором распознали тот самый, с картинки, — а спросив название, убедились, что эта-то церковь и есть главная "Прокопьевска". Только тогда в сознании нашем святые тезки разделились один от другого и вместе с тем прошлые рассказы неожиданно получили совершенно новое освещение; памятуя же, что ничто на этом свете даром не случается, во всем заключен для человека урок, предложение со-творчества с божественным Промыслом — мы стали понемногу собирать все, что еще осталось в памяти людей о св. Прокопии Устьянском.

Приходится сразу оговориться, что сохранилось очень немного. От самых верховий реки и вплоть до впадения ее в Вагу нам так и не удалось сделать толковой полной записи рассказа о нем; а вернувшись в город, мы столкнулись с тем, что жития устьянского праведника, как поначалу казалось, вообще не существует в печатном виде, упоминания же в литературе можно перечесать по пальцам одной руки. Так, в Православном календаре на 1951 год св. прав. Прокопий Устюжский и св. прав. Прокопий Устьянский ошибкою превращены в единое лицо — память у них действительно в один день, 8 июля старого стиля; и, хотя в новых календарях эта оплошность исправлена, в недавно изданном 20-тысячным тиражом третьем томе "настойной книги священнослужителя",* содержащем месяцеслов на вторую

половину года (тут уже по неведомой причине вовсе отсутствует статья об Устюжском угоднике) 15-строчная заметка о Прокопии Устьянском, помещенная на стр. 540, содержит новую грубую ошибку — 1818-м годом в ней помечено "установление повсеместного празднования памяти святого", в то время как на самом деле, согласно всем другим источникам, именно тогда Синод как раз решительно отказался утвердить канонизацию прав. Прокопия.

Упоминаний о святом нет ни в Прологе, ни в Четьих Минеях, ни в дореволюционных святцах, и даже специальные источники по вологодской агиографии или вообще не называют его имени (Н. Коноплев. Святые Вологодского края. — "Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских", 1895 г., № 4), или довольствуются одной строкой (митр. Евгений. Топографическое описание святых вологодских... — "Вологодские епархиальные ведомости", 1864 г., № 1. Прибавления, стр. 16). И, наконец, что касается двух наиболее основательных, ставших уже классическими работ о русских угодниках Божиих, то в "Святой Руси" архимандрита Леонида (Кавелина) (М., 1891 г.) нашему святому отведено менее 10 строк, а в "Истории канонизации святых в Русской Церкви" Е. Голубинского св. Прокопий Устьянский упомянут лишь дважды (на стр. 159 и 200—201), причем, кроме истории с самою канонизацией, здесь почти никаких сведений о жизни праведника не сообщается.

И все-таки наши поиски не оказались без пользы — когда надежда выяснить что-либо стала уже тончать, по молитвам св. Прокопия мы снова как будто бы случайно получили для работы чрезвычайно редкую книгу под названием "Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью или местно чтимых", изданную в Вологде в 1880 г. В ней устьянскому праведнику посвящена 20-страничная статья, которая, по всей вероятности, является единственным и практически теперь недоступным сказанием о житии его. На основе этой публикации, а также местных легенд в современных рассказах старожилов, и сделан наш нынешний опыт жизнеописания св. Прокопия.

Составитель "Исторических сказаний" свящ. Иоанн Верюжский сам происходил родом из прихода Верюжской Введенской церкви

тиража: по одному экземпляру оцененного в 120 руб. (!) трехтомника было разослано в 7 тысяч действующих приходов, некоторое число книг пошло для престижных подарков, а прочие все залегли на складе, — так что не то что мирянам, но и самим священникам их "настойная книга" в дом не попала.

* Не следует, однако, обольщаться кажущейся величиной (см. след. стр.)

Вельского уезда, в приделе которой почивали мощи прав. Прокопия Устьянского (имя церкви и волости он, по-видимому, по семинарскому обычаю тех лет и выбрал себе в качестве фамилии). О том, как выглядел край его в XIX веке, о. Иоанн пишет: "Редко можно встретить на севере такую прекрасную и очаровательную местность, как "у Праведного". Тут природа постаралась превзойти самую себя и на небольшом пространстве раскинула все свои красоты как бы для того, чтобы и самое место вечного покоя праведника соответствовало красоте души его. Большая река Устья, с красивым островком и стаями плещущихся на поверхности ее речных птиц, тихо катит свои воды с востока на запад. На левом берегу несколько вековых сосен, как гиганты какие возвышаются над молодым лесом. С правой стороны две речки, в полуверсте одна от другой впадающие в Устю, образуют между собой ровный, испещренный цветами луг. Две церкви, высокая шатровая деревянная, уже почерневшая от времени, и белеющаяся каменная красивой архитектуры, с массивной высокой колокольной, стоят на уступе пологой горы, к лугу круто в виде отвесной стены обрывающейся. Над церквями, на самой вершине, виднеется небольшая деревня, огни которой в ночное время издаleка кажутся звездами. Внизу под горою близ извилистой речки стоят дома церковнослужителей, утопающие в густой листве рябин и черемух. Дорога проходит по самому берегу Устья, и далеко, за несколько верст не доходя до села, видны с нея сияющие главы и кресты церквей. Окружающие село деревеньки, то стоящие на возвышенностях, то спускающиеся к самой воде, с их полями и лугами, опущенными кустарником, еще более разнообразят картину и дают ей самый красивый и оживленный вид".

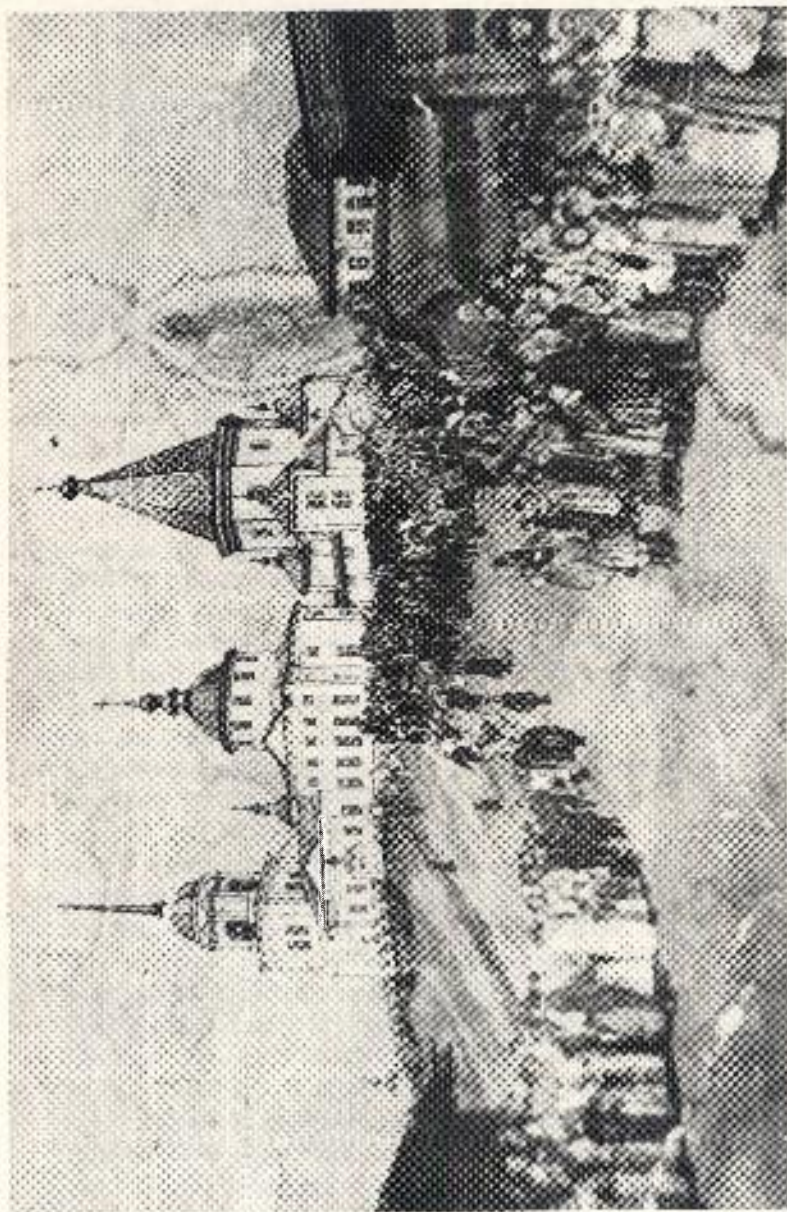
...В первой трети XVII века, когда местность эта принадлежала еще к Новгородской епархии, по восточную сторону от церкви Введения во Храм Божией Матери явились — по древней рукописи "земля издаде" — мощи в гробе затейливой работы, сплетенном наподобие колыбели из ивовых прутьев. ("Такого рода погребение никогда не было в употреблении в нашем донныне изобилующем лесами крае", — замечает о. И. Верюжский). Мощи эти были совершенно целы, как будто бы в тот самый день погребенные, и издавали из себя приятный запах, только от ветхости гроба несколько были засыпаны.

Никому во всей волости покойный не был известен, да и не помнили, чтобы тут хоронили кого-либо; чудесное же явление его нетленным, происходящее от мощей благоухание и следовавшие вслед за тем исцеления многих одержимых различными недугами постепенно стали склонять окрестных жителей — а поселений вокруг

Верюжской церкви по небольшим речкам и ручьям словно целый разросшийся куст — к мысли о том, что принадлежат они какому-то святому. Воздав славословие Богу за дарование им своего источника благодати и врача безмездного, они построили над местом явления мощей часовню. Вскоре после этого устьянскому земледельцу Савелию Онтропову явился во сне человек и велел сделать себе новый гроб. На вопрос: кто он — явившийся назвал себя Прокопием и объяснил, что он тот, чье тело было обнаружено близ церкви. Савелий выполнил необычный заказ споро и не откладывая, но когда он уже собирался доставить его в часовню, святой снова посетил его и приказал домовину свою сверху несколько убавить. Новопривезенный гроб оказался точно по мерке мощам, а рассказанная Савелием история его изготовления подтвердила общее убеждение в святости погребенного. Прежнюю его ивовую колыбель народ тогда по прутикам разнес себе на память и благословение.

Много лет святые мощи так и почивали в часовне, но слух о происходящих от них чудесах наконец распространился вокруг настолько, что когда в 1641 г. на место обветшавшей срублена была новая деревянная церковь, гораздо больших размеров, то их перенесли уже внутрь нее, поставив открыто подле южной стены. По особой книжице стали совершать святому и церковную службу, в основном составленную из уже известных других — например, тропарь и кондак были заимствованы из службы близкому прав. Прокопию Устьянскому по явлению св. Иакову Боровичскому (нетленное тело которого в дубовой колоде доставлено было в Боровичи плывущей против течения льдиной; а вскоре представший перед старейшинами селения в тонком сне святой сообщил им свое имя и мирское звание — юродивый; память его 23 октября ст. ст.). Затем часто навещавшему Верюжскую волость сольвычегодскому купцу Иоанну Ермолаеву, возымевшему усердие создать образ праведного и для того горячо молившемуся, чтобы он позволил изобразить себя, угодник Божий показался в видении, дал на то свое благословение, — и в 1652 году Ермолаев, призвавши иконописца Онисима Карамзина, описал внешность св. Прокопия и поручил сделать икону.

По перенесении мощей в церковь священнослужители наконец получили возможность записывать происходящие при них чудотворения. И вот, с 1641 по 1750 г., со слов самих исцеленных, которые во исполнение обета приходили в церковь благодарить Бога и поклониться мощам Его святого, было занесено в нарочитую тетрадь двадцать наиболее знаменательных случаев выздоровления и спасения от бед. Интересной особенностью этих записей представляется та под-

Введенская (слева) и Богородицкостроительная (справа) церкви Верховской волости Вельского уезда Вологодской губернии. Гравюра нач. XX века.

тверждающая их подлинность подробность, что даже люди, заведомо не знавшие о том, что мощи почивают открыто поверх земли, единодушно рассказывали, что посещавший их в видениях прав. Прокопий казался им как бы парящим на воздухе... В середине XVIII века по епископскому благословению во имя св. Прокопия Устьянского были освящены придел при Верюжской Введенской церкви, а также и придельный престол в ближней заячеостровской, где среди поля над ключом воды находился уважаемый народом чудотворный образ праведного Прокопия.

Но вместе с тем на север стали в этом веке проникать и новые, чужие веяния; нам кажется не случайным, что именно с началом петровских времен, когда от ложно понятого просвещения руки и глаза стали признаваться столь же верными органами богопознания, как и сердце, связано первое дотошное "свидетельствование" в 1695 г. мощей в Верюжской церкви; после него, они, однако, были переложены из ветхого в новый гроб. В 1739 г. по указу Анны Иоанновны и Синода свидетельство было произведено вторично в присутствии 12 иереев. Сейчас нам уже трудно спокойно читать этот "протокол" на святого, который тем не менее воплотил в себе самый дух того столетия с его причудливым сочетанием доставшегося еще от громогласного церковнославянского языка эпического движения торжественно-звучных слов во фразе — с любопытно-безблагодарным, а местами и грубо педантским отношением к видимому знаку Божьего чуда на земле: "На главе и на лице до очей и носа надлежащее тело есть, токмо к кости присохло, а очей и носа и влосов на главе и уха десного невидимо, а левое ухо есть, только сухо и сверху немного его нет же, а на устах верхние губы и нижняя малая части, а зубы все целы, а глава приклонилась на левую сторону, а лицом прямо кверху, шея и плечи целы. Десная рука вся цела, пригбена к персям подле самую выю, а левая простерта под бок, и перси и все тело до ногу цело токмо в мале почернело, а признано, что от частого приезжающим для молебствования богомолам открывания... А возрасту был среднего, а во одежде положен в срачище и в штаниках холщевых, и те побиты, а видом с желта черны, сухи и еще крепки, а длиною срачища по левой ноге до колена, а по десной ноге до стегна, и штаники длиною до тех же мест... И то свидетельство с вышеприведенным, бывшим в 7204 (т. е. 1695 — К. З.) году весьма сходственно и никаких частей не умалилось, и тления одеждам никакого не учинилось".

Когда в 1763 г. строилась новая деревянная церковь — это поставленное на каменном подклете величественное шатровое храмовое

здание, обновлявшееся еще в 1880-х годах, и сохранилось от всего погоста до настоящего времени — то, как уже выше было сказано, в ней по благословению правящего архиерея Иоасафа, епископа Архангелогородского и Холмогорского, был освящен придельный престол во имя св. прав. Прокопия Устьянского. По северному обычаю церковь поставили не на вершине холма, как могло бы показаться на первый взгляд наиболее выгодным, а несколько отступя вниз по склону. По поводу выбора этого места нам довелось несколько лет назад услышать такой рассказ (про существовавший, следовательно, уже два с лишним века): при подготовке к работам три ночи подряд чья-то могучая сила низвлекла с вершины "горушки" припасенные для закладки в нижние венцы громадные бревна аршинного диаметра и повергала их сорока метрами ниже, — пока, наконец, в ночном чудедействе не угадали волю праведника и не поставили храм именно там, где указал сам св. Прокопий. Должно быть, такое расположение спасло его от всех последующих пожаров, ударов молнии, бурь и прочих природных напастей, но мы бы прибавили к этому еще и то преимущество, что только так стоящий он наилучшим образом вписывается в окружающие виды, не пригнетает окрестность, довлея над нею, а как бы естественно вырастая из тела холма, необременительно венчает всю "мироколицу".

Следующие за возобновлением храма полвека наполнены были целым рядом печальных событий и трудностей, связанных с попыткой добиться "официальной" канонизации Синодом прав. Прокопия Устьянского. Началось все с того, что после причисления Верюжской церкви к Вологодской епархии епископ Арсений (Тодорский) отобрал данную его предшественником епископом Иринеем в 1783 г. храмозданную грамоту на построение второй, каменной церкви близ уже стоящей деревянной, по которой дозволялось освятить верхний престол ее во имя прав. Прокопия и положить там мощи. Ссылаясь на то, что имени устьянца не было в общих святцах, еп. Арсений приказал посвятить верхний престол, а с ним и весь сооружаемый храм, Введению Божией Матери. У недовольных такою переменной прихожан было для производства следствия вытребовано древнее рукописное сказание о явлении мощей прав. Прокопия и произошедших от них чудесах, причем служившие тогда на приходе священники показали, что прежде при храме существовало и житие, забранное вместе с указом и грамотою о свидетельствовании в Архангельскую консисторию, где оно погибло в пожаре 1793 г. (сама консистория подтверждала это письменно).

В 1880 г. в пользу канонизации прав. Прокопия было подано на Высочайшее имя и отношение статского советника Березникова, который получил незадолго перед тем исцеление после молитвенного обращения к устьянскому святому. Рассмотрением отношения велено было заняться Синоду, но он в своем постановлении от 16 декабря 1801 г. во всероссийском прославлении мощей Церковью отказал, разрешив, впрочем, оставить местное их почитание в том виде, каким оно было к моменту подачи просьбы Березникова. Это решение, конечно, не могло удовлетворить усердных почитателей праведника, и вскоре — в 1809 г. — чудесно выздоровевший при благодатной помощи св. Прокопия крестьянин Федор Кузнецов, заручившийся уже доверенностью четырех тысяч лиц, подал Государю еще одно прошение нетленные и дважды свидетельствованные мощи огласить всенародно. И, хотя теперь и епископ Вологодский Евгений писал, что по его мнению повсеместное почитание новых мощей ничего другого не произведет, кроме распространения в народе благочестия и приверженности к родине, возбуждаемой особенно отечественными святынями, — Синод от положительного ответа снова уклонился. Наконец, когда в 1818 г. по случаю окончания строительства каменного храма Кузнецов опять подал Царю ходатайство об оглашении мощей, перенесении их в каменную церковь и освящении ее во имя св. прав. Прокопия Устьянского, — по поручению министра народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицына для проверки на месте и дачи решительного заключения в Верюжскую волость лично отправился новый вологодский архиерей — еп. Онисифор (Боровик).

По свидетельству — уже третьему (!) — от 1 августа 1818 г., при котором снова, конечно, не обошлось без описаний в том роде, что "от плеча на всей спине тела не имеется и видны ребра и становая кость, а спереди грудь и весь живот целы, исключая пуп, вместо коего зияет небольшое отверстие", — было установлено еще и то, что росту св. Прокопий имел 2 аршина и 2 вершка (т. е. около 151 см. — К. З.), а довольно крепкая его холщовая рубашка, в которой он был обретен, "поклонниками стрижена" и тело в некоторых местах тоже "весьма приметно, что отрезывано". Были предъявлены новые свидетельства об исцелениях — как крестьян, так и лиц купеческого и дворянского сословий. Представляя доклад обо всем этом Синоду, преосвященный Онисифор писал: "Я и сам убеждаюсь совестью, и внушением Божественной благодати признаю мощи сии святыми, огласить же прав. Прокопия Устьянского почитаю не токмо возможным, но и должным". — Но, как прежде, явно руководствовавшийся своими

"особыми" соображениями Синод прославить угодника Божия отказался. О том, что это были за соображения, ясно и авторитетно говорит в своей книге "Святые древней Руси" (Нью-Йорк, 1959, стр. 15) один из наиболее известных исследователей отечественной агиографии Г. П. Федотов: "Петровский Духовный Регламент относится к новым канонизациям более чем сдержанно. Два последних синодальных столетия отмечены чрезвычайно ограничительной канонизационной практикой: до Императора Николая II были причислены к лику общецтимых святых всего четыре угодника. В XVIII веке нередки случаи, когда епархиальные архиереи собственной властью прекращали почитание местных святых, даже церковно канонизированных. Лишь при Императоре Николае II, в соответствии с направлением его личного благочестия, канонизации следуют одна за другой: семь новых святых за одно царствование".

...Между тем слава св. Прокопия Устьянского в народе все разрасталась, и постоянно увеличивающееся число паломников из самых различных мест страны свидетельствовало о том с совершенной несомненностью. В конце уже упоминавшегося выше краткого сказания о двадцати чудесных исцелениях XVII—XVIII веков о. Иоанн Верюжский приводит и свидетельства своего времени, из которых наиболее интересным — как рассказ непосредственного очевидца — нам представляется его собственное воспоминание. Он пишет: "В детстве, еще до поступления в училище, я был свидетелем того, как одного бесноватого купца, связанного, едва несколько человек насильно могли привести в церковь, как он страшно кричал различными голосами зверей и птиц, и, лежа на полу близ раки угодника, бился руками, ногами и головою, изрыгал хулы на праведного Прокопия и священника с диаконом, служивших молебен, похваляясь своею крепостию и силой. Но когда возложили на него небольшой атласный покров с вышитым на нем изображением св. Прокопия и обыкновенно всегда находящийся на мощах его, то уже не мог двинуть ни одним членом и только глухо кричал: ой, задавили, задавили, выйду, выйду... Купец этот несколько раз приводим был в церковь и уехал домой здоровым".

"Ныне мощи св. Прокопия, — заканчивает свое повествование в 1880 г. о. Иоанн, — почивают в старинной деревянной раке, украшенной резьбою, под таковым же балдахинном; они покрыты шитым по атласу шелками, серебром и золотом изображением святого. Память его совершается 8 июля, и многие из тамошних жителей постят пред тем целую неделю".

По словам старожилов, в начале XX века с помощью щедрых жертвователей была изготовлена новая драгоценная рака. Тогда же

были выпущены и описанные нами во вступлении гравюры, изображающие торжественный ежегодный крестный ход с перенесением мощей прав. Прокопия из каменной зимней в летнюю деревянную церковь; картинки эти и по сию пору еще не все перебрали по избам пустившиеся в "иконоборческую ересь" ловкие молодцы, а одна даже выставлена в краеведческом музее районного города Вельска. Обзорение памятников русской архитектуры Вологодской губернии, напечатанное в 1915 г. в 59-м выпуске "Известий Императорской археологической комиссии", называет в числе их: "Вельского уезда села Бестужева Богородицерождественскую деревянную на каменном фундаменте трехпрестольную церковь, построенную в 1763 году; и того же села трехпрестольную каменную Введенскую церковь 1803 года" (стр. 108). Наконец, почитание праведного Прокопия Устьянского сделалось тогда общенародным и повсеместным.

К самому началу нашего века относится и такая, слышанная нами спустя семьдесят лет история. Однажды в семье Лоскутовых, давших чуть ли не треть всех жителей села, заболел ребенок, несколько дней кричавший от какой-то боли и отказывавшийся брать материнскую грудь. Положение его посчитали было уже безнадежным, но по совету приходского священника мать все же отслужила молебен прав. Прокопию с просьбой об исцелении своего сына, дав обет в случае выздоровления отправить его по достижении совершеннолетия на год "трудником" в Соловецкий монастырь. В ту же ночь ребенок снова стал сосать молоко и вскоре совершенно поправился. Впоследствии, когда он вырос, во исполнение обета мать отправила его работать на Соловки, откуда он вернулся большим грамотеем и привез с собою "целый сундук духовных книг" (сундук этот в лихие годы террора был закопан в горе, да так и поглотился землею — позже его не смогли отыскать).

Следующее свидетельство относится уже к нашим временам, находясь по эту сторону революции. В ходе открытой по указанию наркомата юстиции от 1 марта 1919 г. кампании по вскрытию мощей "6 марта 1919 года были в Вельском уезде вскрыты и мощи св. Прокопия Устьянского", — читаем мы на 257 стр. "Черной книги (Штурм небес)", изданной в 1925 г. в Париже А. Валентиновым. После этого кощунства, производившегося, по рассказам крестьян, приезжими насильниками, драгоценная рака пропала, а мощи были тайком перекинуты на сельское кладбище, где их спешно зарыли в безымянной яме.

В середине 30-х годов закрыли и оба приходских храма. Священника помоложе сослали вместе с семьей в Сибирь, откуда они уже не

вернулись; другого же, престарелого и все время хворавшего, чтобы не возиться с лишнею обузой, оставили домирать дома. Но он, на зависть злодеям, оказался необыкновенно долгоживуч и дотянул до 50-х; дети его ныне уже на пенсии и вместе с внуками, нарожавшими правнуков, продолжают жить в прадедовском селе.

Какое-то время само оно было еще районным центром, а потом, постепенно захиревши, как почти все нынешние поселения на русском Севере, превратилось просто в совхозный центр Бестужево; в названии его отчетливо слышится теперь новый оттенок — если вспомнить, что по-славянски "стыд" писался как "студ": наглой бесстыжести, "безстудия" потерявших человеческий образ безбожников. В 1936 г. они каменный храм и вовсе разбили, изломав на кирпич (в искусствоведческих книжках это скромно именуется: разобрали), из которого по ту сторону реки выстроили уродливый гараж. Старый священник, в ту пору начавший с горя пить, внятно и громко на людях всех участвовавших в этом святотатстве проклял, за что они его, не поглядев на седины, поймали ночью в глухом закутке и нещадно избили. Однако ни один из порушивших церковь — и об этом любят рассказывать как в самом Бестужево, так и далеко вверх и вниз по течению Устья — своею доброй смертью не умер: хорошо еще если убили на войне, все-таки за отечество погибнуть почетно, а то по большей части — кто утопился, кто угорел либо повесился, или даже просто в лесу пропал. Все они получили свое воздаяние еще на земле, как раз по слову Спасителя, сказанному Им в Нагорной проповеди: "В ню же меру меряете, возмерится и вам" (Мф. 7, 2). Несчастный гараж вскоре сгорел и развалился; сейчас его не существует.

Отходя к Господу, батюшка еще раз пригрозил всеми карами неба и преисподней тому, кто осмелится тронуть оставшийся деревянный храм. И оказалось вполне действительно: хотя начальство предлагало до трехсот рублей — деньги для этих мест и поныне немалые — чтобы кто-то только начал крушить, один лишь крест содрал — охотников не нашлось. Кроме попова проклятия причиной этого была еще и следующая история о том, как в последний раз "активисты" попытались было снести вторую церковь незадолго до 1941 года. Они собрали тогда полдюжины лошадей, прихватив к ним еще и трактор, затащили все это на угор, обвязали шатер канатами на манер удавок, зацепили их всеми наличными лошадино-механическими силами и принялись тянуть. Но мотор "чудо-коня" вдруг безо всякой на то причины намертво заглох... Тут-то бы им задуматься, и, может быть, постараться опомниться, — но нет, оскотинившийся до лютости

выводок такая помеха только раздражила. Всем скопом погромщики бросились по ближним деревням добывать новых лошадей, оставив одного мужика сторожить при церкви уже собранных. "Мобилизация сознательности", однако, проходила чрезвычайно медленно — сердобольные женщины совсем не торопились отдавать свою скотину для поругания святыни, колхозное стадо работало в поле, да рыскавшие еще против собственной совести и страху поддали водчонки, — словом, на поиски ушел почти весь день. Когда же под вечер они наконец возвратились к приговоренному ими к повешению храму, то не нашли там ни оставленного утром "товарища" (как шутят здесь, происходит это звание от слова "товар"), ни опекавшихся им трактора с гужевою силой — все они как сквозь землю провалились, да так прочно, что с той поры их никто уже на этом свете не видал. Вот такого неожиданного оборота, как рассказывают, даже с самых бранелюбивых оказалось достаточно.

... Подъезжая к Бестужево, вторым, на что мы обратили внимание после храма, был необычный цвет реки: вся она как будто бы маслянисто лоснилась от мокрой древесины. Между тем, как вспоминают местные жители, с дореволюционных лет и почти до самой войны речка была еще настолько глубока и просторна, что летом сюда постоянно ходил пароходик из Вельска через Шангалы, — но теперь, как и множество других ее северных сестер, Устья непоправимо загублена беспорядочным лесосплавом.

На дороге "к Праведному" нас обошел как-то раз целый поезд байдарочников; они пролетели мимо, горлая что-то невозможно бодрое под веселое посверкивание отражавших солнце мокрыми лопастями весел, — и мы позавидовали со своего пешего хода сметливым культуристам, избравшим такой замечательный скорый способ передвижения. Однако, не доезжая еще километров двадцати до Бестужева, навстречу нам вдруг снова попался тот же поезд, тянувшийся теперь в обратном направлении: гребцы уже песен не пели и лишь устало хрюкали в такт, пересиливая не очень быстрое течение. Поначалу мы все гадали, что за причина могла заставить их бросить столь счастливо начавшееся путешествие, и надо же где привелось увидеть ее воочию — прямо под церковью Верюжского погоста: кое-как сплавляемый лес запрудил поворот реки у холма километра на два, вода вокруг разлилась, и всякое движение по ней сделалось невозможным. Такая картина повторялась потом чуть ли не у каждого поворота русла...

Подымаясь по тропинке ко храму, мы повстречали еще и типовую плиту-памятник с фамилиями погибших в последнюю Отече-

ственную войну бестужевцев. Такие траурные знаки поставлены во многих сохранившихся еще сельских центрах Севера, и всегда чтение их вместе с понятною скорбью вызывает ощущение какой-то особенной боли: списки в десятки имен содержат обычно всего три-четыре одинаковых фамилии убитых, хочется даже сказать — выбитых целыми родами жителей... Разорение исконных русских земель, населенных когда-то крепкими гордыми людьми, никогда не знавшими крепостной зависимости, начато было еще в 20-е годы, когда крестьян насильно сгоняли в истребительные колхозы, а наиболее крепких и домовитых ссылали на погибель в отдаленнейшие края. Несколько раз показывали нам тех немногих, кому удалось вернуться оттуда: вот, например, стоит посреди села крепкий еще, столетний и чуть ли не трехэтажный (если прибавить верхнюю летнюю комнату — "вышку") сруб — после ареста хозяев он был занят сначала под клуб, попытавшийся заменить поруганную церковь, а теперь с общим оскудением сельской жизни тот закрылся и крепкое строение зияет пустыми очами-окнами на три стороны света; на самом же краю порядка, в крошечном "зимнике" ютятся дети бывших раскулаченных, пришедшие умирать на родное пепелище — две маленьких узловатых старушки с какими-то притушенными, скорбными глазами (ведь и имя иконы Богоматери "Всех скорбящих радость" сокращают у нас упорно до "Скорбящей"). После такой коллективизации никогда раньше не ввозившее хлеб Заволочье вдруг принялось во все возрастающем числе закупать зерно; потом прошла та самая война, как будто нарочно погубившая чуть ли не половину именно северного мужского населения... А в 50-х годах прокатился и разор хрущевских "химероприятий", когда все колхозы, где население хоть как-то — пусть и бесчеловечными связями — но привязано к земле, сменили на животноводческие совхозы, в успехе работы которых не заинтересован уже решительно никто: горе-временщик Никита предполагал одним росчерком сделать из богатого травмами речного края как бы огромный мясокомбинат. Итоги этих одноглазых стараний сейчас вняты каждому россиянину и объяснений не требуют: мясо снова превратилось из товара в предмет охоты. Скудеющие же села тем временем запустели, так что теперь от одной до двух третей изб в них стоит заколоченными, а немало и поселений совсем оставленных. Недавно решили проявить об этом новую заботу — нацелились вдвое сократить число всех вообще населенных пунктов, собрав их жителей в поселки покрупнее. И вот Север непоправимо домирает на наших глазах. К сожалению, недавно здесь обнаружили еще и нефть — сожалеть об этом приходит-

ся потому, что тотчас же вместо будущей гадательной пользы стали погибать вполне настоящие остатки замечательных патриархальных нравов: если на нашей памяти несколько лет назад даже двери в домах нигде не запирались — к ним попросту приставлялась сбоку палка, означавшая, что хозяин куда-то отлучился; а путешественников (не "туристов") местные жители охотно брали ночевать, кормили, топили баньку и никогда не соглашались взять за свое гостеприимство деньги, — то теперь розыски "полезных ископаемых" по болотам ведут в основном бригады освободившихся из расположенных поблизости лагерей уголовников (ведь общее число жителей вологодчины чуть ли не на четверть состоит ныне из зе-ка, множество которых состоит на полусвободном "бесконвойном" режиме и занимается вырубкой и транспортировкой леса), и ходить тут становится небезопасно. Так и в самом Бестужеве мы впервые за весь наш путь столкнулись с тем, что пришлось часа два промаяться и проторговаться, покада нашелся охотник пустить нас за плату переночевать хоть в сено на поветь, — раз уж здесь обосновался центр совхоза, то и обычаи сложились соответствующие.

Нельзя упускать из виду и главную, пожалуй, причину распада края: вынут духовный стержень. Ведь в центральных районах России даже закрытые кирпичные сельские храмы продолжают все-таки как-то и местность "держат" своими высокими колокольнями, и душу, постоянно наталкивающуюся взглядом на вознесенный в небо крест, не допускают упасть на самое дно безобразия, — а на Севере, где тысячи храмов были деревянными (вечным памятником этому сказочному и утраченному уже богатству останется первый том выпущенной в 1910 г. "Истории русского искусства" под редакцией И. Грабаря, в котором обширная глава с более чем сотнею фотоиллюстраций посвящена северному деревянному зодчеству, в основном церковному), — они почти все уже успели исчезнуть с лица земли, потому что дерево, подобно живому существу, требует за собою постоянного ухода и попечения. Без человеческого участия деревянные постройки необычайно быстро превращаются в труху и распадаются. Вот один всему тому разительный пример — в современной Архангело-Холмогорской епархии, включающей в себя вместе с Архангельскою еще и Мурманскую область, и Коми АССР (со столицей в Перми) не насчитывается и дюжины действующих церквей, да и те сохранились только в городах.

..Но мы уже входим под своды Богородицерождественского храма. Раскрытый внутри — без обычного в старинных церквях низенького потолка — шатер его полон света, а иконостас выломан, и

одни лишь остатки убранства валяются в забитом мусором подвале. Здесь еще, как это сделалось обычным в архитектурных памятниках, обильно нагажено (тут кстати припомнить, кто был начальником этого кошуна: ведь именно за подобную мерзость в алтаре, да в придачу к ней еще воровство, выставили в свое время Иосифа Джугашвили из Тифлисской семинарии). Окна со старинными коваными решетками пробиты, ветер гуляет где хочет, и непогода постепенно делает свое сырое дело: одна галерея, подточенная гнилью, уже рухнула. Правда, в последние годы, как говорят, сюда наведывались студенты-архитекторы из Ленинграда, — но жители поторопились радоваться: они не собирались ставить церковь на охрану или чинить, а просто сочли ее подходящей, чтобы "практиковаться" обмерять здания.

И все же почитание святого Прокопия сохраняется до нашего времени по всему течению Устья от истоков ее и до самой Ваги, а в "Прокопьев день" 8 (по новому стилю — 21) июля никто здесь на работу не выходит, хотя и пытались как-то выгонять силой: он отмечается всеми как законный местный праздник. В самом Бестужеве гуляние теперь переместилось в сторону кладбища, куда ограбившие раку каты перетрясли когда-то посмертно мученические мощи праведного. И пусть, как и другие церковные праздники ныне, не все встречают его с положенною пристойностью, а молодежь иногда использует только как предлог упиться той "плодово-выгодной" дрянью, что продают в "сельпе" под именем вина (уходит с Севера и обычай варить к счастливым событиям свое пиво, как в старину, — целыми бочками; одна ложка для помешивания пивного котла вмещала литров десять), — не стоит торопиться осуждать, потому что даже и в такой искаженной форме это может стать порою первым уроком того главного на земле закона, который начисто исключен из современной школьной программы. Как знать, не эти ли вот веселящиеся полусознательно дети, вырастая духовно, позаботятся в грядущих годах о том, чтобы не пресеклось в Заволочье молитвенное поминание имени св. Прокопия Устьянского.

...Отправляясь вниз по течению реки дальше к самой Северной Двине, где-то далеко-далеко принимающей воды ее, соединенные с важскими, мы уже на автобусной станции услышали — и, конечно, снова нарочно, потому что таких случайностей не бывает в оживленной дыханием Духа природе, — как одна женщина пересказала приезжему родственнику совсем еще свежую современную легенду о том, кто теперь охраняет брошенный храм. Как умер последний наш батюшка-старичок, — говорила она, цокая по вологодскому обычаю на каждом "ч" и подчеркнуто произнося слова на "о", — то

из живых за церковь присматривать стало некому, и вот Бог наказал тогда ему и после смерти печься о высокой прокопьевой свече, двери которой злобесные люди широко растворили для осквернения. С тех самых пор жители Бестужева стали все чаще примечать как бы след поповой души, что летает легкою тенью вокруг шатра, стережет Божье место и даже, где сил хватает, подправляет разоренное здание. Верующие устьянцы, увидав носящегося в небе кругом церкви "батьку" своего, невольно осеняют себя крестным знаменем, благодаря Спасителя Христа за то, что не оставляет их без ангела-хранителя не только что от "губернского города Вологды", но и от ближайшей живой церкви в нескольких сотнях километров пути. Года три назад, однако, засек низко спустившуюся к алтарю воздушную благовестницу и глаз какого-то поганого человека, принявшегося стрелять в нее из охотничьего ружья и так напугавшего небесного сторожа, что тот, скрываясь от дурного сглаза, задел крышу, которая с той поры и покосилась несколько к югу... "А какой грех, встреть живую умершую душу, в нее палить-то, — сказала под конец женщина, — ведь коли дано кому увидеть больше других, то беспощадней и спросится".

Тут нам еще в связи с этим припомнилось, что в возобновленной недавно в некоторых православных храмах России древнейшей литургии апостола Иакова, брата Господня, есть как будто лучше всего подходящий именно к нам — вместо того "русского Бога", что так усердно провозглашался в конце прошлого века — истинно "русский вопль ко Христу": взамен "Господи помилуй" в этой службе поется: "Господи, ПОЩАДИ!..."

АРХИЕП. ПОЛТАВСКИЙ ФЕОДОСИЙ
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Леониду Ильичу Брежневу

Копии:

ПИМЕНУ, Патриарху Московскому и всея Руси
Филарету, Митрополиту Киевскому и Галицкому,
Патриаршему экзарху всея Украины.

Бог, создав человека, наделил его разумом, свободной волей и бессмертием. Хотя некоторые люди и оспаривают существование Бога, но все они в общем и целом согласны с тем, что человек обладает разумом, внутренней свободой и бессмертием, если и не личным, то по крайней мере — генетическим.

Эти три вышепоименованных фактора делают человека личностью и ставят его над животным миром. Грешит поэтому каждый, как против полноты человеческой природы, так и против ее Творца, кто запрещает человеку свободно мыслить, действовать и веровать в свое личное бессмертие.

* *
*

В нашем Отечестве, которое по праву считается самым демократическим в мире, были учтены насущные запросы человеческого духа, и поэтому его граждане получили все необходимые свободы, в том числе и религиозные.

Ныне действующая Советская Конституция в 52 ст. об этом говорит: "Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви".

Церковь, религия, таким образом, вышли из-под государственной опеки и стали частным делом. В одном из своих выступлений Ленин говорил: "Религия должна быть объявлена частным делом... Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью..."

Само собой понятно, никакое государство, в том числе и Советское, не потерпит внутри себя каких-либо сходов, собраний обществ, союзов, цель и намерения которых никому не известны.

В этой связи с отделением Церкви от Государства 23 января 1918 г. в нашей отечественной должностной номенклатуре появилось новое лицо, ныне именуемое Уполномоченным Совета при Совете Министров СССР по делам религии, на которое была возложена ответственность и благородная миссия — всегда быть справедливым и беспристрастным посредником между верующими и неверующими: ему вменялось в священную обязанность следить за точными исполнениями обеими сторонами Советского законодательства о религиозных культах, чтобы в силу этого те чувствовали себя равноправными членами единой советской семьи и свободными гражданами своей великой Родины. За недостатком данных не могу судить о деятельности уполномоченных по делам религии до 1940 года. Да и нет особой нужды в этом кратком письме ворошить дела давно минувших дней. Что же касается послевоенного времени, то можно с удовлетворением констатировать, что они, как правило, стояли на страже советской законности, оставаясь при этом лояльными по отношению к Церкви.

С 1958 по 1964 год, в Хрущевский период, эта гармония, к великому огорчению верующих, была нарушена.

Уполномоченные тогда, сойдя со своих нейтральных позиций, предусматриваемых советским законодательством, открыто встали во главе самых рьяных атеистов, стремящихся правдами и неправдами стереть с лица земли не только религию, но и все, что с ней связано.

В основном, это по их вине и разрушались храмы, было уничтожено немало памятников старины, и многие из духовных лиц, будучи через прессу опозоренными, лишились прав на служение.

Чтобы иметь представление о размахе этого атеистического разгула, назову лишь один факт: до 1958 года Полтавская епархия насчитывала 340 храмов, а в 1964 их осталось только 52.

С уходом Н. С. Хрущева со своего поста первого секретаря ЦК партии церковные дела несколько улучшились. Но ненадолго. Ибо цель уполномоченных, как представителей безбожия, осталась та же,

но к ней начали пробираться более деликатным путем. Говорю: более деликатным в сравнении с прошлыми годами, но в своей сущности далеко не деликатным.

Хотя В. И. Ленин и предупреждал, что не следует делать на религию "кавалерийских наскоков", но эти "наскоки" не столь уж редкое явление в наши дни.

На I Всероссийском съезде 19.XI.1918 года Владимир Ильич говорил, что бороться с религией "надо чрезвычайно осторожно, много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу: такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении".

По моему мнению, тот добрый и мудрый совет Вождя Революции в наше время уполномоченными начисто забыт. Они, или многие из них, бездумно вносят "остроту в борьбу" и без всякой оглядки озлобляют людей не только верующих, ибо жестокость никому не мила и не симпатична.

Чтобы не быть голословным, я прибегну к фактам.

* * *

Глобинский район Полтавской обл., насчитывающий 26 сельсоветов, имеет всего лишь один маленький глинобитный молитвенный дом, арендуемый церковной общиной у гр. Бодаковой Е. А., полезная площадь которого составляет 33 кв. метра, причем 12 из них приходится на алтарь, для молящихся же остается всего лишь 21 кв. метр.

Ввиду его ветхости и рыхлости стен, верующие решили вышеупомянутое здание обложить кирпичом. Работа, как видим, самая необходимая и без претензий на роскошь, но для ее осуществления нужно получить разрешение от местных властей.

Многие мучительные месяцы церковная община мытарствовалась по различным инстанциям, вплоть до Москвы, пока получила нужное (но на словах) разрешение.

Когда же верующие приступили к работе и было обложено две стены, случилось самое неожиданное. Далее цитирую отрывок из жалобы, направленной глобинскими верующими к разным компетентным органам власти. Здесь говорится: "Вдруг в полночь с 30 на 31 июня 1971 г. явился председатель сельсовета Кириленко С. А.,

постучал домохозяйке в окно, разбудил ее, сказал кто он (хозяйка его узнала) и добавил: "Ты не волнуйся и спи спокойно, а мы будем делать свое дело". И началось содрогание дома от сильных ударов..."

Домохозяйка от ужаса открыла дверь, хотела выскочить из дома, как в дверях ее схватил за руки милиционер и приказал не сметь кричать и вести себя смирно. На вопрос хозяйки, почему этот погром проводят ночью, а не днем, ответил: "Ночью никто из людей не увидит", а ее задерживают, чтобы она не начала кричать на улице и не узнала тех, кто участвует в этом деле".

Название такой "операции" — средневековый татарский набег в конце 20-го века.

20 комсомольцев под руководством члена партии, председателя сельсовета Кириленко С. А., произвели крепкий погром...

Были полностью разрушены обе законно построенные кирпичные стены, а в самом глинобитном здании было сделано несколько дыр.

Помню, на следующий день утром, после вышеописанных ночных событий, в моем кабинете сидели члены глобинской религиозной общины, бывалые фронтовики, и плакали навзрыд.

Я чем мог помог им. С неимоверно большими трудностями все же удалось обложить кирпичом молитвенный дом. Для окончательного ремонта осталось немного: снять с дома соломенную, давно прогнившую крышу и покрыть его тут же железным шифером. Казалось, что благоразумие вот-вот восторжествует. Но не тут-то было: в этой же жалобе говорится: "В результате всех людских мытарств, вернувшийся из отпуска Кириленко распорядился РСУ забрать обратно весь выданный строительный материал на капитальный ремонт дома Бодаковой Е. А. и вернуть домохозяйке внесенные деньги. 16 августа во время отсутствия домохозяйки (была на работе в колхозе) РСУ вывезли с ее двора 58 листов шифера, предназначенных на покрытие дома".

Ремонтные работы опять прекратились. И только в 1973 г., перед самой зимой, верующим удалось покрыть молитвенный дом старым кровельным железом, купленным где-то на стороне.

Из вышесказанного видно, что даже самая малая, можно сказать ничтожная, работа по ремонту самой обыкновенной сельской хатенки, в которой разместился молитвенный дом, требует от верующих громадных усилий, чтобы преодолеть все те препятствия и рогатки, которые иногда ставят местные представители власти.

Глобинской религиозной общине пришлось три долгих и мучительных года делать то, что при нормальных обстоятельствах можно было осуществить за три дня.

Я часто спрашиваю себя: "Зачем это? Для чего? Кому это нужно?"

Но, может быть, это какое-то недоразумение, досадная ошибка, случайность? Никак нет! В некоторых местах, к нашему прискорбию, это стало нормой атеистической пропаганды — это наша повседневная жизнь. Чтобы мои утверждения не казались беспочвенными, я приведу еще несколько фактов подобного рода.

* *

*

В Страстную Среду, 30 апреля 1975 года, вызвал меня к себе Полтавский Уполномоченный Нечитайло И. Я. Разговор шел о Белоцерковском молитвенном доме Великобагачанского района Полтавской обл. Здесь ситуация сложилась во всем подобная Глобинской.

Ввиду ветхости молитвенного домика (называю его домиком, ибо он этого заслуживает, так как был переоборудован из церковной сторожки), верующие пожелали обложить его кирпичом, а также подремонтировать крышу, протекавшую уже во многих местах. В этой связи они многократно обращались как к Уполномоченному, так и к местным гражданским властям, прося у них разрешение на ремонт упомянутого здания.

Решение также было получено в устной форме. Когда же церковная община заготовила нужные строительные материалы, частично сняла крышу и приступила к работе, местная власть отказалась от своего устного разрешения на ремонт, и верующих обвинили в незаконном строительстве. Поездки верующих в Киев и приезд оттуда компетентных представителей власти ни к чему не привели: ремонт был категорически запрещен.

Через неделю должна была быть Пасха — великий христианский праздник. Пошли проливные дожди. Глинобитное здание набухло и грозило обвалом. Чтобы выйти из создавшегося положения, верующие решили хотя бы временно и кое-как покрыть его шифером. Но власть имущие усмотрели в этом бунт, грозя всем и каждому в отдельности запрещениями. Не обошли и меня. Уполномоченный Нечитайло, упомянутого числа, обвинил меня в подстрекательстве, говоря, что я научил верующих ремонтировать крышу на молитвенном [далее неразборчиво]... части населения", — заявил он мне. Я ему ответил, что когда безбожники ремонтируют крыши на клубах и театрах, верующие несколько этим не возмущаются, а наоборот — радуются. Почему бы и атеистам не поступить таким же образом?

Однако Нечитайло не согласился со мной и грозил мое дело передать в прокуратуру.

А за что? За то, что верующая община хотела исправить крышу на своем молитвенном доме, дабы во время ненастной погоды не капало им на головы? Но ведь же и коровники в таком случае ремонтируются, неужели у Нечитайло верующие люди на худшем счету, чем колхозный скот?

Но вернемся к Белоцерковскому молитвенному дому. Миновало несколько дней, и Уполномоченный заявил, что молитвенный дом не стоит ремонтировать, так как через пять лет там намечается реконструкция поселка и он будет мешать. Я ответил, что пять лет слишком большой срок, чтобы не беспокоиться. К тому времени планы могут перемениться. Прошло еще несколько дней, и Уполномоченный заявил, что реконструкция может быть через три года. Я сказал, что нет причины для беспокойства и в этом случае. Спустя некоторое время он сказал, что реконструкция уже началась...

В этой связи местная власть при активной поддержке и с согласия Уполномоченного в категорической форме запретила верующим производить дальнейший ремонт крыши и за непослушание грозились трактором разрушить молитвенный дом. Церковной общине предлагалось найти себе здание для молитвенных собраний в каком-нибудь другом месте.

Это была непосильная задача, но и с этим было улажено. Община купила себе небольшой дом, начала приспособлять его к своим духовным целям. Прежде всего нужно было снять низкий потолок, оставив лишь одни стропила, дабы тем самым несколько сот молящихся в тесном помещении обеспечить воздухом. И хотя от такого изменения здание несколько не увеличилось и не меняло свой внешний вид, все же гражданские власти запретили это делать. Довелось довольно долго объяснять Уполномоченному, что верующие, снимая потолок внутри здания, никаких советских законов не нарушают своими действиями. Вопрос идет всего лишь о воздухе. Неужели мы людям, советским труженикам, его пожалеем? И это было наконец улажено.

Возле старого молитвенного дома было шесть соток двора. Когда община перешла на новое место, ей отвели две сотки. При такой ситуации верующим просто было негде ни встать, ни сесть, особенно же в большие праздники при огромном стечении народа. Довелось по этому поводу вести довольно длинные переговоры, чтобы хоть немного увеличить площадь церковного двора.

В конце концов все было позади: в сентябре в Белоцерковском молитвенном доме состоялось первое богослужение. Осталось только привести в порядок церковную сторожку, ободранную, крытую старым камышом и поэтому портившую вид на церковном дворе. Но Уполномоченный решительно воспротивился этому: "Никаких ремонтов", — заявил он верующим, а затем и мне, когда я поддержал их ходатайство по данному вопросу.

Как известно, на Украине храмы в большинстве своем не отапливаются, отчего суровыми зимами в них бывает довольно-таки холодно. Иногда при храмах по этой причине имеются небольшие сторожки, где священник может переодеться, погреться и где также совершаются крещения.

Получив отказ на ремонт сторожки, верующие просили разрешения у местных властей разрешить им, по меньшей мере, поставить там печку для ее обогрева, но им и в этом немногим было отказано. Все же после долгих, почти двухлетних упрасиваний в текущем году, зимой, когда морозы достигали до 20 градусов, их просьба была удовлетворена. Печку поставили, и мне об этом с торжественным видом и радостью сообщил местный священник. Признаться, радовался и я с ним: как-никак печку поставили! Пусть и самую обыкновенную, кирпичную. Но это тоже победа! Быть может где-то в другом месте кому-либо и собор легче построить, чем нам эту печку.

Вам, многоуважаемый Леонид Ильич, все это может показаться диким и невероятным. Но это, к сожалению, все так. Я говорю правду, и только правду. Есть у нас горе-атеисты, вдохновляемые Уполномоченными, которые, прикрываясь советскими законами, пробуют свои силы на нервах своих верующих собратьев.

Уже третий год пошел, как Белоцерковская религиозная община возбудила ходатайство о ремонте сторожки возле их молитвенного дома. Просят очень немногого: вместо гнилого камыша покрыть ее более современным материалом. Уже и кровельное железо припасено, но приступить к работе нельзя: "Закон не велит!" — так объясняет Полтавский Уполномоченный по делам религии.

Это не закон, а самое вопиющее беззаконие! Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 года гласит, что "лица, принявшие здание культа, ... обязуются:

а) хранить и беречь его как вверенное им государственное имущество; б) производить ремонт зданий культа, а также вести расходы, связанные с владением и пользованием этим имуществом: как то: по отоплению, страхованию, охране, оплате налогов, сборов и т. п."

А как же его, государственное имущество, беречь и хранить, если Уполномоченный не разрешает его ремонтировать? Как его отапливать без печки?

Можно было бы не распространяться по поводу этих церковных сторожек и печек. Но мне хочется Вам показать, какими ничемными средствами атеисты во главе с Уполномоченным ведут борьбу с религией. Им, по всей вероятности, кажется, что стоит лишь не дать поставить печку, или не разрешить покрасить крышу здания, принадлежащего верующей общине, как религия на Полтаве тут же рухнет, и они будут награждены орденами победителей.

Уполномоченный лишь одного, и притом самого главного, не желает понять, что своим воинствованием в отношении верующих он сеет недовольство среди народных масс, что бесполезно во всех отношениях.

* *
*

Чтобы более полно представить себе картину борьбы Уполномоченного против верующих, — я вынужден привести здесь еще один случай, не нашедший до сих пор своего законного разрешения и который, можно сказать, стал той последней каплей, которая переполнила наше многолетнее терпение и побудила меня побеспокоить Вас этим письмом.

Здесь речь пойдет о славной Миргородской земле, некогда воспетой нашим гениальным земляком Н. В. Гоголем.

Верующие вот уже больше года стенают и плачут по вине того же Уполномоченного. После многочисленных хождений по разным инстанциям, начиная с сельсовета и кончая Киевом, верующие села Поливяное Миргородского района Полтавской области написали прошение в Москву Председателю Совета по делам религии при Совете Министров СССР Куроедову В. А., непоколебимо веря, что после всех мытарств наконец-то правда восторжествует.

Дабы ситуация, создавшаяся в этом селе, стала более понятной, я полностью приведу здесь прошение верующих, направленное ими в Москву. В нем говорится:

"В августе 1976 года несколько членов двадчатки без ведома и согласия всей общины церковное имущество перенесли в новое здание, стоявшее пустым после смерти его хозяйки. Переход был сделан с согласия ближайших родственников покойной.

Наше новое церковное помещение мы намеревались вскоре оформить надлежащим образом у местных властей. Но, к нашему огорчению, не успели этого сделать, так как 8 сентября того же года председатель сельсовета А. М. Ручий на нашем новом молитвенном доме сорвал замки, вошел туда, опрокинул престол, Жертвенник, выбрал все церковное имущество, погрузил на подводу и увез в сельсовет.

И уже восьмой месяц мы, старики и инвалиды, ходим к местным властям, но никто нам не хочет помочь вернуть нам наш молитвенный дом.

В настоящее время мы опять вернулись в свой прежний молитвенный дом, который за нами закреплен и зарегистрирован. У нас имеется священник и двадцатка, но молиться все еще не можем, так как Уполномоченный отказывается зарегистрировать старосту на том основании, что она малограмотна. Это верно, но где же нам взять грамотную, если мы все такие. Разве неграмотным и малограмотным запрещено молиться? И нужно ли из-за этого закрывать наше молитвенное здание?

Мы понимаем, что, переходя в новое здание без ведома властей, мы нарушили соответствующий порядок, но это сделали лишь некоторые из общины. Зачем же наказывать всю общину? Зачем закрывать молитвенный дом, который обслуживает много сел в округности?

Некоторые из нас нарушили закон о культах, но это было сделано без злого умысла и от этого никто не пострадал, если не считать нас самих. Мы нарушили закон, но это потому, что мы больше привыкли к лопатам и граблям, чем к тонкостям юридических наук.

Несмотря на наши многочисленные просьбы и обильные слезы, местные власти отказываются пособить нашему горю. Даже больше того: председатель Поливянского сельсовета А. М. Ручий запугивает верующих. Одному он говорит: "Я на тебя наеду машиной!", другому: "Я тебе не дам пенсии", или же: "Я у тебя отберу огород!"

Нас, стариков, лишили нашей радости — молитвенного дома.

Мы верим в правду, мы верим нашему родному Правительству, и потому слезно просим Вас вернуть нам наш молитвенный дом, дать нам спокойно молиться за нашу горячо любимую Родину и наших погибших на фронте мужей и детей.

С уважением к Вам верующие христиане вместе с членами церковной двадцатки".

Под прошением стоит 356 подписей верующих прихожан вышеупомянутого, ныне временно не действующего, молитвенного дома.

Упомянутое прошение верующие принесли ко мне и просили отправить его по назначению.

Не имея морального права оставаться в стороне от всех этих событий, а также желая придать данному документу больше значимости и авторитета, я со своей стороны написал к нему, этому Прошению, небольшое препроводительное письмо на имя В. А. Куроедова.

Вот что я написал: "При этом почтительнейше препровождаю Прошение верующих с. Поливяное Миргородского района Полтавской области по их слезному настоянию".

Как епископ Полтавской Епархии, со своей стороны я поддерживаю верующих с. Поливяное в просьбе и ходатайствую о скорейшем удовлетворении их законной просьбы".

Много ли просят Поливянские жители и окрестных сел в своем Прошении? Только, говоря словами служебника, тихой "христианской кончины" — не больше. Почему бы им этого не дать?! Они отдали для своей Родины все, чем были богаты: свои мозолистые руки и сердце, отдали для защиты Отечества своих сыновей, мужей и дочерей, а теперь на склоне лет своих хотят отдохнуть душой, мирно умереть и быть похороненными по христианскому обычаю. Кому из местных властей это может быть помехой? Но у Полтавского уполномоченного свои рассуждения на этот счет. Он Поливянским жителям говорит: "Идите молиться в Миргород!" Это 12, а некоторым и 20 километров нужно идти пешком туда и столько же обратно, так как автобус тут не всегда имеется. И чего ради им куда-то идти, если в своем селе есть свой молитвенный дом? Я однажды спросил Нечитайла: "Что было бы, если бы Вы в упомянутом селе закрыли клуб, просто так, без всякой надобности, а молодежи посоветовали бы ходить танцевать и веселиться в Миргород? Как бы на Вас в таком случае взглянуло вышестоящее начальство?" Он промолчал.

Уполномоченный И. Я. Нечитайло в Поливянском занимается неразумным жестоким экспериментом и казнит духовно ни в чем неповинных людей.

Прошение верующих с. Поливяное и мое препроводительное письмо к нему было послано 12 мая, а ровно через 12 дней, т. е. 24 мая утром, мне по телефону позвонил Полтавский уполномоченный Нечитайло И. Я. Он был зол, раздражен и говорил на высоких регистрах: "Вы должны сейчас же приехать ко мне", — заявил он в категорической форме. Я ему ответил, что, к моему огорчению, сию минуту не могу явиться к нему, т. к. епархиальный шофер отпросился в больницу. Но как только он вернется, я тут же постараюсь

прибыть. "Вы так всегда мне делаете, — кричал в трубку Нечитайло, — как только я Вас вызываю, Вы находите какие-то отговорки. В прошлом году Вам рвы мешали, а сейчас шофер!"

Слушая его, я не знал, чему больше удивляться: то ли его мелочной придирчивости, то ли тому тону, с которым он обращался ко мне.

В прошлом году действительно был случай, когда я опоздал к Уполномоченному на четверть часа из-за того, что в одном месте производился ремонт дороги и нам пришлось делать объезд. Я тогда же объяснил, в чем дело, и принес свои извинения. Зачем же говорить, что я это делаю "всегда".

Шофер вскоре возвратился из больницы, и я в 12 дня уже был у Нечитайло И. Я. В его кабинете сидел он и два его помощника.

Беседы, собственно говоря, как таковой на сей раз не было. Уполномоченный играл роль моего обвинителя. Но главным пунктом обвинения было Прощение верующих с. Поливяное и мое письмо В. А. Куредову, которое Уполномоченный держал в руках.

"Вам это знакомо?" — спросил он, показывая конверт.

"Да, знакомо", — ответил я.

"Вы не имели права делать этого. Вы нарушили советский закон!" — говорит он. Я попросил уточнить, какой именно из законов я нарушил. Отвечая на это, он сказал: "Вы вмешиваетесь в дела верующих, помогали составить Прощение, Вы отправили его". "Не вижу здесь никакого нарушения советской законности, — сказал я. — Прощения я им не писал, а что помогал верующим своими советами и сочувствовал им, то делать это мне велит архиерейская совесть и долг. Если Епископ не окажет помощи верующим, то где же и в каком месте им ее искать? И в чем, в таком случае, состоит служение Епископа?"

"Вы на нас в Москву писали, — продолжал Нечитайло, — поэтому я официально заявляю Вам, что мы напишем в Москву также и на Вас!"

Немного выше я нарочито привел полностью свое письмо Куредову. Из него каждому здравомыслящему видно, что там нет жалобы на уполномоченного, даже имя его не упоминается, но он решил мстить мне даже за то самое крохотное, что я себе позволил сделать в защиту обиженной своей паствы — мстить, чтобы раз и навсегда отучить Епископа от любой инициативы в вопросах веры и заставить его бездействовать и молчать!

А молчание, как известно, не всегда — золото. Потому-то один из видных современных Епископов и говорил: "Молчать опасно, медлить преступно!"

Наша Русская Православная Церковь ныне попала в ту опасную для нее полосу, когда смело и безнаказанно бесчинствуют нечитайлы, и поэтому нужно сказать правду ради блага всех, даже и Нечитайла, сказать потому, что дальше "молчать опасно"! Терпение наше иссякает, мы доведены до крайнего и отчаянного положения, когда нужно сказать уже теперь, сегодня, ибо "медлить преступно"!

"Мы долго искали с Вами взаимопонимания, — говорит далее Уполномоченный, — но не нашли его".

Эта фраза требует некоторой расшифровки. Когда между Епископом и Уполномоченным нет взаимопонимания, то это значит, что Епископу придется платить по большому счету: его посылают на другую, худшую кафедру, отчисляют за штат, или еще что-нибудь в этом роде.

Какого же "взаимопонимания" столь ревностно добивался от меня Уполномоченный по Полтавской области Нечитайло? Это будет видно из следующего.

20 ноября 1975 г. И. Я. Нечитайло явился ко мне в Епархиальное управление и потребовал от меня, чтобы я как можно меньше рукополагал в священный сан. Я ответил, что рукополагаю и так меньше, чем это требуется обстоятельствами.

"А в других епархиях вовсе нет рукоположения", — заметил он.

"За другие епархии я не в ответе", — сказал я уполномоченному. Затем он предложил, чтобы я объединил или закрыл, по его выражению, некоторые "малосильные приходы". Я сказал, что Епископы существуют для того, чтобы открывать храмы, а не закрывать их.

"А что бы вы делали, если бы местная власть без вашего ведома и согласия закрыла храм?" — задал он мне один вопрос.

"Каждый храм стоит больше моей жизни, и я буду его защищать больше, нежели мою собственную жизнь, буду защищать его до последнего моего вздыхания", — ответил я.

Из вышесказанного видно, что взаимопонимание по-нечитайловски — это не что иное, как прямое пособничество Епископа Уполномоченному в его атеистических делах.

Но вернемся к моей беседе с Уполномоченным от 24 мая сего года. То, что он мне тогда сказал, является в какой-то мере характерным не только для Полтавы, но и частично показывает, какими правами Церковь и верующие у нас пользуются вообще.

1. Уполномоченный по Полтавской обл., обвиняя меня, говорил: "Вы без моего ведома посылали священника служить в незакрепленный за ним храм".

Был один такой случай. В Спасской церкви города Полтавы неожиданно заболел священник. Поскольку людей на богослужение собралось много и службу отменить было уже нельзя, а также ввиду того, что был выходной день у Уполномоченного и нельзя было согласовать с ним этого вопроса, я поневоле без его ведома послал из Полтавского собора священника В. Бондаренко.

Действующее советское законодательство о религиозных культах запрещает Епископу назначать священника на постоянное служение, но там ничего не говорится о взаимовыручке, об одном единственном служении. Может, скажем, педагог заменить педагога на время его болезни. И делается это без всякого бюрократства. Нечитайло предлагает нам в этом случае также требования: заболевший священник должен сдать свою регистрационную справку (а как он ее сдаст, если лежит в постели?), а другой, согласившийся заменить его, пусть даже на одно богослужение, обязан получить вышеупомянутую справку. А как ее получить, если это опять будет выходной?

"Меня об этом должны предупреждать заранее", — настаивает на своем Нечитайло. Но кто же может знать о том, что он через два-три дня заболит? Да и нужна ли в Церкви эта волокита, если она и в самом деле отделена от государства?

Минуло некоторое время. Уполномоченный позвал к себе священника В. Бондаренко, один раз послужившего в Спасской церкви по нашему благословию, и забрал у него регистрацию. Потом вернул, но погрозил, если он "еще раз нарушит советское законодательство, то не получит места не только в Полтавской обл., но и в любой другой".

Нарушений, собственно, никаких не было, но Уполномоченный уже готов человека лишить работы.

С кем в данном случае Нечитайло борется: с религией или с верующим человеком? И вполне ли законный такой принцип управления? И какие права, после этого, остаются у Епископа? Вот что хочется спросить.

2. Он, Уполномоченный, говорит, что на приходах по завышенным ценам продаются иконки, крестики, свечи.

Во-первых, все это недорого — редко, когда больше одного рубля; во-вторых, я никогда не слышал, чтобы верующие жаловались на недоступность цен; и в-третьих, имеет ли Уполномоченный право вмешиваться в эти дела?

3. Нечитайло И. Я. без всякого повода заявляет, что церковные старосты мало перечисляют денег в разные добровольные фонды (государственные). Такое его утверждение противоречит действительности. И я сейчас покажу это документально.

На разные государственные нужды приходы Полтавской обл. перечислили:

в 1968 г. —	36210 руб.
в 1969 г. —	37270 руб.
в 1970 г. —	67964 руб.
в 1971 г. —	74261 руб.
в 1972 г. —	110404 руб.
в 1973 г. —	114757 руб.
в 1974 г. —	134630 руб.
в 1975 г. —	149573 руб.
в 1976 г. —	161328 руб.

Эти цифровые данные имеются также и у Уполномоченного, и ему, конечно, хорошо известно подлинное положение вещей по данному вопросу, но почему он говорит так, мне неизвестно.

Для сравнения скажу, что Полтавское епархиальное Управление в 1976 году от приходов получило 124296 рублей, то есть на 36402 руб. меньше, чем было перечислено на государственные нужды.

Чтобы внести ясность по вышеозначенному предмету, сделаю некоторое отступление.

Начиная с 1968 года, приходы Русской Православной Церкви взяли на себя благородный почин вносить посильные денежные суммы на государственные нужды — в "фонд мира" и на "ремонт памятников старины".

Храмы Полтавской епархии для упомянутых целей перечисляли сначала пять, потом десять, пятнадцать и двадцать процентов от своих денежных оборотов. Но в последнее время Уполномоченный начал настаивать, дабы некоторые приходы, подчас в ущерб себе, вносили 30, а то и 40 процентов.

В свое время я говорил Уполномоченному, что наши приходы не вынесут столь большой добровольной денежной нагрузки и что это им грозит экономической несостоятельностью.

Помнится мне, по чистой случайности я тогда в качестве наглядного примера приводил село Поливяное, уже не раз упоминавшееся в этом письме. Годичный валовой оборот этого молитвенного дома составляет 3,5 тыс. руб. При тридцатипроцентном отчислении на государственные нужды эта сумма будет распределяться следующим образом:

1) Годичная зарплата священника и псаломщика	1500 руб.
2) Годичная зарплата исполнительного органа	370 руб.
3) Годичная зарплата обслуживающего персонала	376 руб.

4) Издержки на ремонт зданий за год	200 руб.
5) Отчисления на государственные нужды	1050 руб.

Итого: 3496 руб.

В церковной кассе остается 4 рубля. Неизвестно, откуда взять денег для уплаты:

- а) земельной ренты
- б) государственной страховки
- в) покупки церковных товаров
- г) для епархиального пенсионного фонда.

Не является секретом тот факт, что если бы какая-либо церковная община не уплатила положенной суммы за земельную ренту или страховку, райисполком с таковой, пользуясь правом, мог легко расторгнуть арендный договор и тем самым закрыть храм. Поскольку на Полтавщине много храмов экономически слабых — все они таким образом могли бы оказаться под угрозой закрытия. И у меня, как Епископа, это не могло не вызвать законного беспокойства.

А что сказать относительно епархиального пенсионного фонда? Ведь если церковные старосты не в состоянии будут делать свои отчисления в Епархиальное Управление, наши пенсионеры лишатся последних средств к существованию, пенсия которых и так не очень велика: в большинстве своем она составляет 35–50 руб. в месяц.

4. И. Я. Нечитайло говорит, что я "переманиваю духовенство в Полтаву из западных областей Украины".

В настоящее время из Западной Украины на Полтавщине служат два священника — ни одного из них я раньше не знал, и следовательно не мог их "перемануть".

Мне кажется, тут следует удивляться не тому, что на Полтавщине служат два священника из западных областей Украины, а тому, почему бы им тут не служить? Почему Уполномоченный делит Украину на две части, когда она у нас одна? И почему противопоставлять одну часть Украины другой? Что за преступление Уполномоченный усмотрел в том, что люди одних областей, скажем западных, едут жить и работать в другие области, восточные, или же наоборот?

Да ведь же самое советское законодательство дает человеку право жить там, где он пожелает. Согласно Программе Российской социал-демократической партии, принятой на II съезде Партии в 1903 году, каждый гражданин имеет право на "свободу передвижения". Или, может быть, духовенство лишено этих элементарных прав? Я не слышал об этом. Скорее всего это изобретение Нечитайло.

5. Уполномоченный хотел бы сделать меня ответственным за то, что некоторые из заштатных священников крестят желающих у себя дома. У меня нет никакой возможности следить за домами этого духовенства, да и нужно ли это делать, если, по словам Ленина, "государству не должно быть дела до религии"?

Многие из желающих принять Святое Крещение, и в то же время боясь обращаться с этой просьбой в Церковь, где ведется по приказу Уполномоченного регистрация всех требоисправлений, поневоле идут к священникам, находящимся на пенсии и не ведущим никаких записей.

Полтавский Уполномоченный борется со следствием — нужно удалить причину, т. е. прекратить отслеживание верующих, и следствие само собой отпадет.

6. Уполномоченный обвиняет духовенство Полтавского Кафедрального собора в том, что оно якобы совершает заочные крещения. Чтобы понять, о чем тут речь, я вынужден вкратце рассказать все по порядку.

В прошлом году, в августе месяце, Бабий Виктор Васильевич, проживающий в г. Полтаве по ул. Хоткевича, 6/5, работающий шофером, крестился в Полтавском соборе. Вскоре этот факт, благодаря регистрационной книге, стал известен Уполномоченному, а потом и непосредственно начальству. Будучи вызванным администрацией по этому поводу, Бабий, видимо испугавшись, сказал, что он не крестился и что ему об этом ничего не известно. На этом шатком основании Уполномоченный построил свою не менее шаткую теорию, согласно которой Бабий был крещен заочно. Я объяснил ему, что такого рода Крещение в Православной Церкви считается недействительным и поэтому не практиковалось. Однако Уполномоченный не поверил мне и начал вести расследование, обещая строго наказать виновных — духовенство и церковный совет.

Узнав о грозящих духовенству неприятностях, мать Бабия, присутствовавшая при крещении своего сына, подтвердила данный факт письменно. Но оказывается и это не убедило Нечитайла — он по сей день все еще ведет "расследование" по этому делу.

7. Дабы избежать недоразумений, возникающих якобы в связи с "заочным крещением" Бабия В. В., уполномоченный по делам религии Нечитайло вменяет нам в обязанность впредь доносить ему о всяком взрослом, изъявившем желание принять Святое Крещение. Он говорит: "Не спешите с крещением взрослых. Сначала возьмите у них адреса, сообщите об этом мне, а потом через недельку-другую можете делать свое дело".

Не обязательно обладать особой проницательностью ума, чтобы понять, куда клонит Нечитайло. Сообщим мы ему адрес желающего принять таинство крещения, как он подвергнется такой мощной обработке, что поневоле он уже будет отказываться от своего желания, по крайней мере на некоторое время.

И опять-таки мне никак не понятно, почему каждый крещаемый вызывает столь сильный интерес, даже тревогу местных властей. Если крещение как поступок является таким же частным делом, как еда, прогулка и отдых, то оно не должно нигде регистрироваться и быть безразличным для властей; если же эти власти ведут пристальное наблюдение за нами, значит оно — акт государственной важности. Но как же в таком случае нужно понимать принцип отделения Церкви от государства и ленинское учение о том, что религия является частным делом?

Я не могу согласиться с требованиями Уполномоченного выдавать ему адреса всех взрослых, пожелавших принять крещение, т. к. это противоречит не только всему советскому законодательству о культах, но и ставит духовенство в унижительное положение сделаться сыщиками в пользу того же самого атеиста Уполномоченного.

Ленин в своей статье "Социализм и религия" в свое время сильно возмущался "против казенщины и чиновничьего произвола, против полицейского сыска, навязанного служителям Бога".

Желает ли Нечитайло, вопреки Ленину, навязывать нам опять "полицейский сыск"?

Да сохранит нас Господь от этого ужаса и позора!

Уполномоченный настаивает непременно давать ему сведения о всех имеющих намерение поступать на учебу в духовную семинарию.

Такое требование с его стороны вселяет в меня тревогу, основанную на горьком опыте прошлого.

С 1960 по 1964 год я состоял секретарем Правления при Волынской Духовной Семинарии. По долгу своей службы мне приходилось самым тесным образом соприкасаться с разными сторонами жизни упомянутой школы, а также часто общаться с Федуловым А. А. — уполномоченным по делам религии в Волыни. Он также старался всеми способами получить заранее данные о поступающих в Духовную школу. Добившись своего, он давал знать по соответствующим адресам, и их не отпускали с места работы, не снимали с военного учета, не выписывали и т. д., т. е. делали все, чтобы помешать им поступить в Духовную школу. Если кто-либо из них каким-то чудом и прорывался в стены школы, то ему, по настоянию Уполномоченного,

здесь в паспортном столе отказывали в прописке, и Волынская Духовная Семинария т. о. в 1964 г., как "нерентабельная", по выражению некоторых, была закрыта.

Не думает ли Нечитайло И. Я. волынское сито использовать на Полтавской земле? Если так, то вверенная мне Епархия лишится своих последних крох.

Всем известно, что лица, поступившие в любое советское учебное заведение, не подвергаются никаким предварительным "изучениям" или "обработкам". И это несмотря на то, что многие из них потом пойдут на немаловажную политическую роль.

Наши же питомцы — будущие священники, служители Бога, не вмешиваются ни в какие политические дела. Их занятие — молитва "о мире всего мира, о болящих, о страждущих, о труждающихся, о богохранимой стране нашей". Поэтому вызывает удивление то, почему они подвергаются столь тщательному изучению уполномоченных по делам религии.

Впрочем, если все хорошо продумать и проанализировать отдельные факты, полагаю, не так трудно будет догадаться, что кроется за действиями уполномоченного и что входит в его намерения.

Пожалуй, самым больным местом в Русской Православной Церкви на сегодняшний день являются ее кадры: их нехватка ощущается повсеместно, особенно же — на Украине, где наложен запрет на рукоположение в священный сан. Старое духовенство убывает, а нового недостаточно. Есть области, где десятки религиозных общин годами остаются без духовного окормления, в некоторых — один священник обслуживает 3—4 прихода.

Истинная цель каждого Уполномоченного, и Полтавского тоже, любыми средствами помешать притоку новых кадров в Церковь, помешать поступлению в Семинарию, и тогда храмы, оставшись без священников, сами собой закрываются.

Как это делается на Полтавщине, покажу на примере. Когда я сюда прибыл в 1967 г., мне разрешалось принимать духовенство из других епархий, из чужих областей, а также подыскивать достойных кандидатов и рукополагать их в священный сан. Потом мне запретили принимать духовенство из других епархий, но не лишали права рукополагать. Еще немного, и мне сказали: "Рукополагайте полтавских, а чужих не надо". Спустя несколько времени, мне сообщили, что я могу рукополагать только местных пенсионеров. Немного погодя мне говорят: "Можешь рукополагать только псаломщиков своей епархии". Через некоторое время мне было приказано рукополагать только тех псаломщиков, кои находятся на этой работе не

менее десяти лет. А теперь мне запрещено вообще кого-либо рукополагать. Нет, должен здесь сделать небольшую оговорку. Уполномоченный по Полтавской области милостиво даровал мне право рукополагать всех окончивших Духовную Семинарию. Он хорошо знает, что этим правом я почти не могу воспользоваться, т. к. на сегодняшний день я имею в Семинарии [далее неразборчиво] ... академию учиться, то окончат ее через два-три года.

Уже теперь в Полтавской епархии недостает восьми человек духовенства. И если учесть, что каждый год в среднем выбывает за штат и умирает 7 человек, то через два года к 8 прибавится еще 14, всего же в таком случае будет не хватать 22 человека, говоря другими словами, около 20 храмов будет стоять без священников и ожидать своего законного закрытия.

Я однажды спросил Уполномоченного, какими советскими законами он руководствуется, когда запрещает мне рукополагать не семинаристов? Он мне, ничуть не краснея, ответил: "Вы рукополагаете людей духовно неподготовленных, малограмотных, разных там конюхов... А мы боремся за чистоту ваших кадров". Возражая ему на это, я сказал: "Разрешите мне, как Епископу, самому позаботиться об этом". Но Уполномоченный ответил мне категорическим "нет".

Итак, усердием нечитайл Русская Православная Церковь обречена на медленное умирание. А сейчас она пока пьет огненную чашу страданий.

Мне часто приходилось слышать от Полтавского Уполномоченного о нарушении нами разных советских законов о культах, что поневоле создает впечатление, будто духовенство и верующие затем только и существуют, чтобы делать эти нарушения. В рамки этих "нарушений" Нечитайло втискивает буквально все, даже то, что когда-то я опоздал к нему на прием на четверть часа.

По моему мнению, ближайший смысл каждого закона заключается в том, чтобы он охранял общество в целом и каждую личность в отдельности от всякого рода насилия и произвола. Его цель пресекать всякое зло. Закон же, который не имеет в виду этих моментов, является пустой волокитой. И нарушения, от которых никто не страдает, не могут считаться нарушениями в юридическом смысле.

* *
*

Но вернемся к делу и посмотрим на качество тех нарушений, о которых постоянно твердит Уполномоченный.

В прошлом году, летом, церковная община села Веприк Гадячского района Полтавской обл. решила на своем храме покрасить крышу. Этого не запрещает делать ни один советский закон, а что касается арендного договора, то он текущие ремонты ставит верующим даже в прямую обязанность. Несмотря на это, местные власти запретили ей, общине, производить покраску. В этом году весной та же община уже без всякого разрешения покрасила крышу своего храма.

Кто же в данном случае нарушил закон: церковная община, которая ремонтирует здание, старается сохранить его для государства и потомства, или местная власть, поступающая вопреки всякой здравой логике и тому же самому арендному договору?

Несколько выше мы уже говорили, что цель каждого закона — пресечение зла. Какое же зло совершили или собирались совершить верующие покраской крыши на своем храме? И кто, в сущности, от этого их поступка пострадал? Никто! Наоборот, своим "нарушением" они сохранили от порчи государственное имущество. Так в чем же дело? Неужели Гадячское начальство не знает таких простых вещей? Думаю, знает. Смысл же его деяний, мне кажется, заключается в следующем: не дать верующим возможности отремонтировать церковные здания, довести их до частичного разрушения, а потом признать их аварийными и со спокойной совестью закрыть. Именно так и стоял вопрос в отношении Белоцерковского молитвенного дома.

То, что я говорю о селе Веприк, не является досадным недоразумением. Такие вещи можно наблюдать во всех концах Украины, где имеются свои горе-законники. За время десятилетнего пребывания на Полтавщине мне ни разу не приходилось видеть резолюцию Уполномоченного, разрешающую ремонт церкви. Поэтому все ремонты приходится делать "с нарушениями".

Получается довольно таки странная ситуация: разрешения на ремонт храма не дают, а когда начинаешь его ремонтировать, тут же попадаешь в категорию нарушителей.

* *
*

На мой взгляд, лучшим выходом из создавшегося положения было бы издание точного, ясного закона по этому вопросу.

Желательно, чтобы этот закон разрешал текущий, и даже капитальный ремонт молитвенных домов, как не имеющих исторического значения, без всякого специального разрешения местных властей. Это избавило бы всех от резких трений и недоразумений на местах, а также спасло бы от никому не нужной волокиты, когда на перекрытие крыши на молитвенном доме нужно ехать за разрешением не только в область, но и в Киев, Москву, Министерство, как это мы видели уже на Глобинском примере. Что же касается спецразрешений, то они должны выдаваться только в том случае, когда ремонтируется храм, имеющий значение памятника старины или же представляющий собой ценность в архитектурном смысле.

* *
*

А вот еще один пример "нарушения" духовенством советского законодательства. В своей докладной записке на мое имя священник Свято-Димитровского дома поселка Ремодан Полтавской обл. Пантелеймон Мисяренко пишет: "5 марта 1974 года меня и старосту вызвали повестками на заседание сессии исполкома поселкового совета за нарушение нами религиозной законности, которая состояла в следующем:

Во время одного из погребений, из-за того, что труп был уже разложен и к моему приходу находился во дворе (из-за распространения зловония его нельзя было держать в квартире), то по настоянию родственников покойного отпевание было совершено во дворе под открытым небом (покойника не хоронили 5 суток, дожидаясь приезда сына из района Крайнего Севера, вследствие чего труп разложился. Не войти в положение этих людей было по-человечески невозможно). За это нас, меня и старосту, оштрафовали по 50 рублей каждого".

За что же, собственно говоря, поселковый совет наказал священника и церковного старосту? Совершенно непонятно. Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 1.XI-76 г. в III разделе в 25 параграфе гласит: "Совершение религиозных обрядов в квартирах и домах верующих или тяжелобольных, а также на кладбищах и в крематориях производится без разрешения и уведомления исполнительного комитета районного, городского совета депутатов трудящихся".

Из вышесказанного видно, что Указ Президиума был нарушен не священником, а поселковым советом, точнее, его председателем Кудрявским. Но наказан был все-таки священник. Да иного исхода и ждать нельзя было, ибо во всех случаях всегда является виновным священник, "поп", и никаким образом представитель власти.

Вот так мы и "нарушаем" советское законодательство о культах и штрафы платим, и жаловаться никому нельзя, потому что так еще хуже. Начнут мстить, а Нечитайло И. Я. может вызвать к себе священника в Спасской церкви.

Между прочим, еще раз об этом случае. Что могло бы произойти, если бы я тогда не направил священника на службу в Спасскую церковь. Ситуация, полагаю, могла бы развернуться следующим образом. Из упомянутого храма ко мне пришла бы делегация от имени религиозной общины, прося дать им для совершения богослужения священника. Я им сказал бы, что не могу этого сделать без разрешения Уполномоченного. Впечатление у верующих от такого заявления могло бы быть самым отрицательным. Они справедливо из этого могли бы заключить, что без атеистического благословения Уполномоченного в церкви не совершается ни одно Святое богослужение. Хотел ли Нечитайло верующих ввергнуть в такое странное заблуждение? Или оно в самом деле так и есть?

* *
*

Но, кажется, больше всего "нарушений" приходится на долю крещений. В этой области фантазия Уполномоченного просто таки неистощима. Говоря об упомянутом уже здесь Бабии, он сначала сказал, что мы его насильно крестили. Пришлось немало приложить стараний, чтобы убедить его, что это невозможно. Тогда он выдвинул новую теорию, согласно которой мы его крестили заочно. Что же, пожалуй, Нечитайло за это "открытие" может получить "пальму первенства": ибо до сих пор, уже на протяжении двух тысячелетий до такого никто не мог додуматься. Получается нечто по русской пословице: "меня без меня женили".

Все же чаще всего "нарушителями" в этой области является заштатное духовенство. Но кто в этом виноват? Опять тот же Уполномоченный.

Бабий В. В., который после своего крещения в Церкви "узнал", почем "ковш лиха", теперь десятому закажет соблюдать в этом вопросе максимальную осторожность. И вот потянутся духовно жаждущие

по глухим переулкам под покровом ночи к домам заштатного духовенства, прося крестить их самих и их детей.

А не лучше было бы не регистрировать человеческую совесть, человеческие самые святые и сокровенные чувства? Еще раз напомним, В. И. Ленин в свое время писал: "Религия должна быть объявлена частным делом", а К. Маркс был в этом вопросе еще более беспощаден и говорил, что "каждый должен иметь возможность отпирать свои религиозные, также и телесные нужды без того, чтобы полиция совала в это дело свой нос" (т. 12, стр. 30).

В этой фразе много поучительного для некоторых Уполномоченных.

В Указе Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 1. XI. 76 г. в параграфе 1 говорится: "Принятие каких-либо постановлений, распоряжений или решений, ограничивающих свободу совести, запрещается".

Не кажется ли полтавскому Уполномоченному, что следя за подворотнями заштатного духовенства, он тем самым не только ограничивает свободу совести, но и ставит в унижительное положение самую атеистическую идею, играющую в этом случае роль соглядатая?

Неужели не понятно, что крещение, как веление совести, является частным делом каждого и не должно подлежать никакой регистрации, как не регистрируются и никакие другие движения человеческой души.

В уже упомянутом Указе Президиума Верховного Совета Украинской ССР в том же параграфе со всей категоричностью закона предписывается: "В официальных документах указание на принадлежность или непринадлежность граждан к религии не допускается". А в церкви в это время лежат бланки и прошнурованные книги, напечатанные в государственных типографиях, в которых по строгой указке ведется официально регистрация всех верующих, требоисправлений.

Как все это согласовать с только что процитированным Указом? И кто тут прав: Уполномоченный или Закон? Как ни поступи, а все плохо: исполнишь закон — нарушишь требования Уполномоченного, а исполнишь требование Уполномоченного — нарушишь закон. Как ни мудри, а все равно будешь ходить в "нарушителях".

* *
*

Всякое правонарушение должно рассматриваться как со сто-
[далее неразборчиво] ... бой. Если мы вспомним о тех нарушениях, о

которых так часто говорит Нечитайло (похороны во дворе покойника, крещение ребенка без регистрации), то нам трудно будет найти в них состав преступления. Мы не сможем также указать на какие-либо нежелательные последствия, возникающие в связи с этим.

* *
*

Помнится мне, в практике знаменитого дореволюционного адвоката Плевако Ф. Н. был такой случай. Какая-то старуха по бедности своей у одного богатого торговца ukrала чайник. Ее обвинили в воровстве, и на суде ее защищал вышеупомянутый адвокат. Он говорил примерно так: "Господа, эта бедная старуха ukrала чайник, ей за это грозит тюрьма. Воровство должно быть по закону наказано, ибо оно подрывает совсем основы русского общества. Но подумайте только! Было нашествие монголов — выстояла Русь, было нашествие Наполеона — выстояла Русь! А теперь не выстоит, ибо ей грозит вот эта маленькая голодная старушка!"

Обвиняемая была помилована.

Подражая Плевако, я тоже мог бы сказать: Выстояла, не дрогнула Русь перед нашествием Батыя, Наполеона и недавними гитлеровскими полчищами. Но теперь не выстоит, ибо в с. Веприк на церкви покрасили крышу, а в Белоцерковке в сторожке поставили печку, а еще где-то без благословения Уполномоченного крестили ребенка! А если мы вспомним, что в с. Поливяное верующие по церковному уставу станут молиться "о богохранимой стране нашей, о властях ее и воинстве ее, да тихое и мирное житие проживем и во всяком благочестии и чистоте", то тогда и речи быть не может — никак не выстоит Русь!

А может быть пора уже и помиловать верующих поливянцев?.. За целый год уже они достаточно наплакались.

Не так уже много осталось, когда наша страна будет праздновать 60-летие Советской власти, хотелось бы, чтобы верующие села Поливяное эту радостную дату не встречали со слезами на глазах.

* *
*

Это вот наши нарушения. А есть ли они у Нечитайло, Полтавского Уполномоченного? Есть! Он постоянно вмешивается в церковные дела, тем самым нарушая советское законодательство о культах.

И я это уже показал. Но самое страшное — он нарушает закон братства и любви. Он заставляет плакать вот уже более года ни в чем неповинных людей с. Поливяное. Невозможно сосчитать все их поездки в разные места по своим церковным делам и трудно показать такое место, где бы они еще не плакали: плакали поливянцы в своем сельсовете, в коридоре сельсовета, райисполкома, в кабинете уполномоченного, и у меня плакали. Но Нечитайло слезам не верит! Он наверное не знает того, что народное проклятие и слезы иногда страшнее пушек, и горе тому, на чью голову они падут. Уполномоченный же ждет победы! Над кем? над собственным народом? Ему хочется в с. Поливяное закрыть молитвенный дом, чтобы потом в Москве рапортовать, что на Полтавщине одной религиозной общиной, благодаря его стараниям, стало меньше, и за это получить сомнительного качества похвалу. Но он не замечает того, что такие неосмотрительные действия вызывают недовольство в народе.

А это именно то, чего так не желал В. И. Ленин. На I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. он говорил, что борясь с религией, нельзя озлоблять массу, "такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении". Эта же мысль приводится и в новой Конституции, в статье 52 говорится: "Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается".

* *
*

Итак, по Ленину, наша сила в единении, и потому никак нельзя "делить массы" по принципу религии. Единство — всегда залог успеха. Но особенно нужно теперь, в наши дни, когда над миром, как Домоклов меч, висит военная опасность. И об этой опасности Вы сами говорили, Леонид Ильич, во время своего недавнего пребывания в Париже. Я цитирую Ваши слова: "Однако мир в Европе, и тем более на планете в целом, далеко не так еще прочен, как хотелось бы. Ему угрожают многие опасности явные и тайные. И главная из них — растущая гонка вооружений. На карте мира сейчас можно найти немало таких точек, где существуют серьезные проблемы в отношениях между странами и народами, конфликты потенциально опасные для мира".

* *
*

Если какой-либо из Уполномоченных, забыв обязанность быть честным посредником между верующими и неверующими, желает вести борьбу с религией, пусть это делает по-ленински — "путем пропаганды, путем просвещения" и, добавлю, путем диалога, но не средневековыми методами. И об этом Вы говорили в Париже, отвечая на вопросы французской газеты "Монд". С Вашего позволения, я еще раз процитирую Вас: "Но бессмысленно и опасно в наше время пытаться обеспечить победу тех или иных идей, той или иной идеологии с помощью силы... Идеологическая борьба не должна перерасти в психологическую войну..." — говорили Вы тогда.

Мы, верующие люди, целиком согласны с Вами. Мы тоже за честный, дружеский диалог с нашими братьями по крови — атеистами. И такому диалогу не должен препятствовать тот факт, что религия, по выражению безбожников, является "опиумом". Это только этикетка, которую можно приклеить куда угодно и кому угодно. Газета "Правда" от 14 июня с. г. писала, что по утверждению пекинских руководителей" [далее неразборчиво]... Как видим, самые прекрасные вещи можно опорочить и заклеить.

Каждая идея, в том числе и религиозная, требует деликатного к ней подхода и глубокого изучения. А это можно сделать только при свободном обмене мнениями, а не "с помощью силы", как Вы извоили справедливо заметить в Париже.

* *
*

В этом году, 18 января, газета "Заря Полтавщины" писала, что у нас еще "недостаточно раскрывается реакционная классовая роль религии".

Эта небольшая по объему фраза очень емкая по своему смыслу, и при случае может стать чреватой своими горестными последствиями.

Поразмыслим над ней. Если фашизм по своей идеологической сущности реакционен, то все фашисты — реакционеры. Что это так — мы видели и видим на практике. Если и религия реакционна, то, следовательно, и все верующие, все признающие Бога, — тоже реакционеры. При таком философствовании в реакционеры у нас попадет добрая половина Советского Союза и почти весь остальной мир.

В реакционерах в таком случае окажутся, говоря церковным языком, и все "преждеотшедшие отцы и братья наши" — Нестор Летописец, Александр Невский, Юрий Долгорукий, Андрей Рублев, Петр

Первый, Ломоносов, Пушкин, Лев Толстой, Павлов, Филатов — т. е. все те люди, на которых стояла и стоит Русь.

А как обычно поступают с реакционерами, мы об этом тоже знаем. Но не лучше ли в таком случае объявить религию просто философским течением и дать ей равное право с материалистической философией?

В своих ответах газете "Монд" Вы говорили: "Спор между двумя общественными системами и между их идеологиями может решить только сама жизнь, историческая практика, проверка делом".

Вот пусть жизнь, а не Уполномоченный, решает, которая из двух философских систем вернее, правдивее — религиозная или материалистическая.

В чем же все-таки "Заря Полтавщины" видит реакционность религии. Кому религия помешала стать настоящим человеком? Помешала ли она, например, великим ученым: Ньютону, Пастеру, Копернику, Ломоносову, Эйнштейну сделать свои замечательные научные открытия? Мешала ли она Павлову, Пирогову, Филатову в их медицинской работе? Мешала ли она Рублеву, Рембрандту, Рафаэлю, Васнецову стать великими художниками? Разве глубоко верующие полководцы Суворов, Кутузов, Богдан Хмельницкий меньше любили свою Родину, чем советские маршалы? Была ли религия помехой для Шевченко, Пушкина и Лермонтова? Помешала ли вера в Бога Моцарту, Баху, Генделю, Березовскому, Чайковскому, Глинке стать великими композиторами? Или, быть может, верующие люди меньше, чем безбожники, защищали свою Родину в дни Великой Отечественной Войны? Мешает ли вера американскому фермеру выращивать кукурузу, пшеницу и разводить скот с таким же успехом, как это делается в наших колхозах? На все эти вопросы нужно ответить одним словом "нет"! Религия никому не мешала и не мешает!

Так в чем же конкретно наша реакционность и за что Нечитайлы нас преследуют и ненавидят? Я бы с удовольствием отказался от употребления этих слов, но для правдивости вынужден это сделать, потому что, как в пословице говорится, "рисуеть верблюда — рисуи и горб".

В 52 статье недавно утвержденной Конституции отмечено: "За гражданами СССР признается свобода совести..."

Здесь слово "совесть" употреблено вместо "религия". Эти слова в некотором роде и в самом деле тождественны, но слово "религия" все же шире по своему смыслу, ибо она как бы включает в себя совесть, которая, некоторым образом, становится частью религии, то есть человеческого духа.

Совесть как явление духовное — неуничтожима. Да и не дай Бог, чтобы это когда-нибудь случилось, ибо на что было бы тогда похоже человечество!

Но если нельзя убить, уничтожить совесть, то как можно убить религию? Если нельзя убить части, то как можно убить целое? Религия вечна, как вечна совесть. И в этом нас убеждает человеческая история. А Господь прямо об этом говорит: "Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ее" (Мф. 16, 18).

Итак, по всему видно, нам, верующим и неверующим, еще долго придется жить бок о бок на нашей планете. Если это верно, то не лучше ли нам жить в мире, добрососедстве, без вражды и искать то, (как теперь выражаются), что нас объединяет, а не то, что нас разъединяет. Мы можем вести с атеистами честный, открытый диалог, о чем уже говорено. Это обогатило бы философию, наше мышление и весь духовный мир человека. Насилие же никого не может осчастливить, ибо делающие его — звереют от него, а терпящие его — страдают от него.

* *
*

Один мудрец говорит так: "Если бьешь в человеке диавола, смотри, не задень Бога". Продлив несколько эту мысль, я скажу: "Если бьешь в человеке веру, смотри, не бей верующего!" Ибо случается, что многие, начав борьбу против идеи, потом незаметно ненависть свою переносят на людей.

Именно в этот грех, как некоторые думают, и впал Полтавский Уполномоченный. Кажется, досадить верующим — для него наивысшее наслаждение.

24 июня сего года многострадальные верующие села Поливяное еще раз побывали у Нечитайла и сказали, что если он и далее будет препятствовать им совершать богослужение в их молитвенном доме, то они вынуждены будут писать Л. И. Брежневу. Уполномоченный сказал на это: "Можете писать".

Несколько ранее и я говорил то же самое, что и верующие, но и это не произвело на Полтавского Уполномоченного должного впечатления, и он не изменил своей тактики в вопросах религии.

Очень бы хотелось, чтобы наше Советское гуманное законодательство не нарушалось на местах ни с той, ни с другой стороны в нашей повседневной жизни. Все это могло бы послужить только к нашему благу.

* *
*

Для общего блага, братства и большей сплоченности нашего народа, я полагаю, нужно сделать очень немногое:

а) прекратить унизительную антизаконную регистрацию треб и требоисправлений в церкви;

б) дать возможность Епископам рукополагать столько священников, сколько этого требует обстоятельство, и независимо от того, из какой области будет рукополагаемый;

в) не препятствовать делать ремонт храмов и молитвенных домов;

г) уполномоченным отказаться от своей антирелигиозной деятельности и быть нейтральными в вопросах веры — как этого требует советское законодательство;

д) не закрывать храмы насильным путем;

е) увеличить тираж выпуска духовной литературы, в которой имеется острая нужда среди верующего населения: церковных календарей, например, так мало, что их не хватает по одному на село;

ж) не мешать духовенству в выборе места жительства и служения;

з) не делать в прессе таких выпадов против религии, которые могли бы дать право атеистам ненавидеть верующих, а также не допускать оскорбления чувствительности верующих в печати;

и) необходимо Церковь избавить от гнетущей опеки уполномоченных и больше предоставить прав в делах веры Епископам.

Ибо, если было бы противоестественным, чтобы дела коммунистов решали антикоммунисты, то также нелепо видеть, как неверующие в лице уполномоченных решают дела верующих. Пусть все станет на свои места. ТАКОВ ЗАКОН ПРАВДЫ.

* *
*

Многоуважаемый Леонид Ильич! Зная Вас по Вашим многочисленным выступлениям как истинного ленинца, выдающегося государственного деятеля и замечательного дипломата нашего времени, я с полным правом смею надеяться, что Вашими усилиями недоразумения между верующими и неверующими, возникающие большей

частью по вине неумеренных атеистических старателей, будут своевременно устранены и в нашем народе процветут мир, дружба, братская любовь и полная свобода совести.

Да благословит Вас Бог.

С искренним уважением

Феодосий Епископ Полтавский и
Кременчугский

26. X. 1977 г.

В миру Митрофан Никонovich Дикун. Род. 23. 11. 26 в с. Чернице Корецкого р-на Ровенской обл., в крестьянской семье. По окончании 7 классов в 1943 поступил послушником в Почаевскую Лавру. В 1947 поступил в Моск. духовную семинарию, позже — в Моск. духовную академию. Окончил ее в 1955 со степенью кандидата богословия.

25. 8. 55 был пострижен в монашество, 28 — рукоположен во иеродиакона, 4. 9 — во иеромонаха с назначением в храм с. Костырево Владимирской епархии. В янв. 56 переведен в г. Владимир в церковь при кладбище.

В 1958 указом Учебного комитета при Священном Синоде назначен преподавателем и пом. инспектора Волынской духовной семинарии. В 1960—64 — секретарь Правления Волынской духовной семинарии. В 1963 возведен в сан игумена. В 1964 в связи с закрытием Волынской семинарии переведен в Одесскую духовную семинарию и вскоре назначен пом. инспектора. 21. 3. 66 возведен в сан архимандрита и назначен ректором Одесской духовной семинарии.

4. 4. 67 назначен епископом Переяслав-Хмельницким, викарием Киевской епархии, 7. 10. 67 — епископом Полтавским и Кременчугским. 7. 9. 78 возведен в сан архиепископа.

12. 9. 79 назначен архиепископом Вологодским и Великоустюжским. 27. 12. 79, по его "прошению о перемещении его, по состоянию здоровья и согласно рекомендациям врачей, на кафедру с более теплым климатом", назначен архиепископом Астраханским и Енотаевским ("ЖМП", № № 8: 12—16, 11: 5; 1979, № 11: 4, 1980, № 2: 2).

ГОНЕНИЯ НА ВЕРУЮЩИХ

Почаево. Гонения на монахов в Почаевской Лавре продолжают. Великим Постом 1981 г. один из послушников передал настоятелю литературу, принадлежавшую о. Амвросию, изгнанному из монастыря (см. предыдущее сообщение), среди которой книги духовного содержания западного издания (например, книги о. Димитрия Дудко) и молитвословы, отпечатанные на ЭРЕ. Монастырское начальство передало книги в органы власти, куда стали вызывать некоторых монахов. На допросах избивали (неоднократно) архимандрита Алимпия. В результате побоев он умер во вторник Светлой Седмицы (ему не было и пятидесяти лет). В результате избиений сошел с ума бывший эконо лавры Питирим.

Под давлением властей Украинский Экзархат издал — задним числом — указ о назначении о. Амвросия в Корецкий женский монастырь. Однако, на личном приеме у Экзарха митр. Филарета вопрос о назначении о. Амвросия не был разрешен. В результате власти хотят создать впечатление, что игумен Амвросий отказался самовольно от предложенного ему назначения.

Примечание: предыдущее сообщение о назначении в Корицы — неправильное.

Киров. В этом году к 3 июня вновь было паломничество на р. Великую. По дорогам к с. Великорецкому ездили милицейские машины-патрули, уговаривая паломников повернуть назад. Люди с молитвенным пением продолжали путь. (Были группы по 200 человек и группки по 15).

3 июня у с. Великорецкого их ждали отряды милиции, сотрудники КГБ, начальство по атеистической работе в области. В селе были солдаты. От явленного источника к реке шла колючая проволока с надписями о том, что здесь запретная зона и идут военные учения. Паломникам сказали, что кто войдет в зону — по тому будут стрелять. Блокада села продолжалась несколько дней. Жителям села Чудинова (куда обычно заходят богомольцы, ибо там единственная в округе действующая церковь) запретили перевозить паломников через реку, установив за это большой денежный штраф. Хлеб паломникам не продавали.

ПИСЬМА ПОЧАЕВСКИХ МОНАХОВ СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ ПИМЕНУ

Я, Станкевич Арсений Евдокимович, 1929 года рождения, поступил в число братии Почаевской Лавры в 1957 г. и проживал там до последнего времени.

В 1961 году меня осудили на 6 месяцев якобы за нарушение паспортного режима. В 1962 году осудили вторично на 1 год тюремного заключения.

4 июня 1981 года меня арестовали и под конвоем доставили в областную прокуратуру. После ареста я написал жалобу Генеральному Прокурору СССР о том, что действия областной прокуратуры были незаконными. После этого гражданскими властями было дано тайное указание духовным властям, чтобы меня выписали из монастыря.

2-го августа 1981 года меня выписали из Почаевской Лавры гражданские власти, а 3-го августа был дан указ Львовского митрополита об отчислении меня из числа братии.

Игумен Апеллий

12 августа 1981 г.

Я, Онук Николай Константинович (монах Нестор), 1923 года рождения, уроженец г. Почаева Тернопольской области.

В 1942 г. поступил в число монахов Почаевской Лавры, где и жил до последнего времени.

В 1961 году меня незаконно удалили из Лавры и осудили якобы за нарушение паспортного режима на 1 год тюремного заключения.

В 1962 году я вернулся в Почаевскую Лавру, в течение 7 лет мне отказывали в прописке, затем прописали, и я с тех пор исполнял там послушание регента правого хора.

20 мая с. г., по ложному обвинению, у меня в келии был произведен обыск. Осуществляли его 5 человек, один из них — представитель милиции, другой — следователь областной прокуратуры по особо опасным делам Малай. Во время обыска у меня были изъяты все имеющиеся у меня адреса, письма и личные документы; акт я подписать отказался, поскольку изъятие документов было незаконным.

4-го июня с. г. меня арестовали органы милиции и под конвоем доставили в областную прокуратуру, где меня допрашивал тот же следователь Малай. Он же затем препроводил меня в областную больницу, где мне произвели полное обследование. Когда я пришел в прокуратуру с просьбой вернуть мне документы, следователь Малай не только отказал мне в этой просьбе, но и стал угрожать, говоря, что если я буду жаловаться, то у них найдется способ устроить тайное убийство или организовать преступление, чтобы я был виновным.

2-го августа меня, без моего ведома и без всяких убедительных причин, выписали из Почаевской Лавры, где я жил и трудился 40 лет.

Монах Нестор

12 августа 1981 г.

В порядке дискуссии

А. НАЗАРОВ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ — НАСУЩНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Так уж случилось, что лишь теперь, с большим опозданием, смог прочесть я в 97 номере "Вестника РСХД", вышедшем еще в 1970 году, рассуждения В. Горского о "русском мессианизме и новом национальном сознании", а немногим ранее — статью В. Борисова "Личность и национальное самосознание", тоже в "Вестнике" опубликованную (номера не знаю, потому что попала ко мне лишь перепечатка ее). И пусть уже немало времени прошло — проблема национального сознания все еще остается одной из самых важных, мучительных наших проблем, а появившееся десять лет назад кажется написанным чуть ли не сегодня.

Естественно желание каждого русского принять участие в той или иной не объявленной дискуссии, которая явно и подспудно давным-давно идет и в эмигрантских, и в диссидентских, и в официальных советских кругах, — дискуссии о национальных путях России: слишком уж за живое, за личное задевают обсуждаемые статьи. Оговорюсь сразу: я полностью разделяю все основные идеи В. Борисова, большинство же положений, выдвинутых В. Горским, представляются мне неверными или весьма спорными. Я решился на возражения В. Горскому прежде всего потому, что в его статье отразились в общем виде взгляды многих и многих противников национального возрождения России.

1

Все более и более охватывает нас ощущение жестокого и безысходного кризиса, раздирающего мир, всю жизнь нашу, обрекающего нас на страдание и гибель. Отчаянием и тоскою отзывается душа на происходящее вокруг. Отовсюду — лишь безотрадное. Войны, безумие терроризма, деспотический произвол, уничтожение природы, надвигающаяся ядерная катастрофа — страшно перечислять все. Но в основе, как страшная первопричина все этих — политических, экономических,

военных, экологических и прочих кризисов, — кризис самый губительный: распадение личностного начала.

Кризис личности многолик и кажется всеобъемлющим. Он — в распространении плоского рационалистичного атеизма, в обожествлении тирании, в культе силы, в торжестве массовой культуры, в популярности стадных социалистических идеологий, в углублении эгоистического индивидуализма, в насаждении стереотипного мышления, в вожделениях вульгарного плюрализма, псевдомократии, в абсолютизации научных мифов, в разжигании ненависти между людьми, в преобладании прагматических стремлений над всеми прочими, в политиканских забавах власть имущих... Кризис личности отразился и в кризисе национального самосознания.

Нация есть народная личность, "от Бога получающая свое бытие, ... один из уровней в иерархии христианского космоса, часть неотъемлемого Божьего замысла о мире". На эту важную и глубокую мысль (центральную у В. Борисова) мы должны опираться прежде всего в осмыслении национальной проблемы. Нация — личность, и ей присущи все особенности личностного начала. Нации — богатство человечества (так писал А. И. Солженицын), национальность придает еще большую неповторимость и своеобразие каждой личности. Отказываясь от национального самосознания, мы обедняем себя, начинаем обезличивать себя. А так как именно в личности, в глубине ее — наша связь с Богом, основа нашей свободы, то обезличивание ведет к бессмысливанию нашего существования, к утрате нами свободы, самого драгоценного для нас Божественного дара.

Однако этого-то противники национального возрождения никак не хотят понять и принять. В этом вопросе вообще создана такая неразбериха и путаница понятий, что порою начинает создаваться впечатление, будто продираешься сквозь непроходимые заросли, но выбраться из них нет никакой возможности. Возможность понимания друг друга затруднена для нас в довершение всего еще и тем, что от всеобщего частого употребления к месту и не к месту многие высокие понятия обесценились, утратили изначальный смысл. Великим словом *любовь* теперь обозначают простой физиологический акт, *свободой* объявляют полную разнузданность нравов, *творчестве* считает себя вправе рассуждать любая низкопробная эстрадная педичка, гордо именует себя *личностью* самый непробиваемый эгоист, а *национальное чувство* ничтоже сумняшеся отождествляют с шовинистическим утаром. При одном упоминании национального сознания — тут как самый примитивный условный рефлекс срабатывает — порою поднимается всеобщее негодование:

идут в ход обвинения в империализме, фашизме, расизме, национал-большевизме — и во всех вообще смертных грехах. Договариваются до того, что всякий патриотизм объявляют подлостью, выражением тайной симпатии к самодержавию, тоталитаризму и т. п. А вот космополиты* — они-то и есть подлинники представители свободы, демократии, плюрализма. И ведь не голословно все, а с примерами: тут и "сталинский патриотизм", и империалистическая экспансия советского государства, и достоинства "свободного мира", да и много еще других неопровержимых доводов. Поди разберись. Но попробуем.

Итак, предложены два суждения:

1. Свобода — в укреплении национального чувства.

2. Свобода — в плюралистическом универсализме.

Какое истинно? Чтобы ответить — нужно знать Истину.

Но для плюралистского сознания Истина таится за семью печатями: ибо плюрализм оборачивается не чем иным, как заурядным релятивизмом (и часто самой страшной его разновидностью — этическим релятивизмом), хаосом маленьких истин, не желающих признавать ничего, кроме себя. (Не нужно лишь путать релятивизм с терпимостью и уважением к чужому мнению: он не терпим, но равнодушен). Отсюда и неспособность плюралистически мыслящих людей установить истинность суждений. Они прибегают к простейшей логике: если есть возможность неопределенного выбора, то это и есть свобода, если же требуется определенность, то о свободе говорить бессмысленно. Релятивистское сознание не может отличить свободу от своеволия.

Однако — что есть Истина? Тот, кто спрашивал это, — смотрел и не видел. И не видит по сей день. Для христианина же подобный вопрос наивен, потому что для нас Истина — Христос. Христос, обретенный в результате *с в о б о д н о г о* изъяснения нашей воли. Релятивистское сознание такую свободу не приемлет: Христос для него оказался "недостаточно демократичным" — вот свидетельство глубочайшего падения "плюрализма".

Когда Христос сказал о том, что главными для человека должны стать заповеди любви к Богу и к ближнему, то Он тем самым дал нам и подлинное определение Личности.

Любовь и связанные с нею чувство сострадания, готовность к самопожертвованию и осознание своей ответственности перед Богом

* Вообще само слово космополитизм порою и произносить боязно: над нами все еще тяготеет недобрая память о времени, когда обвинение в космополитизме было равно политическому доносу. Кое-кто готов и сейчас поспекулировать на этом.

и перед человечеством — вот что определяет поведение истинной личности в жизни.

Поэтому нечего мудрствовать: в оценке истинности высоких понятий нужно пользоваться самой простой, но самой высокой мерой. Так, любовь должна поверяться готовностью к самопожертвованию. Если же человек претендует на право именоваться личностью, нужно лишь выяснить (ну, хотя бы ему самому в душе своей), испытывает ли он сострадание к ближнему (ко всем, а не выборочно), ощущает ли свою ответственность перед людьми и перед Богом.

"Существует всеобщая виновность и ответственность всех за всех", — писал Н. А. Бердяев. И в другом месте: "Личность есть ответственность, она берет на себя ответственность не только за себя, но и за других, за мир".

Если нация — народная личность, то мы обязаны предъявить к ней те же высокие требования. Так понятен и близок поэтому итоговый пафос статьи В. Горского, его призыв к осознанию нашей ответственности за грехи отцов и дедов, призыв к покаянию перед лицом Господа.

Ответственность — вот чего прежде всего недостает нашему безликому обществу. Всех охватила болезненная боязнь ответственности, стремление ускользнуть от ответственности, переложить ответственность на ближних и дальних. В этом причина многих и многих наших бед — ну, хотя бы того затянувшегося экономического кризиса, в котором безнадежно увязла наша великая держава: в полном отсутствии моральной (да и материальной тоже) ответственности тех, кто определяет развитие советской экономики. Вместо ответственности — ворох бумаг, инструкций, резолюций, постановлений, указаний, распоряжений и т. п.

Однако призыв к покаянию противоречиво сочетается в рассуждениях В. Горского с требованием отказа от национального возрождения. "Не "национальное возрождение", а борьба за Свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей будущего". Но почему национальное возрождение противоречит Свободе? Разве национальное самосознание отвергает духовные ценности? И не являются ли патриотизм, чувство родины, ощущение единства с нацией — истинными духовными ценностями? Если Свободы вне Личности (вне связи с Богом) нет, то есть ли она вне народной Личности? Как можно призывать к ответственности, отрицая национальную Личность?

Впрочем, В. Горский полностью национальное сознание не отвергает. Он лишь разделяет (на первый взгляд, очень убедительно)

"старое" и "новое" национальное самосознание. "Старое" — это прежде всего грех так называемого национал-мессианизма (большевизм — его производное), в основание "нового" кладется раскаяние в грехе и отказ от него. В рассуждениях В. Горского соединяются, на мой взгляд, три существенные ошибки:

- отождествление национал-мессианизма с русским национальным сознанием;
- отрицание какой бы то ни было ценности "старого" национального сознания, негативное отношение к исторической памяти народа, призыв к ее преодолению;
- безусловное разделение качественно противоположных друг другу, по мысли автора, "старого" и "нового" сознания нации, т. е. отрицание целостности национальной идеи.

Все это связано с целым комплексом проблем.

2

Прежде всего: откуда взялись обвинения национального чувства во многих тяжких грехах? Ведь не только же красного словца ради патриотизм приравнивается порою к подлости.

В силу известной двойственности человеческой природы в нас постоянно действуют два противоположных стремления: центристская тяга к духовным ценностям и центробежное отталкивание от Истины, страх перед ее тяжким бременем. Именно бременем представляются нам порою наши истинные богатства. Сколько мук доставляет нам, например, совесть, неоспоримое доказательство связи нашей с Богом, и как порою прельстительна мысль — исторгнуть ее из себя (если б можно было). Соблазнительно ощущать себя личностью, но как быть с тем же состраданием к ближнему (ведь страданием же!), с непереносимым осознанием своего греха и ответственности за все? Творчество — радостный, но еще и тяжкий, суровый, порою до отчаяния непосильный труд. Свобода, столь сладостная для нас, так часто предстает перед человеком как трагедия его.*

Обладание духовными ценностями требует от нашей души непрестанного и тяжелого труда, постоянных усилий, напряжения воли. А ведь тут же, рядом, всегда есть нечто более легкое, приятное, до-

* "Трагизм человеческой жизни лежит не столько в столкновении добра и зла, сколько в столкновении ценностей, между которыми человек должен сделать свободный выбор". (Н. А. Бердяев).

ступное, более понятное, наконец. Для обыденного сознания легче и понятнее, например, предать и получить свои сребренники, чем хранить верность Истине. И, может быть, обречь себя на Голгофу. Легче возненавидеть врага, чем возлюбить его. Легче свалить вину на какие угодно внешние обстоятельства и самодовольно упиваться своей мнимой безгреховностью. Легче бездумно следовать за толпой, чем встать у нее на пути. Однако тягу к Истине можно лишь временно заглушить, но не преодолеть ее. На пути же к ней — дьявольская ловушка: рядом с подлинными духовными ценностями всегда есть некие соблазнительные суррогаты, ловко подделывающиеся под истину — и человек готов обмануть ими свои духовные потребности, как ребенок, ищущий материнской груди, может утешиться на время резиновой пустышкой (пока голод не силен).

Свободу пытается заслонить от нас своеволие, культуру истинную — массовая культура, взамен личностного начала нам предлагается индивидуалистическая замкнутость, вместо творчества мы можем выбрать суетливую деятельность и т. д.

Рядом с национальным сознанием нагло скалится воинствующий национализм. Они не различимы на уровне обыденных предрассудков, но их обязаны распознавать те, кто взял на себя ответственность осмысления национальной идеи. Однако критики этой идеи имеют обыкновение сваливать на нее чужие грехи (не избежал этой ошибки и В. Горский), и от подобного смешения наступает хаос и полная неразбериха. Ставят, например, знак равенства между народностью русского самодержавия и взглядами славянофилов, Солженицына сажают на скамью подсудимых вместе с Шимановым, Д. С. Лихачева обвиняют в национал-большевизме* — и нет этому конца.

Все это можно было бы пережить — хотя бы как любопытный курьез, — если бы одновременно не отрицалась какая бы то ни было ценность русской национальной жизни, если бы грех большевизма и революции не возлагался всецело на русский народ, если бы не предлагалось вообще отказаться от любой национальной идеи (В. Горский, правда, так далеко не зашел и, как мы видели, от понятия

* Мне довелось услышать мнение (высказанное, правда, в частном разговоре) одного рядового советского философа, кандидата наук, что "Заметки о русском" Д. С. Лихачева — не что иное, как "призыв к погрому". С одной стороны, тут своеобразный показатель среднего уровня мышления советских философов, но с другой — такое восприятие "Заметок" любопытно как отражение взглядов значительной массы противников национальной идеи. Автор высказывания был, разумеется, космополитом и сторонником демократии.

нации окончательно не отрекся, но ограничил ее содержание одним лишь чувством греха и покаянием, отбросив всю полноту национально-исторической жизни).

Но как же все-таки различать подлинное национальное сознание и национализм? Такое разграничение невозможно лишь при релятивистском подходе к понятию нации, мы же повторим уже сказанное: если нация — народная личность, то она должна отвечать всем требованиям, предъявляемым к личности. Нация должна нести в себе любовь к Богу, любовь и сострадание к ближнему (к другим нациям), готовность на самопожертвование и способность к покаянию в грехе. Вот то, на что не имеет и не может иметь претензий национализм.

Национализм во всех его разновидностях (национал-большевизм, сионизм, великодержавный шовинизм, национал-империализм, национал-мессианство — да мало ли их еще) всегда вместо Бога имеет жестокого к другим нациям идола, всегда основан на чванливом превознесении своей нации, никогда не ощущает греховности своего стремления возвыситься над другими народами. Истинно национальное чувство — повторим еще и еще раз — связано с уважением и любовью к другим нациям, с признанием их равными своей нации перед ликом Всевышнего. "Нет уже ни эллина, ни иудея" для тех, кто возлюбил Христа.

Национализм и все связанные с ним преступления (космополиты вообще-то разоблачают их живо и красочно) может стать и грехом именно космополитизма. Это на первый взгляд кажется бессмысленным парадоксом: как же — мы с ним боремся и мы же виноваты!

Но борьба одновременно и с истиной и с ложью (ибо в данном случае они не разделены космополитическим сознанием) есть прежде всего борьба с истиной. Ведь потребность национального самоощущения не кем-то придумана — она заложена в глубине личности (и может быть, имеет даже онтологическое значение). Поэтому если отнять у человека истинное национальное чувство, он все равно будет бессознательно искать ему какую-то замену. Ребенок, оторванный от груди, будет кричать, сколько бы вы ни читали ему увещательных проповедей, будет кричать, пока кто-нибудь не догадается подсунуть ему пустышку. Человек всегда будет испытывать тягу к внутреннему национальному самоопределению и за неимением иного с радостью ухватится за пустышку национализма, к которому он и без того имеет склонность, соблазненный простотой и легкостью националистического чванства: грудь все-таки нужно сосать, употреблять усилия, которых пустышка не требует. Положение усугубляется еще и

тем, что государство открыто навязывает личности национализм, ибо для власти удобнее иметь дело с обезличенным рабским сознанием, чем со свободной личностью.

Сталин в свое время прекрасно понял это и вовремя догадался повернуть от безмозглого интернационализма к русскому псевдопатриотизму (истинный мог ли он понять!), и не из любви, разумеется, к русскому народу, а из хитроумных тактических соображений — тут он, без сомнения, был величайшим ленинцем — за то и стал теперь для многих символом нашего "национального могущества", за то и раздаются теперь в темноте зрительного зала аплодисменты, искренние, неподдельные, лишь только появляется он на киноэкране, за то и прищепываются его портреты на ветровые стекла автомобилей. "Здравомыслящие" же люди рассудили по-своему: что может исходить доброго от Сталина? — не ясно ли, что и патриотизм этот — не иначе как подлость? Все осложняется еще и тем, что ни истинное национальное сознание, ни национализм не существуют в чистом виде — они лишь продукт наших спекулятивных построений. В жизни все перемешано — и в сталинской патриотической кампании участвовало много и подлинных патриотов. Но поди разберись, где там настоящее, где фальшивое — лучше рубануть сплеча.

Все истинные политики, обуянные похотью власти, всегда боролись и будут, явно или тайно, бороться с тем, что укрепляет личностное начало: со свободой веры, с национальным чувством, с нестандартным мышлением и т. д.* Одним из важных источников националистического угара становится психология маленького человека, личность которого подавлена государственной властью. Это становится особенно ясным, если взглянуть на простого советского человека.

И во все времена для государственной машины было желательно и выгодно превращение человека в безответный винтик, пригодный

* Так ясен и прост (как правда!) с этой точки зрения Ленин, с его ненавистью к вере, интернационализмом и марксистскими догмами, — одно из совершеннейших воплощений идеи властолюбия. Впрочем, это тема особого разговора. Не могу удержаться лишь от одной догадки: самыми яркими "борцами за демократию" являются именно те, кто томится политическими вожделениями. Ведь по сути, личность ожидает от государства немногого: соблюдения законности и порядка — ей вполне достаточно конституционного авторитарного строя, основанного на национально-религиозной идее. Но такой строй никак не удовлетворит тех, кому очень хотелось бы покрасоваться на парламентской трибуне или походить в вождях безликой массы. Поэтому так ли уж случайны частые совпадения стремлений к демократии и космополитизму? Не является ли ненависть к национальному чувству отражением неких тайных инстинктов наших "демократов"?

прежде всего для завинчивания гаек. Но на зависть всем в этом более остальных преуспела именно советская власть — великий вождь проболтался с трогательной откровенностью. Правда, потом спохватились, принялись трубить во все трубы, что все для человека, все для блага человека, а "теорию винтика" попытались списать за счет "ошибок культа" — однако обыденная эмпирическая реальность посильнее всех идеологических ухищрений. Мы уже свыклись с ощущением своей ничтожности перед любым представителем власти (забудемся — напомним), перед начальником (попробуешь пикнуть — пеняй на себя), даже перед хамоватой кассиршей продовольственного магазина (классический тип в сочинениях наших записных сатириков-юмористов). И пусть они там поют, что я — "хозяин необъятной Родины своей", — я-то знаю, кто хозяин на самом деле.

Но ведь непереносимо же существование с таким-то тягостным чувством собственной незначительности! Если человека не удовлетворяет реальность, он уходит в мир иллюзий. Прежде всего, можно запить — что и совершается не без выдающихся достижений. Но этого все же мало: нужен дурман посущественней. И человеку предлагается соблазнительная идея (в закамуфлированном, разумеется, виде, так что он проглатывает эту отраву да еще жмурится от удовольствия): хоть ты и винтик, зато в очень-очень-очень большой машине.

В этот-то самый момент и происходит подмена понятия родины понятием государства, которое присваивает себе титул Родины (с большой буквы). Нация, родина (как понятия) шире государства, идея независимого государства может быть лишь составной частью идеи национального единства — но какая же государственная власть безропотно примирится с этой истиной? Итак, государство становится Родиной, а национализм — государственным национализмом.

Все достоинства очень-очень-очень большой машины как бы переносятся и на ее малые составные части. И вот теперь советский простой человек уже с сочувствием прислушивается, когда ему рассказывают, как он по полюсу гордо шагает, меняет течение рек, высокие горы сдвигает. То есть он понимает, конечно, что шагает по полюсу не он лично, но все-таки *наши*, а значит символически как бы и он тоже. Ему нравится, что его страна такая большая и могучая. Его распирает от гордости, что мы создали ракету и перекрыли Енисей, а также и в области балета преуспели. И в области хоккея тоже — это еще важнее. И на олимпиаде больше всех медалей выиграли... простите: завоевали! И разгромили всех врагов! И много еще чего понатворили. И все мы! Мы!!! Мы!!!!

При этом можно иметь смутное понимание принципов полета ракеты, не представлять ясно, так ли уж необходимо было перекрывать Енисей, тут же переключать телевизор, лишь только начнут показывать преуспевающий балет (хоккей — никогда!) — все-таки лестно впереди всей планеты себя чувствовать. Очень-очень-очень большая машина катится, все подминая под себя, и я, маленький винтик, — вместе с ней!

А ведь в сущности: очень соблазнительна эта иллюзия участия во всех "великих делах" при полной непричастности к ним. Где-то в подсознании это снимает всякое чувство ответственности с маленького винтика — и так приятно: если что и не так, я ни при чем — партия велела. Как все тесно переплетается — и все отчетливее истинная цель: безликость, безликость.

Весь этот обман и самообман призван заменить собою истинные духовные ценности нации. И вот безнравственного подонка возводят в ранг национального героя только за то, что он однажды сумел подпрыгнуть выше других (и мы вместе с ним!) — а из-под личины пошлого фарса начинает все явственнее проступать страшный лик трагедии народа.

Мне довелось однажды встретить человека, который мнил себя великим патриотом, потому что знал по именам всех хоккеистов не только сборной страны, а и всех клубных команд — но не смог вспомнить, какие романы написал Лев Толстой. Вот такой патриотизм — гнусная подлость.

А если дальше копнуть — там еще гнуснее. Без хоккейных побед, конечно, трудно прожить, но без милитаристских великодержавных амбиций — непереносимее во сто крат. Прямо неумоготу было бы без чувства причастности к любимой империи. Вон сколько всех покорили! А захотят выйти из-под н а ш е й руки — так напомним: от тайги до британских морей красная армия всех сильнее. Что имеем — не отдадим, и еще бы прихватить не мешало. Дашь Варшаву, дай Берлин!

Один мой знакомый сказал однажды: "Ишь ты какой этот Чаушеску: захотел, чтобы ему Бессарабию отдали. Нет, Бессарабии мы ему не отдадим". Бедный маленький человечек! Ну что тебе Бессарабия! Да ведь и не спросят тебя, кому что отдать и где что взять. Можно обманывать себя и других, распевая в упоении: "Хотят ли русские войны — спросите вы у тишины" (кстати, неудачный образ: тишина, естественно, промолчит, а молчание — знак согласия) — у тишины-то можно сколько угодно спрашивать, а вот у р у с с к и х никто не спросит. Скомандуют: на фронт шагом марш! — и пойдут

одураченные русские, да еще с чувством священного долга перед Родиной пойдут. Сколько уж тому примеров было.

Национальное возрождение, обретение полноты национального чувства необходимо, чтобы вместо истинных духовных ценностей никто не смог бы подsunуть нам отраву национализма, чтобы государство не посмело отождествлять себя с родиной и нацией, творя от нашего имени свои беззакония.

Только тот, кто обладает истинным национальным самосознанием, может признать достоинство других наций (не имея же собственного достоинства — как чужое осознать?). Только личность может признать равное с ней право другой личности перед Богом. Национальное возрождение должно совершиться ради преодоления греха великодержавного шовинизма, советского империализма.

Однако у оппонентов моих, чувствую, накопилось уже множество вопросов и возражений. Допустим, скажет кто-то, все это и так, и национальное чувство, действительно, великий дар, но вот достойны ли русские-то этого дара? Сможет ли русская нация устоять, если к ней (к конкретной, а не абстрактной нации) будут применены те высокие критерии, которые назывались ранее? Любит ли она Бога? Не была ли она всегда одержима манией величия? Не угнетала ли она и прежде другие народы? И не кроется ли за всеми подобными рассуждениями желания переложить вину с "хорошего" национального сознания на "плохой" национализм — то есть нет ли тут отказа от бремени ответственности и от покаяния? И кто же все-таки виноват в том, что натворили большевики?

Рассуждения В. Горского сводятся именно к обвинению русской нации: всегда имела великие претензии, но ни на что иное, кроме порождения большевизма, способна не оказалась. Поэтому-то нечего и печалиться о прошлом — разорвать с ним все связи и возопить к Господу о прощении. Раз уж столько грешили — остается лишь каяться.

Вон сколько сразу всего понасыпалось! Дайте же дух перевести.

3

Раз уж я пытаюсь настаивать на чистоте русского национально-личностного чувства, то тем самым признаю и ответственность русского народа за все совершенное — это ведь, в сущности, трюизм.

Однако покаяние лишь тогда имеет смысл, когда оно осознано. А если я своего греха до конца не осмыслил, то как смогу освободи-

диться от него? Чтобы истинно каяться, нужно знать, в чем каешься.

Прежде чем говорить о нашем времени, приведу небольшой исторический пример. После татаро-монгольского разгрома Древней Руси перед национальным сознанием встал тот же вопрос: в чем грех нации? Ясно было, что совершившееся — именно наказание за грех, но за какой именно? Сейчас в любом школьном учебнике перечисляются причины порабощения: прежде всего — феодальная раздробленность и несогласованность военных действий русских князей. Вероятно, подобные мысли приходили и в головы наших предков — до этого не Бог весть как сложно додуматься. Но было бы несчастьем русского народа, если бы он не смог тогда подняться выше столь немудреных выводов: истинный грех в них не раскрывается. Подлинное покаяние и национальное возрождение Руси началось в тот момент, когда во владимирском Успенском соборе архиепископ Серапион назвал настоящую причину всех бед: не грех государства (раздробленность), не политические или военные просчеты русских князей — но грех, поразивший глубины народной личности. Духовный владыка обличал моральное разложение национальной жизни, духовный застой ее, указывал на нравственное превосходство завоевателей. Все остальное было лишь следствием этого великого греха — и освобождение стало видеться прежде всего в нравственном воскрешении. Только преодоление внутреннего рабства могло привести к освобождению от внешнего порабощения (представляю, как снисходительно усмехнется такому ненаучному подходу историк марксистской выучки — ну и пусть себе, несмышлениш). Трагизм положения усугублялся и тем, что разложение захватило и православное духовенство. Даже теперь, если мысленно взглянуть оттуда, из далекого XIII века, на грандиозность стоявшей перед нацией задачи, она кажется невыполнимой. Но какую светлую радость чувствуем мы, духовно прикасаясь к времени святителя Алексия и Сергия Радонежского. Казавшееся невозможным — осуществилось. Церковь привела нацию к возрождению. Да, конечно, происходили и политические преобразования, но они лишь сопутствовали церковному подвижничеству, государство крепло, направляемое духовными вождями. Именно Сергия Радонежского должны мы считать истинным победителем в битве на Куликовом поле. Все это еще раз помогает нам вспомнить великую истину: совершая Божье дело, нельзя сомневаться и отчаиваться, каким бы невыполнимым оно ни казалось вначале. И еще одно важно подчеркнуть: иноземное иго отразило внутренний грех нации, но сами завоеватели не были порождением русской жизни, они пришли извне, а то, что это оказались именно татары, имеет второстепенное значение для

внутренней истории нашего народа. Важно, что Русь внутренне была готова к порабощению, неизбежное же мог осуществить любой завоеватель.

Но в чем же нынешний, неискупленный пока грех русского народа? Ответить: в воцарении большевизма — значит отделаться общими словами.

На отношения русского народа с большевизмом существуют две противоположные точки зрения. Они хорошо всем известны. Первая: большевизм есть внешняя сила, никак не связанная с народом и подобная некоему случайному по отношению к внутренней его жизни стихийному бедствию. Вторая: большевизм есть истинное выражение народной жизни, внутренние закономерности которой и определили его торжество.*

Обвинение посторонних в своих внутренних бедах есть не что иное, как лукавая попытка уйти от ответственности, скинуть грех на чужую (неважно чью) совесть. Кроме того такое отношение к совершившемуся потворствует разжиганию в душе бессмысленной ненависти к тем, кто представляется единственным виновником несчастья, — и происходит не искупление греха, а лишь возрастание его. "Духовно ложно считать, что источник зла вне меня, а сам я сосуд добра, — писал Н. А. Бердяев. — На этой почве рождается злобный и ненавистнический фанатизм. Винить во всем евреев, масонов, интеллигенцию есть такое же извращение, как во всем винить буржуазию, дворянство, старую власть. Нет, источник зла и во мне самом, и я должен на себя переложить вину и ответственность. ...Большевизм в России явился и победил, потому что я таков, каков есть, потому что во мне не было настоящей духовной силы, не было веры, двигающей горами. Большевизм есть мой грех, моя вина. Это есть ниспосланное мне испытание. Страдания, которые мне причинил большевизм, есть искупление моей вины, моего греха, нашей общей вины и нашего общего греха. Все ответственные за всех. Только такое переживание революции может быть названо религиозным, духовно просветленным. Русская революция есть судьба русского народа и моя судьба, расплата и искупление народа и мои. ... Поверхностно и ложно смотрят на большевизм те, которые видят в нем исключительно внешнее насилие над русским народом шайки разбойников. Так нельзя понимать исторические судьбы народов. Это взгляд или

* Это до сих пор вводит в соблазн западных либералов: все-то им мерещится, будто им удастся избежать "искажений истинного марксизма", допущенных русскими по дикости. Впрочем, об этом много уже говорилось.

обывателей, пострадавших от революции, или активных борцов, ослепленных в яростной стихии борьбы”.

Но что породило большевизм? Да, он вышел из недр русского народа, но большевиков породила вовсе не национально-религиозная жизнь России, и осознать это — значит сделать первый шаг в осознании своего исторического греха.

Победа большевизма является отражением внутреннего греха русской нации, и ответственность за него на нас и на детях наших. Но большевизм победил, потому что мы были готовы пасть к ногам любого завоевателя, а если история определила на эту роль большевиков — это имеет второстепенное значение для нашей внутренней жизни. Большевики, отпав от нации, стали такой же внешней для нас силой, как и татары, однако если татары в этом смысле не вызывают никаких сомнений — пришлые, чего же спорить! — то по отношению к большевикам одним голословным утверждением никто не удовлетворится. Попытаюсь обосновать свое мнение.

В. Горский обосновал очень важное положение, которое я с благодарностью к своему противнику собираюсь использовать: „...Нация есть не только этническая территориальная и государственная общность, но — и это прежде всего — общность религиозная и культурная. Об этом хорошо знали уже в классической древности, где эллинизм было широкой национальной идеей, не умещавшейся в территориальные и государственные рамки. „Эллинами называются скорее те, кто участвует в нашей культуре, чем те, кто имеет общее с нами происхождение”, — писал Исократ”.

Мысль, надо признаться, просто драгоценная для нас. Вера и культура — главное, что объединяет народную личность. Они — основа единого национального духа. Именно поэтому я без колебания признаю русскими еврея Левитана и немца Гааза, „святого доктора”, великого подвижника, проявившего высокие качества своей души именно среди русского народа, именно на русской почве, проникнувшись именно русским национальным духом.*

Но почему же мы должны признавать русскими тех, кто с самого начала отверг нашу веру, кто подверг геноциду русское крестьянство в период коллективизации, кто пытается исказить и оболгать нашу историю, уничтожить культуру, кто разжигал для достижения своих целей ненависть между русскими людьми, кто по сей день совершает

* Гааз приехал в Россию, движимый „узкобуржуазными стремлениями”, и даже завел вначале небольшую фабрику, которую потом продал, обратив вырученные средства на свое подвижническое служение русскому народу.

преступления, пытаюсь — не без успеха — перекорезить душу русского народа. А то, что они заигрывают порою с нашим национальным чувством, — так они с такой же легкостью и растопчут его своим сапогом. Нет, они не русские, они чужды народному духу. И дело вовсе не в том, что многие из них не были русскими и по национальности, я вообще снимаю для себя вопрос об их национальности. Они — никакие. Ни русские, ни евреи, ни латыши, ни чехи — никто. Безликое стадо, стремящееся обезличить вокруг себя все и вся.

Нельзя оскорблять великий польский народ, причисляя к нему Феликса Дзержинского. И если сегодня иные грузины гордятся национальностью Сталина, то это лишь свидетельство искажения их национального чувства: такого „соотечественника” можно только стыдиться.

Поэтому вопрос В. Горского: кто более характеризует Россию — Вл. Соловьев или Ленин? — не имеет смысла. С тем же успехом можно спросить: кто был более характерен для Руси — Евпатий Коловрат или Батый? Ленин точно так же выражает сущность русской нации, как и германский кайзер Вильгельм — разница лишь в том, что не кайзеру предназначила история поработить русский народ.

В. Горский (и не он один) утверждает, будто большевики действовали „не без согласия” русского народа. Ну, согласия-то большевики ни у кого не спрашивали, власть узурпировали и действовали затем наглыми бандитскими методами — а если вы боитесь пошевеливаться, когда бандит приставляет нож к вашему горлу, это еще не значит, что он грабит вас с вашего согласия.

Конечно, нельзя объяснять все лишь бандитскими методами насильников — если бы так, от бандитов тех остались бы теперь одни воспоминания. Все гораздо сложнее. Но В. Горский искажает историческую истину, утверждая, будто народ единодушно поддержал большевиков — так говорить может лишь тот, кто в изучении истории не пошел дальше советского школьного учебника. В чем скорее можно обвинить наш народ — так это в индифферентизме по отношению к совершающемуся. Спихнулись потом — да поздно. Не нужно и того со счетов сбрасывать, что большевики прибегали к дьявольски хитрой демагогии: даже сейчас, когда, кажется, и дураку все ясно, — их программа производит на некоторых наивных людей сильное впечатление „высотой целей и идеалов”.

Но была и еще одна причина победы большевиков — и о ней нужно сказать особо: ослабление национально-религиозного чувства русского народа.

А. И. Солженицын раскрыл в "Архипелаге ГУЛag" один из хитрейших психологических приемов, который применяли к своим жертвам слуги лукавого: они навязывали им мнимую общность взглядов и интересов: ведь мы же с вами коммунисты, ведь мы же советские люди, ведь мы тоже русские... Срабатывало безотказно.

А ведь это же вообще модель их поведения на протяжении всей их истории, их метод "завоевания масс на свою сторону". "Ведь мы с вами . . ." — начинают они, а затем в зависимости от обстоятельств добавляют выдуманную ими ложь.

Вот на какую удочку поддели большевики русский народ в 1917 году. И произошло это именно из-за ослабления национального самосознания народа. Ибо для истинно религиозного и истинно национального сознания должно было быть яснее ясного: нет, они не с нами. Это прекрасно поняли отдельные личности, но у народа способность к такому пониманию притупилась.

Все это имеет не просто исторический интерес, но самый жизненный для нас. Наступает пора сказать: вы чужие для нас. А помедлим — потом поздно станет.

Но чтобы сказать: мы не с вами — нужно понять, что между нами и ими действительно нет ничего общего (кроме навязанных иллюзий). А чтобы осознать это, нужно разобраться: кто такие они, и кто — мы. Ну, с ними как будто бы худо-бедно, но начинаем разбираться. А вот с собою — пока еще плохо. Чтобы понять — осознать — себя, нам необходимо именно национально-личностное самосознание (опять приходится прибегать к трюизмам) — то, чего так не хватало русскому народу в эпоху революции и гражданской войны.

Мы должны осознать — и ощутить в сокровенной глубине нашей личности — свою общность со всей русской нацией на протяжении всей ее истории, мы должны быть насквозь пронзены чувством, что вера нашего народа — наша вера, мы должны воспринять всю русскую культуру как свое духовное достояние. И тогда каждое посягательство на Церковь, на историю, на народ станет для нас посягательством на нашу личность. Тогда мы поймем, что именно мне, и тебе, и ему хотят испоганить душу. И дикой станет сама мысль, будто между нами и ими может быть что-либо общее. Пока же наше неприятие их преступлений имеет чисто эмоциональную основу. Но эмоции иссякают, и остается безликое равнодушие. И что же разделит нас с ними? Лишенные национального чувства, мы превратимся в толпу космополитов, или универсалистов, или интернационалистов — называй как хочешь, — равнодушных к преступлениям против нации,

против личности, против Бога. Тут-то они и возьмут нас голыми руками: ведь давно уж подбираются. Ведь говорят же: "Мы с вами — атеисты! у нас с вами страна победившего разума!" — а нам и лестно: вот ведь какой у нас разум оказался, да и сами-то каковы: не лаптем шти хлебаем. А потом еще примитивнее обманут: одним скажут: "ведь мы же с вами русские, вместе за футбол-хоккей болеем", другим же: "ведь мы с вами не русские, не шовинисты".

И все мы, давно и забывшие, что и значит-то быть русским, — примемся покорно поддакивать: мы с вами . . . мы с вами . . . мы с вами . . .

4

Но действительно ли русская нация обладает подлинными духовными ценностями, которые могут стать основой национального возрождения, или это пустые иллюзии? Многие склонны признавать за русскими одни лишь претензии, но не возможности совершать что-либо истинно великое.

Настала, наконец, пора выяснить "право нации на существование". Настала пора самой строгой и суровой оценки всех особенностей русского национального самосознания — и мерить тут нужно самой высокой мерой.

Не стану лукавить: я хочу обосновать мысль, что наша нация есть не только истинно нация, но еще и великая, избранная нация.

— Ну, наконец-то, договорился! — так и слышится мне шум возмущения среди оппонентов. — Плел-плел о равенстве, "эллинов и иудеев" все поминал, а подвел все к тому же! Знакомая погудка, всем надоевшие национал-мессианистские иллюзии. Тут вообще само слово "нация" под сомнение берется, а он опять о какой-то избранности толкует. "Где есть истинный Мессия, там нет споров о первенстве", — пишет В. Горский. Спорят так, будто речь о спортивном соревновании идет.

Недоразумение со знаменитым высказыванием апостола Павла об "эллинах и иудеях", на которое ссылаются все противники национальной идеи, уже рассеял в своей статье В. Борисов, и для тех, кто не читал или не помнит, остается лишь процитировать: "Мы и не собираемся пререкаться с апостолом Павлом, ни тем более оспаривать его авторитет. Он действительно написал процитированные слова. Однако у них есть продолжение, о котором почему-то всегда забывают защитники христианского "универсализма" (псевдо-универ-

сализма, скажем мы, забегая вперед): "... ни женского пола, ни мужского..."

Возьмут ли на себя эти защитники смелость утверждать, что для христианства с его учением о браке различия полов — нет?

Не значит ли это, что апостол язычников хотел сказать: между эллином и иудеем, между мужчиной и женщиной, между рабом и свободным нет различий только в каком-то одном отношении?"

Слова апостола вовсе не отвергают понятия нации, что же касается равенства, то равенство наций, как и равенство отдельных личностей, имеет абсолютную и непреложную ценность — будь то личность гнусного преступника, Льва Толстого или Сергея Радонежского. Путь каждой личности — как бы она ни петляла и не сворачивала порою в сторону — путь к Богу: в этом-то мы все равны перед Ним. Но кто же станет приравнивать мерзкое существование преступника к мучительным и напряженным нравственным исканиям Толстого или сияющей святости Сергея? Путь-то у нас один, да идем-то мы все по-разному. И есть избранные среди нас, кому выпало на долю счастье и тяжкий труд указывать дорогу другим, — кто осмелится отрицать их избранность!

Нет механического равенства и между народными личностями — нациями. Поэтому-то, когда настала пора дать миру Откровение, Христос явился среди еврейского народа, ибо в тот момент только эта нация — именно иудеи, а не эллины, — отстоявшая чистоту монотеистического культа, стояла ближе всего к Истине.

Не о первенстве же речь, а об избранности — понятия различные.

Недоверие к идее избранности, помимо весьма прозрачных психологических причин, объясняется еще и тем, что в обыденном сознании смешиваются два противоположных понятия: чувство избранности и гордыня по поводу мнимой исключительности. А гордыня-то как раз есть признак отпадения от избранности. Чем выше личность, нация — тем сильнее в них любовь к людям, к народам, тем дальше они от чванливого сознания "национального величия", против которого ополчаются псевдоуниверсалисты. Рядом со святостью — всегда смирение и покаяние. Но это лишь подчеркивает подлинное величие святости. Подлинно избранные знают, что их великая избранность — мука великая и тяжкая. Избранные на Крест восходят.*

* Да ведь и не закрыта ни от кого эта избранность в наше время: ощути в себе готовность на Крест взойти — вот уже и избран. Или избранность и величие — это возможность побольше милостей Господних для себя урвать? Так что ли?

Все это, конечно, не значит, что среди русского народа не было национального чванства (национализм всегда вблизи и настороже), не было отпадения от Истины — в том и грех народный. Но он ли определяет содержание народной жизни?

Так начнем же судить Россию самым страшным судом — устоит ли она перед ним?

И — самый главный, самый страшный вопрос: возлюбила ли она Бога более всего на свете? Не отреклась ли она от Него?

"По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основы религиозности есть пизтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себя кое-где. Он говорит об образе: годится — молиться, а не годится — горшки покрывать.

Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. ... у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме... Религиозность не привилась в нем даже к духовенству..." — кто только не мусолил эту цитату из знаменитого письма Белинского к Гоголю. Убийственное свидетельство.

"Октябрьский переворот, при всем его антинародном и заговорщицком характере, тем не менее связан с самыми глубокими пластами народной души, ибо революция оказалась невиданным еще в истории СВОБОДНЫМ отречением народа от всех тех ценностей, которым он исстари поклонялся", — а это безапелляционный приговор В. Горского. Страшный приговор.

"Был а я Русь"... Как это выговорить? А уже выговаривается. "... Русь слиняла в два дня. Самое большее — три. ... Поразительно, что она разом рассыпалась, вся до подробностей, до частных. И, собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая "Великого переселения народов". Там была эпоха, "два или три века". Здесь — три дня, кажется даже два. Не осталось Царства, не осталось церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Страшным образом — буквально ничего", — а это В. В. Розанов, которого В. Горский, с сочувствием процитировав, назвал "одним из самых чутких русских писателей XX века". Ну, тут уж просто некролог какой-то.

А вывод такой можно сделать: если что и было когда-то, в незапамятные времена (хоть и сомнительно), то теперь уж об этом и толковать не стоит. Погибла Расея. Амен.

Но все-таки попробуем — потешим остатки своей национальной гордости.

Прежде установим основной принцип, которым станем пользоваться при анализе (вынужденно кратком) жизни русского народа — явления сложного, многообразного и многопланового. Ведь существовали же на Руси и безбожие, и разбой, и бескультурье, и невежество, и темнота сознания, и многие еще "свинцовые мерзости русской жизни" — от этого ведь не уйдешь никуда.

"Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату, и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи брильянты. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. А ведь не все же и в народе — мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают! Я как-то слепо убежден, что нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да еще сам себя за нее похваливает, в принцип свою мерзость возводит... Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасали его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном, гармоническом соединении", — в этих словах Достоевского — *sine qua* поп справедливого суда — прежде прочего — любовь и сострадание. Или еще так повторим: только личность может судить истинно. И еще: судите не по мерзостям, но по духовным идеалам, по высшим проявлениям духовной жизни. Вот, собственно, и принцип. Он не нов, и мы постоянно пользуемся им, он уже укоренился в нашем сознании. Ну, например: мы называем русскую литературу прошлого века великой литературой — хотя к ней относится и огромное число посредственных писателей, а гениев-то все-таки по пальцам пересчитать можно.

Эти истины давным-давно стали уже общим местом, и повторять даже как-то неловко: чувствуешь себя в роли человека, доказывающего, что вода мокрая, — но приходится, иначе не избежать недоразумений. Ведь и так бывает: иной как будто и не спорит, что дважды два — четыре, а начнет свои счета составлять — и обнаруживается совсем иная таблица умножения.

Кажется, трудно, к примеру, подвергнуть сомнению исключительную напряженность духовной жизни средневековой Руси. Стригольники (при всей их еретичности), митрополит Алексей, Сергей Радонежский, Стефан Пермский, Нил Сорский, Максим Грек, заволжские старцы, митрополит Филипп, Феофан Грек, Андрей Рублев, Дионисий — не свидетельство ли высокого взлета религиозного народного духа (а перечень можно было бы растянуть не на одну страницу). Однако с удивлением читаю у В. Горского о "эмпирической скудости культурной и религиозной жизни" нашего средневековья.*

В эпоху Петра национально-религиозной жизни русского народа был нанесен серьезный удар, однако она была слишком сильна и глубока, чтобы ее смогли уничтожить любые государственные преобразования. Великий взлет культуры (культура — производное от культа, как справедливо заметил В. Горский) — тому свидетельство. В сфере же чисто религиозной — Дмитрий Ростовский, Серафим Саровский, Тихон Задонский, оптинские старцы, Гоголь, славянофилы, Достоевский, Толстой (мыслитель религиозный, хотя и впадший в соблазн), Н. Ф. Федоров, Иоанн Кронштадтский, о. Алексей Мечев, Вл. Соловьев, о. Павел Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, С. Франк... Это-то эмпирическая скудость духовной жизни? И не побоюсь сказать: это м о я национальная гордость (а то, что мы вынуждены читать "Вехи" за задернутыми шторами, — н а ш а национальная трагедия).

Однако всякое напоминание об исторических достижениях нации с подозрением встречается иными противниками национальной идеи. Стоило Д. С. Лихачеву напомнить о забытом нами великом культурном наследии прошлого — как на него тут же посыпались обвинения в шовинизме (и даже в "призывах к погрому"). Да, "достоинство великого прошлого" может стать и пищей для национального чванства. Разумеется, можно зазубрить названия романов Толстого, чтобы присовокупить их к сакраментальному списку: ракета, Енисей, балет, хоккей... а еще: мы миру Достоевского и Чехова дали, и Мамаю разгромили, и Наполеона с двенадцатью языками...

* В. Горский вообще очень вольно обращается с историей и свои собственные заблуждения легко выдает за аксиомы (невольно или преднамеренно?). Вот еще один пример некоторой недобросовестности этого автора: "...нет нужды опровергать основные положения славянофильской концепции — религиозная и научно-историческая несостоятельность их более чем очевидна". Вот так смаху — "более чем"? Да одно хомяковское учение о соборности — сколь драгоценно для православного сознания! Отвержение ценности достижений религиозной философской мысли славянофилов — одна из ходячих истин советских историков-марксистов.

Великие достижения прошлого должны стать для нас не "немым иероглифом", а нашим духовным достоянием. Мы должны творчески освоить их — иначе уничтожение нации будет и дальше совершаться при подавляющем равнодушии националистически-самодовольного общества: ему ведь и нужны иероглифы, а их-то заменят с иезуитской ловкостью — вместо Чехова подsunут какого-нибудь Брумеля, взамен романов Толстого предложат затвердить список хоккейной сборной, а на месте спасенной церкви Покрова на Нерли соорудят грандиозную эстраду для выступлений Аллы Пугачевой. Оглянемся по сторонам: это ведь давно уже происходит. (И по истине-то вот что слышится за бранью на акад. Лихачева: не морочьте голову своей культурой — нужно приучить людей довольствоваться хоккеем и битлами).

Для того, чтобы культура не стала пустым иероглифом, нам нужно истинное национальное самосознание.

Правда, В. Горский подвергает сомнению глубинную истинность национального характера религии и культуры. Они для него прежде всего — "универсальны и сверхнациональны". Шекспир, Гете, великие святые преодолевают, по его мнению, свою национальную форму и становятся достоянием всего человечества. Следуя этой логике можно утверждать, что они преодолевают также и свою личностную самобытность, превращаясь во всеобщую безликую ценность. Существование отдельных личностей еще не означает отсутствия их единства (опять-таки приходится возвращаться к таблице умножения). Может быть, великие национальные гении (отразившие гений своего народа) потому и становятся гениями всемирными, что полнее других выражают свою национальность? Это покажется парадоксом лишь тому, кто не усвоил еще истины: нации — богатство человечества. Вне личности (народной личности) невозможно создание никаких духовных ценностей. Гете — прежде всего великий немецкий поэт, и если отнять у его творчества национально-личностное начало, он утратит свою ценность для всего человечества. Франциск Ассизский обладает полнотою святости и для меня, православного, но мы тем не менее должны быть благодарны именно средневековой Италии, давшей нам его своеобразную личность. Только в средневековой Руси (и только во второй половине XIV в.) мог явиться миру во всей неповторимой самобытности своей святой личности Сергей Радонежский. Религия и культура не сглаживают различия, национальные или личностные, но углубляют их самобытность, являясь в то же время универсальным средством общения между людьми. А истинная национальная гордость — это не чванство, а радость от давания,

особая радость от сознания, что твои ценности становятся ценностями всеобщими, радость сближения с миром. "Мог только то, что я отдал", — эти слова св. Максима Исповедника помогают осмыслить сущность и истинной национальной гордости. Лишь для националистического сознания они абсурдны, неместимы.

На все сказанное предвижу серьезное возражение: пусть так, но если без "возвышенностей" этих — к народу-то это все малое отношение имеет. Славянофилы вон рядились в "народные" одеяния, а народ-то их за иноземцев принимал. "Вехи"-то за закрытыми шторами народ что ли ваш читает? Народ хоккей смотрит. И всегда такой он был. Иоанн Кронштадтский — разумеется... Но Распутин куда деть?

— Да куда его не девать. Что было, то было... Но еще раз на прежний пример сошлюсь для наглядности. В русской, например, поэзии не только Пушкин, но и Бенедиктов есть. И Бенедиктова одно время многие весьма образованные люди Пушкину предпочитали. Но что это доказывает? Да и мог ли тот же Распутин появиться, если бы в народной душе стремления к Богу не было? Ошибки лишь в том случае могут быть, если строгие правила есть.

— Да какой же Бог в народной душе, если мужик при упоминании о Нем в неприличном месте чешет!

— Ну, конечно, куда же нам без Белинского!

Но давайте задумаемся всерьез: а почему мы должны верить Белинскому? То есть я не тому не хочу верить, что мужик при нем чесался — без сомнения, чесался. Но почему мы должны верить в истинность знания и понимания Белинским народа? Да чтобы народ узнать по-настоящему — порою десяти пудов соли мало с ним съесть, Белинский же общался в основном с городским простонародьем — а это уж не вполне пригодный материал для выводов о народной жизни. Можно понять, когда бьют Белинским Гоголя в официозных советских кругах. Но мы-то должны всерьез спросить: какое вообще моральное право имел Белинский поучать великого писателя, умевшего так глубоко проникать в душу человека своим художественным и религиозным чутьем? Какое право имел он, не зная истории русского Православия, утверждать, будто наши духовные вожди не пошли дальше "холодной аскетической созерцательности"?

С тех пор и идет дурная манера многих резонеров, которые народа не знали и судили о нем по сторонним случайным наблюдениям, снисходительно выговаривать — Толстому, например, за Каратаева, или Солженицыну за Матрену. Белинский хоть внутренне честен был.

Вообще за всеми высокомерными нападками на народную жизнь — внешне и остроумными и справедливыми — проглядывает прежде всего отсутствие истинной любви, и как следствие — либо незнание, либо неумение увидеть самое важное.

Есть в "Дневнике писателя" рассказ "Мужик Марей" — воспоминание Достоевского о небольшом эпизоде, пережитом им в каторжном остроге.

"Был второй день Светлого праздника... Другой уже день по острогу "шел праздник"; каторжных на работу не выводили, пьяных было множество, ругательства, ссоры начинались поминутно во всех углах. Безобразные, гадкие песни, майданы с картежной игрой под нарами, несколько уже избитых до полусмерти каторжных...; несколько раз уже обнажавшиеся ножи, — все это, в два дня праздника, до болезни истерзало меня. Да и никогда не мог я вынести без отвращения пьяного народного разгула, а тут, в этом месте, особенно. ...Наконец, в сердце моем загорелась злоба. Мне встретился поляк М-цкий, из политических; он мрачно посмотрел на меня, глаза его сверкнули и губы затряслись: "Je hais ces brigands!" проскрежетал он вполголоса и прошел мимо. Я воротился в казарму, несмотря на то, что четверть часа тому выбежал из нее как полоумный... сердце билось беспокойно, а в ушах звучали слова М-цкого..."

И вдруг, рассказывает далее Достоевский, ему вспомнилось, как давно, в детстве еще — в ласковом сострадательном взгляде простого русского мужика открылось ему величие народной души. "Встреча была уединенная, в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика, еще и не ждавшего-негадавшего тогда о своей свободе. Скажите, не это ли разумел Константин Аксаков, говоря про высокое образование народа нашего?"

И вот, когда я сошел с нар и огляделся кругом, помню, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом, и что вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем. Я пошел, вглядываясь в встречавшиеся лица. Этот обритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную силпую песню, ведь это тоже может быть тот же самый Марей: ведь я же не могу заглянуть в его сердце. Встретил я в тот вечер еще раз и М-цкого. Несчастный! У него-то уж не могло быть воспоминаний ни об каких Марях и никакого другого

взгляда на этих людей, кроме "Je hais ces brigands!" Нет, эти поляки вынесли тогда более нашего!"*

Вот перед нами, выражаясь новомодным языком, модель двух противоположных восприятий народного характера, причем в его самом отвратительном проявлении. Повторим еще раз: увидеть и распознать можно лишь то, что имеешь и в своей душе. Чтобы понять правду народной жизни, нужно пережить ее в сердце своем — и тогда в самых отвратительных каторжниках сможет человек угадать душу мужика Марей. Но если не дано — хоть остереглись бы от осуждения. Да и имеем ли мы право-то на поношение народной жизни? "Я думаю так: вряд ли мы столь хороши и прекрасны, чтобы могли поставить самих себя в идеал народу и потребовать от него, чтоб он стал непременно таким же, как мы", — это ведь и к нам обращен голос писателя-пророка.

Неумное ерничество слышится в "похоронных" словах чуткого Розанова (он и вообще-то неумеренно злоупотреблял притворным кривлянием). Так-то уж и "слиняла Русь"? В два дня?

Ну, может, и не в два дня — возразит кто-нибудь — а хоть бы и за шестьдесят лет, но выветрилась все же основа народной жизни. "Его Величество Советский Народ" гордо топчет русскую землю.

Советский народ, конечно, не шутка. Это новая страшная бездуховная общность грозит гибелью русской национальной идее. Но как далеко зашла советизация народа — вот вопрос. В. Горский дал верную и остроумную характеристику советскому народу. Непонятно только, как могут появляться среди такого народа Солженицыны и Сахаровы.

Давно пора бы отказаться от противопоставления народу его мыслящей части. Отщепенство русской интеллигенции нам дорого обошлось — закройте шторами окна и почитайте "Вехи" (только не могу подсказать, где можно найти эту "энциклопедию либерального ренегатства" — власти ведь недаром прячут ее от нас за семью замками). Национальный гений вообще не может появиться на пустом месте (опять-таки — дважды два), если бы в русском народе не было Каратаевых и Мареев — не зная бы нам великих творений Толстого и Достоевского. Без Иванов Денисовичей и Матрен не было бы писа-

* Конец рассказа замечателен: вот пример истинно христианского отношения к ближнему — не гнев, не презрительная укоризна, но сострадание к впадшему в соблазн ненависти.

теля Солженицына.* Советский народ Солженицына дать не может, от советского народа — лишь чаковские да бабаевские происхождение ведут.

Впрочем, современность — не история, где лишь предания да исследования, здесь и на собственный опыт опереться можно. Могу от себя свидетельствовать: я видел в жизни Матрен Солженицына и знаю, что истинно на них держится в с я з е м л я н а ш а. Но знаю еще: вся официальная "национальная" политика и все стремления космополитов-универсалистов к тому направлены, чтобы Ивану Денисовичу и Матрене — не быть.

И все же велика наша надежда, что не истребить русскую нацию. Чуткий Розанов в упор смотрел и не видел (а скорее — притворялся, будто не видит), но вот из далекого далека доносится до нас голос Франсуа Мориака — в том же номере "Вестника", что и статья В. Горского — случайно ли? — опубликовано интервью с писателем, поистине одним из самых чутких в середине XX века?

Вопрос: Значит, в будущем нашего мира больше нет для Вас никаких оснований надеяться?

Мориак: Нет, есть. То, что происходит в России. Возрождение веры там. В народе и среди интеллигенции. После полувека воинствующего атеизма мне это кажется величайшим знамением.

5

Русскому народу нередко ставят в вину угнетение других народов. Прежде была царская Россия — "тюрьма народов", ее сменил Советский Союз с куда более суровым режимом, а в конце концов был создан большой социалистический концлагерь, в котором желание обрести свободу карается смертью.

* Солженицын, кстати, воплотил в себе одну из характерных особенностей русского народа: говорить с людьми о существенном, о Правде, о Боге, не смущаясь никакими суетными соображениями. Нередко слышны упреки писателю: наивно де обращаться к политикам и дельцам с душеспасительными речами. Но в поведении Солженицына видится истинная мудрость (которая и проявляется внешне в пророческом безумии): сквозь безличную шелуху политики, экономики, идеологии, прагматизма, которыми окутали и опутали себя люди, он пытается проникнуть словом к личности, докричаться до личности — только она-то и может воспринять слово Правды. Бессмысленно говорить об истине, видя в людях прежде всего политиков или дельцов — те от Истины всегда далеки будут — нужно говорить с ними, видя в них именно людей (а мы как-то и забыли, что члены политбюро — тоже люди, и у президента США — душа есть). Другое дело — слишком толсто вокруг иной души всего наверху.

Исторический грех русского народа проявился, в частности, и в том, что мы позволяли угнетать другие нации от нашего имени. Сам же русский народ всегда оставался и остается самым угнетенным, самым бесправным, самым бедным в "великой семье народов". Разумеется, тут нужны долгие и серьезные исследования, статистические выкладки — возможно, они и существуют, но у меня их нет. Однако всякому сомневающемуся я предлагаю совершить небольшое путешествие, например, по прибалтийским городам и хуторам, а потом по русской провинции — тут и без статистики все ясно станет. Или хотя бы возьмите официальные цифры государственного бюджета и рассчитайте, сколько средств выделяется на одного человека в РСФСР и в других республиках.

Размерами империи власть щекочет националистические амбиции человека-винтика,* а он искренне верит, что Прибалтика или Бессарабия — его вассальные владения. И пыжится: не отдадим Бессарабии! Пора бы расстаться с такими иллюзиями. Ведь если русские солдаты стреляют сегодня в афганских повстанцев, то доходы от этого наш народ получает в виде цинковых гробов и слез русских матерей. Мы слишком легко позволяем одурачивать себя — вот наша вина, и перед судом народов нам не уйти от ответственности за совершенное от нашего имени.

Однако в самом характере русского человека нет неприязни к другим народам, ни чувства превосходства над ними. В этом может убедиться всякий — в живом общении с русскими людьми, даже с русско-советскими, как ни искажено многое в их душе. Доброта, приветливость, отзывчивость — свойства, исконно присущие нашему народу.

О всечеловечности русской нации, об открытости народной души, культуры, о способности русского гения глубоко проникнуть характер, постичь сам дух других народов — много говорил в свое время Достоевский, о том же самом, лишь менее подробно писал совсем недавно акад. Лихачев в "Заметках о русском". Кого не убедит всепроникающая прозорливость писателя-пророка или основанное на самом добросовестном и пристальном изучении русской культуры мнение крупнейшего нашего ученого — того, пожалуй, уж никто и ничто не образумит.

* Да ведь и сами-то правители — те же винтики, с той же психологией маленького человека. Посмотрите хотя бы, как они стараются придать себе внешнюю значительность (при внутренней пустоте — чувствуют же они это, не могут хоть иногда не осознавать), присваивая себе всевозможные титулы и звания, навешивая на себя разноцветные блестящие украшения. Правда, возможностей у них, к несчастью целого мира, побольше, чем у прочих.

Не обойти мне одной из самых болезненных наших проблем — так что и притронуться боязно, а все же придется: хоть коротко сказать о взаимоотношениях русских с евреями.

Отчасти-то она надумана, эта проблема, и искусственно раздувается, ибо положение евреев в СССР во многом благополучнее судьбы — не скажу: крымских татар или бывших немцев Поволжья, а даже и — значительной части русского народа. Однако послушать иные разговоры, иные статьи в эмигрантской прессе почитать — можно подумать, будто у нас ничего другого и не происходит, кроме "угнетения евреев". "...Наверно нет в целом мире другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждым шагом и словом своим, на свое принижение, на свое страдание, на свое мученичество. Подумаешь, не они царят в Европе..." — сто лет назад написал это Достоевский — и ничего как будто не изменилось. Подойти непредвзято — еврейская проблема не менее и не более важна, чем проблема судьбы любой другой нации. И решаться должна на основании единых и общих для всех принципов.

Если человек еврейской национальности (или любой другой) признает Россию своей родиной, русскую культуру — своей культурой, если он переживает преступления против русской нации как любой русский человек — мы просто не имеем морального права считать его не русским. Если еврей (или немец, или крымский татарин), относящийся с уважением к нашему народу, живя в России, все же не может отказаться от духовной связи со своей исторической родиной — мы обязаны с уважением относиться к его национальным чувствам и сочувствовать его желанию соединиться с нею (к сожалению, не от нас зависит возможность такого воссоединения). Но если человек, при виде всех несчастий, терзающих нашу родину, способен лишь на чувство, которое не назовешь иначе, как глумливое злорадство, если прожив в России большую часть своей жизни, он так и не ощутил и свою ответственность за все здесь происходящее и думает только о бегстве туда, где можно найти кусок поживнее и послаще — то что же, кроме безразличного презрения, можно испытывать к подобному моральному уроду. Дурно пахнущий принцип *ubi bene ibi patria* не может не отталкивать каждого нормального человека. — Он мил лишь ущербному духом отщепенцу. Такие есть и среди русских, но давайте же не будем стыдливо закрывать глаза: евреи составляют здесь подавляющее большинство.

Совершающаяся гибель русского народа — моя боль, и если мы не способны к состраданию (избирая тем самым участь безликого стада), то хоть не оскверняйте себя еще и зубоскальством — отойдите

молча в сторону. Не поймет чужого национального чувства тот, кто своего не имеет. Только не надо снова поминать все, что "нет ни эллинов, ни иудеев" — человек не может без чувства родины, истинно "животворящей святыни".

Порою неприязнь евреев к России стараются представить как реакцию на русский черносотенный антисемитизм, еврейские погромы. В. Горский объясняет (оправдывает) этим и участие евреев в большевистской революции. Как будто антисемитизм именно в России появился и специально русскими был изобретен. Напротив, в душе русского народа никогда не было неприязни к евреям — Достоевский не обнаружил антисемитизма даже среди каторжников — вот уж, кажется, отребье нации — но уважение и понимание к находившимся среди них евреям, несмотря на многие внешне комичные проявления еврейской религиозности, несмотря на высокомерие еврейское: "у них, мол, вера такая". Не русские выказывали гадливость и презрение к евреям, а евреи к русским. Да и теперь, если бросить на весы русский антисемитизм и еврейское русофобство, — что перетянет? Во всяком случае, "узкий националист" и "шовинист" (по В. Горскому) Достоевский* все-таки воскликнул: "Но да здравствует братство!", а универсалисты-евреи не удержались от соблазна ненависти и немало поучаствовали в уничтожении русского народа и его культуры. Можем ли мы забыть, кто с гнусной слюнявой похотью кричал во всеуслышанье: "Задерем подол матушке России!"

Антисемитизм есть такое же отражение исторического греха еврейского народа, как большевизм — русского. Каждому было определено свое наказание, и не будем же отрешиваться от этого. Попытка переложить все на других — есть все то же лукавое (и от лукавого) стремление уйти от ответственности. Если же участие евреев в русской революции действительно объясняется антисемитизмом, то ведь это по сути еще более серьезное обвинение для них — ибо в таком случае их революционность не что иное, как желание

* Вообще подобные обвинения Достоевского стали общим местом, и как будто справедливо: он мечтал об объединении всех славянских народов под властью русского царя, о завоевании Константинополя и т. д. Но можно ли отбрасывать как нечто несущественное цели, ради которых Достоевский развивал свои идеи? Этими целями были: не унижение других народов, не угнетение их, не экономическая эксплуатация, но: укрепление Православия, преодоление национальной ограниченности, усиление братской любви между славянскими народами, постепенное внутреннее перерождение царства Кесаря, превращение его в Царство Божие, распространение Истины из России на весь мир. Можно называть это как угодно — утопией, иллюзией, призрачными стремлениями (вот об этом и спорить будем), но уж никак не шовинизмом.

заставить других расплачиваться за последствия своих собственных прегрешений, злобное желание.

Кроме того, если кто-то начинает пользоваться безнравственными методами противника, он тут же уподобляется ему и лишается нравственного права судить чужой грех.* Слишком много говорится о погромах — любимая тема при обвинении русских в шовинизме, но почему-то напрочь забыты русские погромы, которые устраивали евреи, не говоря уже о великих погромах революции, гражданской войны и коллективизации, где они тоже приняли деятельное участие. Русский человек всегда осознавал еврейские погромы как свой позор. Да и то, что похотливым воплям Кагановича вторило одобрителное молчание какого-нибудь Калинина, — тоже не делает нам чести, и мы это осознаем. Со стороны же евреев — одни сплошные оправдания и стремление обвинить кого угодно, только не себя. Вообще почему-то с давних пор каждая попытка объективного исследования "еврейской проблемы" осуждается как проявление антисемитизма. И ведь слишком белыми нитками все шито, слишком понятно это нежелание какого бы то ни было разговора...

Но все это сказано вовсе не ради "сведения счетов": какие тут счета перед лицом надвигающейся всеобщей гибели. Не на ненависть, а на поиски выхода должны быть направлены воля и энергия наших душ. Повторяю еще раз: ненависти — к кому бы то ни было — никогда не было у истинно русского человека. Он может возмущаться, негодовать, испытывать гнев — но даже к врагу, если тот повержен, он ощущает прежде всего жалость и готов со всяким поделить последним куском. Ненависти, глубокой затаенной ненависти, никогда не знала русская душа.

Но знала она всегда свой грех, свою вину перед Богом, и значит, всегда имела Бога в себе. "Пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нем есть неоспоримо: это именно то, что он в своем целом, по крайней мере, никогда не принимает и не захочет принять своего греха за правду... Грех есть дело преходящее, а Христос вечное. Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, в Христовы минуты, он никогда в правде не ошибется. То именно и важно, во что народ верит, как в свою правду, в чем ее полагает, как ее представляет себе, что ставит своим лучшим желанием, что возлюбил, чего про-

* Это вообще самое распространенное явление наших дней: политические разбойники (и те и эти) только тем и занимаются в промежутках между своими преступлениями, что кричат, тыча пальцем во все стороны: держи вора! Весь мир охвачен разбоем и этими криками.

сит у Бога, о чем молитвенно плачет. А идеал народа — Христос. А с Христом, конечно, и просвещение, и в высшие, роковые минуты свой народ наш всегда решает и решал всякое общее и народное дело свое всегда по-христиански".

Впрочем, Достоевский, "националист" и "реакционер", на мнение которого я сослался, — свидетель не для всех приемлемый. Да и в пристрастности его можно заподозрить: с в о и х ведь хвалит. Ну, а если кто осудит — поверите?

В. Горский нашел (в работе Г. Шпета "Очерк развития русской философии") одно интереснейшее свидетельство о нашем национальном характере, причем высказанное именно в осуждение русского народа. Оно стоит того, чтобы воспроизвести его еще раз: "Тут и специфическая национальная психология: самоедство, ответственность перед призраком будущих поколений, иллюзионизм, вызываемый видением нерожденных судий, неумение и нелюбовь жить в настоящем, суетливое беспокойство о вечном, мечта о покое и счастье, непременно всеобщем, а отсюда — самовлюбленность, безответственность перед культурой, кичливое уничтожение учителей и разнузданно-добродушная уверенность в превосходной широте, размахе, полноте, доброте "души" и "сердца" русского человека".

Разберем же выдвинутые обвинения по пунктам:

1. Самоедство. Термин не вполне определенный, но нетрудно догадаться, что им обозначено нечто вроде национальной разновидности рефлектирующего сознания. Постоянный самоанализ, ощущение своей греховности, чувство недовольства собою, угрызения совести (грызет — ест) — все эти качества весьма "неудобны" только для того, кто имеет идеалом самодовольное фарисейство. С ними трудно жить, но они сильнее человека, если он осознает, подобно мытарю, свою греховность. И не ясно ли, что "самоедство" возникает именно из острейшего чувства ответственности, пронзающего личность?*

2. Ответственность перед призраком будущих поколений. Вот-те на! Почему же перед "призраком"? Да ведь понятие ответственности именно включает в себя мысль о будущих поколениях. А вот мы-то сами, которые сейчас живем, — мы-то и есть эти "призраки" для тех,

* Есть еще одно слово для обозначения этого состояния: гамлетовщина, употребляемое обычно с оттенком осуждения. Д. С. Лихачев высказал недавно очень глубокую мысль о сущности гамлетовского характера: "Создалось неправильное представление об "интеллигенте" Гамлете, как о человеке, постоянно колеблющемся и нерешительном. А Гамлет вовсе не слаб: он преисполнен чувства ответственности, он колеблется не по слабости, а потому что мыслит, потому что нравственно отвечает за свои поступки".

кто вовсе не думая о нас, творил свои беззакония в прошлом. И значит мы, в свою очередь, уничтожая, например, природу, делаем благое дело, не задумываясь всерьез о последствиях своих благодеяний для будущего? После нас — хоть потом.

3. Иллюзионизм, вызываемый видением нерожденных судий. По отношению к прошлому "нерожденные судии" — это опять-таки мы. А для нас — наши внуки или правнуки. Пожалуй, универсалисты-интернационалисты подобным "иллюзионизмом" и прежде не страдали, и теперь за нелепую галлюцинацию его выдают. А ведь есть же еще один Судия. Для кого-то ведь и Он — тоже "призрак".

4. Неумение и нелюбовь жить в настоящем. Ну, насладиться моментом, что называется — п о ж и т ь русский человек все-таки умел всегда. Однако к счастью это не было его идеалом. Нелюбовь к настоящему — не совсем точно сказано. Лучше бы: неудовлетворенность настоящим. Да может ли удовлетвориться настоящим тот, кто Бога в душе чувствует, кто знает, что "мир во зле лежит", кто несет в себе ответственность за это зло? Простите за грубое сравнение: полностью довольна настоящим лишь свинья, которая всласть начавкавшись у помойного корыта, хрюкает и жмурится на солнышке посреди навозной жижи.

5. Суетливое беспокойство о вечном. А это уж просто перл! Беспокойство о Вечном (с большой буквы надо бы написать) — суетливо? Чувствую себя бессильным возразить что-либо тому, кто смог такое высказать.

6. Мечты о покое и счастье, непременно всеобщем. Опять-таки не знаешь, как и возразить. От этих слов разит столь непрошибаемым эгоизмом, что вновь напоминать об ответственности личности перед всеми и за всех, о невозможности для нее замкнуться в узеньком мирке корыстного самодовольства — все равно что рассуждать перед той же свиньей о необходимости самопожертвования: она знай себе лежит да похрюкивает.

Нетрудно заметить: все те качества, которые столь высокомерно (при полном сочувствии В. Горского) осуждает Шпет, имеют в основе своей именно ощущение своего греха и ответственности, заложенное в русском национальном самосознании. Но Шпет логически выводит из них нечто удивительное: самовлюбленность, безответственность, кичливость, самоуверенное бахвальство. Значит, осознание своей греховности и недовольство собой рождает самовлюбленность, а из ответственности с логической неотвратимостью вырастает безответственность? Бесподобная логика! И хоть неловко мне, но все же отважусь сказать, что, во-первых, Волга впадает в Каспийское море,

а во-вторых, безответственность есть о т с у т с т в и е ответственности, а не следствие ее. Безответственность появляется тогда, когда подавляется чувство ответственности. Как и национализм (в том числе кичливость и бахвальство) только там имеет шансы на успех, где подавляется истинное национальное чувство. И еще: лошади кушают овес и сено.

Вообще позицию, с которой осуждаются Шпетом особенности русского национального характера, можно обозначить одним словом — буржуазность. Буржуазность ведь не есть явление чисто экономическое, но: целостное мировосприятие, осознание человеком своего места только в этом, земном существовании, своих потребностей как замкнутых эгоистических потребностей, своего времени как единственно существующего и достойного для осмысления и приложения сил, как единственного источника наслаждения. Буржуа — стихийный материалист, сколько бы ни обряжался он для внешней благопристойности в религиозные одежды. Буржуазный мир несет в себе естественную тенденцию к атеизму, псевдоуниверсализму, индивидуализму, узкому прагматизму, релятивизму (плюрализму) — к безликости. Поэтому-то коммунист-революционер так же буржуазен (об этом писал Н. Бердяев, да и не только он), как и фабрикант-капиталист или банкир. Демагогические лозунги не должны нас обманывать. Лучшее свидетельство — их дела, их бытие.

Самодовольной буржуазности нет в основе русского национального характера. Это проявилось хотя бы в том ч у в с т в е п р о с т р а н с т в а (в переживании пространства как особой психологической ценности), над которым так иронизирует В. Горский. Однако, подобно Шпету, вместо осуждения В. Горский невольно высказал похвалу России: "С географической необъятностью Русского государства связаны и особенности русского империализма и империалистического сознания. В русском империализме, в отличие, например, от английского колониализма XIX века, почти отсутствует экономическая заинтересованность и активность". Что ж, согласимся: буржуазного отношения к миру как только к источнику наживы не было даже в русском национализме. Лишь с приходом к власти буржуа-коммунистов началось разграбление пространства.

Даже собственность — эта основа буржуазного миропонимания — никогда не была для русского человека самодовлеющей, "священной" ценностью, она всегда отождествлялась им с грехом.

"Русский же народ добродетелями своими отрешен от земли и обращен к небу. В этом духовно воспитало его православие. Европейский человек считает свою собственность священной и не позволит

без жестокой борьбы отнять ее у себя. У него есть идеология, оправдывающая его отношение к земным благам. Русский человек, даже если грех корыстолюбия и стяжательства овладел его природой, не считает своей собственности священной, не имеет идеологического оправдания своего обладания материальными благами жизни, и в глубине души думает, что лучше уйти в монастырь или сделаться странником. Легкость низвержения собственности в России произошла не только от слабости правосознания в русском народе и недостатка буржуазной честности, но и от исключительной отрешенности русского человека от земных благ. То, что европейскому буржуа представлялось добродетелью, то русскому человеку представлялось грехом. И русский помещик никогда не был до конца уверен, что он по правде владеет своей землей. ...И русский купец думал, что нажился он нечистыми способами и раньше или позже должен покаяться. Православие внушало идею обязанности, а не идею права. Обязанности не исполняли по греховности, право же не считали добродетелью. Буржуазная идеология никогда не имела у нас силы и не владела русскими сердцами. У нас никогда не было идейно приличного обоснования прав буржуазных классов и буржуазного строя. Буржуазный строй у нас в сущности почти все считали грехом..." — вот свидетельство Н. Бердяева. Эта особенность русского национально-го характера отразилась в идейном своеобразии русской литературы. Приведу два очень характерных и весьма близких друг другу по мысли высказывания.

Стефан Цвейг: "Раскройте любую из пятидесяти тысяч книг, ежегодно производимых в Европе. О чем они говорят? О счастье. Женщина хочет мужа или некто хочет разбогатеть, стать могущественным и уважаемым. У Диккенса целью всех стремлений будет милостивый коттедж на лоне природы, с веселой толпой детей, у Бальзака — замок, с титулом пэра и миллионами. И, если мы оглянемся вокруг, на лавках, в лавках, в низких комнатах и светлых залах — чего хотят там люди? — Быть счастливыми, довольными, богатыми, могущественными. Кто из героев Достоевского стремится к этому? — Никто. Ни один".

Э. Гюней (турецкий критик и переводчик): "Идеалом героев, созданных Диккенсом, является хороший дом, счастливая семейная жизнь. Герои Бальзака стремятся приобрести великолепные замки, накопить миллионы. Однако ни герои Тургенева, ни герои Достоевского, ни герои Толстого не ищут ничего подобного. Они знают, что в условиях России спокойная жизнь, богатство, высокое положение означают принятие крепостного права, принятие деспотиз-

ма. Вот потому-то русские писатели требуют очень многого от людей. Они не согласны с тем, чтобы люди ставили на первый план свои интересы, свой эгоизм".

Итак, мы видим: "в старом" национальном сознании всегда было заложено чувство ответственности, чувство греховности — несомненный признак присутствия Бога в душе нации. А это основа для покаяния. И что же! Теперь нас призывают отказаться от этого "старого" сознания ради "нового" именно во имя покаяния. "Отречемся от старого мира" — знакомая песенка. А в чем же каяться, если от всего отречься? Не будем ли мы тем самым дом на песке строить? Уж если отказываться, то ведь от всего придется отказываться: и от "старого" греха тоже. Ведь лишь в отвлеченных умозрениях возможно разделить сознание и духовное самоощущение человека на составные части: тут религия, тут культура, там национальное чувство, а там ответственность за грехи отцов — это надо отложить и выбросить, а это с собою забрать. Но в человеке-то, в живом и реальном, — все слито, все неразрывно. Коли выбрасывать — все выбросим. А в чем же все-таки каяться тогда?

Абстрактного греха нет, есть лишь грех отпадения от Истины. И чтобы покаяться, нужно понять, от к а к о й Истины отпали. А не осознаем Истину — нам тут же подсунут лжеистинку. И обратятся с таким, например, призывом: кайтесь, что никогда не хотели быть безликой бесструктурной массой. (Вот что скрывается за всеми возражениями против национального возрождения — нечего хитрить и прикрываться возвышенными идеями).

Нет, мы иначе скажем: покаемся в том, что плохо радели об Истине, неверно распознали то, к чему тянулась наша душа (впали в грех национализма), отречемся от этой своей ошибки, вновь обретем утраченные духовные ценности, будем нацией, несущей в себе Бога.

Национально-религиозное самосознание — единственный путь к спасению, ибо это путь к Христу. История нашего народа уже не раз подтверждала истинность этой идеи. Одна мысль, одно чувство: мы русские, мы православные — помогала нации сплотиться и отстоять свое существование в период татарского ига и в страшную эпоху Смуты. "Скрытая теплота патриотизма" — так называл Толстой это великое чувство — противостояла наполеоновской идее и одолела ее. Ибо будучи с Богом — можно ли отчаиваться, сколь ни трудна предстоящая задача. Вот на каком пути мы сможем отрясти с наших ног прах старых заблуждений.

Мы русские, мы православные — стоит нам вновь обрести эту истину — и мы станем непобедимы. Иначе — гибель. Иначе ленины

и дзержинские будут властвовать на Русской земле вечно. А земля-то уже и не русской станет.

Силу национально-религиозной идеи доказывает сегодня и начавшаяся борьба польского народа, на который все мы смотрим теперь с надеждой. Великий смысл — в трех крестах, воздвигнутых в память о жертвах коммунистического режима. Именно их должны पुше всего бояться командиры тех дивизий, что стоят сейчас вдоль польских границ в ожидании приказа к вторжению. Главный же соблазн, подстерегающий поляков, — это возможность их узконационалистической обособленности в своей борьбе, забвение истины: сегодня Польша борется не только за свою свободу, но за свободу всеобщую, страдает и ради русских, тех самых русских, которые готовы и — не будем закрывать глаза — может быть, жаждут совершить преступление на польской земле.

6

Однако с отлучением Ленина от русской нации (также как и Грозного, и Малюты, и Аракчеева . . . и товарища Ежова . . . да мало ли их . . .) мои оппоненты так легко не согласятся. Потому что не с кочевой ордой они все же на Русь прибыли. Метафизически-то они именно орда, но в обыденном смысле — все-таки свои они, русские. Из недр России на свет явившиеся. Жила же ведь где-то идея Великого инквизитора, если она воплотилась, как пишет В. Горский, "вопреки Достоевскому в России, а не на Западе".

Ну, что Запад Великого инквизитора не знает — это, пожалуй, ложь — нужно лишь взглянуть попристальней. Правда, приятная ложь, соблазнительная: как не поддаться ей слабому западному либералу, как не возмутиться Солженицыным, осмелившимся нарушить покой самоуспокоения. Но не о том сейчас речь — о России.

Великого инквизитора, образ отчасти величественный, в России мы не найдем. У нас — гаже, у нас — б е с ы (именно по Достоевскому, не в о п р е к и). Есть-таки свой смысл в вопросе, характерен ли Ленин для России. Ленин — отпадение от Истины, от нации, которое — да! в русском народе совершалось. В этом смысле большевизм не внешнее, а внутреннее явление русской национальной жизни. "Большевизм есть лишь отображение внутреннего зла, живущего в нас. Большевизм не есть самостоятельная онтологическая реальность, он не имеет бытия в себе. Он есть лишь галлюцинация больного народного духа. Большевизм соответствует духовному состоянию русского

народа, выражает внешне духовные распады, отступничество от веры, религиозный кризис, глубокую деморализацию народа" (Н. А. Бердяев). Большевизм — порождение русского народа, но не Истины, жившей в нем, а отпадения от Истины. Призыв к национальному возрождению есть призыв к возвращению в лоно Истины. Пока же мы вне Истины, мы постоянно будем воспроизводить большевизм в тех или иных формах.

Начало отпадения связывают обычно с Петром. Может быть, истоки греха нужно искать гораздо раньше — в начале XVI века, когда иосифляне, поддержанные государством, взяли верх над нестяжателями. Тогда-то Церковь впервые духовно склонилась перед Кесарем, и государство осквернило вспоивший его источник. Это вскоре отозвалось ужасами Ивана Грозного и Смутой. Раскол стал лишь неуклюжей попыткой сопротивления все более распространяющему свою власть царству Кесаря — при этом сами сторонники "старой веры" не избежали еретического соблазна и с т а р о й-то веры в прямом смысле не сохранили. Петр довершил начатое до него. Бездуховный прагматизм во всех сферах и на всех уровнях теснил духовные идеалы русского Православия. Официальная церковь склонялась перед государственной необходимостью. Государство из живого дела превратилось в идола. Отпадение от Истины завершилось бесовским разгулом советизма.

Кажется, как не впасть в отчаяние! И помощи ждать неоткуда. Все более убеждаемся мы, что западные демократии — не спасение для нас. У них — свое.

"Остается ли у Вас основание для надежды?" — спросил корреспондент у Ф. Мориака. — "Христианство, — ответил писатель. — Маленькая точка света, которая блесит во мне, может быть блесит из России. После пятидесяти лет воинствующего атеизма, торжествующего материализма коммунизму не удалось в этой стране стереть слов Христа — это невероятное происшествие. И даже больше: христианская вера снова появляется в интеллигенции. Для меня это знамение. В этом ошалелом мире, где все в конце концов смешивается, мне кажется, что сам Бог сопротивляется и говорит нам: "Я здесь. Не страшитесь".

Бог — здесь! Несмотря ни на что. Он нас избрал, чтобы о Себе напомнить.

Создатель возвел на Голгофу за грехи человечества целый народ — избрание на этот великий искупительный подвиг пало на Россию. И нам поэтому-то нужно осознать, что мы и з б р а н н а я нация. Каким же богопротивным кошунством звучат призывы отречься

от нашей национально-религиозной идеи, от сознания своей избранности, то есть от воли Бога.

Ведь перед нами и великий соблазн отступничества. На Голгофу вместе с Христом были возведены два разбойника, но лишь один остался с Ним. Другой не выдержал испытания.

Испытанию не подлежит лишь тот, кто, будучи вне греха, сознательно и свободно принимает на себя ответственность за весь мир — мы же наказаны еще и за собственный грех, свободное же согласие свое на избрание нам еще предстоит подтвердить — и от падения мы не ограждены.

Нашим идеалом — может быть слишком высоким для этого земного мира — должно стать совпадение понятий России (народной личности) и Церкви (личности соборной). Нас не должна смущать вероятная недостижимость идеала, точно так же, как и невозможность полного воплощения Царства Божия на земле. Суетность подобных сомнений лишь уводит от Истины — однако нельзя не признать трагическую их природу.

Трагизм нынешнего положения еще ощутимее оттого, что русское духовенство — в рабстве у Кесаря. Не только во внешнем, но и во внутреннем рабстве. Нередко уступки государству, всевозможные компромиссы оправдываются тем, что ведь надо же жить, надо же церковь сохранить, иначе "от них всего можно ожидать". Плетью, мол, обуха не перешибешь — ну, и много еще подобных убедительных доводов.

Следуя этой логике первые христиане тоже должны были уступить Риму, подобострастно приспосабливаясь — а они-то, такие умом негибкие, позволяли себя на съедение диким зверям отдавать. Ведь и много меньше была Церковь — духом сильнее. Ничего, кроме гонений, не знали, не на что надеяться было — ну, что бы sluкавить ради спасения веры. Но знали: не спасение — гибель в лукавых ухищрениях, ибо лукавое — к лукавому путь.

Мы так привыкли к лицемерию, так уверены в необходимости компромиссов, что правдивость за глупость принимаем. Но ведь указал же Христос границу допустимого: Кесарю — кесарево, и не более. Совестью нельзя поступаться.*

На мой взгляд, уступить можно в том, например, — как крестным ходом идти: внутри храма или вокруг него. Пожалуй, можно принять

* Для атеистов, материалистов весь мир — царство кесаря. Бога они не знают, потому и в компромиссах не ограничены: была бы выгода, остальное неважно. Ленин в этом великий мастер был. Но не Церкви же — "с Лениным и по ленинскому пути".

обязательную регистрацию при крещении. В этом даже особый смысл есть: помогает понять, что крещение — не пустой обряд, не игра, не забава. Хотите к Кресту приобщиться (пусть даже через крещение ребенка) — вот вам и первая возможность себя испытать.

А у нас Патриарх идет в услужение к куроедовской мафии — мы же еще и оправдаться пытаемся.

Не стану больше тревожить первохристиан, вспомню более близкий исторический пример. Когда в Смутное время Патриарх Гермоген отказался подчиниться чуждой ему власти — он принял мученическую смерть, но спасены были Россия и Православие. Сколько ныне прагматиков-рационалистов лишь плечами высокомерно пожмут, что мол с того Гермогену — умер ведь раньше времени, да и помучился еще.

Да, умер Патриарх — на это глаз не закрыть. Ведь страшно же э т о! И по-человечески как не понять. Посмеем ли осудить нынешнего Патриарха, когда и сами не изжили еще своего страха, и все еще мерещится нам, будто всеильны о н и.

Но не будем лукавить перед своей совестью: ее ведь все равно не обмануть — Бога не обмануть. Не за Церковь тот страх у всех нас — ее сам Христос охранит, — а за себя. За "белый батон", за кран с горячей водой, за теплый, хоть и "совмещенный" нередко, санузел. И за детей своих страх, за свое дело, за мечту, за любовь. Этот страх только верою побеждается. И значит нет у нас еще столь сильной веры. Значит не преодолено еще наше о т п а д е н и е.

Однако чем больше дано, тем строже и спросится. Не заставляет же никто человека сан принимать, а с ним и ответственность вдесятеро большую. Зачем же сила, если впустую она пропадает?

А сколь велика сила — показал нам своим примером отец Дмитрий (Дудко). Испугались лукавые — им ли устоять перед Правдой! — и руками Патриарха принялись душить Божье слово. Кто возьмет на себя тяжесть искупления этого греха?

А ведь стоит лишь выйти на амвон Церкви тысяче православных священников с проповедью Истины — плохо придется тому Кесарю, со всеми его "органами".

МЫ РУССКИЕ, МЫ ПРАВОСЛАВНЫЕ — этой единой мыслью, единым чувством должны сплотиться мы вокруг слова Божия.

Трудна стоящая перед нами задача. Недостижимой кажется цель. Но если чувствуем в себе Бога, то должны верить, что с Ним все преодолеем. И делать свое дело.

Вера — она не в чем ином — она вот в этом и есть.

Москва. Май 1981.

О некорректном использовании источников

В статье М. Бернштама "Микроб коммунизма или тифозная вошь" (Вестник РХД № 131) искаженно освещаются некоторые вопросы, связанные с оценкой численности интернационалистов, принимавших участие в Гражданской войне.

1. Мобилизации иностранных военнопленных командованием Красной армии на территории РСФСР не производилось. Цифра 39407 человек, представленная М. Бернштамом как число мобилизованных интернационалистов по приказу РВСР от 15 мая, относится, как и сам приказ, к **русским солдатам царской армии, вернувшимся из плена.**¹

2. Корпуса интернационалистов в Красной армии не существовало, только предполагалось его создание. Численность подразделения, на основе которого формировался корпус, **составляла около 700 человек, а не 15–60 тысяч**, как об этом пишет М. Бернштам.²

3. Ударные батальоны под Белгородом были разгромлены в начале декабря 1917 года 3,5 тысячным отрядом черноморских и балтийских матросов и харьковских солдат при участии **роты поляков Белгородского полка — 150 человек, а не 16000 интернационалистов и 300 матросами**, как утверждает М. Бернштам.³

Белгородский же полк фактически никогда не принадлежал к корпусу Довбор-Мусницкого, а формально был выведен из подчинения генерала 30 сентября 1917 года.

4. При оценке численности латышских стрелков М. Бернштам некорректно использует источники, допуская сдвиги во времени. Численность 23–24 тысячи Латышская дивизия и другие части, учтенные Б. Томаном, имели в конце 1918 года, а не осенью; цифра 18 тысяч, на которую ссылается М. Бернштам, датируется авторами Истории латышских стрелков 6 января 1920 г. **Летом и осенью 1920 г.**

¹ "Из истории гражданской войны в СССР", т. 2, М. 1961, стр. 824, стр. 136. ср: "Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922) М. 1978, т. 4, стр. 274.

² "Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне". М. 1966, т. 2, стр. 87–91.

³ В. Д. Поликарпов. "Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918". М. 1971.

численность латышей в дивизии не превышала 8 тысяч человек и никаких других крупных латышских частей на фронтах не было.⁴

Во всех рассмотренных случаях мы сталкиваемся не просто с ошибками, налицо четко выраженная тенденциозность. Автор использует вполне достоверные источники, но скрывает от читателей сообщаемые в них сведения, вместо них предлагая собственные построения, преувеличивающие численность ненавистных ему врагов-интернационалистов. Только в трех приведенных примерах их возникло практически из ничего более 70 тысяч человек.

Невольно возникает вопрос: зачем это сделано?

По-видимому, М. Бернштам считает, что таким способом он защищает честь русского народа, думает, что наша история будет выглядеть слишком неприглядной без подобных фальсификаций. Так ли это на самом деле? Следует ли искажать факты и подтасовывать цифры для благой цели?

Максудов

⁴ "История латышских стрелков", Рига, 1972. стр. 547, 552, 680.

Дорогой друг,

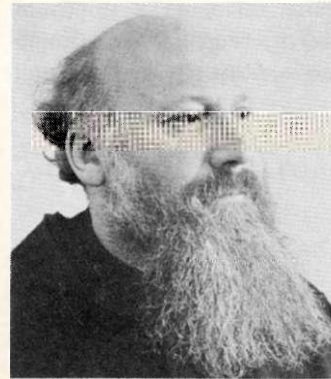
благодарю за публикацию моей книжечки "Вестник" и еще более моего анонимного переводчика. Тем не менее я считаю необходимым отметить ошибку в переводе: слово *antichrématistique*, означающее осуждение богатства, как такового, и специально денег, как таковых, переведено словом **антимиропомазанничество** (№ 131, стр. 65, № 132, стр. 52). Я убежден, что это просто ляпсус. Но я не хочу, чтобы возникали экивоки относительно моих намерений или относительно моей верности римско-католической Церкви. Именно эта верность вызвала острую критику и беспокойство, имеющиеся в моем тексте, вызванные опасным отклонением католической Церкви во Франции. Моделью, помогшей мне это понять, была современная история русской православной Церкви, претерпевшей в конце XVIII века нашествие иллюминизма, а в начале XIX века — романтизма. Эти отклонения породили славянофильство, последствия которого были по-моему катастрофическими, как для Церкви, так и для России. Я не хочу, чтобы те же самые причины породили те же самые результаты во всем мире, в результате, в частности, аналогичного кризиса римской Церкви. Церковь *semper reformanda*. Эта реформа, или это возвращение к уставу, есть единственный путь для Единой Церкви, по которому она вся, католическая и православная, должна всегда идти.

А. Безансон

Комментарий Редакции

Мы с большим удовольствием печатаем исправление А. Безансона, но совершенно не разделяем брошенное им обвинение славянофильству. К сожалению, славянофилы не имели большого влияния на ход русской истории, разве что способствовали Александровским реформам, и в частности, освобождению крестьян. С догматической же точки зрения, ни Киреевского, вернувшегося к патристической традиции, ни Хомякова, с большой силой выразившего православную эkkлeзиологию, ни Самарина нельзя упрекнуть в малейшем отклонении от истины.

Н. С.

В лице архим. Хризостома, уроженца Смоленской губернии, выкинутого войной из России и ставшего в 1947 г. бенедиктинским монахом, "Вестник" потерял одного из своих самых желательных читателей и сотрудников. Читатели знакомы с частыми письмами в Редакцию архим. Хризостома. Последнее письмо, опубликованное посмертно, вылилось в воспоминания о ранних годах молодости во время страшных гонений на Церковь.

Архим. Хризостом изредка наезжал в Париж, лет 15 назад посетил съезд Русского Студенческого Христианского Движения, последние несколько лет регулярно заходил в издательство ИМКА-Пресс. Нас соединяла общность наших изысканий по современной истории Русской церкви. Вначале наши точки зрения не совсем совпадали. Я придерживался мнения, что как с исторической, так и с церковной точки зрения мы не имеем права осуждать митр. Сергия Страгородского и принятый — при страшных обстоятельствах! — им курс церковной политики. Архим. Хризостом стоял поначалу на более ригористической позиции, близкой к Синодальной церкви, но в ходе своей работы о патриархе Тихоне с годами смягчил, я бы сказал даже — изменил свою точку зрения. Да и всякий вдумчивый исследователь не может не проникнуться священным трепетом и жалостью перед испытаниями, выпавшими на долю русской церкви.

Мы почему-то с ним никогда не говорили о проблеме вероисповеданий и о его обращении в католичество. Думаю, что и "обращения" не было, а просто, попав в Германию, он встретился с богатым и во многом близким к православию бенедиктинским духовным опытом. Монастырь в Нидеральтайхе — один из самых выдающихся литургических и богословских центров католической церкви. Но с годами я стал ощущать, что ностальгия по России и Православию в о. Хризостоме все возрастала. И не случайно последний его отклик в "Вестнике" затрагивает вопрос о взаимоотношениях между католичеством и православием. Надежды московского анонимного корреспондента на союз с Римом о. Хризостом считал "несколько опрометчивыми и,

возможно слишком оптимистическими... Союзу должна была бы предшествовать богословская дискуссия о спорных вопросах". Привожу это мнение, кстати сказать теперь так редко встречающееся в католических кругах склонных пренебрегать догматическими делениями, как свидетельство о широте взглядов и коренной чистоте о. Хризостома. Таким он был всегда: твердым, но и широким, горячим, но и бесстрастным, и уж во всяком случае — беспристрастным.

Н. С.

ГОЛОС ПРАВОСЛАВИЯ

Сообщение

С 4 октября 1981 года, по воскресеньям, с 20 часов 45 мин. до 21 часа по московскому времени, на волне 25,62 м. (11,74 кгц) работает программа Голос Православия.

Передачи Голоса Православия — ответ на потребность религиозного просвещения, которая остро ощущается во всех слоях русского народа, других проблем современности они не затрагивают.

Передачи готовятся группой православных христиан, объединившихся для этой цели с благословения архиеп. Георгия.

Голос Православия существует исключительно благодаря пожертвованиям. Широкое движение христианской солидарности помогло осуществить первые передачи (15-минутная передача стоит около 2000 фр.).

Почтовый счет общества (ССР) :

Voix de l'Orthodoxie — Paris 16 599 30 С.

Голос Православия

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции. К столетию священника Павла Флоренского — Никита Струве	3

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

Из Синайского Патерика	5
Мученичество святых апостолов Петра и Павла — О. Матта-Эль-Мескин (Египет)	20
Богословие Евангелия Иоанна Богослова — Прот. Сергей Булгаков	26
Философия культа по учению о. Павла Флоренского — Р. Слесинский (Италия)	39
Биографические сведения — П. А. Флоренский	54
Воспоминания о П. А. Флоренском — Лев Жегин (СССР)	60
Свидетели — П. Флоренский	71
Отстоять Оптину... — П. Флоренский	94

■ Христианство на Западе

Проповедь об искусстве хорошо умирать — Фра Иероним Савонаро- ла (перевод и комментарий архим. Амвросия Погодина) .	97
--	----

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Стихи — Юрий Кублановский (Москва)	125
Дума кончается (Из узла III "Март Семнадцатого") — А. Солженицын	132

■ Вокруг Марины Цветаевой

SOMMAIRE

	Pages
<i>Pour le centenaire du P. Florenski (1882–1943) —</i> N. Struve	3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

<i>Le Pré spirituel (nouvelle traduction russe) — Jean Moschos</i>	5
<i>Le martyre des saints apôtres Pierre et Paul —</i> P. Matta-el-Meskin (Egypte)	20
<i>La théologie du quatrième Evangile —</i> P. Serge Boulgakov	26
<i>La philosophie du culte selon la doctrine du P. Paul Florenski —</i> P. Robert Slesinski (Rome)	39
<i>Autobiographie (inédit) — P. Paul Florenski</i>	54
<i>Souvenirs sur P. Florenski — Lev Jeguine (URSS)</i>	60
<i>Les témoins — P. Paul Florenski</i>	71
<i>«Sauver l'ermitage d'Optino» — P. Paul Florenski</i>	94

■ Christianisme occidental

<i>Sermon sur l'art de bien mourir — Fra Jeronimus Savonarole</i> (traduit et présenté par le P. Ambroise Pogodine)	97
--	----

LITTERATURE ET VIE

<i>Vers — Iu. Koublanovski (URSS)</i>	125
<i>Les derniers jours de la Douma (un chapitre de «Mars 17») —</i> A. Soljénitsyne	132

■ Rencontre «Marina Tsvétaéva»

Памяти Марины Ивановны Цветаевой — Н. В. Резникова	159
Трагическое неверие — Н. А. Струве (Париж)	164
Бог в поэзии Цветаевой — Вероника Лосская (Париж)	171
Аля (Записи о моей первой дочери) — Марина Цветаева — (публикация В. Лосской)	181
Три письма Марины Цветаевой к Н. Н. Тукалевской — (публикация Г. Лимонт)	193
Смерть Блока — Павел Андреев (СССР)	196

СУДЬБЫ РОССИИ

■ Истоки духовного возрождения

Святой праведный Прокопий Устьянский — К. Золотов (СССР)	203
--	-----

■ Русская церковь сегодня

Письмо архиеп. Феодосия Л. Брежневу (Самиздат)	220
Гонения на верующих	250
Письма почтаевских монахов Святейшему Патриарху Пимену	251

■ В порядке дискуссии

Национальное возрождение — насущная необходимость — А. Назаров (Москва)	253
■ Письма в Редакцию	294
■ Памяти архимандрита Хризостома Блашкевича — Никита Струве	295

<i>Souvenirs personnels</i> — N. Reznikova	159
<i>La tragédie de l'incroyance</i> — N. Struve	164
<i>Dieu dans la poésie de Tsvétaeva</i> — V. Lossky	171
<i>Alia — ma première-née</i> — M. Tsvétaeva (inédit présenté par V. Lossky)	181
<i>Trois lettres de M. Tsvétaeva à N. Toukalevski</i> — (présentées par G. Limont)	193
<i>La mort de Blok</i> — P. Andréev (URSS)	196

LES DESTINEES DE LA RUSSIE

■ Aux sources de la renaissance religieuse

<i>Saint Procope de l'Oustié</i> — K. Zolotov (URSS)	203
--	-----

■ L'Eglise russe aujourd'hui

<i>Lettre de l'archevêque de Poltava Théodose à L. Brejnev</i> (Samizdat)	220
<i>Répressions religieuses en URSS</i>	250

■ Tribune libre

<i>La nécessité impérieuse d'une renaissance nationale</i> — A. Nazarov (URSS)	253
■ Lettres à l'éditeur	292
■ <i>In memoriam</i> — Archim. Chrysostome (Blachkevitch) — Nikita Struve	295

ИЗДАТЕЛЬСТВО

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

Н О В И Н К И !!

НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КОММУНИЗМУ В РОССИИ.

336 стр. 90,00 фр.

Независимое рабочее движение в 1918 г. Документы и материалы, редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам.

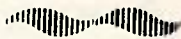
Второй том серии ИНРИ (Исследования Новейшей Русской Истории — под редакцией А. Солженицына). В книге собраны почти все документы по рабочей оппозиции советскому правительству в первый после-революционный год. Каждый из 98 документов снабжен подробным историческим комментарием.

ПАМЯТЬ. Исторический сборник. Выпуск 4.

540 стр. 100,00 фр.

Включает воспоминания В. В. Шульгина (в большей своей части опущенные в недавно появившемся советском издании); воспоминания Н. Анциферова и множество других публикаций и материалов, сопровождаемых предисловиями, содержательными комментариями, библиографиями и иллюстрациями. В конце сборника помещены аннотации и указатель имен. Сборник ежегодно выходит в самиздате и переиздается за границей.

Заказы направлять: LES EDITEURS RÉUNIS —

Ymca - Press

75005 Paris, France - Tél. : 354-74-46

Н О В И Н К И !!

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Карманный формат.

Томы 5, 6, 7 (каждый в самостоятельном переплете). Архипелаг ГУЛАг.
комплект 250,00 фр.

ПЬЕСЫ И КИНОСЦЕНАРИИ.

590 стр. 90,00 фр.

Драматическая трилогия "1945 год": Пир победителей, Пленники, Республика труда (первые две пьесы печатаются впервые).

Свет, который в тебе. (Свеча на ветру).

Знают истину танки: киносценарий для переменной формы. (Печатается впервые).

Тунеядец — кинокомедия. (Печатается впервые).

СТАТЬИ И РЕЧИ.

368 стр. 90,00 фр.

В Советском Союзе (1969—1974) — на Западе (1974—1980).

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris, France.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSÉE Russe »

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Главный Редактор: Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe», 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris

Tél. 561-05-79, 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	45	85	150
ЗАГРАНИЦА	54	95	170

Почтовый счет: C.C.P. 5883-44 K Paris

Цена отдельного номера 5 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

71-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 90 амер. долларов

6 месяцев — 50 амер. доллара

Воскресное издание только:

один год — 35 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

461 8th Avenue — New York, 10001, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты,
с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

ВЕСТНИК

Издание Русского Христианского Движения

56-ой год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Америке:

Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.

New York :

Mrs Catherine Lvoff, 53 East 96 Str., New York, N. Y. 10028, USA

San Francisco:

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:

« Parish News », 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7, Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd, Keston, Kent.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лице России, в напоминании о страданиях русского народа.